

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2 (68)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2020

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2020
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2020
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

2 (68)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2020

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2020), 5–60
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2020), 5–60
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-5–60

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ КОВШИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В статье впервые комплексно рассматриваются римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии I–III вв. н.э. Ковши типов Eggers 131, 136, 137 и 140 – наиболее распространенные типы импортной бронзовой посуды конца I в. до н.э. – I в. н.э., не только в погребениях Азиатской Сарматии, но и в целом, кочевников Восточной Европы, откуда в целом происходит не менее 35 находок. На территории Азиатской Сарматии наибольшее широкое распределение получили ковши типов Eggers 137 и 140, отдельные находки которых известны и в Нижнем Поволжье, и на Урале, и даже в Южном Зауралье. Впрочем, значительная часть их либо имеет следы ремонта, либо представляет собой вторичное использование фрагмента ковша по другому назначению. На этом фоне находки других римских бронзовых сосудов, датирующихся первой половиной I в. н.э., в Восточной Европе единичны.

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: О.В. Григоренко (Аксай, АВМ), М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Д.В. Васильеву (Астрахань, АГОИАМЗ), Ю.А. Апалькову (БИХМ, Борисоглебск), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград), А. Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), Н.М. Шумейко (СОМК, Саратов), В.П. Копылову и А.Н. Коваленко (Ростов-на-Дону, ЮФУ), А.Д. Таирову (Челябинск, МНТУ, ЮрГУ). Моя искренняя благодарность Е.А. Величко (Киев, Музей исторических драгоценностей Украины) за предоставленные мне фотографии ковша из Чугуно-Крепинки.

Датирующиеся после середины I в. н.э. ковши типов Eggers 143, 144, 147, а также подражания ковшам типа Eggers 140 в погребениях кочевников Азиатской Сарматии представлены 10 экземплярами. Сюда надо добавить по крайней мере, один из трех ковшей типа Eggers 142 с клеймом Л. Ансиуса Эпафродита, мастера, работавшего примерно с 50/55 по 80 гг. н.э. Количество римских бронзовых ковшей из всех погребальных комплексов Сарматии, датирующихся временем не ранее середины I в. н.э., в том числе и второй половиной I, и II в. н.э., не превышает 18 экз., включая 5 экз. подражаний ковшам типа Eggers 140. Эти ковши заслуживают особого внимания, возможно являясь изделиями северопричерноморских (боспорских ?) мастерских, которые представлены относительно большим количеством находок, преимущественно в комплексах на Нижнем Дону конца II – первой половины III в. н.э.,

И во второй половине I–II вв. н.э. среди импортной бронзовой посуды ковши оставались одной из наиболее распространенных групп, уступая по количеству лишь тазам типа Eggers 99–103. Соответственно, количество ранних римских бронзовых ковшей выделяется не только на фоне других хронологически близких типов римской бронзовой посуды, но и по сравнению с ковшам более позднего времени.

Объяснить, почему на общем фоне в Северном Причерноморье и в курганах Сарматии оказалось столь необычная концентрация находок ранних римских бронзовых ковшей, если считать их предметами торговли, не получается. Весьма вероятно, что распространение этих сосудов, которые являлись неотъемлемой частью походного снаряжения римских войск, было связано с событиями боспорско-римской войны 45–49 гг. н.э.

Ключевые слова: римская бронзовая посуда, ковши, римская армия, римские импорты, боспорско-римская война, Северное Причерноморье, Азиатская Сарматия.

Введение

Часть находок ковшей из междуречья Дона и Волги и Нижнего Поволжья были в разной степени подробно проанализированы в литературе¹. За исключением нескольких ковшей типов Сисция и Гедэккер, бронзовые римские ковши из погребений кочевников Нижнего Подонья не рассматривались Б.А. Раевым². При том, что значительная часть находок происходит из раскопок второй половины 1980-х гг. и более позднего времени, очевидно, что настало время рассмотреть их в совокупности.

1. Ковши Eggers 136, Tassinari G1110, Blechkasserolle

Все три известные нам находки бронзовых ковшей этого типа в Азиатской Сарматии (Алитуб, курган № 26/1971, погребение № 1 (рис. 1)³; Новый, курган № 43/1982, погребение № 1 (рис. 2)⁴; Багаевский курган № 14/1961⁵) происходят

¹ Шелов 1965, 268–269; Шилов 1975, 148, рис. 57, 3; 154; 156, рис. 59; Schelow 1982, 69–70; Сергацков 1994, 23; 2000, 122–124; Трейстер 2018, 148–156; 2019, 274–284.

² Raev 1986, 28–30.

³ Raev 1986, 28–29, pl. 22, 2; Глебов 2004, 131; Глухов 2005, 16, рис. 11, 1.

⁴ Пыуков 1986, 79, pl. 71, 2; Ильюков, Власкин 1992, 58; Petrovsky 1993, 208, 338, G.Nr. X.56, FNr. 143, Taf. 37 (ошибочно как из кургана № 45); Глухов 2005, 16, рис. 11, 3; Трейстер 2018, 149, рис. 1, 2; 152.

⁵ Кропоткин 1970, 25, № 55; 92, № 788; Raev 1986, 28–29, pl. 22, 1; Глухов 2005, 16, рис. 11, 2.

Рис. 1. Ковш бронзовый типа Eggers 136. Общие виды. Алитуб. Курган № 26/1971. Погребение № 1. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 23030/79. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 1. Bronze casserole Eggers 136 type. General views. Alitub. Burial-mound no. 26/1971. Burial no. 1. Rostov-on-Don, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 23030/79. Photos, Mikhail Treister, 2015

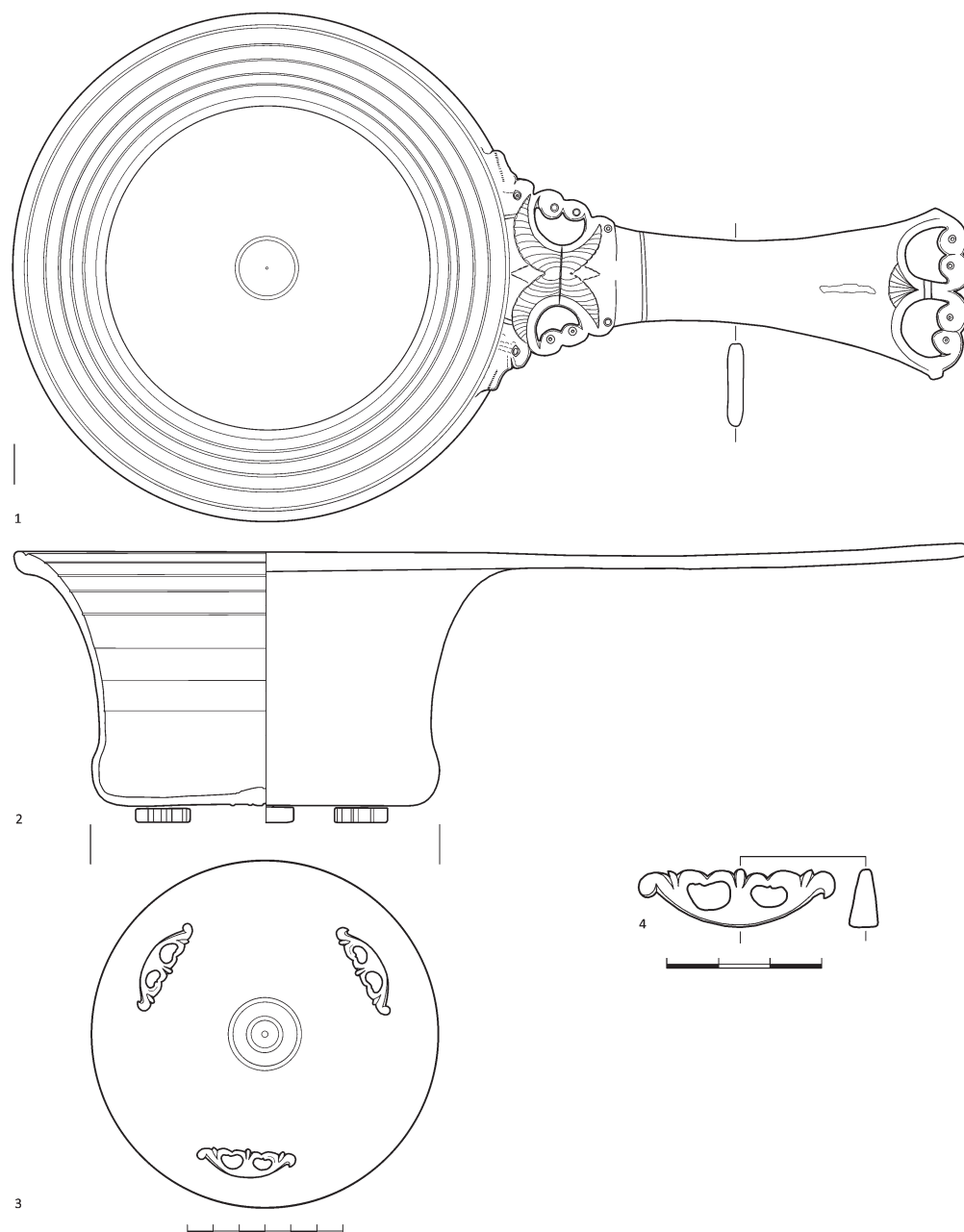

Рис. 2. Ковш бронзовый типа Eggers 136. Общие виды и деталь. Новый. Курган № 43/1982. Погребение № 1. Аксай, АВИМ, инв. № 17910/900. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015
 Fig. 2. Bronze casserole Eggers 136 type. General views and detail. Novyi. Burial-mound no. 43/1982. Burial no. 1. Aksai, Military-Historical Museum, inv.-no. 17910/900. Drawings, Natalya Bespalaya, 2015

из междуречья Нижнего Дона и Волги⁶. Аналогичные ковши известны из Сисции в Хорватии⁷, из Врхники в Словении⁸, из Керумгаарда в Дании⁹.

С. Тассинари отнесла редкие находки таких ковшей в Помпеях к типу G1110 (с ручкой, украшенной головками птиц)¹⁰. Более дробная классификация, основанная на декоре ручки и формы тулова, была предложена М. Болла, которая определяет эту группу ковшей как ковши *a fusione sottile*¹¹. Термин *Blechkasserolle*, который впервые был использован еще А. Радноти¹², в настоящее время применяется для обозначения ковшей типов Eggers 134–136 (Petrovsky III, 1–4)¹³. Р. Петровски, отмечая их распространение в Северной Италии, Словении, Богемии, Франции и Рейнской области, датирует их изготовление временем правления Августа и Тиберия (ок. 20 г. до н.э. – 30 г. н.э.) и локализует центр производства в Аквилее¹⁴.

При общей схожести формы тулова¹⁵, ковши из Нижнего Подонья отличаются декором ручки. Согласно классификации М. Болла, ковш из Багаевского кургана № 14/1961 (форма Radnóti 5¹⁶) имеет ручку типа Ia¹⁷, как у ковшей из Помпей¹⁸, Сисции¹⁹ и Керумгаарда²⁰, тогда как ковш из кургана № 43/1982 у хут. Новый – ручку типа Ic (Carandini III)²¹, как у ковшей из района Везувия²², Сисции²³, Хальтерна²⁴ и могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму²⁵.

При том, что вместилище ковша из кургана № 26/1971 у хут. Алитуб вполне сопоставимо с вместилищами рассмотренных выше ковшей, сплошная ручка без декора, плавно расширяющаяся к окончанию со слегка скругленным торцом, не имеет параллелей среди ковшей рассматриваемого типа. Описанные в публикации ручки ковша и обозначенные на рисунке ковша предполагаемые обломанные волюты, также как и волюты у основания ручки²⁶ мне при работе с ковшом увидеть не удалось.

⁶ Raev 1986, 28–29, pl. 22; Глухов 2005, 16, рис. 11, 1–3.

⁷ Willers 1907, 78–79; Radnóti 1938, 26–28, Taf. II, 5; XVIII, 5; XIX, 1.

⁸ Radnóti 1938, 28; Breščak 1982, 41, nos. 5, 7, pls. 1; 18 (завершение ручки оформлено таким же образом, часть ручки, примыкающая к тулову, не имеет ажурного декора, как ручка ковша из Новогоро).

⁹ См. список ковшей этого типа: Bolla et al. 1986, 198–199, note 6.

¹⁰ Tassinari 1993, 93, G1110.

¹¹ Bolla et al. 1986, 198–207.

¹² Radnóti 1938, 25.

¹³ Sedlmayer 1999, 80–81, Taf. 30, 13–18; Mustăță et al. 2014, 41–42; ср. Mustăță 2017, 86. В Дакии, например, была найдена только одна ручка такого ковша: Mustăță 2017, 86, pls. XIII, 1; LVI, 1.

¹⁴ Petrovsky 1993, 36–39, тип III. См. также Kunow 1983, 25; Karasová 1998, 32–33, Karte XII; Taf. IV, 136; Mustăță et al. 2014, 42; Mustăță 2017, 87–88.

¹⁵ Тип С, по классификации М. Болла: Bolla et al. 1986, 202, fig. 8.

¹⁶ Radnóti 1938, Taf. II, 5.

¹⁷ Bolla et al. 1986, 200, fig. 6; 202, note 14.

¹⁸ Tassinari 1993, 93, G1110, no. 1768.

¹⁹ Willers 1907, 78–79, Taf. VII, 13; Radnóti 1938, 26–27, Taf. II, 5; XV, 1; XVIII, 5.

²⁰ Klindt-Jensen 1941, 156–157, fig. 11.

²¹ Bolla et al. 1986, 200, fig. 6; 202, note 17.

²² Carandini 1977, 164, тип III, tav. LXXVII, 8.

²³ Radnóti 1938, 28, Taf. XIX, 1; Klindt-Jensen 1941, 175–176, no. 17b; Werner 1954, 72, Nr. L9.

²⁴ Stupperich 1991, 168–169, Abb. 2; Müller 1997, 14, Abb. 8; 36, Nr. 22; Sueur 2018, 167, fig. 118.

²⁵ Гущина, Журавлев 1999, 165, рис. 9, 3; 166, 167, рис. 10; Гущина, Журавлев 2016, 65–66, табл. 220, 4; 233, 3.

²⁶ Засецкая и др. 1999, 54, рис. 2, 7; 55.

По оформлению окончания ручки завитками с головками птиц к рассматриваемому типу близок фрагментированный ковш с почти полностью утраченным вместилищем из погребения № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V²⁷. Ручка ковша богато украшена в низком рельефе – головой Медузы (ближе к тулову) и завитками растительного декора. Аналогии оформлению ручки этого бронзового ковша мне не известны. Впрочем, использование в оформлении ручки мотива головы Медузы²⁸ и симметричных завитков с побегами²⁹ находит параллели в бронзовой утвари августовского времени из Помпей и Геркуланума³⁰, а также в редких случаях – на ручках бронзовых патер³¹ и ковшей типа Eggers 151 (Trau-Kasserollen) первой половины I в. н.э., причем, ручки последних украшали как правила изображения эротических и растительных побегов³². Значительно чаще подобным образом в низком рельефе оформлялись ручки серебряных ковшей из Помпей и Боскореале³³, в частности, головками Медузы и растительным декором – из Casa di Inaco e Io³⁴ и Casa del Menandro³⁵ в Помпеях. Этот факт косвенно подтверждает необычно высокий уровень оформления ковша.

2. Ковши Eggers 137, Radnóti 11-12; Petrovszky IV, 1, Tassinari G2100

К рассматриваемому типу относится ковш с отверстием луновидной формы на ручке, происходящий из погребения № 1 кургана № 2/1986 у с. Глинище в Нижнем Поволжье³⁶ (рис. 3).

Ручка ковша этого типа вторичного использования в качестве поясной бляхи происходит из погребения № 230/1981 грунтового могильника кара-абызской культуры у с. Охлебинино в Башкирии³⁷. Характерным признаком этой группы ковшей (вариант Сисция) является завершение ручки в форме диска с вырезом луновидной формы. Особенностью ручки из Охлебинино является оформление ее по центральной оси – тирсом с прочеканенными по сторонам кружками в центре с двух сторон и декор дисковидного завершения ручки³⁸, так наз. *Haspelmuster* (т.е. в форме барабанных палочек)³⁹. А. Радноти относил рассматриваемые ковши с *Haspelmuster* к изделиям мастерской Капуи второй половины I в. н.э.⁴⁰

²⁷ Мимоход, Успенский 2017, 209; 2019, 59 (илл. внизу в центре), 61.

²⁸ Ср. Stefanelli 1990, 132, fig. 76; 257, no. 2.

²⁹ Ср. Stefanelli 1990, 141, figs. 86–87; 257, no. 13.

³⁰ Stefanelli 1990, 132, fig. 76; 257, no. 2.

³¹ См., например, растительный декор на ручке патеры типа H3100: Tassinari 1993, 141, no. 3136.

³² Eggers 1951, 174, Beil. 65, Taf. 13, 151; Petrovszky, Stupperich 2002; Bender et al. 2013, 69–92.

³³ Baratte 1986, 31–32, 92; Cat. Naples 2006, 107, no. 97; 110, 113, nos. 103–104; 137, no. 168.

³⁴ Cat. Naples 2006, 174, nos. 221–222.

³⁵ Painter 2001, 47, fig. 2; 65, nos. M18–19, pl. 17.

³⁶ Демиденко 1994, 139–140, рис. 2, 9–10; Сергачков 1994, 23; Sergachkov 1994, 268; Археологическое наследие 2013, 131 (илл. справа внизу), № 345; Трейстер 2018, 149, рис. 1, 3.

³⁷ Не опубликована. Статья С.Л. Воробьевой с публикацией этой находки и других римских импортов из Башкирии сдана в печать в материалы 6-й Международной конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Тула, 2019).

³⁸ Тип Radnóti 1938, 43, Taf. XVI, 2.

³⁹ Этот термин используется еще Х. Виллерсом (Willers 1907, 76–77).

⁴⁰ Radnóti 1938, 43–44.

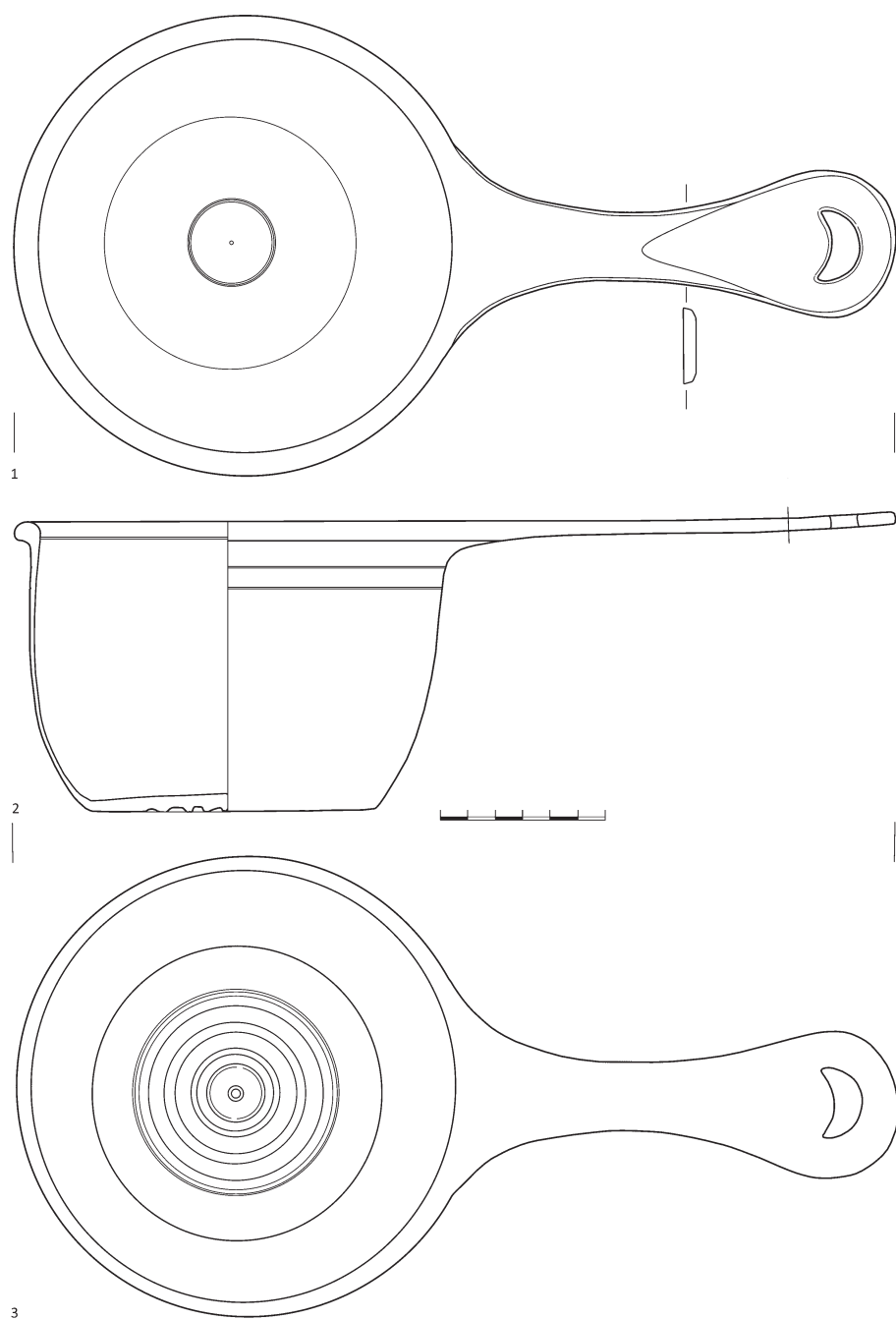

Рис. 3. Ковш бронзовый типа Eggers 137. Общие виды. Глинище. Курган № 2/1986. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 6867/4. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015

Fig. 3. Bronze casserole Eggers 137 type. General views. Glinishche. Burial-mound no. 2/1986. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 6867/4. Drawings, Natalya Bepalaya, 2015

Этой же точки зрения придерживался и Й. Кунов⁴¹. Значительное количество таких ковшей было найдено в Помпеях⁴². Известны они и по находкам в Северной Италии⁴³, а также в римских провинциях⁴⁴. Предполагается, что такие ковши начали изготавливать в позднеавгустовское время и производство их продолжалось вплоть до второй половины I в. н.э. (времени Флавиев), когда оно постепенно прекратилось, хотя бытовали такие ковши и во II, и даже III вв. н.э.⁴⁵ Имеющиеся на некоторых ковшах этого типа клейма позволяют считать, что их изготавливали среди прочих П. Ципий Полибий и П. Ципий Принцепс⁴⁶, а мастерские располагались преимущественно в Кампании⁴⁷. Не исключено, впрочем, что украшенные таким мотивом ручки изготавливались и в мастерских Галлии⁴⁸.

В Азиатской Сарматии находки ковшей типа Eggers 137 чрезвычайно редки, не известны они и в Прикубанье, а в Северном Причерноморье представлены лишь двумя находками в погребениях середины – третьей четверти I в. н.э. могильника Усть-Альминского городища в Юго-Западном Крыму⁴⁹.

3. Ковши Radnóti 14, Eggers 140, 142, 143, Tassinari G 3100, Petrovsky V, 1–3; Bienert 29

Ковши этих типов (с округлыми отверстиями на ручках) – наиболее распространенная группа среди всех находок импортных бронзовых ковшей в Азиатской Сарматии, как впрочем, и в других регионах, в том числе в различных провинциях Римской империи и за ее границами⁵⁰. Огромное количество таких ковшей и их широкое распространение, а также анализ имен штемпелей, дают основания считать, что они изготавливались не только в Италии, но и в различных мастерских

⁴¹ Kunow 1983, 63, Abb. 9.

⁴² Willers 1907, 76–77; Radnóti 1938, 39–49 (тип 11–13); Carandini 1977, 165, тип VI, tav. LXXVIII, 13–14; Tassinari 1993, G2100, 98–108; Petrovsky 1993, 49–51, тип IV, 1; Bender et al. 2013, 78, Abb. 15.

⁴³ Bolla 1994, 38, 41, nos. 39–40, tav. XXXIII.

⁴⁴ Сан-Паргуар: Depeyrot et al. 1986, 155, fig. 54B, 1. – Баден, Аква Хельветика: Holliger, Holliger 1988–89, 64, Nr. 2, Taf. I, 2; Виндонисса: Holliger, Holliger 1984, 52, Nr. 13–15; 53, Taf. 2. – Аванш: Kapeller 2003, 107, pl. 6; 134, no. 33. – Магдаленсберг, Вельс, Зальцберг: Sedlmayer 1999, 81–82, Taf. 31, 1–4. – Находки из Моравии и Словакии: см. Tejral 1967, 96–100, Abb. 9; Jilek 2009, 95–98; в том числе – из разрушенного погребения в Костольне на Дунае: Kolník 1959, 150, Abb. 7, 1; Taf. III, 2; Kolník 1980, 121, Taf. CXXI, 1; Hrnčiarik 2013, 47, Taf. XXVII, 780; Bender et al. 2013, 77, Abb. 14. – Богемия: Karasová 1998, 33–35, Karte XIII; Taf. IV, 137. – Словения: Breščak 1982, 41–42, nos. 10–11, 14–15, pls. 2; 19. – Паннония: Radnóti 1938, Taf. XIX, 2–5; XX Сербия: Ratkovic 2005, 30, 117, no. 55. – Нижний Рейн: den Boesterd 1956, 4–7, nos. 12–13, pl. 1. – Англия: Eggers 1966, 104, Nr. 19b; 104–105, Nr. 29A; 106, Nr. 45A; 108, Nr. 60g; Abb. 7a; 8c, 11, 25a. – Писидия: Çetin 2015, 14–15, 21–22, 28, fig. 3. См. в целом: Petrovsky 1993, 49–50.

⁴⁵ Kunow 1983, 25–26; Wielowiejski 1985, 206–208; Petrovsky 1993, 49–50; Bolla 1994, 38; Sedlmayer 1999, 82; Erdrich 2001, 43; Jilek 2009, 95–98; Bienert 2007, 74–75; Luik 2016, 216, 217, Abb. 1, 1; Lund Hansen 2016, 230. Для датировки времени появления таких ковшей важна, в частности, находка в Хальтерне: Müller 1997, 14, Abb. 8; 16, 36, Nr. 23.

⁴⁶ Petrovsky 1993, 149–150, C.22–23; 226–250 Taf. 40, Karte 4, Abb. 8.

⁴⁷ Tassinari 1993, 203–207; Bienert 2007, 75.

⁴⁸ Bienert 2007, 75.

⁴⁹ Пуздровский 2007, 169, рис. 153, 2; 154, 2; Пуздровский, Труфанов 2017, 37–38, 187, рис. 77.

⁵⁰ Об их распространении см. Wielowiejski 1985, 208–213; Bienert 2007, 78; Lund Hansen 2016, 231. См. также: Dieudonné-Glad et al. 2013, 190, no. 1077, pl. 53.

провинций, что подтверждают и находки каменных литейных форм в Галлии и Сирии⁵¹.

Они отличаются декором ручек, в том числе их округлых завершений с круглыми отверстиями. Такие отверстия могут быть обрамлены валиками и канавками (Валовый-I, курган № 4/1987, погребение № 2⁵²; курган № 9/1987, погребение № 1⁵³; курган № 25/1987, погребение № 1⁵⁴), а также дополнительным декором: рядами точек (Займо-Обрыв-I, курган № 20/1988, погребение № 1⁵⁵; Старица, курган № 11/1961, погребение № 1⁵⁶), венками из парных листьев овальной формы с заостренными концами (Третьяки, курган № 16/1984, погребение № 1⁵⁷), тирс на ручке и точечный декор валиков на диске (Сладковский, курган № 12/1978, погребение № 1⁵⁸).

3.1. Ковши типа Eggers 140

Примерно две трети всех известных ковшей с ручками с круглыми отверстиями (11 экз.) (Займо-Обрыв, Сладковский, Третьяки, Авиловский-II (курган № 11/1991, погребение № 1⁵⁹), Арагир, курган № 1/1967⁶⁰, Большая Дмитриевка, курган № 96/1887⁶¹, Магнитный, курган № 21/2010⁶²) относятся к ранней группе ковшей (Radnóti 14, Eggers 140, Tassinari G 3100, Petrovsky V, 1, Bienert 29), которую Р. Петровски относит приблизительно к 5/10–30/35 гг. н.э.⁶³, хотя весьма вероятно, что такие ковши изготавливались и после середины столетия⁶⁴. Время бытования ковшей данной группы не ограничивается I в. н.э. Интересно, что та-

⁵¹ Mutz 1972, 37–38, Abb. 53–55; Tassinari, Burkhalter 1984, 97, fig. 19a–b; Flügel 1993, 64; Bienert 2007, 78.

⁵² Беспалый и др. 2007, 17, № 12, табл. 15, 3; Безуглов и др. 2009, 24, рис. 6, 1; 80–81. В настоящем виде – это результат реставрации, выполненной с применением полимеров (в результате реставрации у ковша появились ножки прямоугольной формы, не отмеченные в описании ковша в отчете и публикациях). В процессе реставрации размеры и форма ковша были изменены по сравнению с предшествующей реставрации графической реконструкцией. В современном состоянии, по мнению авторов публикации, ковш может быть отнесен к типу Eggers 142 или 143 (Безуглов и др. 2009, 80–81).

⁵³ Беспалый и др. 2007, 31, № 34, табл. 33, 4; Безуглов и др. 2009, 30, рис. 13, 4; 38.

⁵⁴ Беспалый и др. 2007, 62, № 30, табл. 76, 1; Безуглов и др. 2009, 53, рис. 29, 1; 59, 80–81.

⁵⁵ Трейстер 2018, 149, рис. 1, 1.

⁵⁶ Шелов 1965, 267; Шилов 1968, 318–320, рис. 4; 1975, 157, рис. 59; Кропоткин 1970, № 777/1, рис. 61, 5–6; Schelow 1982, 71; Kunow 1985, 242, Nr. 37 – ошибочно как «Страница»; Petrovsky 1993, 207–208, Nr. A 17.38; Сергачков 1994, 20; Sergackov 1994, 264; Кривошеев 2005, рис. 4А, 8.

⁵⁷ Medvedev, Yefimov 1986, 83–84, pl. 76, 1; Petrovsky 1993, 52; Ефимов 1998, 19–35; Höck 2006, 375; Bărcă 2009, 103; Bărcă, Symonenko 2009, 188; Берестнев 2017, 136–137, рис. 16, 8.

⁵⁸ Maksimenko 1986, 81, pl. 73, 2; Максименко 2015, 73, 74, рис. 1, 1; Трейстер 2019, 274–284, рис. 1–2. По мнению В.П. Глебова, ковш относится к типу Eggers 142 (Глебов 2004, 131).

⁵⁹ Сергачков 1994, 23; 2000, 85, 123, рис. 104, 3; 2004, 109, рис. 2, 1; 2006, 54, рис. 2, 1; Sergackov 1994, 268.

⁶⁰ Кропоткин 1970, 25, № 58; 90, № 773.

⁶¹ Максимов 1957, 157–159, № 1, рис. 1; Шелов 1965, 266, 270, рис. 9, 2; Schelow 1968, 243; Кропоткин 1970, 25, № 58; 93, № 802; Шилов 1975, 252, № 1, рис. 1; 1975, 154, № 1; Сергачков 2004, 109; 115, рис. 2, 2; Берестнев 2017, 137, рис. 16, 7; Treister 2019b, 180, fig. 19.6, 4–6.

⁶² Боталов, Иванов 2012, 272; 276, рис. 4, 1; 278, рис. 5, 4; Боталов 2013, 45, рис. 7, 4; Иванов, Плешанов 2013, 488, рис. 1, 4; Трейстер 2016а, 280, 282, рис. 2, 4; Treister 2019а, 317, 340, fig. 5, 5–8.

⁶³ Petrovsky 1993, 52–54; Erdrich 2001, 43; Lund Hansen 2016, 230.

⁶⁴ Bienert 2007, 78–79.

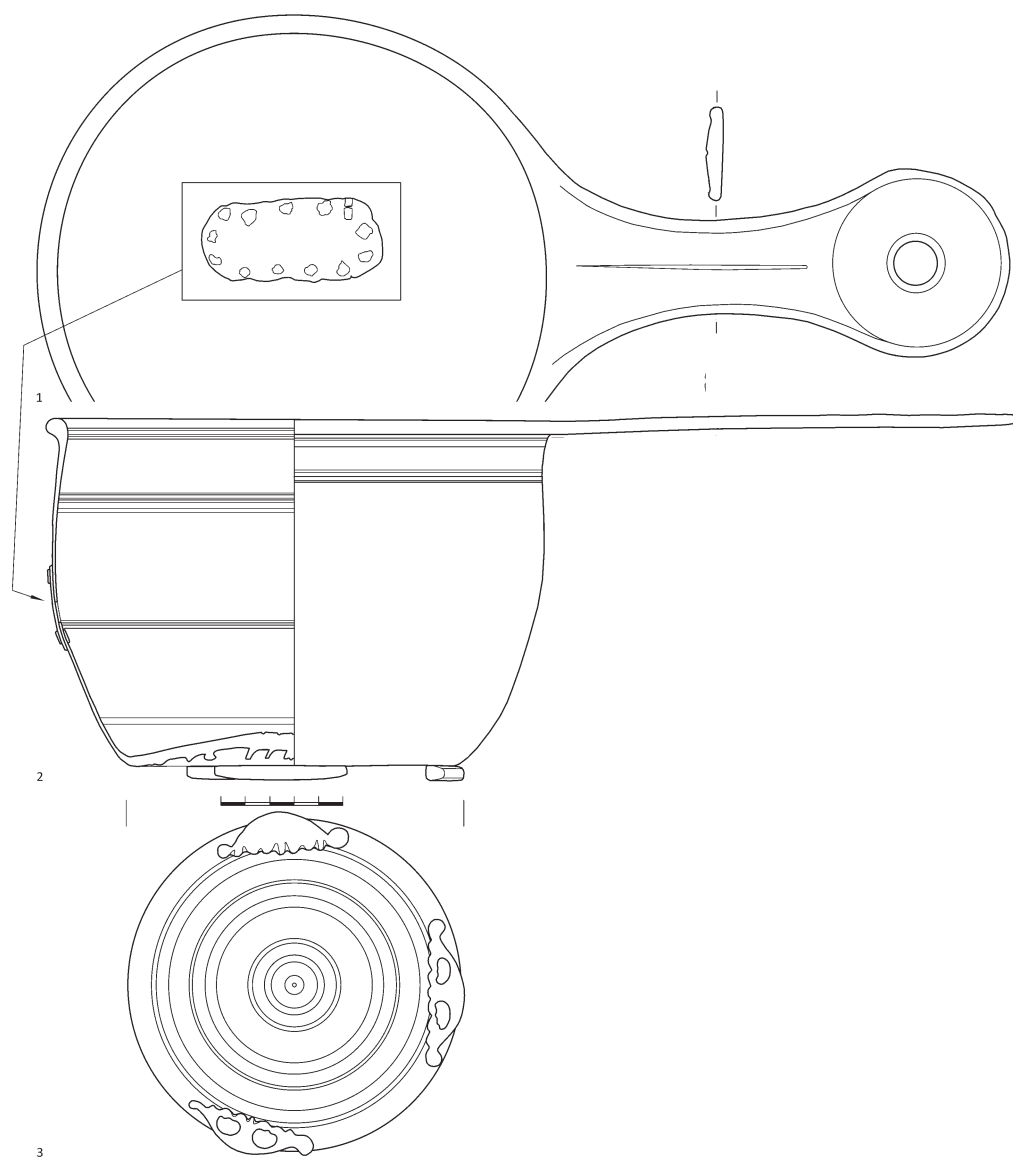

Рис. 4. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общие виды. Магнитный. Кургan № 21/2010. Погребение № 1. Челябинск, МНТУ ЮУрГУ, инв. № НТУ-ГИК 93. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015

Fig. 4. Bronze casserole Eggers 140 type. General views. Magnitnyi. Burial-mound no. 21/2010. Burial no. 1. Chelyabinsk, Museum "Peoples and Technology of South Urals", South-Urals State University, inv.-no. NTU-GIK 93. Drawings, Natalya Bepalaya, 2015

Рис. 5. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общий вид и детали. Магнитный. Курган № 21/2010. Погребение № 1. Челябинск, МНТУ ЮУрГУ, инв. № НТУ-ГИК 93. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 5. Bronze casserole Eggers 140 type. General view and details. Magnitnyi. Burial-mound no. 21/2010. Burial no. 1. Chelyabinsk, Museum "Peoples and Technology of South Urals", South-Urals State University, inv.-no. NTU-GIK 93. Photos, Mikhail Treister, 2015

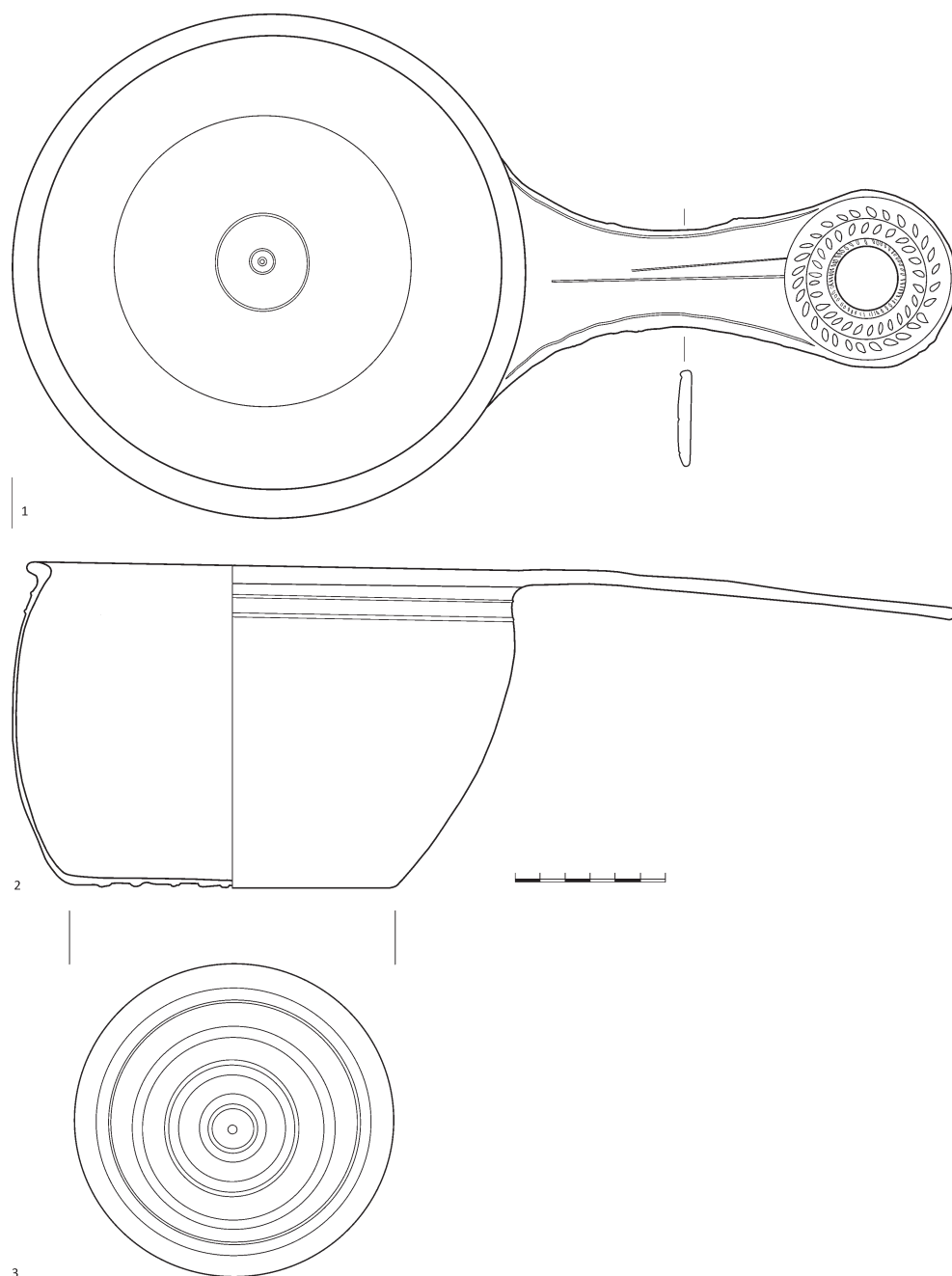

Рис. 6. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общие виды. Третьяки. Курган № 16/1984. Погребение № 1. Борисоглебск, БИХМ, инв. № 4910. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015
Fig. 6. Bronze casserole Eggers 140 type. General views. Tret'yaki. Burial-mound no. 16/1984. Burial no. 1. Borisoglebsk, Historical and Art Museum, inv.-no. 4910. Drawings, Natalya Bepalaya, 2015

Рис. 7. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общие виды и деталь. Третьяки. Курган № 16/1984. Погребение № 1. Борисоглебск, БИХМ, инв. № 4910. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 7. Bronze casserole Eggers 140 type. General views and detail. Tret'yaki. Burial-mound no. 16/1984. Burial no. 1. Borisoglebsk, Historical and Art Museum, inv.-no. 4910. Photos, Mikhail Treister, 2015

кие ковши попадали в комплексы III в. н.э. не только в Сарматии (Магнитный), но и в Галлии – в кладе 259–260 г. н.э. в Шален-д-Юзор были найдены ковши форм 140 и 142.⁶⁵ Ковши этой группы изготавливались в Кампании и были широко распространены как на территории Римской Империи, так и за ее пределами⁶⁶, в том числе и в Северном Причерноморье⁶⁷.

У ковша из погребения № 1 кургана № 20 могильника Займо-Обрыв-I⁶⁸ – сохранились ножки пельтовидной формы, которые были еще в конце XIX в. обозначены Т. Шрайбером как *pelta lunata*⁶⁹. Подставки такой формы встречаются как на ковшах с ручками, украшенными лебедиными головками⁷⁰, так и на ковшах с ручками с дисковидным завершением и полукруглым вырезом на нем⁷¹. Обратимся к находкам из Северного Причерноморья и отметим, что аналогичные ножки имеются и у бронзового ковша типа Eggers 140 из склепа № 720/1999 Усть-Альминского некрополя, который датируется второй – третьей четвертью I в. н.э.⁷²

Полный (на середину 1990-х гг.) список находок таких ножек на территории западных провинций Римской империи был опубликован Э. Дешлер-Эрбом и дополнен находками из Дакии – С. Мустата⁷³ и нами, в связи с находкой в слое пожара ранней цитадели городища Артезиан⁷⁴. Хотя во многих случаях находки происходят из комплексов и слоев, датирующихся временем Августа (например, находки таких ножек в лагерях легионеров в Аугсбурге-Оберхаузене (15 г. до н.э. – 15/16 г. н.э.⁷⁵ и в Хальтерне⁷⁶) или шире – первой половиной I в. н.э., встречаются они и в контекстах, которые датируются в целом I в. н.э. или даже началом II в.

⁶⁵ Feugère 1984, 47, 66–67, no. 41–42, fig. 16; Bienert 2007, 78.

⁶⁶ Wielowiejski 1985, 208–213; Bolla 1994, 36, 40, nos. 33–34, tav. XXVI–XXVII; Karasová 1998, 34–35, Karte XIII; Taf. IV, 140; Bienert 2007, 78–79; Lund Hansen 2016, 231; Mustăţ 2017, 92–93.

⁶⁷ См. в целом: Кропоткин 1970, 25, № 57–58, 64–65. – Из Прикубанья: Лимберис, Марченко 2006, 52, 57–58, № 3–5; 65–66, рис. 2–3. – Из сарматских погребений на территории Украины: Bârcă 2006, 170–171; 2009, 87, 102–103; Bârcă, Symonenko 2009, 189; Симоненко 2011, 49–52. – Из могильников Юго-Западного Крыма: Усть-Альминский – Пуздровский 2007, 169, рис. 151, 1; Пуздровский, Труфанов 2017, 78, 272, рис. 162; Бельбек IV: Гущина, Журавлев 1999, 159, рис. 3, 4; 163, рис. 7, 7; 165, рис. 9, 1–2; 166; Пуздровский 2007, 170; Гущина, Журавлев 2016, 65, табл. 110, 4; 201, 8; 231, 1–2. См. также находку ковша без ручки в погребении некрополя Крепостного городища в Азове: Горбенко, Косяненко 2011, 54–55, 303, 304, рис. 80, 5.

А.В. Симоненко отнес к этой группе (Eggers 140) и ковши из Цветны и Щучинки с отверстиями луновидной формы на ручках (Simonenko 2008, 17; Nr. 87.2, Taf. 78, 1; 89, 4; Nr. 80.1; Taf. 72, 1; Симоненко 2011, 50, 52–53, рис. 28–29), что не может вызывать ничего кроме глубокого удивления таким «гибким» подходом автора к типологическим схемам. О том, что эти ковши относятся к группе Eggers 137–138, см., например, Bârcă 2009, 101, figs. 6, 4. 6. Интересно, что в совместной книге В. Барча и А.В. Симоненко данные ковши определяются также, т.е. как изделия типов Eggers 137–138 (Bârcă, Symonenko 2009, 188). Таким образом, А.В. Симоненко в разных публикациях, вышедших в одно и то же время, придерживается различных точек зрения!

⁶⁸ См. выше прим. 55.

⁶⁹ Schreiber 1894, 291, fig. 2. Тип Radnóti 1938, Taf. XV, 2b; Deimel 1987, 28.

⁷⁰ Breščak 1982, 40, no. 3, tab. 1 (из Бевке в Словении).

⁷¹ den Boesterd 1956, 4–5, no. 12, pl. XVIII (из Лейдена); Baratte et al. 1984, 70, no. 90, pl. XXXII.

⁷² Puzdrovskij, Zaicev 2004, 235, Nr. 16; 236, Abb. 4, 4; Пуздровский 2007, 168, 427, рис. 153, 3; цв. вкл. 4.

⁷³ Deschler-Erb 1996, 22–23; Mustăţ 2017, 162–164, nos. 87–90, pl. XLVI.

⁷⁴ Винокуров, Трейстер 2018, 142–143, рис. 1, 2.

⁷⁵ Hübener 1973, 65, Taf. 23, 10–11. 18–20.

⁷⁶ Müller 1997, 16, 18, Abb. 11; 36, Nr. 30–32.

н.э.⁷⁷ Интересно, что и в Помпеях, и в Восточных провинциях Римской империи такие ножки использовались и для кувшинов типа Миллинген⁷⁸, и (выполненные из серебра) – для серебряных сосудов⁷⁹.

У ковшей из Магнитного (рис. 4–5) и из погребения № 1 кургана № 11/1991 могильника Авиловский-II сохранились припаянные ко дну ножки, которые из-за изящной профилировки иногда называют «барочными». Отдельные ножки встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поднепровья⁸⁰ и Нижнего Подонья⁸¹, а также из закрытого слоя разрушения цитадели укрепленного поселения Артезиан в крымском Приазовье, дающего *terminus ante quem* 45/46 г. н.э.⁸² Подобные же ножки сохранились у ковша типа Сисция (Eggers 136) из погребения № 1 кургана № 43/1982 у хут. Новый⁸³ и у ковша типа Eggers 137 с луновидным вырезом на диске ручки из погребения № 1 кургана № 2/1986 у с. Глинище (рис. 3)⁸⁴. Отсутствие подобных ножек среди помпейских материалов дает основание предполагать, что ковши с такими ножками изготавливались в Северной Италии, хотя их относили и к изделиям мастерских Капуи⁸⁵. Ближайшими параллелями является ножка сосуда из погребения № 26 склепа № 520 Усть-Альминского могильника⁸⁶, отнесенного Труфановым к последней трети I в. н.э. (при этом погребение № 26 – одно из ранних погребений этого склепа)⁸⁷, а также находки из Подунавья (Магдаленсберга⁸⁸ и Энна⁸⁹, из кастеллей Айслинген⁹⁰ и Бургхефе⁹¹, Кемптена⁹², из Виндониссы в верховьях Рейна⁹³, римского лагеря Новезиум в низовьях Рейна⁹⁴, из Северной Италии⁹⁵, со дна р. Савинья в Целе, Словения⁹⁶, Галлии (Безансон⁹⁷

⁷⁷ Deschler-Erb 1996, 23, Anm. 68. См. также: Giovannini, Tasca 2016, 91–92, no. 10.A.11.

⁷⁸ Yadin 1963, 68, 71, fig. 21, 8–9, 15–16; 73, fig. 22; 74, fig. 23; 77, fig. 26, pls. 19–20 (тип C); Deschler-Erb 1996, 23–24, 25, Anm. 70. См. также аналогичные подставки бронзовых ойнох из погребения I в. н.э. в Караевли в Геллеспонтской Фракии: Koçel Erdem 2009, 222, 224–225, drawing 4, fig. 15.

⁷⁹ Schreiber 1894, 291, fig. 2.

⁸⁰ Подгородное IX, курган № 7, погребение № 3: Simonenko 2008, 60, Nr. 34.1, Taf. 25, 1c; Симоненко 2011, 127, 129, рис. 78, 1. – Усть-Каменка, курган № 58, погребение № 1: Simonenko 2008, 64–65, Nr. 65.1, Taf. 51, 1b; Симоненко 2011, 127, 129, рис. 78, 2.

⁸¹ Высочино-I. Курган 8/1976. Погребение 2: Беспалый, Лукьяшко 2008, 19, 124, табл. X, 4. – Курган № 4 у ст. Скосырской: Безуглов, Захаров 1992, 151, рис. 2, 5; 152–153.

⁸² Винокуров, Трейстер 2018, 142–144, рис. 1, 3.

⁸³ Пушков 1986, 79, pl. 71, 2; Трейстер 2018, 149, рис. 1, 2–2а.

⁸⁴ См. выше прим. 36.

⁸⁵ Holliger, Holliger 1984, 61.

⁸⁶ Труфанов 2009, 280, рис. 94, 26. Аналогичные ножки (по одной) найдены также в ограбленных склепах: № 871/2005 (Пуздровский, Труфанов 2017а, 39, 214, рис. 84, 17: вторая половина I – первая половина II в. н.э.) и № 987/2009 этого могильника, раннее погребение в котором относят ко второй половине I – первой половине II в. н.э.: Пуздровский, Труфанов 2016, 29, 161, рис. 43, 5.

⁸⁷ Труфанов 2009, 292.

⁸⁸ Deimel 1987, 149, Taf. 23, 6; Sedlmayer 1999, 116–117, Taf. 51, 18.

⁸⁹ Sedlmayer 1999, 116–117, Taf. 51, 19.

⁹⁰ Ulbert 1959, 74, Taf. 23, 13.

⁹¹ Franke 2009, 50, Nr. 848–852, Taf. 41.

⁹² Flügel 1993, 60–61, Nr. 7, Taf. 24.

⁹³ Holliger, Holliger 1985, 61–62, Nr. 42, Taf. 5; Deschler-Erb 1996, 23, Abb. 10, 1.

⁹⁴ Lehner 1904, 412, Taf. 33, 38.

⁹⁵ Giovannini, Tasca 2016, 91–92, no. 10.A.12.

⁹⁶ Gaspari et al. 2001, 293, Nr. 23, Taf. II, 23.

⁹⁷ Feugère 1992, 142; 158, fig. 313.

и Отён (Августодунум)⁹⁸ и центральной Испании⁹⁹, из Олимпии¹⁰⁰ и Сард¹⁰¹. В пользу появления таких ножек в августовское время свидетельствует находка в лагере легионеров в Аугсбурге-Оберхаузене (15 г. до н.э. – 15/16 г. н.э.)¹⁰². Многочисленные находки из Виндониссы, а также единственная находка из Магдаленсберга происходят из комплексов, датирующихся временем Тиберия и Клавдия¹⁰³. Ножка из Безансона была найдена в слое, датированном ок. 15–20 гг. н.э.¹⁰⁴ В то же время, аналогичные ножки сохранились и у двух кувшинов типа Миллинген, найденных в «Пещере писем» в Иудее¹⁰⁵.

У некоторых ковшей рассматриваемой группы ручки украшены различными декоративными элементами.

Так, завершение ручки ковш из погребения № 1 кургана № 16/1984 у с. Третьяки украшено орнаментом в виде венка: сверху внешние края ручки выделены валиками, по центру – плохо различимый из-за коррозии орнамент в виде продольных валиков, окруженных овальными вдавлениями (рис. 6–7). По мнению авторов публикации, ковш относится к типу Eggers 140, при этом его декор находит аналогию на ручках ковшей типа Eggers 137¹⁰⁶. Действительно, декор в форме венка характерен для оформления дисков ручек ковшей типа Eggers 137/Petrovsky IV, 1, происходящих как из Помпей и Италии, так и из Паннонии и Рейнской области¹⁰⁷. Тем не менее, известны и бронзовые ковши с круглым отверстием диска типа Eggers 140, оформленным венком¹⁰⁸, в том числе новая находка из Тотсзердахелы в бассейне р. Мура в Венгрии¹⁰⁹. В любом случае, этот декор характерен для ранних ковшей и Р. Петровски относил ковш из Третьяков к августовскому времени¹¹⁰.

На ручке ковш из погребения № 1 кургана № 12/1978 у хут. Сладковский (рис. 8–9) представлено изображение тирса (рис. 8, 2; 9, 2). Изображения тирса на ручках характерно для ковшей ранних групп¹¹¹, в том числе и формы Eggers 140, к которой относится ковш из могильника Сладковский¹¹², а также ковшей групп

⁹⁸ Labaune 2000, 69–70, pl. 31, 5.

⁹⁹ Hernández Prieto 1985, 154–155 (Аркобрига) с датировкой последней третью I в. н.э.; Aurrecoechea Fernández 2009, 342, fig. 8, 2–3; 344 (Сегобрига).

¹⁰⁰ Gauer 1991, 124, 288, E 240–241, Taf. 109, 3a–b.

¹⁰¹ Waldbaum 1983, 153, no. 1011, pl. 58 (опубликовано как украшение, предположительно, ранневизантийского времени).

¹⁰² Hübener 1973, 65, Taf. 23, 13.

¹⁰³ Sedlmayer 1999, 117.

¹⁰⁴ Feugère 1992, 142; 158, fig. 313.

¹⁰⁵ Yadin 1963, 68, 71, fig. 21, 11, 21; pls. 19–20 (тип А).

¹⁰⁶ Medvedev, Yefimov 1986, 84.

¹⁰⁷ Radnóti 1938, 44–45, Taf. XIX, 2; Tassinari 1993, 103, G2100, no. 12467; Horváth 2013, 122, 129, figs. 4, 1–4.

¹⁰⁸ Petrovsky 1993, 52, 310, Nr. T.08.09, Taf. 29; Bienert 2007, 76.

¹⁰⁹ Horváth 2013, 119–128, figs. 1–3.

¹¹⁰ Petrovsky 1993, 52.

¹¹¹ Petrovsky 1993, 307, Taf. 28, T.06.07 (Леопольдсхафен у Карлсруэ с клеймом Гн. Требеллия Кресценса). См. там же на ручках ковшей разных типов: V,4a: D.04.07, Taf. 16; V,4a: F04.01, Taf. 17; IV,2a: N.01.04, Taf. 20; II,1a: P.03.01, Taf. 23; V,4a: Q.01.01, Taf. 24. См. на ручке ковш с круглым отверстием из Аскерби в Дании: Norling-Christensen 1939, 295, fig. 7.

¹¹² Bienert 2007, 76, 78; Horváth 2013, 119–128, figs. 1–2; 3, 1a; 4, 8.

Eggers 131¹¹³ и Eggers 137¹¹⁴. Параллельно с окончанием тирса у завершения ручки сохранилось полустертное клеймо, которое Р. Петровски восстанавливает как P(.)OC(T)AV(I)(?)FELIC(i) (рис. 8, 3; 9, 2). Штамп относится к кампанскому – tria-nomina типу, а мастерская Октавиев работала в конце правления Тиберия и в эпоху Клавдия (клейма Октавия Феликса в каталог Р. Петровски не включены)¹¹⁵.

Под краем ковша припаян нижний атташ ручки, обломанный непосредственно у перехода его в ручку. На атташе представлено вертикально удлинненное мужское лицо с усами. Единственное объяснение его появлению на стенке ковша – он был отломан от ручки сосуда и припаян к стенке ковша для украшения последнего. Линия слома проходит по верхней части атташа над маской (рис. 8, 4–6; 9, 3).

Точные аналогии ручкам сосудов с подобными атташами, с волютами и загнутым листом над ними мне не известны. Как правило, в тех случаях, когда сами атташи напоминают атташ, украшающий ковш из хут. Сладковского, ни волют – по сторонам, ни загнутого листа над ним – нет. Образ на нижнем атташе фрагментированной ручки из Ниймегена определяют как изображение головы Силена или сатира¹¹⁶. Ручка с подобным атташем из Магдаленсберга, по мнению Х. Зедльмайер, принадлежала амфоре типа Tassinari A3121¹¹⁷. Упомянем также ручки кувшина, ойнохои и амфоры с подобными атташами (все без волют и загнутых листов), происходящие из Помпей¹¹⁸, для которых отмечался геометризованный стиль изображений¹¹⁹: “in quattro altri esemplari, dei quali almeno tre hanno piccole orecchie rotonde, i sileni sono calvi, con ciocche della barba e dei baffi ordinate in modo quasi geometrico” («в четырех других образцов, из которых по меньшей мере, три имеют небольшие круглые уши, Силены лысые, с прядями бороды и усов, упорядоченных в почти геометрической манере»).

Естественно, возникает вопрос, где и когда к ковшу мог быть припаян отломанный атташ ручки кувшина. Казалось бы, однозначный ответ на вопрос, что это могло иметь место уже в период, когда ковш находился у кочевников, особенно учитывая их пристрастие к видоизменению импортных предметов, тем не менее, при всей вероятности не может быть единственно возможным – примеры таких ковшей с дополнительным декором, происходящие из Фракии и Малой Азии мною уже приводились¹²⁰.

Интересно, что сопоставима с изображением на накладке ковша из Сладковского и трактовка лица персонажа на серебряной с позолотой накладке из погребения № 1/1984 в Косике¹²¹. В этой связи укажем на оформление атташей с кольцами бронзовых котлов Вестландского типа, найденных в княжеских погребениях в Мушове (Моравия) и Чарновко (Польша), бюстами германцев-свебов с харак-

¹¹³ Breščak 1982, 40, no. 3, pls. I, 17; Kunow 1983, 25, 85–93; Wielowiejski 1985, 201–202; Flügel 1993, 59, 61, Nr. 1, Taf. 24; Drobejar 2014, 415–417, Abb. 14.

¹¹⁴ Radnóti 1938, 44, Taf. XIX, 2a; Tassinari 1975, 27, no. 4, pl. II; Flügel 1993, 59; Horváth 2013, 119–128, fig. 4, 5–7. 9.

¹¹⁵ Автор выражает искреннюю признательность за определение штампа Р. Петровски.

¹¹⁶ den Boesterd 1956, 73, no. 263, pl. XI.

¹¹⁷ Sedlmayer 1999, 37–38, Taf. 15, 6.

¹¹⁸ Tassinari 1993, 27, no. 941 (B1222); 64, no. 8586 (D1220), tav. CII, 2. 4; 3, no. 1874 (A3121), tav. CIII, 2. 3.

¹¹⁹ Tassinari 1993, 218.

¹²⁰ Трейстер 2019, 277–278.

¹²¹ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 177, рис. 20, 10; Cat. Rome 2005, 144, no. 101.

Рис. 8. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общий вид и детали. Сладковский. Курган № 12/1978. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16429/40. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 8. Bronze casserole Eggers 140 type. General view and details. Sladkovskii. Burial-mound no. 12/1978. Burial no. 1. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16429/40. Photos, Mikhail Treister, 2015

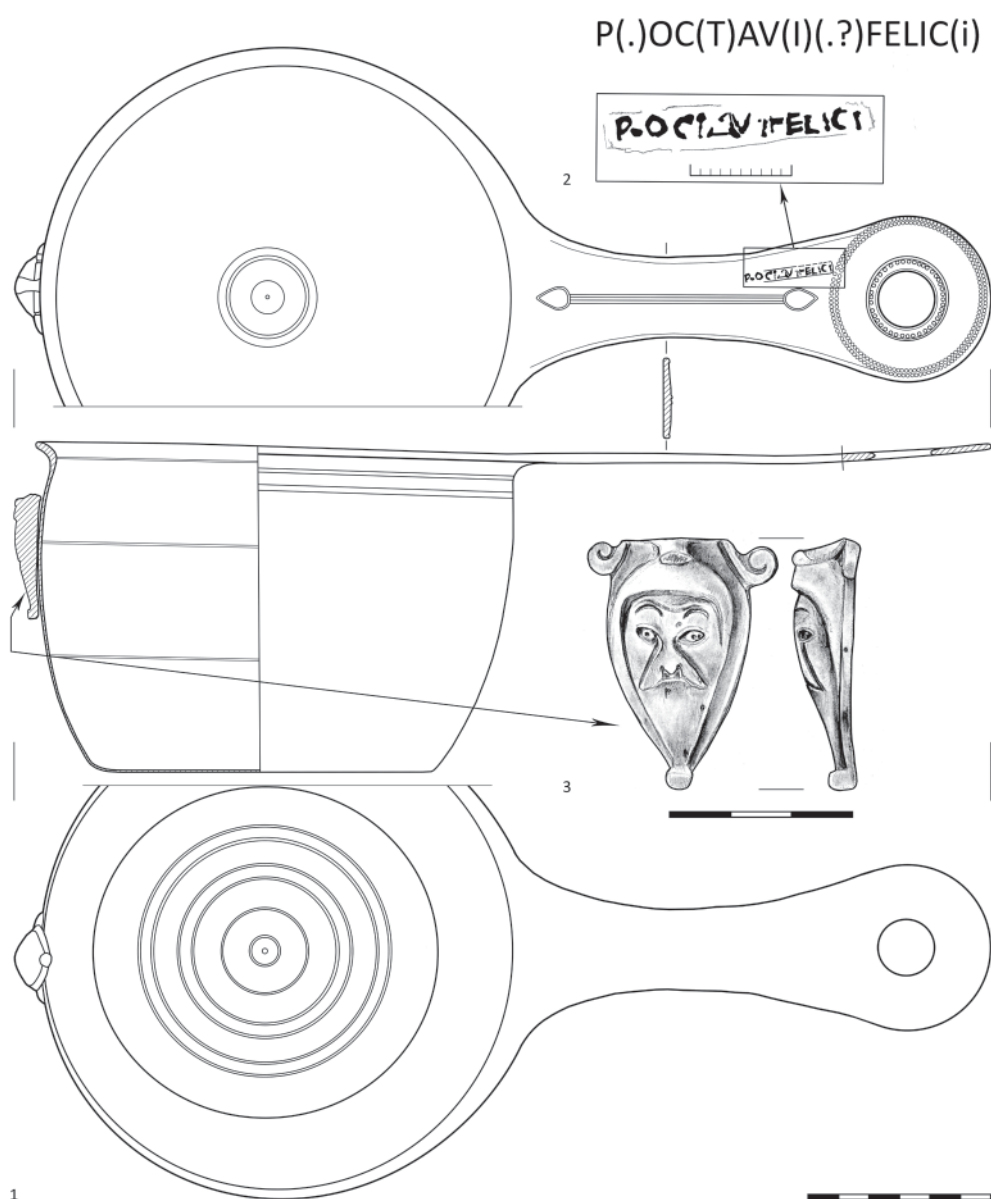

Рис. 9. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общий вид и детали. Сладковский. Курган № 12/1978. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16429/40. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015. Прорисовка клейма – М.Ю. Трейстер, 2019

Fig. 9. Bronze casserole Eggers 140 type. General view and details. Sladkovskii. Burial-mound no. 12/1978. Burial no. 1. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 16429/40. Drawings, Natalya Besspalaya, 2015. Drawing of the stamp – Mikhail Treister, 2019

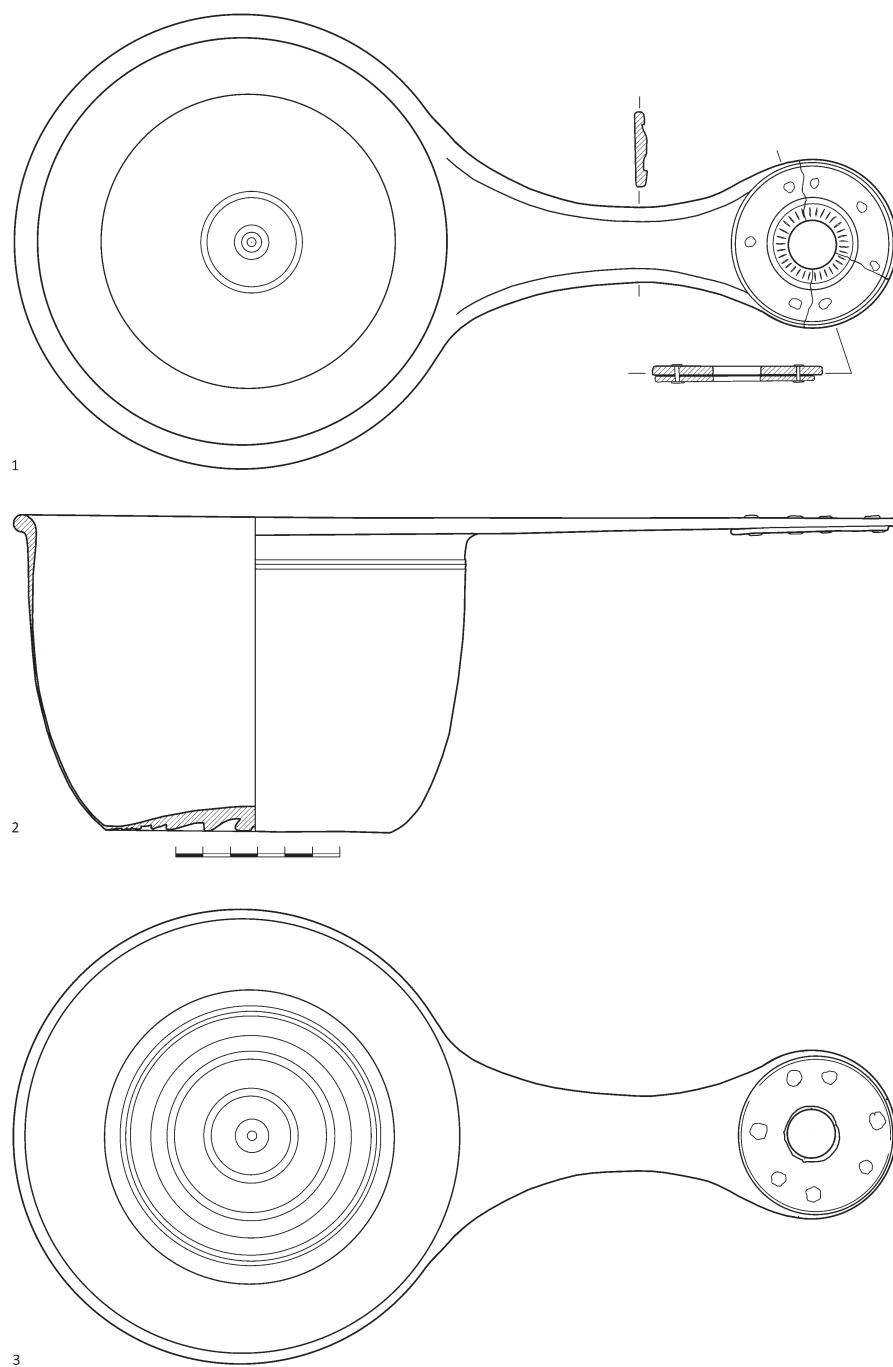

Рис. 10. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общие виды. Большая Дмитриевка. Курган № 96/1887. Саратов, СОМК, инв. № 47795. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015

Fig. 10. Bronze casserole Eggers 140 type. General views. Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 96/1887. Saratov, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 47795. Drawings, Natalya Bespalaya, 2015

Рис. 11. Ковш бронзовый типа Eggers 140. Общие виды и деталь. Большая Дмитриевка. Курган № 96/1887. Саратов, СОМК, инв. № 47795. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 11. Bronze casserole Eggers 140 type. General views and detail. Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 96/1887. Saratov, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 47795. Photos, Mikhail Treister, 2015

терной прической – узлом, завязанным над правым виском (Suebian nodus) – предполагается, что эти котлы были римскими дарами, подтверждающими статус их новых владельцев¹²². Таким образом, нельзя исключать вероятности того, что изображение на припаянном к стенке ковша атташе воспринималось и дарителем, и одариваемым лицом как образ варвара, будущего владельца этого предмета. Учитывая тот факт, что припаянный к стенке сосуда атташ кувшина украшал именно ковш типа Eggers 140, произведенный в первой трети I в. н.э., а также принимая во внимание то, что такие ковши принадлежали к стандартной экипировке римских войск¹²³, возможно, что ковш с дополнительным декором являлся подарком римского военачальника, одному из своих союзников-варваров в процессе боспорско-римской войны 45–49 гг. н.э.¹²⁴

На двух ковшах рассматриваемой группы имеются следы ремонта. На ковше из Магнитного (рис. 4, 1; 5, 1–3) – это заплатка прямоугольной формы с закругленными углами, приклепанная с внешней стороны вместилища котла. Заплатки подобной формы и конструкции часто встречаются на римской бронзовой посуде, в том числе и из Сарматии¹²⁵. Необычную форму имеет заплатка на окончании ручки ковша из Большой Дмитриевки – заплатка в форме кольца была приклепана с нижней стороны ручки (рис. 10, 11, 3–4).

3.2. Ковши типа Eggers 142–143

К несколько более позднему типу Eggers 142 (Petrovsky V,2) относятся три ковша, два из которых были найдены в разных курганах могильника Валовый I в Нижнем Подонье (курган № 4/1987, погребение № 2 (рис. 12)¹²⁶, курган № 25/1987, погребение № 1 (рис. 13)¹²⁷), и один – в погребении № 1 кургана № 11/1961 у с. Старица в Нижнем Поволжье (рис. 14–15)¹²⁸. Ковш из Старицы имеет клеймо Л. Ансиуса Эпафродита (рис. 14, 2; 15, 3)¹²⁹, мастера, работавшего примерно с 50/55 по 80 гг. н.э.¹³⁰

Этот тип ковшей датируется Р. Петровски в рамках 35/40–90/100 гг. н.э.¹³¹, а другими исследователями – более поздним временем. Так, Б. Бинерт считает, что поскольку ковши со штемпелями типов 142 и 143 находят преимущественно не в центрах, расположенных в районе Везувия, их производство началось не ранее 70-х–80-х гг. I в. н.э., продолжалось во II в. н.э.¹³² Впрочем, точка зрения о позднем начале производства ковшей опровергается недавней находкой такого ков-

¹²² Künzl, Künzl 2002, 569, Nr. F 2; Krierer 2002, 374, 384–385; 2004, 113–118, 127–128; Mączyńska, Rudnicka 2004, 397–400; 411–412; Schuster 2014, 72–73; Juhász 2015, 77–81. О свебском узле (Tacitus, Germania 38) см. Krierer 2004, 100–111.

¹²³ Bishop, Coulston 2006, 119; Gorecki 2016, 194; Lund Hansen 2016, 230.

¹²⁴ Трейстер 2018, 148–156.

¹²⁵ Treister 2019a, 317, 340, fig. 5; 2019b, 177–179, fig. 19.3.

¹²⁶ См. выше прим. 52.

¹²⁷ См. выше прим. 54.

¹²⁸ См. выше прим. 56.

¹²⁹ См. Kunow 1985, 226. 228. 230. Karte 3; Petrovsky 1993, 143–144, A17, Karte 3; Fazekas, Szabó 2008, 244.

¹³⁰ Kunow 1985, 216–217; vgl. Petrovsky 1991, Taf. 5; Flügel 1993, 64.

¹³¹ Wielowiejski 1985, 208–213; Petrovsky 1993, 69–71; Karasová 1998, 35–36, Karte XIV; Taf. IV, 142; Sedlmayer 1999, 83; Bărcă 2006, 172; Lund Hansen 2016, 230.

¹³² Bienert 2007, 79, Anm. 517.

Рис. 12. Ковш бронзовый типа Eggers 142. Общие виды. Валовый-І. Курган № 4/1987. Погребение № 2. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/128. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 12. Bronze casserole Eggers 142 type. General views. Valovyi-I. Burial-mound no. 4/1987. Burial no. 2. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25309/128. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 13. Ковш бронзовый типа Eggers 142. Общие виды. Валовый-И. Курган № 25/1987. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/484. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 13. Bronze casserole Eggers 142 type. General views. Valovyi-I. Burial-mound no. 25/1987. Burial no. 1. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25309/484. Photos, Mikhail Treister, 2015

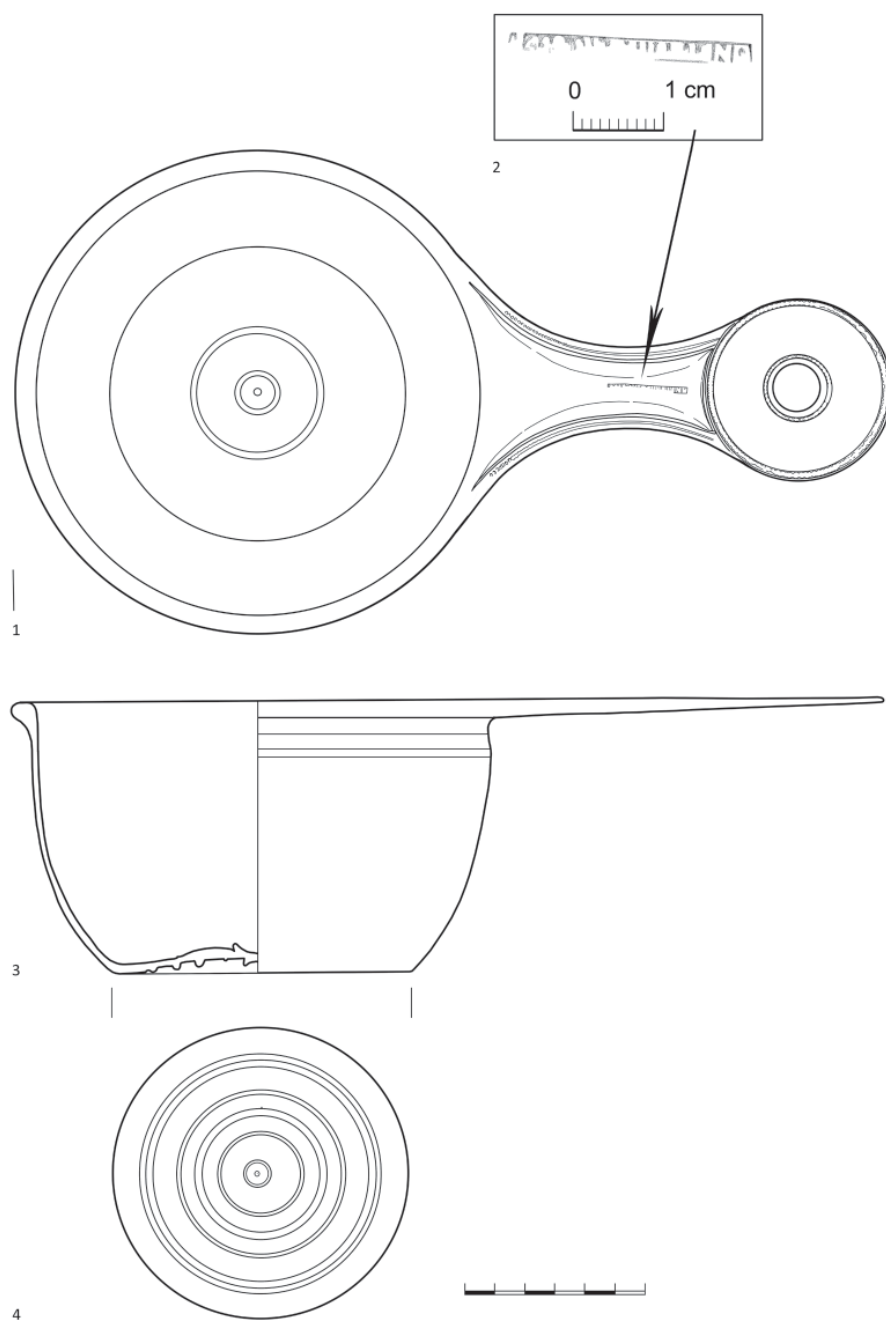

Рис. 14. Ковш бронзовый типа Eggers 142. Общие виды и деталь. Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/10. Рисунки, Н.Е. Беспалая, 2015

Fig. 14. Bronze casserole Eggers 142 type. General views and detail. Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 11989/10. Drawings, Natalya Bepalaya, 2015

Рис. 15. Ковш бронзовый типа Eggers 142. Общие виды и деталь. Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/10. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 15. Bronze casserole Eggers 142 type. General views and detail. Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 11989/10. Photos, Mikhail Treister, 2015

ша в погребении в Караново во Фракии, датированном не позднее середины I в. н.э.¹³³ В употреблении такие ковши были вплоть до III в. н.э.¹³⁴ Ковши этого типа вначале также изготавливались в мастерских Кампании, а затем и в Галлии¹³⁵. Они были широко распространены, как в провинциях Римской империи, так и за ее пределами, в том числе, и в Северном Причерноморье¹³⁶. Показательны две находки фрагментов таких ковшей в Танаисе¹³⁷, в том числе в подвале, погибшем в пожаре середины III в. н.э.¹³⁸, а также в некрополе Нижнегниловского городища (с клеймом Л. Ансиуса Эпафродита)¹³⁹. При преобладании ковшей ранних типов в могильниках Юго-Западного Крыма в склепе № 820 Усть-Альминского могильника был найден также ковш рассматриваемого типа¹⁴⁰.

К типу Eggers 143 (Petrovsky V,3) с низким вместилищем относится лишь ковш из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I¹⁴¹.

4. Подражания ковшам Eggers 140

Наконец имеется еще пять ковшей, которые не удастся классифицировать в рамках имеющихся типологий. Это ковши, близкие по форме тулова, но отличающиеся формой ручки с более четко выделенным завершением в виде диска, а также тем, что на дне ковша имеются не глубокие проточенные канавки, как это обычно имеет место¹⁴², а очень мелкие лишь прочерченные концентрические круги (рис. 16, 2; 17, 3). Они происходят из погребений конца II–III вв. н.э., преимущественно на Нижнем Дону, а также в междуречье Волги и Дона: 1) Ростов-на-Дону, ул. Вятская, курган № 6/1983, погребение № 8 (рис. 16)¹⁴³; 2) Нагавский-II, курган № 11/1988, погребение № 1 (рис. 17)¹⁴⁴; 3) Высочино-V, курган № 18/1985, погребение № 1¹⁴⁵; 4) Высочино-VII, курган № 12/1981, погребение № 1¹⁴⁶ (ручка утрачена); 5) Камышевский-I, курган № 8/1990, погребение № 1 (ручка обломана)¹⁴⁷.

¹³³ Ignatov, Gospodinov 2013, 16. См. о ковше: JbRGZM 2013, Jg. 60. Teil 3, 99–100.

¹³⁴ Sedlmayer 1999, 83, 152, Abb. 19; 156, 159 (Целль ам Зее); Höck 2006, 375; Bienert 2007, 79, Anm. 517.

¹³⁵ Kunow 1983, 26, 63; Oettel 1991, 28; Flügel 1993, 63–64; Petrovsky 1993, 69–71; Sedlmayer 1999, 83.

¹³⁶ Radnóti 1938, 51–56; Кропоткин 1970, 25, № 56, 59; Petrovsky 1993, 69–71; Bolla 1994, 36, 40, nos. 35–37, tav. XXVIII–XXIX; Sedlmayer 1999, 83; Лимберис, Марченко 2006, 52, 58, № 7; 68, рис. 5; Bărcă 2006, 171–172; 2009, 87; 103–104; Bărcă, Symonenko 2009, 189; Симоненко 2011, 53–54, рис. 30; Kołoszuk 2015, 223–231, figs. 3–7.

¹³⁷ Находка 1967 г. при зачистке борта раскопа: Шелов 1972, 148–149, 150 (илл.); Кропоткин 1970, 25, № 58; 92–93, № 796 (ручка ковша по определению В.В. Кропоткина относится к типу Eggers 140, однако, нельзя исключать, что ее следует относить к типу Eggers 142).

¹³⁸ Арсеньева, Науменко 1992, 93, рис. 102, 1; Безуглов и др. 2009, 81.

¹³⁹ Кропоткин 1970, 25, № 59, 93, № 800; Petrovsky 1993, 208, GNr. A17.39, Taf. VIII (ошибочно как «Гниловск»).

¹⁴⁰ Пуздровский 2007, 169, рис. 151, 1.

¹⁴¹ См. выше прим. 53.

¹⁴² Mutz 1972, 54–64, Abb. 96, 102, 106, 114, 123, 127; Poulsen 1995, 59–69.

¹⁴³ Volkov, Guguev 1986, 73, pl. 54, 2. В. Барча ошибочно называет этот комплекс курганом Центральный (Bărcă 2009, 103; Bărcă, Symonenko 2009, 188).

¹⁴⁴ Мыськов, Сергачков 1994, 179, рис. 2, 8; Сергачков 1994, 23; Sergachkov 1994, 269.

¹⁴⁵ Беспалый 2000, 160, № 31, рис. 3, 7, 9; Беспалый, Лукьяшко 2008, 85, № 31, 33, табл. LXXXII, 7, 9.

¹⁴⁶ Безуглов 1997, 135–136, 139, рис. 1, 6; Шаров 2009, 315, рис. 10, 6.

¹⁴⁷ Житников, Отчет 1990, 1991, 18–19, № 6, рис. 45–47; Безуглов 1997, 135; 2017а, 86, 94–95, рис. 4, 1; 11.

Обращает на себя внимание также проработка ручек неаккуратными прочеканными канавками, как прямыми – по бокам самой ручки, так и округлыми – на дисковидном завершении (рис. 16, 3; 17, 2), свидетельствующими о том, что ручка не была отлита в форме. Все это дает основание рассматривать эти находки, скорее, как подражания оригинальным ковшам типа Eggers 140, выполненные в одной мастерской, на что было совершенно справедливо указано С.И. Безугловым относительно указанных выше ковшей из Нижнего Подонья¹⁴⁸. Учитывая тот факт, что все погребения, в которых были найдены эти ковши, датируются не ранее конца II в. н.э., возможно и изготовление ковшей имело место не ранее II в. н.э.

Фрагмент дна, который вероятно, относится к аналогичному ковшу, происходит из римской виллы в Биберист-Шпиталхов в кантоне Золотурн¹⁴⁹. Подобным же образом оформлена и ручка ковша, найденного в Рейне у Нойпотца. Предполагается, что ковш был выполнен в необычной для римских бронзовых ковшей технике в галльской мастерской в первой половине, а возможно и в середине II в. н.э.¹⁵⁰

Учитывая количество находок рассматриваемых ковшей в Нижнем Подонье и междуречье Дона и Волги нельзя исключать и возможность северопричерноморского (боспорского) изготовления таких ковшей.

5. Ковши типа *Göddåker*, Eggers 144, Petrovsky V,5; Bienert 30

Три ковша этого типа были найдены в Нижнем Подонье, междуречье Дона и Сала и междуречье Дона и Северского Донца (Кобяковский, курган № 1/1983¹⁵¹, Центральный-IV, курган № 20/1975, погребение № 1¹⁵² и в погребении № 1 кургана № 2/1984 у с. Чугуно-Крепинка (рис. 18)¹⁵³).

Ковши типа Гэдакер (Eggers 144) начали изготавливать в 60–70-е гг. н.э.¹⁵⁴ Таких ковшей нет среди находок в Помпеях и вообще в Италии – их находки известны преимущественно в северных провинциях Римской империи и в Свободной Германии. Значительно реже встречаются они в Паннонии, Дакии и Северного Причерноморья¹⁵⁵. Отметим находку такого бронзового ковша с клеймом **ALBINVSF(ecit)** в Ольвии¹⁵⁶.

¹⁴⁸ Безуглов 1997, 135–136; 2017а, 94–95.

¹⁴⁹ Deschler-Erb 2006, 418, Abb. 23/1, 8; 421.

¹⁵⁰ S. Künzl 1993а, 193–195, D75, Taf. 134–135; Petrovsky 2006, 99–100, Nr. 105; Petrovsky, Bernhard 2016, 249–250, 256.

¹⁵¹ Guguiev 1986, 71, no. 1, pl. 45, 2; Bărcă 2009, 106; Brosseder 2015, 243, note 106 с атрибуцией как вариант «С»; Гугуев 2018, 59, № 1, 60, рис. 3, 1; 5, 3.

¹⁵² Раев, Науменко 1993, 152, № 5, рис. 4, 1; Кривошеев 2005, 116, рис. 54, 7; Безуглов 2017б, 30–31; Гугуев 2018, 60–61.

¹⁵³ Bărcă 2009, 87, fig. 6, 5; Bărcă, Symonenko 2009, 189–190, fig. 69, 5; Симоненко 2011, 54–55, рис. 31; 32, 1; Veličko 2013, 419, 422, Nr. XX.2; Brosseder 2015, 241, note 102; Гугуев 2018, 60–61.

¹⁵⁴ Norling-Christensen 1952, 176–179; Kunow 1983, 26; Bienert 2007, 81; Luik 2016, 216, 217, Abb. 1, 3; Lund Hansen 2016, 230.

¹⁵⁵ См. в целом обзоры: Кропоткин 1970, 25, № 60–61; Раев, Науменко 1993, 155; Bărcă 2006, 172–174; 2009, 105–106; Bienert 2007, 81; Bărcă, Symonenko 2009, 189–190; Симоненко 2011, 54–55; Lund Hansen 2016, 231; Mustăț 2017, 93–94. К вопросу о начале времени их использования см. также Gorecki 2016, 200–201.

¹⁵⁶ Кропоткин 1970, 25, № 61; 97, № 842, рис. 62, 5, 7; Schelow 1982, 70; Petrovsky 1993, 79, 142, 192, G.Nr. A10.01. См. о клейме: Petrovsky 1993, 79, 84, 142, 192, A10.

Рис. 16. Ковш бронзовый – подражание типу Eggers 140. Общие виды. Ростов-на-Дону. Ул. Вятская. Курган № 6/1983. Погребение № 8. Азов, АИАПМЗ, инв. № 26454/71. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 16. Bronze casserole – imitation of Eggers 140 type. General views. Rostov-on-Don. Vyatskaya St. Burial-mound no. 6/1983. Burial no. 8. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 26454/71. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 17. Ковш бронзовый – подражание типу Eggers 140. Общие виды. Нагавский-II. Курган № 11/1988. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 26101/7. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 17. Bronze casserole – imitation of Eggers 140 type. General views. Nagavskii-II. Burial-mound no. 11/1988. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 26101/7. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 18. Ковш бронзовый типа Eggers 144. Общие виды. Чугуно-Крепинка. Курган № 2/1984. Погребение № 1. Киев, МИДУ, инв. № АЗС-3831. Фото, Д. Клочко
Fig. 18. Bronze casserole Eggers 144 type. General views and detail. Chuguno-Krepinka. Burial-mound no. 2/1984. Burial no. 1. Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine, inv.-no. AZS-3831. Photos, Dmitrii Klochko

Судя по именам на штемпелях, эти ковши изготавливались в Галлии, в том числе предположительно в окрестностях Лиона¹⁵⁷. На ковше из Чугуно-Крепинки имеется клеймо **PICVSF** *Picus F(ecit)* or *[Al]picus F(ecit)*, мастера, работавшего в Галлии в эпоху Флавиев¹⁵⁸.

Р. Петровски разделил ковши этого типа на три варианта (а–с), при этом ковш из Кобяковского могильника относится к варианту С, производство которого началось в 60–70-е гг. н.э. и продолжалось вплоть до первых десятилетий II в. н.э.¹⁵⁹ Ковш этого типа, найденный среди бронзовых сосудов, обнаруженных в Рейне у Нойпотца, награбленных в Галлии германцами в 259–260 гг. н.э., вероятно, свидетельствует о том, что ковши типа Гэдакер могли использоваться, наряду с другими ковшами I в. н.э. вплоть до середины III в. н.э.¹⁶⁰

6. Ковши *Radnóti 20*, *Eggers 147*, *Tassinari G5200*

Ковш рассматриваемого типа происходит из погребения № 1 кургана № 3/1989 могильника Плоский-II на Нижнем Дону¹⁶¹. Форма вместилища, сильно отогнутый наружу венчик и оформление ручки ближе к ее основанию двумя параллельными поперечными валиками и тремя отверстиями на конце позволяют относить ковш к типу *G5200*, по классификации С. Тассинари (*Radnóti 20*)¹⁶². Подобный серебряный ковш был найден в кургане А в Визе¹⁶³, а самая южная находка такого бронзового ковша происходит из некрополя Хаджар ам-Дайбия в Йемене¹⁶⁴. Известна находка аналогичного бронзового ковша и в Прикубанье – на Краснодарском городище¹⁶⁵. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко сопоставляют его по форме с ковшом со штемпелем Октавия Фауста¹⁶⁶, датируя краснодарский ковш второй половиной I в. н.э. Ковш аналогичной формы из Сисции имеет клеймо Требеллиуса Нигера¹⁶⁷.

Заключение

Если мы обратимся к находкам ранних ковшей типов *Eggers 131*, *136*, *137* и *140* в погребениях кочевников Сарматии, то обнаружим, что это наиболее рас-

¹⁵⁷ Petrovsky 1993, 82; Bienert 2007, 81.

¹⁵⁸ Bărcă 2009, 106; Симоненко 2011, 56–57. Клеймо: см. Petrovsky 1993, 174, Y26.

¹⁵⁹ Petrovsky 1993, 82.

¹⁶⁰ Petrovsky 1991, 79–80, Abb. 7; S. Künzl 1993a, 193–195, D74, Taf. 132–133; Petrovsky 1993, 343, Nr. SG 14, Taf. 38; 43; Petrovsky 2006, 99–100, Nr. 104; Petrovsky, Bernhard 2016, 249–250, 256.

¹⁶¹ Глухов 2005, 16, рис. 11, 5; Сергацков 2006, 54, рис. 2, 5. По мнению (ошибочному) В.П. Глебова, ковш относится к типу *Eggers 142* (Глебов 2004, 131).

¹⁶² Radnóti 1938, Taf. IV, 20; XXIV, 1 (из Паннонии). См. ковши с аналогично оформленными валиками ручками: Kunow 1983, 26; Wielowiejski 1985, 214–216, Abb. 5; Tassinari 1993, 124, no. 12857; 125, nos. 9974, 4949. В публикации Х. Норлинг-Кристенсена собраны различные варианты ковшей с тремя отверстиями на ручках, но среди них нет ковшей, аналогичных публикуемой находке, – торцы рукоятей этих ковшей либо – прямые, либо – сильно выпуклые (Norling-Christensen 1952, 179–191, figs. 15–24).

¹⁶³ Mansel 1939, 167, Nr. 10, Abb. 204; 1941, 176, Nr. 10; Onurkan 1988, 29, no. 26, fig. 3, pl. 8.

¹⁶⁴ Breton, Bâfaqih 1993, 28, no. 24; 49, pl. 27, fig. 81.

¹⁶⁵ Лимберис, Марченко 2006, 52, № 10; 70, рис. 7.

¹⁶⁶ Petrovsky 1993, 85, 86, Abb. 12, Anh. IV, O.04.

¹⁶⁷ Bolla 1994, 54, fig. 11; 59, App. IV.1.

пространенная категория импортной бронзовой посуды конца I в. до н.э. – I в. н.э. К находкам целых сосудов следует добавить и ножки от сосудов, которые происходят из двух ограбленных погребений в Приднепровье и двух – на Нижнем Дону¹⁶⁸. В целом можно говорить не менее, чем о 35 экземплярах находок ковшей рассматриваемых типов в Восточной Европе. Находки ранних ковшей относительно равномерно распределены на огромной территории, при этом выделяются их кластеры в Приднепровье, Юго-Западном Крыму, в Нижнем Подонье, Прикубанье и на Нижней Волге. На территории Азиатской Сарматии наибольшее широкое с точки зрения географического распределение получили ковши типов Eggers 137 и 140, отдельные находки которых известны и в Поволжье, и на Урале, и даже в Южном Зауралье. Впрочем, значительная часть этих находок или со следами ремонта (Большая Дмитриевка, Магнитный), или представляет собой вторичное использование фрагмента ковша по другому назначению в памятнике полукочевой кара-абызской культуры, в который он попал скорее всего через Сарматию, также как попал бронзовый ковш типа Eggers 140 в погребение пьяноборской культуры близ д. Ахтиал в бассейне Камы в районе Елабуги¹⁶⁹ и ковш типа Eggers 144 – в район д. Ныргында, также на Каме¹⁷⁰ (рис. 19).

При этом мы исключили из рассмотрения ковши Eggers 142, ситечки Eggers 160 (14 экз., в том числе 10 – в погребениях кочевников Азиатской Сарматии и Прикубанья) и патеры Eggers 155, ранние экземпляры которых также вполне могли быть у римских войск в ходе войны 45–49 гг. н.э.

На этом фоне находки других римских бронзовых сосудов, датирующихся первой половиной I в. н.э., в Северном Причерноморье единичны. В этой связи обращают на себя внимание находки в слое разрушения ранней цитадели городища Артезиан, датируемом 46–47 гг. н.э. и без сомнения произошедшем в ходе боспорско-римской войны, ножек-подставок двух типов, которые, как мы показали, с наибольшей вероятностью могли относиться к ковшам типов Eggers 131, 136, 137 или 140¹⁷¹. Важно отметить, что найденные в том же слое разрушения цитадели городища Артезиан серебряные канфары типа Высочино, как уже было показано нами, вероятно являющимися работами боспорских торевтов, найдены также на Нижнем Дону (в том числе в виде набора из четырех сосудов – в Высочино), в Прикубанье и в святилище на Гурзуфском седле¹⁷². Весьма вероятно, что распространение этих сосудов было также связано с событиями боспорско-римской войны.

Датирующиеся после середины I в. н.э. ковши типов Eggers 143, 144, 147, а также подражания ковшам типа Eggers 140 в погребениях кочевников Азиатской Сарматии представлены 10 экземплярами. Сюда надо добавить, по крайней мере, один из трех ковшей типа Eggers 142 с клеймом Л. Ансиуса Эпафродита, мастера, работавшего примерно с 50/55 по 80 гг. н.э. (из Старицы). В Прикуба-

¹⁶⁸ Винокуров, Трейстер 2018, 140–143, рис. 1, 2–3.

¹⁶⁹ Волкович 1941, 225–228, № 3, табл. III, 1–2; Шелов 1965, 268, 271, рис. 10, 3; Кропоткин 1970, 25, № 58; 94, № 809, рис. 61, 1–2; Schelow 1982, 70; Безруков 1999, 56.

¹⁷⁰ Волкович 1941, 231–233, табл. VI, 2–3; Шелов 1965, 268–269, 271, рис. 10, 2; Кропоткин 1970, 25, № 60; 94, № 810, рис. 61, 3–4; Schelow 1982, 70, Abb. 9; Безруков 1999, 56; Голдина, Красноперов 2012, 84.

¹⁷¹ Винокуров, Трейстер 2018, 145.

¹⁷² Белоусов и др. 2017, 31–38.

ные из одиннадцати учтенных бронзовых ковшей – пять экземпляров датируются временем после середины I в. н.э.¹⁷³, среди находок из сарматских памятников степей Северного Причерноморья, ковшей указанных типов также немного: Eggers 142 с клеймом Л. Ансиуса Эпафродита (1 экз. – Ново-Петровка¹⁷⁴) и Eggers 144 (1 экз. – Старые Кукошты¹⁷⁵). Особого внимания заслуживают подражания ковшам типа Eggers 140, возможно северопричерноморского (боспорского?) производства, которые представлены относительно большим количеством находок, преимущественно в комплексах на Нижнем Дону конца II – первой половины III в. н.э. Заметно изменения в распределении находок – оно стало более компактным. Их практически нет в Приднепровье, в Юго-Западном Крыму и в Нижнем Поволжье. Находки в Северо-Западном Причерноморье единичны, где преобладают ковши типа Eggers 144, один из которых найден в Ольвии. Поздние ковши в основном концентрируются на Нижнем Дону, как в Танаисе, так и сарматских и меотских могильниках, в меньшей степени – в Прикубанье и междуречье Волги и Дона. Их почти нет в Волго-Камье и на Урале (рис. 20).

Таким образом, из всех погребальных комплексов Сарматии количество римских бронзовых ковшей, датирующихся временем не ранее середины I в. н.э., в том числе и второй половиной I и II в. н.э., не превышает 18 экз., включая 5 экз. подражаний ковшам типа Eggers 140. И во второй половине I–II вв. н.э. среди импортной бронзовой посуды ковши оставались одной из наиболее распространенных групп, уступая по количеству лишь тазам типа Eggers 99–103 (в настоящее время в погребениях кочевников Азиатской Сарматии насчитывается 16 находок таких тазов (включая находки отдельных ручек; еще 15 экз., также включая находки отдельных ручек, происходят из Прикубанья¹⁷⁶ и три – в степях Северного Причерноморья и Крыма¹⁷⁷). Правда, справедливости ради, следует отметить, что наиболее распространенные тазы типов Eggers 99–100 появляются еще на позднем этапе правления Тиберия и производятся в течение довольно длительного времени: от ок. 25/35 до 115/130 гг. н.э.¹⁷⁸ Хотя основная масса тазов в сарматских памятниках происходит из комплексов II в. н.э., полностью исключать возможность того, что какие-то из них попали в Северное Причерноморье до середины I в. н.э. нельзя.

Соответственно, количество ранних римских бронзовых ковшей выделяется не только на фоне других хронологически близких типов римской бронзовой посуды, но и по сравнению с ковшам более позднего времени. Весьма вероятно, что распространение этих сосудов, которые являлись неотъемлемой частью походного снаряжения римских войск, было связано с событиями боспорско-римской войны 45–49 гг. н.э.

¹⁷³ Лимберис, Марченко 2006, 51–53; Marčenko, Limberis 2008, 287–288.

¹⁷⁴ Симоненко 2011, 51–53, рис. 30; 56; 225, № 111.1.

¹⁷⁵ Симоненко 2011, 54–55.

¹⁷⁶ Marčenko, Limberis 2008, 279–280.

¹⁷⁷ Симоненко 2011, 57–60, рис. 35, 1; 37.

¹⁷⁸ Petrovsky 1993, 114–118, Typ XV, 1–2; Erdrich 2001, 44; Luik 2016, 216, 217, Abb. 1, 9–10; 218.

Рис. 19. Карта. Распространение бронзовых ковшей типов Eggers 131, 136, 137, 140 в Восточной Европе и Зауралье. Е 131 – треугольник, Е 136 – квадрат, Е 137 – ромб, Е 140 – круг, ножка барочная – верхняя половина круга, ножка пельтовидная – нижняя половина круга. 1 – Трояны, 2 – Краснополка, 3 – Щучинка, 4 – Цветна, 5 – Усть-Каменка, 6 – Усть-Альма, 7 – Бельбек, 8 – Подгородное, 9 – Артезиан, 10 – Шенджий, 11 – Старокорсунское, 12 – Воронежское, 13 – Коноково, 14 – Займо-Обрыв, 15 – Крепостное городище, 16 – Высочино, 17 – Алитуб, 18 – Чеботарев-V, 19 – Багаевский, 20 – Новый, 21 – Скосырская, 22 – Сладковский, 23 – Арагир, 24 – Третьяки, 25 – Глинище, 26 – Авиловский, 27 – Большая Дмитриевка, 28 – Ахтиял, 29 – Охлебинино, 30 – Магнитный. М.Ю. Трейстер. 2019

Fig. 19. Map. The distribution of the bronze casseroles of the types Eggers 131, 136, 137, 140 in Eastern Europe and in Trans-Urals. E 131 – triangular, E 136 – square, E 137 – rhombus, E 140 – circle, “baroque” foot – upper part of the circle, pelta-shaped foot – lower part of the circle. 1 – Troyany, 2 – Krasnopolka, 3 – Shchuchinka, 4 – Tsvetna, 5 – Ust'-Kamenka, 6 – Ust'-Al'ma, 7 – Bel'bek, 8 – Podgorodnoe, 9 – Artezian, 10 – Shendzhii, 11 – Starokorsunskoe, 12 – Voronezhskoe, 13 – Konokovo, 14 – Zaimo-Obryv, 15 – Krepostnoe fortified settlement, 16 – Vysochino, 17 – Alitub, 18 – Chebotarev-V, 19 – Bagaevskii, 20 – Novyi, 21 – Skosyrskaya, 22 – Sladkovskii, 23 – Aragir, 24 – Tret'yaki, 25 – Glinishche, 26 – Avilovskii, 27 – Bol'shaya Dmitrievka, 28 – Akhtiyal, 29 – Okhlebinino, 30 – Magnitnyi. Map, Mikhail Treister, 2019

Рис. 20. Распространение бронзовых ковшей типов Eggers 141, 142, 143, 144, 147 и подражаний типу Eggers 140 в Восточной Европе и Зауралье. Е 141 – перевернутый треугольник, Е 142 – треугольник, Е 143 – квадрат, Е 144 – ромб, Е 147 – пятиугольник, подражания типу Е 140 – круг. 1 – Старые Куконешты, 2 – Ольвия, 3 – Ново-Петровка, 4 – Усть-Альма, 5 – Краснодарское городище, 6 – Старокорсунское городище № 2, 7 – Городской, 8 – Гирейский карьер, 9 – Губская, 10 – Чугуно-Крепинка, 11 – Танаис, 12 – Валовый-I, 13 – Высочино-V, VII, 14 – Ростов, Вятская ул., 15 – Нижнегниловское, 16 – Кобяковский, 17 – Плоский-II, 18 – Камышевский-I, 19 – Центральный-IV, 20 – Нагавский-II, 21 – Старица, 22 – Ныргында

Fig. 20. Map. The distribution of the bronze casseroles of the types Eggers 141, 142, 143, 144, 147 and imitations of the type Eggers 140 in Eastern Europe and in Trans-Urals. E 141 – inverted triangular, E 142 – triangular, E 143 – square, E 144 – rhombus, E 147 – pentagon, imitations of E 140 – circle. 1 – Starye Kukoneshty, 2 – Olbia, 3 – Novo-Petrovka, 4 – Ust'-Al'ma, 5 – Krasnodar fortified settlement, 6 – Starokorsunskoe fortified settlement no. 2, 7 – Gorodskoi, 8 – Gireiskii quarry, 9 – Gubskaya, 10 – Chuguno-Krepinka, 11 – Tanais, 12 – Valovyi-I, 13 – Vysochino-V, VII, 14 – Rostov-on-Don, Vyatskaya st., 15 – Nizhnegnilovskoe, 16 – Kobyakobskii, 17 – Ploskii-II, 18 – Kamyshevskii-I, 19 – Tsentral'nyi-IV, 20 – Nagavskii-II, 21 – Staritsa, 22 – Nyrgynda. Map, Mikhail Treister, 2019

Приложение 1. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа (%) бронзовых ковшей. Анализ на спектрометре Brüker (аналитик С.В. Хаврин, 2016).

№ пробы	Инв. №	Происхождение	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Puc.
BR3	АИАПМЗ, КП-25093/344	Займо-Обрыв-I, курган № 20/1988, погребение № 1	осн.	–	8–10	сл.	–	<0,2	–	<0,2	–	
BR-4	АИАПМЗ, КП-16429/40	Сладковский, курган № 12/1978, погребение № 1.	осн.	сл.	9–11	<0,3	сл.	–	сл.	<0,4	сл.	8–9
BR9	ЮФУ, б/№	Плоский-II, курган № 3, погребение № 1	осн.	<0,3	2–4	–	–	–	–	<0,3	–	
BR12	АВИМ, инв. № 17910/900	Новый, курган № 43/1982, погребение № 1 (ножка)	осн.	–	3–4	25–30	–	сл.	–	сл.	–	2, 4
BR13	То же	То же, венчик	осн.	–	4–6	–	–	–	–	<0,3	–	2
BR14	То же	То же, ручка	осн.	сл.	1–2	–	–	–	–	<0,4	–	2
BR18	БИХМ, инв. № 4910	Третьяки, курган № 16, погребение № 1	осн.	?	6–8	?	–	–	–	<0,3	–	6–7
BR27	ВОКМ, инв. № 26101/7	Наганский-II, курган № 11/1988, погребение № 1, (стенка)	осн.	–	6–8	<0,2	сл.	–	–	<0,3	–	17
BR30	СОМК, инв. № 47795	Большая Дмитриевка, курган № 96/1887	осн.	<0,2	9–11	–	сл.	–	–	<0,3	–	10–11

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1992: *Усадьбы Танаиса*. М.
- Безруков, А.В. 1999: Римская бронзовая посуда на территории Урала, Поволжья и Прикамья. *ПИФК VIII*, 54–61.
- Безуглов, С.И. 1997: Воинское позднесарматское погребение близ Азова. В кн.: В.Я. Кияшко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г.* Вып. 14. Азов, 133–142.
- Безуглов, С.И. 2017а: Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону. *Вестник Танаиса* 4, 84–127.
- Безуглов, С.И. 2017б: Танаис и кочевники Нижнего Дона во II–III вв. н.э. В кн.: В.Н. Зинько (ред.), *XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения*. Симферополь – Керчь, 29–33.
- Безуглов, С.И., Захаров, А.Б. 1992: Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья. В кн.: А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы хронологии сарматской культуры*. Саратов, 148–157.
- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Белоусов, А.В., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2017: Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье. В кн.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года*. Севастополь, 31–38.
- Берестнев, Р.С. 2017: *Сарматы в междуречье Хопра и Волги*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Воронеж.
- Беспалый, Е.И. 2000: Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. В кн.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона 1). Ростов-на-Дону, 156–168.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I»* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2008: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 1). Ростов-на-Дону.
- Боталов, С.Г. 2013: О гуннах европейских и гуннах азиатских. В кн.: С.Г. Боталов (ред.), *Гуннский форум*. Челябинск, 32–87.
- Боталов, С.Г., Иванов, А.А. 2012: Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье. *ПИФК* 4, 269–287.
- Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2018: Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье. В кн.: В. Зуев, В. Хршановский (ред.), *БФ*. СПб., 140–148.
- Волкович, А.М. 1941: К южным связям Прикамья в последние века до и. э. и первые века н.э. *Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа* I. Л., 219–236.
- Глебов, В.П. 2004: Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья. В кн.: *Сарматские культуры Евразии*, 127–133.
- Глухов, А.А. 2005: *Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э.* Волгоград.

- Голдина, Е.В., Красноперов, А.А. 2012: *Нырғындынський I моги́льник II–III вв. на Средней Каме* (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 22). Ижевск.
- Горбенко, А.А., Косяненко, В.М. 2011: *Некрополь Паниардиса* (Донские древности 11). Азов.
- Гугуев, В.К. 2018: Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху* III. Симферополь, 58–84.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 1999: Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *РА* 2, 157–171.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Труды ГИМ 205). М.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1993: Сарматское погребение скелптуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Демиденко, Ю.В. 1994: Сарматские погребения из могильника хутора Глинище. В кн.: В.И. Мамонтов (ред.), *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 4. Волгоград, 136–142.
- Ефимов, К.Ю. 1998: Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки. В кн.: А.П. Медведев (ред.), *Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н.э.* (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12). Воронеж, 19–35.
- Житников, В.Г. 1991: *Отчет о работе Камышевского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства орошаемого участка в колхозе «40 лет Октября» Цимлянского района Ростовской области в 1990 г.* Архив ИА РАН, Р-1, № 15065 (А–15066).
- Засецкая, И.П., Илюков, Л.С., Косяненко, В.М. 1999: Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб. *Донская археология* 1–2, 51–60.
- Иванов, А.А., Плешанов, М.Л. 2013: К вопросу о появлении «римского» импорта в урало-казахстанских степях. В кн.: С.Г. Боталов (ред.), *Гуннский форум*. Челябинск, 485–492.
- Илюков, Л.С., Власкин, М.В. 1992: *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону.
- Кривошеев, М.В. 2005: *Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации*: дисс. канд. ист. наук. Волгоград.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ, Д1-27). М.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2006: Бронзовые ковши и патеры из сарматских и мотских памятников Прикубанья. В кн.: А.В. Симоненко (ред.), *Liber Archaeologiae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар, Ростов-на-Дону, 51–77.
- Максименко, В.Е. 2015: Погребения с римскими импортами Сладковского курганного могильника. В кн.: В.А. Коренько, Л.А. Бойко (ред.), *TANAIN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. Памяти В.Е. Максименко (1934–2014)*. Ростов-на-Дону, 73–74.
- Максимов, Е.К. 1957: Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. *СА* 4, 157–161.
- Мимоход, Р.А., Успенский, П.С. 2017: Раскопки курганов в Аксайском районе. В кн.: Н.В. Лопатин (ред.), *Археологические открытия. 2015 г.* М., 208–210.
- Мимоход, Р.А., Успенский, П.С. 2019: Курганные могильники на Нижнем Дону. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое*. М., 58–61.
- Мыськов, Е.П., Сергацков, И.В. 1994: Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону. *РА* 2, 179–190.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.

- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 1). Симферополь–М.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 2). Симферополь–М.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017б: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг.* (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 3). Симферополь–М.
- Раев, Б.А., Науменко, С.А. 1993: Погребение с римскими импортами в Ростовской области. В кн.: Б.А. Раев (ред.), *Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева)*. Новочеркасск, 151–160, 183–187.
- Сергацков, И.В. 1994: Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры. В кн.: Д.М. Туган-Барановский (ред.), *Проблемы всеобщей истории. Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993*. Волгоград, 19–29.
- Сергацков, И.В. 2000: *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград.
- Сергацков, И.В. 2004: К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья. В кн.: *Сарматские культуры Евразии*. Волгоград, 107–116.
- Сергацков, И.В. 2006: Проблема становления среднесарматской культуры. В кн.: В.М. Клепиков (ред.), *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения*. Волгоград, 37–58.
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Скрипкин А.С. (ред.) 2013: *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград.
- Трейстер, М.Ю. 2016: Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный). В кн.: Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.), *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург, 279–286.
- Трейстер, М.Ю. 2018: Боспорско-римская война 45–49 гг. н.э. как катализатор одной из волн появления римской бронзовой посуды в Сарматии (взгляд с Боспора). В кн.: В. Зуев, В. Хршановский (ред.), *БФ. СПб.*, 148–156.
- Трейстер, М.Ю. 2019: Римский бронзовый ковш со следами модификации из сарматского погребения в Нижнем Подонье. В кн.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года*. Севастополь, 274–284.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Шаров, О.В. 2009: О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы. *БИ XXII*, 283–323.
- Шелов, Д.Б. 1965: Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н.э. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae XXV*, 251–274.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Шилов, В.П. 1968: Позднесарматское погребение у с. Старица. В кн.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград, 310–323.
- Шилов, В.П. 1975: *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Ленинград.
- Aurgocoechea Fernández, J. 2009: Vajilla metálica de época romana en la región central de Hispania (actuales CC.AA. de Madrid y Castilla-La Mancha). *Sautuola. Instituto de Prehistoria y Arqueología “Sautuola”, Santander XV*, 327–348.
- Baratte, F. 1986: *Le trésor l’orfèvrerie romaine le Boscoreale*. Paris.

- Baratte, F., Bonamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. 1984: *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône* (RAEC suppl. 5e). Dijon.
- Bârcă, V. 2006: Istorie și civilizație. Sarmatii în spațiul est-carpatic (sec. I a.Chr. – începutul sec. II p.Chr.). Cluj-Napoca.
- Bârcă, V. 2009: Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic / A few remarks on the import metal ware within the north-pontic sarmatian environment. In: O. Țentea, I.C. Oprea (eds.), *Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008* (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI). București, 85–124.
- Bârcă, V., Symonenko, O. 2009: *Călăreții stepelor. Sarmatii în spațiul nord-pontic / (Horsemen of the steppes. The Sarmatians in the Pontic Region)*. Cluj-Napoca.
- Bender, S., Marković, Z., Petrovsky, R., Stupperich, R. 2013: Neue Forschungen zu den Trau-Kasserollen. In: A. Zeeb-Lanz, R. Stupperich (Hrsg.), *Palatinatus Illustrandus. Festschrift für Helmut Bernhard zum 65. Geburtstag* (MENTOR 5). Wiesbaden, 69–92.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 2006: *Roman Military Equipment, from the Punic Wars to the Fall of Rome*. 2nd ed. Oxford.
- Bolla, M. 1994b: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano* (Rassegna di studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano Suppl. 11). Milano.
- Bolla, M., Castoldi, M., Terenziani, L. 1986: Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia. In: R. La Guardia (ed.), *Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e Umberto Tocchetti Pollini*. Milano, 195–209.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Breton, J.-F. Bâfaqih, M.A. 1993: *Trésors du Wâdî Dura' (République du Yemen). Fouilles franco-yéménites de la nécropole de Hajar am-Dhabiyya* (Institute français d'archéologie du Proche-Orient; Bibliothèque archéologique et historique, vol. 141). Paris.
- Brosseder, U. 2015: A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: J. Bemann, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn, 199–332.
- Carandini, A. 1977: Alcune forme bronzee conservate a Pompei e nel Museo Nazionale di Napoli. In: M. Anecchino et al. (ed.), *L'instrumentum domesticum di Ercolano e Pompei nella prima età imperiale* (Quaderni di cultura materiale 1). Roma, 163–168.
- Cat. Naples 2006: P.G. Guzzo (ed.), *Argenti a Pompei*. Milano.
- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano.
- Çetin, C. 2015: Isparta Müzesi'nden bir grup bronz eser. *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* 20, 11–31.
- Deimel, M. 1987: *Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg* (Kärntner Museumsschriften 71, Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 9). Klagenfurt.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- Depeyrot, G., Feugère, M., Gauthier, P. 1986: Prospections dans la moyenne et basse vallée de l'Hérault: monnaies et petits objets. *Archéologie en Languedoc* 4, 113–163.
- Deschler-Erb, E. 1996: Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei. In: *Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitodurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl* (Monogr. Kantonsarch. Zürich 27). Zürich–Egg, 13–139.
- Dieudonné-Glad, N., Feugère, M., Önal, M. 2013: *Les objets* (Zeugma V). Lyon.
- Drobejar, E. 2014: Bohatý labsko-germanský kostrový hrob ľubsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezu z roku 1948. *Archaeologica Pragensia* 22, 397–443.

- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Eggers, H.J. 1966: Römische Bronzegefäße in Britannien. *JbRGZM* 13, 67–164.
- Erdrich, M. 2001: *Rom und die Barbaren* (Römisch-Germanische Forschungen 58). Mainz.
- Fazekas, F., Szabó, A. 2008: Ausgewählte Bronzegefäße aus dem Kastell von Lussonium. In: Ch. Franek, S. Lamm, T. Neuhauser, B. Porod, K. Zöhrer (Hrsg.), *Thiasos. Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65. Geburtstag* Wien, 243–254.
- Feugère, M. 1984: Le trésor de Chalain-d'Uzore (Loire). *Cahiers Archéologique de la Loire* 4-5, 35–70.
- Feugère, M. 1992: Bibelots, quincaillerie et colifichets: le monde des petits objets. In: *20 000 m³ d'histoire. Les fouilles du Parking de la Mairie à Besançon*. Besançon, 130–171.
- Flügel, Ch. 1993: *Die römischen Bronzegefäße von Kempton-Cambodunum* (Cambodunumforschungen V) (Materialhefte zur bayerischen Archäologie 63). Kallmünz.
- Franke, R. 2009: *Römische Kleinfunde aus Burghöfe 3. Militärische Ausrüstungsgegenstände, Pferdegeschirr, Bronzegeschirr und -gerät* (Frühgeschichtliche und Provinzialrömische Archäologie. Materialien und Forschungen, 9). Rahden/Westfalen.
- Gaspari, A., Krempuš, R., Erič, M., Bokal, S. 2001: Arheološko najdišče v strugi Savinje v Delju, *Arheološki vestnik* 52, 281–302.
- Gauer, W. 1991: *Die Bronzegefäße von Olympia mit Ausnahme der geometrischen Dreifüße und der Kessel des orientalischen Stils*. Teil 1: *Kessel und Becken mit Untersätzen, Teller, Kratere, Hydrien, Eimer, Situlen und Cisten, Schöpfhumpen und verschiedenes Gerät* (Olympische Forschungen 20). Berlin.
- Giovannini, A., Tasca, G. 2016: *Metalli antichi del Museo di San Vito al Tagliamento. L'età romana e altomedievale*. San Vito al Tagliamento. Pordenone.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 177–214.
- Guguev, V.K. 1986: The Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery. In: *Roman Imports*, 71–72.
- Hernández Prieto, M.A. 1985: Propuesta de clasificación para los pies de recipiente de bronce romanos. *Boletín del Museo de Zaragoza* 4, 151–162.
- Höck, A. 2006: Ausgrabungen 1999 im Bereich der „Kohlstadt“, Gem. Biberwier– mittelalterliche Nutzung und römische Neufunde im Tiroler Abschnitt der Via Claudia Augusta. In: E. Walde, G. Grabherr, G. Fuchs (Hrsg.), *Via Claudia Augusta und Römerstraßenforschung im östlichen Alpenraum*. Innsbruck, 368–391.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1984: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 1. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 47–70.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1988–89: Bronzegefäße aus Baden-Aquae Helveticae. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 58–77.
- Horváth, L. 2013: Római bronzserpenyő a Murából, Tótszerdahelyen (Zala megye). Roman bronze saucepan from Mura river in Tótszerdahely (Zala county). *Zalai Múzeum* 21, 119–130.
- Hrnčiarik, E. 2013: *Römisches Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei* (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 222). Bonn.
- Hübener, W. 1973: *Die römischen Metallfunde von Augsburg-Oberhausen* (Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte 28). Kallmünz.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Ilyukov, L.S. 1986: Grave 43 in the Barrow Cemetery “Novyj”. In: *Roman Imports*, 79–80.
- Jilek, J. 2009: *Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska*. Pardubice.

- Jílek, J. 2015: Roman Metal Vessels in the Milieu of Germanic Elites in the Middle Danube Region. *Studia Hercynia* XIX/1–2, 169–188.
- Juhász, L. 2015: Bronze head with Suebian Nodus from Aquincum. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae* Ser. 3. No. 3, 77–81.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses 22). Praga.
- Klindt-Jensen, O. 1941: La trouvaille de Kaerumbaard. Traits des industries du bronze romains et germains. *Acta Archaeologica* XII, 144–176.
- Koçel Erdem, Z. 2009: Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace. *Anatolia Antiqua* 17, 209–238.
- Kołoszuk, I. 2015: Importowane naczynie brązowe ze stemplem Publiusza Cipiusza Polibiusza na cmentarzysku kurhanowym z okresu wpływów rzymskich w Grudnej, pow. złotowski, stan. 2. *Folia Praehistoria Posnaniensia* 20, 219–233.
- Krierer, K.R. 2002: Germanenbüsten auf dem Kessel. Die Henkelattaschen des Bronzekessels. In: *Das germanische Königsgrab aus Mušov*, 367–385.
- Krierer, K.R. 2004: *Antike Germanenbilder* (Archäologische Forschungen 11). Wien.
- Künzl, S. 1993: Das Tafelgeschirr (D2–121). In: E. Künzl (Hrsg.), *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz (Plünderungsgut aus dem römischen Gallien)* (Monographien des RGZM 34, 1). Mainz, 113–227.
- Kunzl, E., Kunzl, S. 2002: Römische Metallgefäße. In: *Das germanische Königsgrab aus Mušov*, 569–580.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Kunow, J. 1985: Die capuanischen Bronzegefäßhersteller Lucius Ansus Epaphroditus und Publius Cypius Polybius. *BJb* 185, 215–242.
- Labaune, Y. 2000: *Le mobilier métallique gallo-romain d'Autun-Augustodunum. Bilan et perspectives à partir des collections anciennes conservées au Musée Rolin à Autun*. Dijon.
- Lehner, H. 1904: Die Einzelfunde von Novaesium. *BJb* 111/112, 243–418.
- Luik, M. 2016: Buntmetallgefäße der mittleren Kaiserzeit zwischen Rhein und Pyrenäen. Ein Forschungsüberblick. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 215–228.
- Lund Hansen, U. 2016: Kasserollen und Kelle- / Sieb-Garnituren als Indikatoren für Einsicht in den Übergang von der Älteren zur Jüngeren Römischen Kaiserzeit im Barbaricum. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 229–244.
- Maćczyńska, M. Rudnicka, D. 2004: Ein Grab mit römischen Importen aus Czarnówko, Kr. Leborg (Pommern). *Germania* 82, 397–429.
- Maksimenko, V.E. 1986: The Grave with Roman Imports in the Sladkovsky Barrow Cemetery. In: *Roman Imports*, 81–82.
- Mansel, A.M. 1939: Grabhügelforschung in Ostthrakien. *Bulletin de l'Institut archéologique bulgare* XIX, 154–189.
- Mansel, A.M. 1941: Grabhügelforschung im östlichen Thrakien. *Archäologischer Anzeiger*, 119–187.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Medvedev, A.P., Yefimov, K.Yu. 1986: A Sarmatian Barrow with Roman and Chinese Imports in the Middle Don Region. In: *Roman Imports*, 83–84.

- Müller, M. 1997: Die römischen Bronzegefäße von Haltern. *Ausgrabungen u. Funde i. Westfalen-Lippe* 9/A, 5–40.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Mustață, S., Ferencz, I.V., Dima, C. 2014: A Roman Thin-cast Bronze Saucepan from the Dacian Fortress at Ardeu (Hunedoara County, Romania). *Journal of Ancient History and Archeology* 1.2, 40–49.
- Mutz, A. 1972: *Die Kunst des Metalledrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren*. Stuttgart.
- Norling-Christensen, H. 1939: Dalen-fundet: et gravfund fra romersk jernalder med romersk importgods. *Fornvænnen* 34, 288–304.
- Norling-Christensen, H. 1952: Kasseroller med tre huller eller tredelt hut i skaftet. *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie* (1953), 166–194.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Painter, K. 2001: *The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure*. Oxford.
- Petrovsky, R. 1991: Bemerkungen zu Stempeln auf Bronzegefäßen. *Specimina nova Universitatis Quinqueecclesiensis* 7, 69–91.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Petrovsky, R. 2006: Die Kasserollen. In: Historisches Museum der Pfalz Speyer (Hrsg.), *Geraubt und im Rhein versunken. Der Barbarenschatz*. Stuttgart, 99–100.
- Petrovsky, R., Bernhard, H. 2016: Versunken im Rhein. Typenspektren der „Beutehorten“ im Vergleich. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 245–260.
- Petrovsky, R., Stupperich, R. 2002: *Die „Trau-Kasserollen“*. Einige Bemerkungen zu den reliefverzierten Kasserollen E 151 (Mentor. Studien zu Metallarbeiten und Toreutik der Antike 1). Möhnese.
- Poulsen, E. 1995: Remarks on Roman Bronze Skillets with Deep Grooves under the Base. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.), *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992* (Nederlandse archeologische Rapporten, 18). Nijmegen, 59–69.
- Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2004: Prunkbestattungen des 1.Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999. *Eurasia Antiqua* 10, 229–267.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu* / Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade (Antika / Antiquity IX). Beograd.
- Schelow, D.B. 1968: Der römische Import im Unterdon und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z. In: *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Amsterdam, 238–246.
- Schelow, D.B. 1982: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene* 18, 61–76.
- Schreiber, Th. 1894: *Die alexandrinische Toreutik. Untersuchungen über die griechische Goldschmiedekunst im Ptolemäerreiche*. Leipzig.
- Schuster, J. 2014: Złoty wiek – Czarnówko w okresie wpływów rzymskich i w okresie wędrowek ludów/ Golden Age – Czarnówko during the Roman Period and the Migration Period. In: J. Adrzejowski, J. Schuster (eds.), *O kruch złota w popiele ogniska...A fleck of gold in the ashes...* (Monumenta Archaeologica Barbarica 1). Leborg, Warszawa, 53–89.

- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In: B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992* (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor, XLIV). Napoli, 263–277.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 1–264.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stupperich, R. 1991: Frühkaiserzeitliche figürliche Bronzen im nordwestlichen Germanien. Ein Überblick. In: B. Trier (Hrsg.), *Die römische Okkupation nördlich der Alpen zur Zeit des Augustus. Kolloquium Bergkamen 1989, Vorträge* (Bodenaltertümer Westfalens 26). Münster, 167–184.
- Sueur, Q. 2018: *La vaisselle métallique de Gaule septentrionale à la veille de la conquête: typologie, fonction et diffusion* (Monographies Instrumentum 55). Montagnac.
- Tassinari, S. 1975a: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tassinari, S., Burkhalter, F. 1984: Moules de Tartous: techniques et production d'un atelier de toreutique antique. In: U. Gehrig (ed.), *Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Akten der 6. Tagung über antike Bronzen*. Berlin, 87–106.
- Tejral, J. 1967: K otázce importu bronzových nádob na Moravu ve starší době římské. *Památky archeologické* LVIII.1, 81–134.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes*. Resource, Reconstruction, Representation, Role (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–188.
- Ulbert, G. 1959: *Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe* (Limesforschungen 1). Berlin.
- Veličko, E. 2013: Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 418–423.
- Volkov, I.V., Guguev, Yu.K. 1986: A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. In: Roman Imports, 73–74.
- Waldbaum, J.C. 1983: *Metalwork from Sardis* (Archaeological Exploration of Sardis 8). Cambridge, Mass. – London.
- Werner, J. 1954: Die Bronzekanne von Kelheim. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 20, 43–73.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 66, 123–320.
- Willers, H. 1907: *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover, Leipzig.
- Yadin, Y. 1963: *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils* (Judean Desert Studies 1). Jerusalem.

REFERENCES

- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 1992: *Usad'by Tanaisa* [*The Estates of Tanais*]. Moscow.
- Aurrecoechea Fernández, J. 2009: Vajilla metálica de época romana en la región central de *Hispania* (actuales CC.AA. de Madrid y Castilla-La Mancha). *Sautuola. Instituto de Pre-historia y Arqueología "Sautuola", Santander XV*, 327–348.
- Baratte, F. 1986: *Le trésor l'orfèvrerie romaine le Boscoreale*. Paris.
- Baratte, F., Bonamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. 1984: *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône* (RAEC suppl. 5e). Dijon.
- Bârcă, V. 2006: Istorie și civilizație. Sarmatii în spațiul est-carpatic (sec. I a.Chr. – începutul sec. II p.Chr.). Cluj-Napoca.
- Bârcă, V. 2009: Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic / A few remarks on the import metal ware within the north-pontic sarmatian environment. In: O. Țentea, I.C. Opriș (eds.), *Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008* (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI). București, 85–124.
- Bârcă, V., Symonenko, O. 2009: *Călăreții stepelor. Sarmatii în spațiul nord-pontic (Horsemen of the steppes. The Sarmatians in the Pontic Region)*. Cluj-Napoca.
- Bender, S., Marković, Z., Petrovsky, R., Stupperich, R. 2013: Neue Forschungen zu den Trau-Kasserollen. In: A. Zeeb-Lanz, R. Stupperich (Hrsg.), *Palatinatus Illustrandus. Festschrift für Helmut Bernhard zum 65. Geburtstag* (MENTOR 5). Wiesbaden, 69–92.
- Belousov, A.V., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2017: Serebryanye kanfary iz slova pozhara 46/47 g. vremeni bosporo-rimskoy voyny na gorodishche Artezian v Krymskom Priazov'e [Silver Canthari from the burned layer of 46/47 AD of the time of Bosporan-Roman War at the Artezian Fortified Site at the Azov Coast of the Crimea]. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii, Sevastopol', 10–12 oktyabrya 2017 goda* [Ancient Relics of Chersonesos: discoveries, finds, theories. Acta of the Intern. Conference. Sevastopol, 10–12 October 2017]. Sevastopol, 31–38.
- Berestnev, R.S. 2017: *Sarmaty v mezhdurech'e Khopra i Volgi* [Sarmatians in the Interfluvium of Khoper and Volga Rivers. Problems of Chronology and Periodization]. Ph.D. Dissertation. Voronezh.
- Bespalyy, E.I., 2000: Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Vysochino V na vodorazdele mezhdru Kagal'nikom i Donom [Late Sarmatian Burial from the Vysochino V necropolis at the Watershed between Kagal'nik and Don]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbors at the Don River] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Materials and Investigations in the Archaeology of the Don Basin] 1). Rostov-on-Don, 156–168.
- Bespalyy, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik "Valovyy I"* [The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Necropolis "Valovyy I"] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino* [The Ancient Population of the Interfluvium of the Don and Kagal'nik. Kurgan Necropolis near the village of Vysochino] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 1). Rostov-on-Don.
- Bezrukov, A.V. 1999: Rimskaya bronzovaya posuda na territorii Urala, Povolzh'ya i Prikam'ya [Roman Bronzeware in the Territory of the Urals, Volga and Kama Basins]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] VIII, 54–61.

- Bezuglov, S.I. 1997: Voinskoe pozdnesarmatskoe pogrebenie bliz Azova [Late Sarmatian burial of a Warrior near Azov]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g.* [Historical and Archaeological Investigations in Azov and in the Lower Don Basin in 1994]. Iss. 14. Azov, 133–142.
- Bezuglov, S.I. 2017a: Pozdnesarmatskii kurgan u stanicy Kamyshevskoi na Donu [Late Sarmatian Burial-mound near the Cossack Village Kamyshevskaya on the Don]. *Vetsnik Tanaisa* [Tanais Herald] 4, 84–127.
- Bezuglov, S.I. 2017b: Tanais i kochevniki Nizhnego Dona vo II–III vv. n.e. [Tanais and the Nomads of the Lower Don in the 2nd–3rd Centuries AD]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya* [XVIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Periods of Antiquity and the Middle Ages. Trade: Ways – Goods – Relationships]. Simferopol–Kerch, 29–33.
- Bezuglov, S.I., Zakharov, A.B. 1992: Novye dannye k khronologii srednesarmatskikh pogrebeniy Donskogo Pravoberezh'ya [New Data on the Chronology of the Middle Sarmatian Burials of the Right Bank of the Don River]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Problemy khronologii sarmatskoy kul'tury* [The Problems of Chronology of the Sarmatian Culture]. Saratov, 148–157.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (Tumuli Necropolis Valovyy I)]. Rostov-on-Don.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 2006: *Roman Military Equipment, from the Punic Wars to the Fall of Rome*. 2nd ed. Oxford.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano* (Rassegna di studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano Suppl. 11). Milano.
- Bolla, M., Castoldi, M., Terenziani, L. 1986: Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia. In: R. La Guardia (ed.), *Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e Umberto Tocchetti Pollini*. Milano, 195–209.
- Botalov, S.G. 2013: O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [About European Hunnu and Asiatic Hunnu]. In: S.G. Botalov (red.), *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii evraziyskikh gunnov* [The Hunnu Forum. The Problem of Origin and Identification of Eurasian Hunnu]. Chelyabinsk, 32–87.
- Botalov, S.G., Ivanov, A.A. 2012: Novyy kompleks kochevoy aristokratii gunno-sarmatskogo vremeni v Yuzhnom Zaural'e [A New Complex of Nomadic Aristocracy of the Hunnu-Sarmatian Period in the South Trans-Urals]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 269–287.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Breton, J.-F. Bâfaqih, M.A. 1993: *Trésors du Wâdi Dura' (République du Yemen). Fouilles franco-yéménites de la nécropole de Hajar am-Dhabiyya* (Institut français d'archéologie du Proche-Orient; Bibliothèque archéologique et historique, vol. 141). Paris.
- Brosseder, U. 2015: A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: J. Bemmann, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn, 199–332.
- Carandini, A. 1977: Alcune forme bronzee conservate a Pompei e nel Museo Nazionale di Napoli. In: M. Anecchino et al. (ed.), *L'instrumentum domesticum di Ercolano e Pompei nella prima eta imperiale* (Quaderni di cultura materiale 1). Roma, 163–168.
- Cat. Naples 2006: P.G. Guzzo (ed.), *Argenti a Pompei*. Milano.

- Cat. Rome 2005: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.), *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano.
- Çetin, C. 2015: Isparta Müzesi'nden bir grup bronz eser. *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* 20, 11–31.
- Deimel, M. 1987: *Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg* (Kärntner Museumsschriften 71, Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 9). Klagenfurt.
- Demidenko, Yu.V. 1994: Sarmatskie pogrebeniya iz mogil'nika khutora Glinishche [Sarmatian Burials from the Necropolis near Glinishche Farmstead]. In: V.I. Mamontov (ed.), *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes]. Iss. 4. Volgograd, 136–142.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- Depeyrot, G., Feugère, M., Gauthier, P. 1986: Prospections dans la moyenne et basse vallée de l'Hérault: monnaies et petits objets. *Archéologie en Languedoc*. 4, 113–163.
- Deschler-Erb, E. 1996: Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei. In: *Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitudurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl* (Monogr. Kantonsarch. Zürich 27). Zürich–Egg, 13–139.
- Dieudonné-Glad, N., Feugère, M., Önal, M. 2013: *Les objets* (Zeugma V). Lyon.
- Drobejar, E. 2014: Bohatý labsko-germanský kostrový hrob lübsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezu z roku 1948. *Archaeologica Pragensia* 22, 397–443.
- Dvornichesko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n.e. u s. Kosika Astrakhanskoy oblasti [A Sarmatian Burial of the 1st Century AD Skeptuchos near the Village Kosika in the Astrakhan Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 141–179.
- Efimov, K.Yu. 1998: Sarmatskie kurgany v mogil'nike u s. Tret'yaki [Sarmatian Burial-mounds in the Necropolis near the village of Tret'yaki]. In: A.P. Medvedev (ed.), *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya I tysyacheletiya n.e.* [Archaeological Sites of the Upper Don in the 1st Millennium AD] (Arkheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi [Archaeology of Eastern European Forest-Steppe Zone]. Iss. 12). Voronezh, 19–35.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Eggers, H.J. 1966: Römische Bronzegefäße in Britannien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 13, 67–164.
- Erdrich, M. 2001: *Rom und die Barbaren* (Römisch-Germanische Forschungen 58). Mainz.
- Fazekas, F., Szabó, A. 2008: Ausgewählte Bronzegefäße aus dem Kastell von Lussonium. In: Ch. Franek, S. Lamm, T. Neuhauser, B. Porod, K. Zöhrer (Hrsg.), *Thiasos. Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65. Geburtstag* Wien, 243–254.
- Feugère, M. 1984: Le trésor de Chalain-d'Uzore (Loire). *Cahiers Archéologique de la Loire* 4-5, 35–70.
- Feugère, M. 1992: Bibelots, quincaillerie et colifichets: le monde des petits objets. In: *20 000 m³ d'histoire. Les fouilles du Parking de la Mairie à Besançon*. Besançon, 130–171.
- Flügel, Ch. 1993: *Die römischen Bronzegefäße von Kempten-Cambodunum* (Cambodunumforschungen V) (Materialhefte zur bayerischen Archäologie 63). Kallmünz.
- Franke, R. 2009: *Römische Kleinfunde aus Burghöfe 3. Militärische Ausrüstungsgegenstände, Pferdegeschirr, Bronzegeräte und -gerät* (Frühgeschichtliche und Provinzialrömische Archäologie. Materialien und Forschungen, 9). Rahden/Westfalen.
- Gaspari, A., Krempuš, R., Erič, M., Bokál, S. 2001: Arheološko najdišče v strugi Savinje v Delju, *Arheološki vestnik* 52, 281–302.

- Gauer, W. 1991: *Die Bronzegefäße von Olympia mit Ausnahme der geometrischen Dreifüße und der Kessel des orientalischen Stils*. Teil 1: *Kessel und Becken mit Untersätzen, Teller, Kratere, Hydrien, Eimer, Situlen und Cisten, Schöpfhumpen und verschiedenes Gerät* (Olympische Forschungen 20). Berlin.
- Giovannini, A., Tasca, G. 2016: *Metalli antichi del Museo di San Vito al Tagliamento. L'età romana e altomedievale*. San Vito al Tagliamento. Pordenone.
- Glebov, V.P. 2004: Khronologiya rannesarmatskoi i srednesarmatskoi kul'tur Nizhnego Podon'ya [The Chronology of Early Sarmatian and Middle Sarmatian cultures of the Lower Don]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Papers for the 5th International Conference "Problems of Sarmatian Archeology and History"]. Krasnodar, 127–133.
- Glukhov, A.A. 2005: *Sarmaty mezhdu rech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [The Sarmatians of the Interfluvium of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Centuries AD]. Volgograd.
- Goldina, E.V., Krasnoperov, A.A. 2012: *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame* [Nyrgynda I Necropolis of the 2nd–3rd Centuries AD in the Middle Kama Basin] (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials and Studies of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition] 22). Izhevsk.
- Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011: Nekropol' Paniardisa [The Necropolis of Paniardis]. *Donskie drevnosti* [The Antiquities of Don]. Iss.11. Azov.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 177–214.
- Guguev, V.K. 1986: The Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery. In: B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 71–72.
- Guguev, V.K. 2018: Dva pogrebeniya s zapadnymi i vostochnymi importami s territorii Kobyakovskogo kurgannogo mogil'nika [Two Burials with Western and Eastern Imports from the territory of the Kobyakovo Kurgan Necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the Sarmatian Period] III. Simferopol, 58–84.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 1999: Pogrebeniya s bronzovoi posudoi iz mogil'nika Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [Burials with Bronze Vessels dishes from Belbek IV Burial-ground in South-Western Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 2, 157–171.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of the Roman Period Belbek IV in Southwestern Crimea (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Proceedings of the State Historical Museum], Iss. 205). Moscow.
- Hernández Prieto, M.A. 1985: Propuesta de clasificación para los pies de recipiente de bronce romanos. *Boletín del Museo de Zaragoza* 4, 151–162.
- Höck, A. 2006: Ausgrabungen 1999 im Bereich der „Kohlstadt“, Gem. Biberwier– mittelalterliche Nutzung und römische Neufunde im Tiroler Abschnitt der Via Claudia Augusta. In: E. Walde, G. Grabherr, G. Fuchs (Hrsg.), *Via Claudia Augusta und Römerstraßenforschung im östlichen Alpenraum*. Innsbruck, 368–391.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1984: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 1. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 47–70.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1988–89: Bronzegefäße aus Baden-Aquae Helveticae. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 58–77.
- Horváth, L. 2013: Római bronzserpenyő a Murából, Tótszerdahelyen (Zala megye). Roman bronze saucepan from Mura river in Tótszerdahely (Zala county). *Zalai Múzeum* 21, 119–130.

- Hrnčiarik, E. 2013: *Römisches Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei* (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 222). Bonn.
- Hübener, W. 1973: *Die römischen Metallfunde von Augsburg-Oberhausen* (Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte 28). Kallmünz.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Ilyukov, L.S. 1986: Grave 43 in the Barrow Cemetery “Novyj”. In: B.A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 79–80.
- Ilyukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992: *Sarmaty mezhdu rech'ya Sala i Manycha* [The Sarmatians of the Interfluvium of Sal and Manych Rivers]. Rostov-on-Don.
- Ivanov, A.A., Pleshanov, M.L. 2013: K voprosu o poyavlenii “rimskogo” importa v uralo-kazakhstanskikh stepyakh [To the Question of the Appearance of the “Roman” Imports in the Steppes of the Urals and Kazakhstan]. In: S.G. Botalov (red.), *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii evraziyskikh gunnov* [The Hunnu Forum. The Problem of Origin and Identification of Eurasian Hunnu]. Chelyabinsk, 485–492.
- Jílek, J. 2009: *Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska*. Pardubice.
- Jílek, J. 2015: Roman Metal Vessels in the Milieu of Germanic Elites in the Middle Danube Region. *Studia Hercynia* XIX/1–2, 169–188.
- Juhász, L. 2015: Bronze head with Suebian Nodus from Aquincum. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae* Ser. 3. No. 3, 77–81.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses 22). Praga.
- Klindt-Jensen, O. 1941: La trouvaille de Kaerumbaard. Traits des industries du bronze romains et germaniques. *Acta Archaeologica* XII, 144–176.
- Koçel Erdem, Z. 2009: Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace. *Anatolia Antiqua* 17, 209–238.
- Kołoszuk, I. 2015: Importowane naczynie brązowe ze stemplem Publiusza Cypiusza Polibiusza na cmentarzysku kurhanowym z okresu wpływów rzymskich w Grudnej, pow. złotowski, stan. 2. *Folia Praehistoria Posnaniensis* 20, 219–233.
- Krierer, K.R. 2002: Germanenbüsten auf dem Kessel. Die Henkelattaschen des Bronzekessels. In: *Das germanische Königsggrab aus Mušov*, 367–385.
- Krierer, K.R. 2004: *Antike Germanenbilder* (Archäologische Forschungen 11). Wien.
- Krivosheev, M.V. 2005: *Pozdnesarmatskaya kul'tura yuzhnoy chasti mezhdu rech'ya Volgi i Dona. Problemy khronologii i periodizatsii*. [Late Sarmatian Culture of the Southern Part of Volga-Don Interfluvium. Problems of Chronology and Periodization.]. Ph.D. Dissertation Volgograd.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoi Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)] (Svod arkhologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]. – Д1-27). Moscow.
- Künzl, S. 1993: Das Tafelgeschirr (D2–121). In: E. Künzl (Hrsg.), *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz (Plünderungsgut aus dem römischen Gallien)* (Monographien des RGZM 34, 1). Mainz, 113–227.
- Kunzl, E., Kunzl, S. 2002: Römische Metallgefäße. In: *Das germanische Königsggrab aus Mušov*, 569–580.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.

- Kunow, J. 1985: Die capuanischen Bronzegefäßhersteller Lucius Ansius Epaphroditus und Publius Cippius Polybius. *BJb* 185, 215–242.
- Labaune, Y. 2000: *Le mobilier métallique gallo-romain d'Autun-Augustodunum. Bilan et perspectives à partir des collections anciennes conservées au Musée Rolin à Autun*. Dijon.
- Lehner, H. 1904: Die Einzelfunde von Novaesium. *BJb* 111/112, 243–418.
- Limberis, N.Yu. Marchenko, I.I. 2006: Bronzovye kovshi i pateri iz sarmatskikh i meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Bronze Casseroles and Pateras from the Sarmatian and Meotian sites of the Kuban Region]. In: A.V. Simonenko (ed.), *Liber Archaeologiae. Sbornik statej, posvyashchennyh 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva* [*Liber Archaeologiae. Collection of Articles dedicated to the 60th Anniversary of Boris Aronovich Raev*]. Krasnodar–Rostov-on-Don, 51–77.
- Luik, M. 2016: Buntmetallgefäße der mittleren Kaiserzeit zwischen Rhein und Pyrenäen. Ein Forschungsüberblick. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 215–228.
- Lund Hansen, U. 2016: Kasserollen und Kelle- / Sieb-Garnituren als Indikatoren für Einsicht in den Übergang von der Älteren zur Jüngeren Römischen Kaiserzeit im Barbaricum. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 229–244.
- Maćczyńska, M. Rudnicka, D. 2004: Ein Grab mit römischen Importen aus Czarnówko, Kr. Leborg (Pommern). *Germania* 82, 397–429.
- Maksimenko, V.E. 1986: The Grave with Roman Imports in the Sladkovsky Barrow Cemetery. In: B.A. Raev (red.), *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 81–82.
- Maksimenko, V.E. 2015: Pogrebeniya s rimskimi importami Sladkovskogo kurganogo mogil'nika [Burials with Roman Imports of the Sladkovskii Kurgan Necropolis]. In: V.A. Korenyako, L.A. Boyko (eds.), *TANAIN AE PIOTAMON AIABANTI. Pamyti V.E. Maksimenko (1934–2014)* [*TANAIN AE PIOTAMON AIABANTI. To the Memory of V.E. Maksimenko (1934–2014)*]. Rostov-on-Don, 73–74.
- Maksimov, E.K. 1957: Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Bol'shaya Dmitrievka Saratovskoy oblasti [A Sarmatian Burial from the Burial-mound near the Village of Bol'shaya Dmitrievka in the Saratov Region]. *Sovetskaya Arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 4, 157–161.
- Mansel, A.M. 1939: Grabhügelforschung in Ostthrakien. *Bulletin de l'Institut archéologique bulgare* XIX, 154–189.
- Mansel, A.M. 1941: Grabhügelforschung im östlichen Thrakien. *Archäologischer Anzeiger*, 119–187.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Medvedev, A.P., Yefimov, K.Yu. 1986: A Sarmatian Barrow with Roman and Chinese Imports in the Middle Don Region. In: B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 83–84.
- Mimokhod, R.A., Uspenskii, P.S. 2017: Raskopki kurganov v Aksaiskom raione [The Excavations of the Kurgans in the Aksai District]. In: N.V. Lopatin (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiya. 2015 g.* [*Archaeological Discoveries*]. Moscow, 208–210.
- Mimokhod, R.A., Uspenskiy, P.S. 2019: Kurgannye mogil'niki na Nizhnem Donu. In: N.A. Makarov (ed.), *Novye arkheologicheskie proekty. Vossozdavaya proshloe* [*New Archaeological Projects. Reconstructing the Past*]. Moscow, 58–61.
- Müller, M. 1997: Die römischen Bronzegefäße von Haltern. *Ausgrabungen u. Funde i. Westfalen-Lippe* 9/A, 5–40.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.

- Mustață, S., Ferencz, I.V., Dima, C. 2014: A Roman Thin-cast Bronze Saucepan from the Dacian Fortress at Ardeu (Hunedoara County, Romania). *Journal of Ancient History and Archeology* 1.2, 40–49.
- Mutz, A. 1972: *Die Kunst des Metalledrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren*. Stuttgart.
- Myskov, E.P., Sergatskov, I.V. 1994: Pozdnesarmatskie komplekсы na Nizhnem Donu [Late Sarmatian Complexes in the Lower Don Basin]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 2, 179–190.
- Norling-Christensen, H. 1939: Dalen-fundet: et gravfund fra romersk jernalder med romersk importgods. *Fornvännen* 34, 288–304.
- Norling-Christensen, H. 1952: Kasseroller med tre huller eller tredelt hut i skaftet. *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie* (1953), 166–194.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Painter, K. 2001: *The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure*. Oxford.
- Petrovsky, R. 1991: Bemerkungen zu Stempeln auf Bronzegefäßen. *Specimina nova Universitatis Quinqueecclesiensis* 7, 69–91.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Petrovsky, R. 2006: Die Kasserollen. In: Historisches Museum der Pfalz Speyer (Hrsg.), *Geraubt und im Rhein versunken. Der Barbarenschatz*. Stuttgart, 99–100.
- Petrovsky, R., Bernhard, H. 2016: Versunken im Rhein. Typenspektren der „Beutehorten“ im Vergleich. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 245–260.
- Petrovsky, R., Stupperich, R. 2002: *Die „Trau-Kasserollen“*. Einige Bemerkungen zu den reliefverzierten Kasserollen E 151 (Mentor. Studien zu Metallarbeiten und Toreutik der Antike 1). Möhnesee.
- Poulsen, E. 1995: Remarks on Roman Bronze Skillets with Deep Grooves under the Base. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.), *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992*. (Nederlandse archeologische Rapporten, 18). Nijmegen, 59–69.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia. 2nd Century BC. – 3rd Century AD. Funeral monuments]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2008–2014 gg.* [Field Investigations of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2008–2014] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust'-Al'ma Fortified Site and Necropolis in the South-Western Crimea], 1). Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2004–2007 gg.* [Field Investigations of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust'-Al'ma Fortified Site and Necropolis in the South-Western Crimea], 2). Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2000–2003 gg.* [Field Investigations of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2000–2003] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust'-Al'ma Fortified Site and Necropolis in the South-Western Crimea] 3, Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2004: Prunkbestattungen des 1.Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999. *Eurasia Antiqua* 10, 229–267.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.

- Raev, B.A., Naumenko, S.A. 1993: Pogrebenie s rimskimi importami v Rostovskoy oblasti [A Burial with Roman Imports in the Rostov Region]. In: B.A. Raev (ed.), *Skifiya i Bospor (materialy konferentsii pamyati akademika M.I. Rostovzeva)* [Scythia and the Bosphorus (the Materials of the Conference dedicated to the Memory of the Academician M.I. Rostovzeff)]. Novocherkassk, 151–160, 183–187.
- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu* / *Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade* (Антика / Antiquity IX). Beograd.
- Schelow, D.B. 1968: Der römische Import im Unterdon und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z. In: *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Amsterdam, 238–246.
- Schelow, D.B. 1982: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene* 18, 61–76.
- Schreiber, Th. 1894: *Die alexandrinische Toreutik. Untersuchungen über die griechische Goldschmiedekunst im Ptolemäerreiche*. Leipzig.
- Schuster, J. 2014: Złoty wiek – Czarnówko w okresie wpływów rzymskich i w okresie wędrówek ludów/ Golden Age – Czarnówko during the Roman Period and the Migration Period. In: J. Adrzejowski, J. Schuster (eds.), *O kruch złota w popiele ogniska. . . / A fleck of gold in the ashes...* (Monumenta Archaeologica Barbarica 1). Leborg–Warszawa, 53–89.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In: B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992* (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor, XLIV). Napoli, 263–277.
- Sergatskov, I.V. 1994: Sarmaty Volgo-Donskikh stepey i Rim v pervykh vekakh nashey ery [The Sarmatians of the Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD]. In: D.M. Tugan-Baranovskii (ed.), *Problemy vseobshchey istorii. Materialy nauchnoy konferentsii. Volgograd, sentyabr' 1993* [Problems of World History. Materials of the scientific conference. Volgograd, September 1993]. Volgograd, 19–29.
- Sergatskov, I.V. 2000: *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [Sarmatian Burial-mounds in the Ilovlya Basin]. Volgograd.
- Sergatskov, I.V. 2004: K khronologii srednesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [To the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Papers for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, 107–116.
- Sergatskov, I.V. 2006: Problema stanovleniya srednesarmatskoy kul'tury [The Problem of Formation of the Middle Sarmatian Culture]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury. Problemy sootnosheniya* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Correlation Problems]. Volgograd, 37–58.
- Sharov, O.V. 2009: O konskikh pogrebeniyakh Bol'shogo kurgana Vasyurinskoy gory [About Horse Burials of the Great Kurgan of the Vasyurin Mount]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] XXII, 283–323.
- Shelov, D.B. 1965: Italiiskie i zapadnorimskie izdeliya v trgovle Tanaisa pervykh vekov n.e. [Italic and Western-Roman Items in the Trade of Tanais in the First Centuries AD]. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae* XXV, 251–274.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhnii Don v pervye veka nashei ery* [Tanais and the Lower Don in the First Centuries AD]. Moscow.

- Shilov, V.P. 1968: Pozdnesarmatskoe pogrebenie u s. Staritsa [A Late Sarmatian Burial near the Village of Staritsa]. In: V.F. Gaidukevich (ed.), *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* [Ancient History and Culture of the Mediterranean and the Black Sea Regions]. Leningrad, 310–323.
- Shilov, V.P. 1975: *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [Essays in the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region]. Leningrad.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area]. Saint Petersburg.
- Skripkin, A.S. (ed.) 2013: *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. Volgograd.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stupperich, R. 1991: Frühkaiserzeitliche figürliche Bronzen im nordwestlichen Germanien. Ein Überblick. In: B. Trier (Hrsg.), *Die römische Okkupation nördlich der Alpen zur Zeit des Augustus. Kolloquium Bergkamen 1989, Vorträge* (Bodenaltertümer Westfalens 26). Münster, 167–184.
- Sueur, Q. 2018: *La vaisselle métallique de Gaule septentrionale à la veille de la conquête: typologie, fonction et diffusion* (Monographies Instrumentum 55). Montagnac.
- Tassinari, S. 1975a: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tassinari, S., Burkhalter, F. 1984: Moules de Tartous: techniques et production d'un atelier de toreutique antique. In: U. Gehrig (ed.), *Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Akten der 6. Tagung über antike Bronzen*. Berlin, 87–106.
- Tejral, J. 1967: K otázce importu bronzových nádob na Moravu ve starší době římské. *Památky archeologické* LVIII.1, 81–134.
- Treister, M. 2016: Kochevniki na perekrestke trans-evraziyskikh karavannykh putey (zapadnye importy v sarmatskom pogrebenii kurgana no. 21 mogil'nika Magnitnyy) [The Nomads on the Crossroads of the Trans-Eurasian Caravan Routes (western Imports in the Sarmatian Burial of the Burial-mound no. 21 of the Magnitnyi Necropolis)]. In: L.T. Yablonskiy, L.A. Kraeva (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii* [Konstantin Fedorovich Smirnov and the Modern Problems of the Sarmatian Archaeology]. Orenburg, 279–286.
- Treister, M. 2018: Bosporsko-rimskaya voyna 45–49 gg. n.e. kak katalizator odnoy iz voln poyavleniya rimskoy bronzovoy posudy v Sarmatii (vzglyad s Bospora) [The Bosporan-Roman War of 45–49 AD as the Catalyst of one of the Waves of the Appearance of the Roman Bronze Vessels in Sarmatia]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Krshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [The Bosporan Phaenomenon. General and Specific in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Pt. 2. Saint Petersburg, 148–156.
- Treister, M. 2019a: Rimskiy bronzovyy kovsh so sledami modifikatsii iz sarmatskogo pogrebeniya v Nizhnem Podon'e [A Roman Bronze Casserole with Modification from the Sarmatian Burial in the Lower Don basin]. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sevastopol', 17–19 sentyabrya 2019 goda* [Ancient Relics of Chersonesos: discoveries, finds, theories. Acta of the Intern. Conference. Sevastopol, 17–19 September 2017]. Sevastopol, 274–284.

- Treister, M. 2019b: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019c: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes. Resource, Reconstruction, Representation, Role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–188.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of the Necropoleis of the Crimean Foothills]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Ulbert, G. 1959: *Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe* (Limesforschungen 1). Berlin.
- Veličko, E. 2013: Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 418–423.
- Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2018: Fragmenty rimskikh bronzovykh sosudov iz raskopok ranney tsitadeli gorodishcha Aerteziya v Krymskom Priazov'e [The Fragments of Roman Bronze Vessels from the Excavations of the Early Citadel of the Artezian Fortified Site at the Azov Coast of the Crimea]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Krshanovskii (eds.), *Bosporskiy fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [The Bosporean Phenomenon. General and Specific in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Pt. 2. Saint Petersburg, 140–148.
- Volkov, I.V., Guguev, Yu.K. 1986: A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. In: B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 73–74.
- Volkovich, A.M. 1941: K yuzhnym svyazyam Prikam'ya v poslednie veka do n. e. i pervye veka n.e. [To the Southern Connections of the Kama Region in the last Centuries BC and First Centuries AD]. *Trudy Otdela istorii pervobytnoy kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of the Prehistoric Culture of the State Hermitage] I. Leningrad, 219–236.
- Waldbaum, J.C. 1983: *Metalwork from Sardis* (Archaeological Exploration of Sardis 8). Cambridge, Mass. –London.
- Werner, J. 1954: Die Bronzekanne von Kelheim. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 20, 43–73.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 66, 123–320.
- Willers, H. 1907: *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover, Leipzig.
- Yadin, Y. 1963: *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils* (Judean Desert Studies 1). Jerusalem.
- Zasetskaya, I.P., Il'yukov, L.S., Kosyanenko, V.M. 1999: Pogrebal'nyi kompleks srednesarmatskoy kul'tury u khut. Alitub [A Burial Complex of the Middle Sarmatian Culture near Alitub Farmstead]. *Donskaya arkheologiya* [The Archaeology of the Don Area] 1–2, 51–60.
- Zhitnikov, V.G. 1991: *Otchet o rabote Kamyshevskogo otryada Rostovskogo gosuniversiteta v zone stroitel'stva oroshaemogo uchastka v kolkhoze «40 let Oktyabrya» Tsimlyanskogo rayona Rostovskoi oblasti v 1990 g.* [Report on the work of the Kamyshevsky detachment of the Rostov State University in the Construction Zone of the Irrigated Area in the Collective Farm “40 Years of October” of the Tsimlyansk District of the Rostov Region in 1990]. – Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, P-1, no. 15065 (A– 15066).

ROMAN BRONZE CASSEROLES FROM THE BURIALS
OF NOMADS OF ASIAN SARMATIA

Mikhail Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. The article for the first time examines comprehensively Roman bronze casseroles from the burials of the nomads of Asian Sarmatia of the 1st – 3rd centuries AD.

The Eggers 131, 136, 137 and 140 saucepans are the most common types of imported bronzeware of the late 1st century BC – 1st century AD not only in the burials of Asian Sarmatia, but also on the whole, of the nomads of Eastern Europe, where at least 35 pieces were found. The widest distribution in the territory of Asian Sarmatia had Eggers types 137 and 140, some of which are known in the Lower Volga region, in the Urals, and even in the South Trans-Urals. However, a significant part of them either has traces of repair, or represents a secondary use of a fragment of the casserole for another purpose. Against this background, finds of other Roman bronze vessels, dating from the first half of the 1st century AD, in Eastern Europe, are much less numerous.

The saucepans of types Eggers 143, 144, 147, dating after the middle of the 1st century AD, as well as the imitations of the casseroles of type Eggers 140 are represented by 10 specimens from the burials of nomads of Asian Sarmatia. At least one of the three Eggers 142-type casseroles with the stamp of L. Ansus Epaphroditus, a craftsman who worked from about 50/55 to 80 AD, must be added here. The number of Roman bronze saucepans from all funeral complexes of Sarmatia dating later than the middle of the 1st century AD, including the second half of 1st, and 2nd centuries AD, does not exceed 18 pieces, including 5 imitations of Eggers 140-type casseroles. These vessels deserve special attention, possibly being products of the North-Pontic (Bosporan?) workshops, which are represented by a relatively large number of finds, mainly from the complexes of the Lower Don basin of the late 2nd – first half of the 3rd century AD.

Also, in the second half of 1st – 2nd centuries AD among imported bronze vessels, the saucepans remained one of the most common groups, being the second after Eggers 99–103 basins. Accordingly, the number of early Roman bronze casseroles stands out not only against other chronologically close types of Roman bronze ware, but also in comparison with later casseroles.

It is impossible to explain why against the general background in the Northern Pontic area and in the Burial-mounds of Sarmatia there turned out to be such an unusual concentration of finds of the early Roman bronze saucepans, if one considers them as objects of trade. It is very likely that the distribution of these vessels, which were an integral part of the march equipment of the Roman troops, was associated with the events of the Bosporan-Roman war of 45–49 AD.

Keywords: Roman bronze vessels, casseroles, Roman army, Roman imports, Bosporan-Roman war, North Pontic area, Asian Sarmatia

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-61–70

ИЗ ЭПИГРАФИКИ ФАНАГОРИИ

Н.В. Завойкина

Институт археологии РАН, Москва, Россия
zavoykinan@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются критические замечания С.Ю. Сапрыкина по реконструкции двух надписей из Фанагории, изданных Н.В. Завойкиной в 2018 г. Первая – это посвятельная надпись Зевсу Уранию и Спасителю, поставленная неким сыном Маста, сына Маея, наместником царской резиденции по обету в 128 или 129 г. н.э. Она вырезана на внешней стороне мраморной культовой чаши, предположительно, перрирантерия. Автор приводит ряд контраргументов мнению С.Ю. Сапрыкина, согласно которому мраморные фрагменты являются частью бассейна-нимфеума, а также его реконструкции 1–2 строк надписи. Продемонстрировано отсутствие оснований считать, что надпись поставлена неким сыном *-дема* по обету неизвестному божеству с эпikleзой Сотер. Автор предлагает новое дополнение стк. 2 фанагорийского посвящения: [κ]αὶ Σωτήρι ε[ὐ]ξήμενος ἀνέθηκα ὁ δέϊνα]. Вторая надпись – граффито частного характера позднеархаического времени с упоминанием Нисы. По фотографии С.Ю. Сапрыкин предложил новые дополнения букв в этой надписи и полагает, что граффито может быть закланием Нисы. Анализ мнения исследователя и сравнение его чтения с состоянием самого граффито привел автора статьи к заключению, что предложенная С.Ю. Сапрыкиным реконструкция в ряде мест не находит поддержки в самом источнике: за новые буквы и знак interpunkции Сапрыкин принимает разного рода повреждения и эрозию чернолаковой поверхности остракона.

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, надписи, граффити, поздняя архаика, римское время

Критическое осмысление опубликованных надписей – закономерный этап в изучении эпиграфических источников. Фундированной и обоснованной отличная от *editio princeps* реконструкция может быть признана, если она основывается на одном из главных принципов эпиграфики: новые дополнения букв в тексте должны базироваться на тщательном изучении самой надписи, а не ее фотографии. Автор заметки, будучи постоянным научным сотрудником Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН, имела возможность тщательно и неоднократно изучать публикуемые ей надписи и граффити. В связи со сказанным небезынтересно рассмотреть критические замечания С.Ю. Сапрыкина и предлагаемые им исправления двух разных по характеру надписей из Фанагории, опубликованных

Данные об авторе: Завойкина Наталья Владимировна – старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, кандидат исторических наук.

в 2018 г. Дополнения букв в этих надписях исследователь провел не на основании аутопсии памятников (по крайней мере, он не сообщает об этом), а, судя по всему, на визуальном восприятии их по фотографиям, опубликованным в моих статьях.

1. Посвящение Зевсу Уранию и Сотеру из Фанагории¹.

Сохранилось 4 фрагмента мраморного сосуда с надписью, которая вырезана на внешней стороне чаши, предположительно – *перрирантерия* (чаша для культовых омовений). Эта редкая находка является одним из первых памятников такого рода на Боспоре. С.Ю. Сапрыкин высказал сомнения в правильности определения типа сосуда, структуры надписи, прочтении стк. 1 в целом, а также имени донатора в стк. 2². Основные его аргументы сводятся к двум позициям. Во-первых, Завойкина неправильно определила тип мраморного сосуда – это не культовая чаша для омовений (перрирантерий), а бассейн-*нимфеум*, в который вода стекала из источника в городе, городском гимнасии или храме. Не исключено, – полагает исследователь, – что это край мраморной ванны из городского гимнасия. При изучении надписи на мраморе Завойкина не заметила (а С.Ю. Сапрыкин рассмотрел на фотографии!) в стк. 1 после букв ΔΗΙ косой черты, которая показывает, что после *эты* была вырезана *мю*.

Приведем реконструкции исследователей.

Чтение Н.В. Завойкиной³: ν. Δηι ν. Ο[ὐρανίῳ | κ]αὶ Σωτήρι ε[ὐξαμένου ἀνέθηκεν? | Μας?]τοῦ⁴ Μαέου το[ῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας |⁴ [ἐν] τῷ Ε Κ Υ´ ἔτ[ει καὶ μη]νὶ Γορπιαίου, – Зевсу У(ранию) и Сотеру по обету посвящено (в дар) от (Мас?)та сына Маея, наместника царской резиденции, в 425 г. б.э. в месяце Горпияе.

Чтение и перевод С.Ю. Сапрыкина⁵: [...]δημ[ος ...] | [...]καὶ Σωτήρι ε[ὐχῆ δι' ἐπιμελείας | ...]οῦ Μαέου το[ῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας |⁴ [ἐν] τῷ Ε Κ Υ´ ἔτ[ει καὶ μη]νὶ Γορπιαίου, – такой-то сын (...)дема посвятил (...) и Сотеру по обету (попечением ...) сына Маея, начальника царской резиденции в 425 г. п.- б. эры и месяце Горпияе.

Рассмотрим подробнее возражения критика.

Тип памятника.

С.Ю. Сапрыкин полагает, что мраморную чашу из Фанагории, на которой вырезана надпись, следует определять как бассейн-нимфеум, подобные ему располагались в святилищах или на пересечении оживленных городских улиц, в зданиях гимнасиев⁶. Главный его аргумент сводится к тому, что основное число известных перрирантериев, в отличие от фанагорийского экземпляра, содержит посвящения не на внешней стороне вместилища чаши, а нанесено на верхней плоской поверхности бортика для всеобщего обозрения.

Следует отметить, что большинство известных перрирантериев (главным образом, их фрагменты) происходит из Аттики, Коринфа, Истмии, Олимпии, Немеи VII–V вв. до н.э.⁷ Об использовании перрирантериев в культовой практике

¹ Zavoykina 2018a, 106–116.

² Saprykin 2019, 147–151.

³ Zavoykina 2018, 107–108.

⁴ Повторюсь: контуры *tau* в толще мрамора видны при визуальном изучении фрагмента надписи достаточно ясно (но не заметны на фото).

⁵ Saprykin 2019a, 150.

⁶ Saprykin 2019a, 146–147.

⁷ Помимо работ, упомянутых в публикации 2018 г., например, см.: Iozzo 1987, 355–413.

IV–III вв. до н.э. известно по фрагментарной надписи из святилища Аполлона в Дельфах (SEG 40:418) и инвентарным спискам Делоса (IG XI.2. 161, 164, 199; ID 104, 1406). Ситуация с культовыми мраморными чашами римского времени – их классификация, размеры, типы – остается далекой от идеальной, поскольку они не изучены специально. В том числе это касается материалов Северного Причерноморья. Горгиппийский экземпляр (фото которого приведено в публикации 2018 г.) остается чуть не единственным целым votivным приношением⁸ периррантерия в этом регионе в римское время⁹. Пожалуй, стоит отметить достаточно яркие отличия горгиппийского периррантерия от аналогичных культовых сосудов из городов материковой Греции более раннего времени. Во-первых, горгиппийский экземпляр имеет массивное основание на плоском кольцевом поддоне вместо высокой ножки-подставки в виде колоны или трех фигур львов или кариатид. Во-вторых, его чаша небольшая и неглубокая, с толстыми стенками и массивным (ок. 10 см толщиной) днищем, тогда как для периррантерии из городов Греции характерен большой и широкой бассейн-чаша с равномерными по толщине стенками.

Очевидно, что важную роль для определения типа рассматриваемого сосуда играют его размеры и форма венца. Место нанесения надписи не может определить тип сосуда или памятника. Уважаемый критик не принял во внимание существенную деталь – венец у фанагорийской мраморной чаши суженный в верхней части и закругленный (что хорошо видно на фотографиях и рисунке в *editio princeps*). В публикации 2018 г. были приведены исходные параметры фрагментов, их фотографии, рисунок профиля чаши и прорисовка надписи с указанием масштаба. С.Ю. Сапрыкин не посчитал возможным их учесть при изложении своей версии.

Итак, суммарная высота сохранившихся фрагментов равна 13,2 см; внутренний изгиб бассейна чаши фрагмента (№ 4, самый крупный) в нижней части (ее толщина 8 см) имеет плавный поворот, указывающий на переход к предполагаемому центру сосуда. Таким образом, сохранился археологически целый профиль памятника в половину от его реального размера. В совокупности эти данные позволяют восстановить суммарную высоту чаши ок. 30–32 см (без учета ее основания) с максимальной толщиной дна ок. 9–10 см. Диаметр чаши в верхней, самой широкой части, не превышает 40–41 см. Толщина округлого бортика сосуда – 5 см. Следовательно, диаметр бассейна чаши будет ок. 30–31 см. При таких габаритах бассейн чаши с закругленным венцом имеет глубину ок. 15 см. Итак, неглубокая фанагорийская чаша имеет небольшие размеры, а ее max. объем составляет ок. 5 литров жидкости. Эти параметры заставляют сильно сомневаться в ее использовании в качестве нимфея.

Надпись.

1 строка (рис. 1, 1а).

С.Ю. Сапрыкин указывает, что «автор публикации отмечает, что в стк. 1 перед Δ “идет пустое поле, которое указывает, что каких-либо букв перед ней не было”. Даже по фотографии видно, что сверху идет скол, а пространство между обломком и *дельтой* слишком незначительное, чтобы уверенно заявлять о невозможности написания других букв перед отчетливо видимой *дельтой*»¹⁰. Следует

⁸ О чем свидетельствует фрагментированная надпись.

⁹ Этот культовый памятник готовится к публикации совместно с А.В. Новичихиным.

¹⁰ Saprykin 2019a, 147–148.

отметить, что фотография не передает реальные размеры пустого пространства перед *дельтой*. Расстояние от левого края скола до *дельты* тах. 0,8 см (за исключением нижнего поля перед левым углом *дельты*). В этом пространстве не просматривается никаких, даже самых малейших, остатков предшествующей буквы. Учитывая расстояния между буквами 0,6–1 см с незначительной долей вероятности можно предположить, что скол перед *дельтой* уничтожил предшествующие литеры. Однако это предположение опровергает наличие имени Зевса и его эпитетов в 1 и 2 строках.

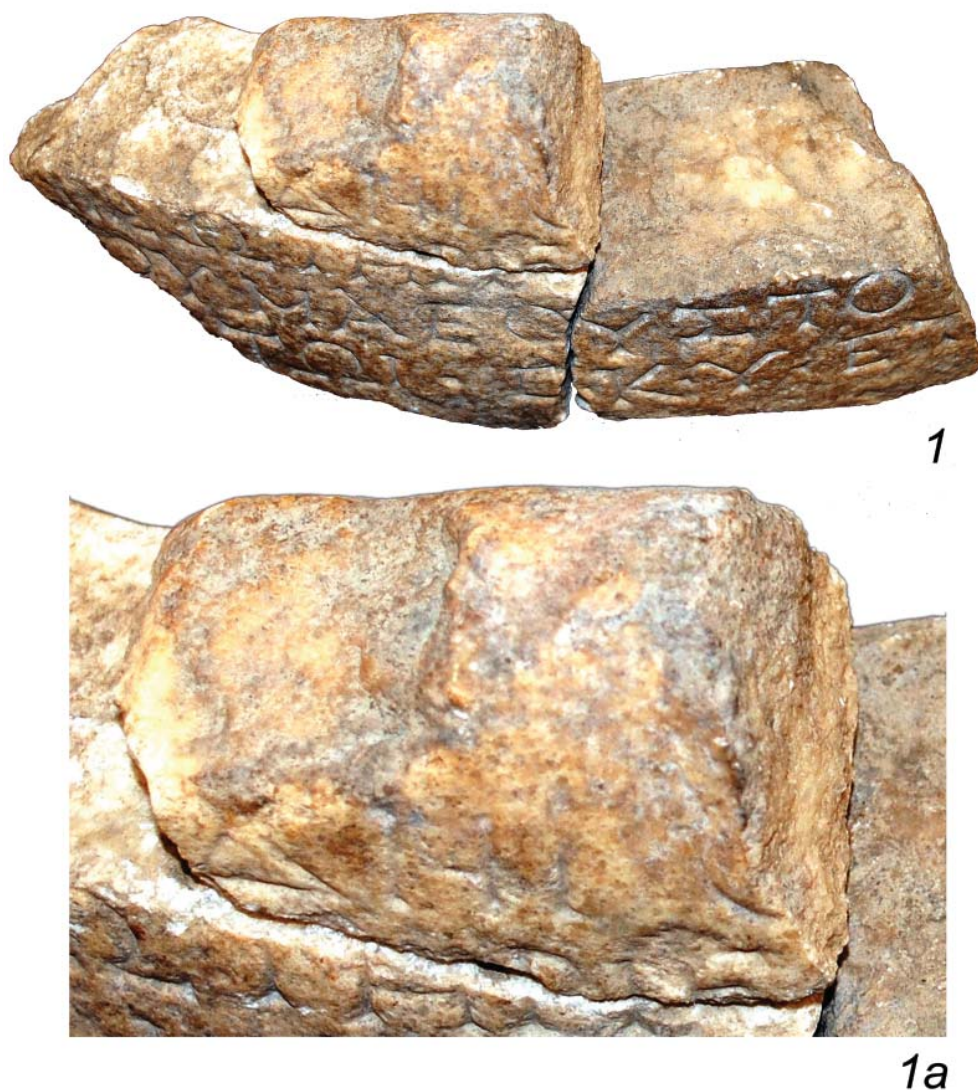

Рис 1, 1а – Фрагменты левой части периррантерия и 1 строки надписи. Вид сверху.
Fig.1, 1a. The left side of fragments of the perriranterion and 1-st line of the inscription (top view)

С.Ю. Сапрыкин в стк. 1 усматривает на фотографии вместо ΔΗΙ буквы ΔΗΜ и полагает, что от буквы *μιο* сохранилась левая часть, нижнюю часть *ομικρον* он на фото не увидел: «...Однако в стк. 1 даже на фотографии после *эты* просматривается вертикальная гаста и отходящая от нее часть косой гасты, уходящая в облом, что дает возможность уверенно восстанавливать эту букву как М. Никакого *ομικρον* далее не прочитывается, что позволяет без колебаний восстанавливать в это строке ΔΗΜ[...]»¹¹. В итоге исследователь предлагает здесь восстановление: [...] δῆμ[ος...], то есть фрагмент второго композита -δῆμος личного имени донатора¹². На основании этого предлагается иное прочтение 1–2 строк (см. выше).

Но имеются ли основания усматривать *μιο* в стк. 1? Повторная аутопсия подтвердила ошибочность восприятия С.Ю. Сапрыкиным состояния 1-й строки (рис. 1, 1а). Изъяны фотографии, по всей вероятности, исследователь принял за фрагмент буквы. После *йоты*, верхняя часть которой видна на камне слабо, располагается пустое поле. Буквы в надписи вырезаны достаточно широкими и глубокими линиями и покрыты из-за долгого нахождения в земле известковым налетом, но следов от резца мастера между *йотой* и *ομικρον* не прослеживается. За левую наклонную гасту *μιο* С.Ю. Сапрыкин принимает техническую погрешность в светопередаче на фотографии. В то же время, рассмотрев на фото левую часть *μιο*, Сапрыкин не видит ясно читаемую левую часть овала, который, как полагаем, принадлежит *ομικρον*. Итак, повторная аутопсия подтвердила отмеченное в публикации 2018 г. состояние стк. 1 – после вертикальной черты перед *ομικρον* нет следов от букв, здесь располагается пустое поле размером 1,2 см. Таким образом, предлагаемое Сапрыкиным восстановление второго композита имени -δῆμος не находит опоры в источнике. На камне в стк. 1 сохранилось «ν. ΔΗΙ ν. Ο».

Также С.Ю. Сапрыкин высказал определенные сомнения в правильности интерпретации букв ΔΗΙ как теонима Δῆι (dativ. sing. от Ζεύς), поскольку это редкая форма имени Зевса и встречается лишь дважды в надписях Малой Азии, но она не известна на Боспоре¹³. Однако отмеченные исследователем случаи употребления формы Δῆι в городах Малой Азии скорее подтверждают, а не опровергают предлагаемое чтение в фанагорийском посвящении, поскольку форма Δῆι представляет редкую, но не исключительную форму передачи имени Зевса. Следует заметить, что греческие надписи демонстрируют разные огласовки имени Зевса, отличные от грамматически правильных форм. Помимо упомянутой, известны Ζηύς, Ζηνός, Ζηνί (IG XII 3, 1313; Русяева 2010, 32; Емец 2012, 197, № 665), Δεί (EM 1, 7; Ramsay 1912, 167; IKibyra-Olbasa III, 89), Δείι (EM 1, 16)¹⁴. Употребление композита Δῆι-вместо Δι- неоднократно отмечается в сложных теофорных именах, содержащих имя Зевса, например: Δῆιμαχος (IG II² 957 и пр.), Δῆιξένος (IG II² 1929), Δῆικράτης (IG XII, 9 245), Δῆιφοβος (SEG 47:727, 4), Δῆιάλκος (IG XII, 8, 276 279). Следы употребления формы Δῆι обнаруживаются в Ольвии Понтийской: здесь среди теофорных имен известно Δῆιμαχος (IOSPE I² 201.I₅₀, 201.II₁₂; I.Olbia 9; SEG 39:702). Также из Ольвии происходят четыре граффити «ΔΗΙ» III в. до н.э., вырезанные

¹¹ Saprykin 2019a, 149.

¹² Saprykin 2019a, 150–151.

¹³ Saprykin 2019a, 148 сл.

¹⁴ Причины возникновения указанных форм оставляем в стороне, поскольку они не имеют отношения к рассматриваемому вопросу.

на внешней стороне поддонов чернолаковых сосудов (SEG 30:958 146, 147, 148, 149). В.П. Яйленко полагает, что эти буквы являются сокращением теофорного имени $\Delta\eta\acute{\iota}\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$ ¹⁵. Нельзя исключать и их вотивный характер: $\Delta\eta\acute{\iota}$, Зевсу. В итоге, приходим к заключению: употребление в посвящении формы $\Delta\eta\acute{\iota}$ вместо $\Delta\acute{\iota}$ – случай редкий в боспорской эпиграфике, но он не является чем-то исключительным в греческой эпиграфике на фоне отмеченного фонетического разнообразия форм имени Зевса и засвидетельствованных надписями многочисленных отступлений от грамматических норм древнегреческого языка, в том числе, в первые века н.э. Нельзя исключать, как это и предполагалось, влияние итацизма на возникновение формы $\Delta\eta\acute{\iota}$ вместо $\Delta\acute{\iota}$ ¹⁶.

Вызвало у критика сомнение и предлагаемое чтение стк. 2–3, поскольку вызывает вопросы реконструкция генетива имени донатора, ведь «понятно от кого произведено посвящение, а что было посвящено осталось “за кадром”»¹⁷. Соглашусь с этим замечанием, но остановимся на этом месте подробнее.

Длина 3–4 строк в фанагорийском посвящении насчитывает 29–30 букв. Следовательно, стк. 2 должна была укладываться в эти размеры, чтобы надпись, вырезанная на поверхности мраморного сосуда, имела красивый вид. Лакуна уничтожила около 20 букв в стк. 2. Таким образом, после «καὶ Σωτήρι ε[- 20 -]», но перед именем донатора, в утраченной части должна быть указана причина посвящения, начинающаяся на ε- ($\epsilon\upsilon\chi\acute{\eta}\nu$, $\epsilon\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$), и сказуемое от гл. $\alpha\nu\alpha\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$ в соответствующей форме. Надписи ex voto с выражением « $\epsilon\upsilon\chi\acute{\eta}\nu$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\epsilon$ » или « $\epsilon\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\epsilon$ », в которых имя божества стоит в дативе, а имя донатора – в номинативе, представляют одну из многочисленных групп в tituli dedicatorii (IG II² 4366, 4372, 4374, 4376, 4400, 4405, 4429, 4471, 4502, 4516 и пр.). Значительная группа посвящений поставлена от первого лица с выражением « $\epsilon\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\alpha$ » (IGBulg II, 770; IGBulg III.1 1126, 1127; IGBulg III.2 1622, 1748, 1819; IGBulg V 5701, 5708, 5796, 5788; CIRB 35 и пр.). В боспорских посвящениях первых веков, имеющих схожую структуру, используется только выражение « $\epsilon\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\alpha$ / $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\epsilon$ » (CIRB 35, 942, 957, 1315). Итак, предположительно дополняем лакуну в стк. 2 как $\epsilon[\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\alpha]$. После него должно следовать имя донатора в номинативе из 4–6 букв, в начале стк. 3 вырезаны имя его отца и деда: $\dots\epsilon[\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\alpha$ \acute{o} $\delta\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha]$ | $[\text{Μασ?}]$ τοῦ Μαέου το[ῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας... – по обету преподнес я, такой-то, сын (Μασ?)та сына Маея, управляющего царской резиденцией.... При таком прочтении получаем, что отец донатора, (Μασ?)т сын Маея является управляющим царской резиденции (ср. CIRB 35). Новый вариант реконструкции стк. 2 выглядит более обоснованным, поскольку опирается, в том числе, на многочисленные аналогии в греческой эпиграфике.

Итак, учитывая сказанное, полагаем, что посвящение из Фанагории выглядело следующим образом:

ν. $\Delta\eta\acute{\iota}$ ν. $\text{Ο}[\upsilon\rho\alpha\nu\acute{\iota}\omega\iota$ | $\kappa]$ αὶ Σωτήρι $\epsilon[\upsilon\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\nu\epsilon\theta\eta\kappa\alpha$ \acute{o} $\delta\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha]$ | $[\text{Μασ?}]$ τοῦ Μαέου το[ῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας]⁴ $[\acute{\epsilon}\nu]$ τῷ Ε Κ Υ´ ἔτ[ει καὶ μη]νὶ Γορπιαίου, – Зевсу Небесному и Спасителю по обету посвятил я, *такой-то*, сын (Μασ?)та сына Маея, управляющего царской резиденцией в 425 г. б.э., месяце Горпияе.

¹⁵ Yajlenko 1980, 101.

¹⁶ Zavoykina 2018a, 108–109.

¹⁷ Saprykin 2019a, 149–150.

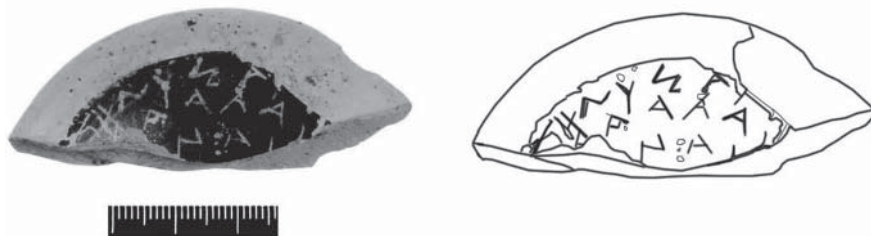

Рис. 2 – Граффито с упоминанием Нисы и его прорисовка.

Fig. 2. The graffito with the name of Nysa and its drawing

2. Позднеархаическое граффито с упоминанием Нисы из Фанагории (рис. 2)¹⁸.

Чтение Н.В. Завойкиной: 1. [ῚΩ ἀγα]θη Νῦσαι. | ῚΑ, ῚΑ, ῚΑ, ῚΑ, ῚΑ. | Ναί, – Милая Ниса! Ах! Ах! Ах! Ах! Ах! Подлинно так».

Чтение С.Ю. Сапрыкина, наговор или проклятие: [Какоῖ]θη<ι> Νῦσαι | ΑΑΑΑΑ | [θεῶ]ν □ ΑΙΦ[...]¹⁹.

Бесспорно, новая реконструкция интересна. Она строится на выявлении новых букв и знаков, что отличает ее от текста первоиздателя. Так, С.Ю. Сапрыкин рассмотрел на фото *йоту* в конце стк. 1, а в стк. 3 – знак интерпункции в виде трех точек, в конце этой же строки он предполагает наличие *фи*²⁰. Рассмотрим, насколько дополнения новых букв, увиденных исследователем на опубликованных фотографиях, соответствуют состоянию самого граффито²¹. В стк. 1 исследователь предлагает чтение имени Νῦσαι. Отметим, что в конце стк. 1 после *альфы* царапина является завершающей частью плавной изогнутой линии, которая начинается с правой стороны черепка у края поддона, идет через светлое поле и заканчивается на чернолаковом покрытии²². Следовательно, вычитывать в стк. 1 датив Νῦσαι нельзя, конечная *йота* отсутствует на остраконе, и в реконструкции можно было бы предложить дополнение «Νῦσαι<ι>». Мнение С.Ю. Сапрыкина, что имя Νῦση на фанагорийском остраконе восходит не к фригийскому или лидийскому имени Νίση, а является, скорее всего, фракийским именем Νῦσα, известным в двух надписях эллинистического и римского времени из городов Фракии и Македонии, не совсем корректно. Оно не учитывает вывода Л. Згусты²³, что имена Νῦση (SIG 4087) и Νῖσα (MAMA 5, 167) являются видоизмененными формами имени Νίση, на что автор заметки указывала и прежде²⁴. Принимая во внимание длительные контакты населения Малой Азии, в частности Фригии и Фракии, име-

¹⁸ Zavoykina 2018b, 69–70. В публикации граффито в 2017 г. в определении типа надписи как владельческой допущена неточность (Zavoykina 2017, 366, № 301), видимо, редактором эпиграфической части каталога. К сожалению, текст не был предоставлен мне для сверки и вычитки. В публикации граффито трапезита в этом же томе допущена аналогичная оплошность (Zavoykina 2017, 340, № 259).

¹⁹ Saprykin 2019б, 480–482.

²⁰ Saprykin 2019б, 480–481, прим. 4.

²¹ Опубликовано в 2018 г. описание сохранности и состояния надписи, похоже, не удовлетворило критика.

²² Это видно на опубликованных фотографиях.

²³ Zgusta 1964, 362, § 1042.

²⁴ Zavoykina 2018b, 69 ff.

ются основания думать, что предполагаемая Сапрыкиным форма Νῦσα – это местная форма того же имени Νίσση.

В конце стк. 3 после буквы *ню* Сапрыкин усмотрел на фото верхнюю часть *фи*. Однако в этом месте на черепке сохранилась только верхняя часть царапины в чернолаковом покрытии (в толще глины нет следов процарапывания буквы). За верхнее полукружье *фи* исследователь принимает неровный горизонтальный скол внизу черепка. В центре стк. 3 за знак интерпункции Сапрыкиным приняты три различных по размеру повреждения чернолакового покрытия округлой формы. Исследователь сомневается в позднем происхождении этих точек, на том основании, что эти точки «...как-то уж очень подозрительно точно легли на окончание фразы и проставлены явно искусственно <...> подобное расположение точек, характерных для интерпункции в греческих граффити, в высшей степени странно»²⁵. Однако это не более чем умозрительные соображения, не поддержанные аутопсией граффито. Если же основываться на анализе состояния самого граффито, то увидим, что верхний круглый скол – больший по размеру, поскольку он приходится на выступающую из толщи глины песчинку; второй (центральный) представляет собой маленькую косую царапину, а третий – это просто отслоение черного лака в результате солевой эрозии. Следов от острого инструмента в толще глины на местах этих сколов нет. Такие же отслоения черного лака округлой формы видны в стк. 1 над *ипсилон* и в стк. 2 под первой в строке *альфой* (под ее правой ножкой). Таким образом, источнику приписываются исходные данные, которые он не содержит в оригинале. Таким образом, предложенное С.Ю. Сапрыкиным чтение граффито на основании «усматривания» на фотографии новых знаков противоречит источнику.

Учитывая фрагментарность рассматриваемого граффито, в чтение С.Ю. Сапрыкина следует внести уточнения и рассматривать его как 2-й вариант реконструкции: [Κακοή]θη<ι> Νῦσα<ι> | ΑΑΑΑΑ | -?- ΝΑΙ.

ЛИТЕРАТУРА

- Завойкина, Н.В. 2018а: Новая посвяtitельная надпись из Фанагории. В: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Материалы по археологии и истории*. 4 (Фанагория 7). Москва, 106–117.
- Завойкина, Н.В. 2018б: Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории. *ДБ* 22, 67–71.
- Емец, И. А. 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья. Москва.
- Русяева А.И. 2010. Граффити Ольвии Понтийской (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 8). Симферополь.
- Сапрыкин, С.Ю. 2019а: К публикации некоторых боспорских надписей. *Aristeas* 20, 143–156.
- Сапрыкин, С.Ю. 2019б: К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити. *ДБ* 24, 473–487.
- Яйленко, В.П. 1980: Граффити Левки, Березани. Ольвии. *ВДИ* 3, 75–116.
- Iozzo, M. 1987: Corinthian basins on high stands. *Hesperia* 56 (4), 355–416.
- Ramsay, W. M. 1912: The Tekmorian Guest-friends. *JHS* 32, 151–170.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

²⁵ Saprykin 2019б, 481, note 4.

REFERENCES

- Emets, I.A. 2012: Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya (Graffiti and dipinti from ancient cities and settlements in the Black Sea). Moscow.
- Rusyaeva, A.S. 2010: Graffiti Ol'vii Pontiyskoy (Graffiti of Olbia Pontica) (Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria. Supplementum 8). Simferopol'.
- Iozzo, M. 1987: Corinthian basins on high stands. *Hesperia* 56 (4), 355–416.
- Ramsay, W.M. 1912: The Tekmorian Guest-friends. *JHS* 32, 151–170.
- Saprykin, S.Yu. 2019a: K publikatsii bosporskikh nadpisiy [On the publication of Bosporan inscriptions]. *Aristeas* 20, 143–156.
- Saprykin, S.Yu. 2019b: K prochleniyu i interpretatsii nekotorykh bosporskikh graffiti [The reading and interpretations of some Bosporan graffiti], *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus] 24. Moscow, 473–487.
- Yaylenko, V.P. 1980: Graffiti Levki, Berezhani, Ol'vii [Graffiti from Leuka, Berezan', Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 75–116.
- Zavoykina, N.V. 2018a: Novaya posvyatitel'naya nadpis' iz Fanagorii [New dedicated inscription from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.). *Fanagoriya. Materialy po arkheologii I istorii* [Phanagoreia. Materials on the archaeology and history] 4 (Fanagoria [Phanagoreia] 7). Moscow, 106–117.
- Zavoykina, N.V. 2018b: Dva graffiti chastnogo kharaktera pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Fanagorii [Two private graffiti of the Late Archaic time from Phanagoria], *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus] 22. Moscow, 67–71.
- Zgusta L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

FROM THE EPIGRAPHY OF FANAGORIA

Natalia V. Zavoykina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 zavoykinan@gmail.com

Abstract. The criticisms of S.Yu. Saprykin on the reconstruction of two inscriptions from Phanagoria published by N.V. Zavoykina in 2018 are discussed in the article. The first inscription is a dedication to Zeus Uranius and Soteros set by a certain son of Mastos, the son of Maeous, the governor of the royal residence according to a vow in AD 128 or 129. It is carved on the outside of the marble cult bowl, it is presumably a *perriereterium*. S.Yu. Saprykin believes that the marble fragments belong to a city nymphaeum and also offers a new reconstruction of 1–2 lines of the inscription. The author gives a number of counterarguments to Saprykin's corrections. It is shown in the article that there is no reason to believe that the marble fragments belong to a city nymphaeum because a reconstructed size of the cult bowl is quite small for a city water basin. It could contain no more than 5 liters of water. Also, there is no reason to think that the inscription was put by a certain son whose name ends in *-demos* according to a vow to an unknown deity with the epiclesis of Soteros. As the result the author corrects the 2 line of the dedicated inscription and gives its new reading: ν. Δηὶ ν. Ο[ὐρανίῳ | κ]αὶ Σωτήρι ἐ[ὐξάμενος ἀνέθηκα ὁ δεῖνα] | [Μασ?] τοῦ Μαέου τοῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας |⁴ [ἐν] τῷ ΕΚΥ' ἔτ[ει καὶ μη]νὶ Γορπιαίου.

The second inscription is a graffito of a private character mentioned of Nyse and dated to the Late Archaic time. It is incised of a sherd of a black-ware small vase bottom. According to the photograph of S.Yu. Saprykin proposes new additions to letters and sights in the inscription

and believes that the graffito may be the spell of Nysa not Nyse. The analysis of his corrections and the comparison of his reading with the graffito *de visu* led the author to conclude that the reconstruction proposed by Saprykin in a number of places does not find support in the graffito: for new letters and a sign of interconnection Saprykin accepts all kinds of damage and erosion of the black-were surface of the ostrakon.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Phanagoria, inscriptions, graffiti, the Late Archaic Time, the Roman time

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-71–82

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТАНАИСА В ПОСТПОЛЕМОНОВСКОЕ ВРЕМЯ

Н.Н. Преснова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
nadezhda_presnova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития Танаиса в I – первой половине II в. н.э. Границами указанного периода являются восстановление Танаиса после карательного похода боспорского царя Полемона в конце I в. до н.э. (с одной стороны) и разрушение города в 140-е гг. н.э. носителями позднесарматской культуры (с другой стороны).

Имеющиеся на сегодняшний день данные свидетельствуют о продолжении развития Танаиса после катастрофы конца I в. до н.э. Уже в I в. н.э. на территории городища возводятся новые постройки. К концу правления Котиса I (45–68 гг.) отмечается стабилизация экономики, выразившаяся в налаживании торговых контактов. Важным этапом в развитии города стал период правления царя Савромата I (93–123 гг.). В результате проведенных работ по восстановлению фортификации Танаиса формируется городская цитадель, окруженная оборонительными стенами и рвом. В рамках нее отстраиваются наземные и подвальные сооружения. Примечательно, что при исследовании подвалов, погибших в середине III в. н.э. прослеживаются ранние горизонты. Это позволяет предположить, что уже в I–II вв. н.э. жителями Танаиса на территории городища были восстановлены основные постройки.

Проведение масштабных строительных работ на рубеже I–II вв. н.э. привело к увеличению поступления монет в Танаис. В дальнейшем, на протяжении первой половины II в. н.э. не отмечается резкого спада в поступлении боспорских монет в город, что говорит о стабильности внутреннего городского рынка и в целом экономики Танаиса.

Ключевые слова: Боспорское царство, Танаис, постполемоновский период, экономика

В ходе изучения городища Танаис и его некрополя были выделены основные периоды развития города. Вопросы истории Танаиса в римское время в целом рассматривались в работах Т.Н. Книпович, Д.Б. Шелова, Т.М. Арсеньевой и ряда других исследователей¹. В связи с открытием на городище Танаис большого количества подвальных и наземных сооружений, погибших в середине III в. н.э., основное внимание было направлено на их изучение. Однако авторы отмечали, что после карательного похода боспорского царя Полемона в конце I в. до н.э. (Strab. XI. 2. 3.) Танаис постепенно восстанавливается. При этом в I – первой половине

Данные об авторе: Преснова Надежда Николаевна – аспирантка Института археологии РАН.

¹ Книпович 1949; Шелов 1972; Цветаева 1979; Голубцова 1951; Арсеньева, Науменко 1994.

II вв. н.э. фиксируется стабилизация экономики, а также проведение строительных работ на территории городища и укрепление фортификации города².

На сегодняшний день открыты и изучены объекты рассматриваемого времени. Их строительство проходило в два этапа. Первые постройки возводятся в I в. н.э. Часть из них разбирается на рубеже I–II вв. н.э., остальные продолжают функционировать до середины II в. н.э. Второй этап связан с проведением работ по восстановлению фортификации Танаиса в конце I – начале II вв. н.э. При этом большинство сооружений перестраиваются после разрушения города носителями позднесарматской культуры в середине II в. н.э. и функционируют до середины III в. н.э. Необходимо отметить, что закрытые комплексы I – первой половины II вв. н.э. представлены небольшим количеством. Однако горизонт указанного времени прослеживается на всех исследованных участках городища Танаис.

Таким образом, на основе анализа имеющихся на сегодняшний день данных представляется возможным выявить основные тенденции развития Танаиса в I – первой половине II вв. н.э., что и является целью данной работы.

Первый период развития города, который выделяется на основании археологических данных, охватывает I в. н.э. На территории городища Танаис исследованы закрытые комплексы и слои этого времени. В основном объекты располагаются в западной и южной частях городища, где часто проводились обновление и перепланировка площадей. Среди комплексов I в. н.э. можно выделить помещение 1 постройки 7 (раскоп XIX)³, постройку 13 (раскоп XIX)⁴, комплекс помещений А, Б, В и Д (раскоп IV)⁵, помещения Б, В, Ж и двор Г (раскоп VI)⁶. Также горизонт I в. н.э. прослеживается в рамках более поздних построек, при изучении полотна городских магистралей, площадей в западной и южной частях городища. Кроме того, при исследовании сооружений за пределами основного четырехугольника в западном районе Танаиса были открыты слои рассматриваемого времени⁷. Таким образом, в I в. н.э. на большей части городища Танаис возводятся и обновляются постройки. При этом ряд объектов восстанавливается в границах II–I вв. до н.э.

В дальнейшем в результате строительных работ рубежа I–II вв. н.э. в западной и южной частях городища подвальные и наземные сооружения добровольно засыпаются, часть стен разбирается. Заполнение имеет одинаковую структуру – мусорный слой с фрагментами керамики I в. н.э. и мелкими камнями, иногда присутствуют прослойки плотной глины. В заполнении указанных построек, а также в горизонте I в. н.э. преобладают фрагменты и профильные части псевдокосских амфор с двустовальными ручками типа CI (по С.Ю. Внукову⁸), узкогорлых светлоглиняных позднегераклейских амфор типов A/B, B (по Д.Б. Шелову⁹) / вариантов CIVA, B (по С.Ю. Внукову¹⁰), амфор с воронковидным горлом типа Зеест

² Шелов 1970, 229; Арсеньева, Науменко 2010, 22; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2011, 139–140; Ильяшенко 2013, 167.

³ Арсеньева 2002, 2–8; Arseneva, Fornasier 2003, 249–253.

⁴ Ильяшенко, Преснова 2019, 106–125.

⁵ Арсеньева, Науменко 2003, 13–18; 2006, 23–25.

⁶ Шелов 1957, 22.

⁷ Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969, 51–54; Матера 2018, 301–302.

⁸ Внуков 2003, 95, 202.

⁹ Шелов 1978, 18.

¹⁰ Внуков 2003, 120, 202; Внуков 2016, 41.

90¹¹, амфор колхидского производства. Кроме этого в комплексах присутствует понтийская краснолаковая посуда разных форм, сероглиняные и лепные сосуды. В меньшей степени в рассматриваемых постройках встречаются псевдокосские синопские амфоры типа Син III (по С.Ю. Внукову¹²). Таким образом, на основании представленных типов амфор, начало основных работ по возведению и перестройки помещений можно отнести ко второй трети–второй половине I в. н.э.

По нумизматическим данным¹³ налаживание внутреннего городского рынка Танаиса прослеживается при боспорском царе Аспурге (14–37 гг.)¹⁴. Необходимо отметить, что в годы его правления складываются стабильные дружественные отношения с Римом. По мнению С.Ю. Сапрыкина, это было вызвано тем, что Боспорское царство осталось фактически единственным государством, защищавшим северо-восточные границы Рима от варваров¹⁵. Благоприятное расположение Рима к Боспору позволило Аспургу обратить внимание на восстановление и усиление ряда боспорских городов и поселений¹⁶.

В Танаисе, на сегодняшний день, преобладают выпуски ассов, относящиеся к концу правления Аспурга¹⁷. Из всех монет, обнаруженных на территории городища, пять происходят из слоя и комплексов, датированных I в. н.э.¹⁸. Наличие ранних монет в слоях II–III вв. н.э. связано с тем, что в Танаисе монеты долгое время находились в обращении¹⁹.

Таким образом, начало восстановления денежного обращения и возобновления торговых связей города можно отнести к концу правления царя Аспурга, то есть к 30-м гг. н.э. В конце 30-х – начале 40-х гг. н.э. отмечается некий спад. Всего за время исследований на городище Танаис было обнаружено 7 монет, которые можно уверенно отнести к указанному периоду²⁰.

Изменения фиксируются после завершения боспоро-римской войны²¹. При поддержке Рима боспорский престол занимает Котис I (45–68 гг.)²². Большая часть монет Котиса I в Танаисе²³ обнаружена в слоях II–III вв. н.э. Однако встречаются и в ранних комплексах. В частности, в помещении 3 постройки 4 (раскоп XIX), помещении 1 постройки 7 (раскоп XIX), постройке 6 (раскоп XIX)²⁴. Среди выпу-

¹¹ Зеест 1960, 117.

¹² Внуков 2003, 141, 202.

¹³ Нумизматический материал Танаиса, полученный в ходе исследований (до 1999 г. включительно) рассмотрен в работе С.И. Безуглова «Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.)» (Безуглов 2001).

¹⁴ Безуглов 2001, 25.

¹⁵ Сапрыкин 2002, 158, 177, 221.

¹⁶ Виноградов, Горончаровский 2008, 258.

¹⁷ Анохин 1986, 94; Фролова 1997, 68; Безуглов 2001, 25.

¹⁸ Преобладают ассы с изображением на аверсе императора Калигулы, на реверсе – царя Аспурга. При этом из слоя I в. н.э. происходит лишь 5 монет: Безуглов 2001, № 574, 804, 890; Арсеньева 2000, п.о. № 2019/1).

¹⁹ Безуглов 2001, 111.

²⁰ При этом только две монеты происходят из горизонта I–II вв. н.э. (Арсеньева 2002, п.о. № 2010; Арсеньева, Науменко 2006а, п.о. № 130).

²¹ Шелов 1981, 52; Фролова 1997, 84; Виноградов, Горончаровский 2008, 260.

²² Фролова 1997, 86, 102; Цветаева 1979, 28; Зубарь, Русяева 2004, 160; Виноградов, Горончаровский 2008, 272.

²³ Безуглов 2001, 26.

²⁴ Безуглов 2001, № 811; Арсеньева 2002, п.о. № 2009; Арсеньева 2000, п.о. № 2019/2, 2021.

сков преобладают ассы 49–54 гг. и дупондии 63–68 гг.²⁵. Видимо, на протяжении правления Котиса I поступление монет было стабильным, что свидетельствует о развитии городского рынка Танаиса. По сравнению с предыдущим периодом можно говорить о наличии в городе достаточно активных торговых связей, вероятно, по интенсивности близких к 30-м гг. н.э. Кроме того, С.Ю. Внуков, на основе анализа амфорного материала, допускает возможность налаживания внешней торговли Танаиса, в первую очередь, с понтийским регионом, в конце правления Котиса I²⁶. Таким образом, к концу третьей четверти I в. н.э. стабилизируется экономика города, темпы развития которой сохраняются вплоть до конца столетия²⁷.

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют сделать следующие выводы относительно I в. н.э. После карательного похода боспорского царя Полемона на территории городища Танаис восстанавливаются жилые и хозяйственные постройки. Кроме этого, отмечается проведение работ по обновлению либо организации незастроенных площадей: в южной части расчистка площади у городских ворот, в западной части организация мостовой в районе входной калитки. Перед проведением строительных работ нивелируется слой разрушений конца I в. до н.э. Наряду с возведением новых сооружений, восстанавливается ряд комплексов в границах II–I вв. до н.э. При этом нельзя утверждать, что в I в. н.э. происходит уменьшение населения города. О возможности притока в нижнедонской регион новой волны мигрантов со второй четверти – второй половины I в. н.э. свидетельствуют данные, полученные в ходе исследований Танаиса и его некрополя²⁸. В это же время наблюдается налаживание торговых связей и развитие внутреннего городского рынка.

Примечательно, что, не смотря на стабилизацию экономики Танаиса в середине – второй половине I в. н.э., на территории городища не фиксируется восстановление оборонительной системы. Д.Б. Шелов и А.И. Болтунова связывали это с запретом на проведение строительных работ со стороны боспорских царей, что являлось доказательством вхождения Танаиса в Боспорское царство и зависимости от него. При этом усиление фортификации города в конце I – начале II вв. н.э. проводилось в рамках государственной политики Боспора²⁹. С.Ю. Сапрыкин также отмечает, что восстановление Танаиса, разрушенного с санкции Августа, могло вызвать недовольство политикой боспорских царей³⁰. Однако основной причиной, скорее всего, стало отсутствие на протяжении I в. н.э. серьезной опасности со стороны степи. Приход в нижнедонской регион представителей среднесарматской культуры не создал непосредственной угрозы для Боспора³¹. Кроме того, основное внимание боспорских царей было направлено на западные границы государства³².

²⁵ Анохин 1986, 98–99; Фролова 1997, 95, 100; Безуглов 2001, 26.

²⁶ Внуков 2006, 264.

²⁷ При Рискупориде II (68–93 гг.) отмечается схожая с предыдущим периодом ситуация: поступление монет в город не сокращается. При этом большинство из них используется продолжительное время, в результате чего они попадают в постройки середины III в. н.э. (Безуглов 2001, 27–29).

²⁸ Шелов 1970, 229; Толочко 2003, 124, 163; Ильяшенко 2007, 27.

²⁹ Болтунова 1969, 63, 64; Шелов 1970, 233; 1972, 260, 261.

³⁰ Сапрыкин 2002, 212.

³¹ Глебов 2001, 199.

³² Виноградов, Горончаровский 2008, 258, 273.

Однако, А.И. Иванчик и С.Р. Тохтасьев, рассматривая надписи, посвященные царице Динамии, приходят к выводу, что строительные работы по восстановлению Танаиса были проведены еще до начала правления Савромата I³³. Несомненно, имело место возведение или обновление отдельных построек, но нельзя утверждать о полном восстановлении города. Факт возобновления линии фортификации Танаиса в конце I – начале II вв. н.э. подтверждается археологическими и эпиграфическими данными³⁴.

Новый этап в развитии города связан с правлением на Боспоре царя Савромата I (93–123 гг.). В это время в Танаисе проводятся масштабные строительные работы, что было вызвано внешнеполитическими факторами. В конце I в. н.э. усиливается натиск кочевников с востока, приведший к необходимости укрепления азиатской части Боспора³⁵.

На рубеже I–II вв. н.э. в Танаисе восстанавливается и усиливается линия обороны города, проводится перепланировка в южной и западной частях городища³⁶. В ходе проведенных работ окончательно формируется городская цитадель (основной четырехугольник городища) с мощной фортификационной системой. В середине II в. н.э. на территории городища Танаис фиксируется слой разрушений, что связывают с приходом в нижнедонской регион носителей позднесарматской культуры³⁷. В результате погибает ряд помещений. Часть из них полностью засыпается (например, помещение 3 постройки 4 (раскоп XIX)³⁸), остальные переоборудовываются и функционируют до середины III в. н.э. (например, постройка 11, комплекс помещений построек 3 и 4 (раскоп XIX), постройки в рамках усадеб в центральной и восточной частях городища). Также горизонт конца I – первой половины II вв. н.э. прослеживается в башнях западной оборонительной линии³⁹.

В результате исследования указанных объектов были выделены основные группы материала, характерные для горизонта разрушений середины II в. н.э. Преобладают фрагменты и профильные части позднегераклейских узкогорлых светлоглиняных амфоры типа С (по Д.Б. Шелову⁴⁰) / варианта CIVC (по С.Ю. Внукову⁴¹), амфор с воронковидным горлом типа Зеест 90⁴². В большом количестве присутствует понтийская краснолаковая посуда разных форм (в основном, миски, тарелки и кувшины), лепные и кружальные (в первую очередь, кувшины) сосуды. В меньшем количестве и не во всех объектах встречаются фрагменты псевдокосских амфор с двустольными ручками типа CI (по С.Ю. Внукову⁴³), узкогорлых

³³ Иванчик, Тохтасьев 2009, 98.

³⁴ Шелов 1970; 1972; Арсеньева, Науменко 2006; Науменко 2007; 2013; Ильяшенко 2013; Ильяшенко, Иванчик 2018.

³⁵ Гайдукевич 1949; Цветаева 1979, 17, 50; Зубарь, Русяева 2004; Виноградов, Горончаровский 2008, 276; Алексеева 1997, 60.

³⁶ Болтунова 1969, 64; Арсеньева, Бетгер, Виноградов 1996, 68–71; Безуглов 2001, 29, 41; Ильяшенко 2013.

³⁷ Арсеньева, Науменко 2001а, 60; Внуков 2007, 164.

³⁸ Арсеньева 1996, 8.

³⁹ Арсеньева, Науменко 2006, 25–26; Науменко 2007, 40.

⁴⁰ Шелов 1978, 18.

⁴¹ Внуков 2016, 43.

⁴² Зеест 1960, 117.

⁴³ Внуков 2003, 95, 202.

светлоглиняных позднегераклейских амфор типов А/В, В (по Д.Б. Шелову⁴⁴)/ вариантов CIVA, В (по С.Ю. Внукову⁴⁵). Также немногочисленны колхидские и синопские амфоры. При этом фрагменты посуды раннего времени, в большинстве случаев, находятся на границе нивелировки поверхности на рубеже I–II вв. н.э.

Проведение строительных работ в период царствования Савромата I привело к увеличению поступления монет в город⁴⁶. Основная их часть – сестерции выпуска 108–115 гг.⁴⁷. Они преобладают в слое нивелировки рубежа I–II вв. н.э., а также в комплексах, погибших в середине III в. н.э.

После Савромата I отмечается спад, выразившийся в сокращении поступления в Танаис монет при Котисе II (123–132 гг.)⁴⁸. В дальнейшем при Реметалке (131–154 гг.) снова фиксируется увеличение монет⁴⁹. Однако их количество не достигает показателей периода правления Савромата I. Необходимо отметить, что большая часть монет второй четверти II в. н.э. была обнаружена при исследовании ранних горизонтов в рамках наземных и подвальных помещений середины III в. н.э.⁵⁰

Увеличение на городище нумизматического материала можно связать с проведением строительных работ по восстановлению города. На рубеже I–II вв. н.э. рост поступления монет связан с организацией масштабных строительных работ по укреплению фортификации города (сестерции Савромата I). В середине II в. н.э. проходит обновление или возведение заново построек, пострадавших в результате разрушения города представителями позднесарматской культуры (монеты Реметалка)⁵¹. При этом еще раз необходимо отметить, что особенностью внутреннего городского рынка Танаиса являлось нахождение в обращении монет продолжительное время.

Таким образом, период I – первой половины II вв. н.э. являлся временем восстановления города. В это время проходит постепенное налаживание внутреннего городского рынка Танаиса, а также внешней торговли. В результате разрушения Танаиса в ходе похода боспорского царя Полемона на некоторое время замедляются темпы его экономического развития. Вероятно, период ослабления Танаиса был непродолжительным, так как имеющийся материал свидетельствует о поступлении в город товаров импортного производства. О постепенной стабилизации торговых связей можно говорить относительно второй трети – середины I в. н.э.

⁴⁴ Шелов 1978, 18.

⁴⁵ Внуков 2003, 120, 202; Внуков 2016, 41.

⁴⁶ Всего за время исследований с территории основного четырехугольника городища происходит более 150 экземпляров монет (Безуглов 2001, 30–31; Арсеньева, Наumenko 2001б, п.о. № 204; 2006а, п.о. № 5-8; 2007, п.о. № 61, 70-73, 78, 79; Арсеньева 2001, п.о. № 2020, 2022, 2040).

⁴⁷ Анохин 1986, 106; Фролова 1997, 128–130; Безуглов 2001, 30.

⁴⁸ Ко времени правления Котиса II (123–132 гг.) относится 26 экземпляров монет, что соотносится с поступлением монет в Танаис в периоды царствования Аспурга (14–37 гг.) и Котиса I (45–68 гг.). (Безуглов 2001, 32).

⁴⁹ Всего с территории городища происходит порядка 70 экземпляров монет Реметалка (131–154 гг.). (Безуглов 2001, 32; Арсеньева, Наumenko 2002, п.о. № 68; 2007, п.о. № 74-77; Арсеньева 2000, п.о. № 2018, 2019/2, 2021).

⁵⁰ Ярким примером может служить подвал МБ. При исследовании горизонта I – первой половины II вв. н.э. МБ/17 было обнаружено 3 монеты Котиса II выпуска 123–124 гг. и ок. 126 г. (Безуглов 2001, 110, № 645, 648, 651), 8 монет Риметалка выпуска в период 133–136 гг. (Безуглов 2001, 110, № 646, 647, 649, 653, 654, 655, 656, 657, 110) (Арсеньева, Наumenko 1994, 62–63).

⁵¹ Монеты Евпатора (154–170 гг.) практически не представлены на городище (Безуглов 2001, 33).

В это же время возобновляется строительство жилых и хозяйственных построек, многие из которых, скорее всего, возводились в границах помещений II–I вв. до н.э. В западной части городища за пределами оборонительных стен также сооружается ряд построек.

Проведение на рубеже I–II вв. н.э. масштабных строительных работ по восстановлению фортификации города оказало сильное влияние на развитие Танаиса. В результате формируется городская цитадель, окруженная оборонительными стенами и рвом. В рамках нее обновляются или отстраиваются заново наземные и подвальные сооружения. Примечательно, что при исследовании подвалов, погибших в середине III в. н.э., прослеживаются ранние горизонты. Это позволяет предположить, что уже в I–II вв. н.э. жителями Танаиса на территории городища были восстановлены основные постройки. Кроме того, на протяжении первой половины II в. н.э. не отмечается резкого спада в поступлении боспорских монет в город, что говорит о стабильном развитии внутреннего городского рынка и в целом экономики Танаиса. Очередной катастрофой, после которой вновь понадобилось время для восстановления города, стало разрушение построек на территории городища в 140-е гг. н.э., что связывают с приходом в нижнедонской регион представителей позднесарматской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгоппия*. М.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Арсеньева, Т.М. 1996: *Отчет о результатах 4-го сезона работ совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1996 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 225/1.
- Арсеньева, Т.М. 2000: *Отчет о раскопках в Танаисе в 2000 г.* АМЗТ НВФ 229/1.
- Арсеньева, Т.М. 2001: *Отчет о раскопках в Танаисе в 2001 г.* АМЗТ НВФ 230/1.
- Арсеньева, Т.М. 2002: *Отчет о раскопках в Танаисе в 2002 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 189/1.
- Арсеньева, Т.М. 2003: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2003 г. (Раскоп XIX)*. АМЗТ НВФ 190/1.
- Арсеньева, Т.М., Бётгер, Б., Виноградов, Ю.Г. 1996: Новые исследования в Танаисе. *ВДИ* 3, 54–71.
- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М., Науменко, С.А. 2011: Исследования на основном четырехугольнике городища в 2009 г. В сб.: В.Я. Кияшко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону* 25. Азов, 129–140.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1994: Комплекс находок из подвала МБ II–III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 1, 61–114.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2001а: Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. *ДБ* 4. М., 56–124.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2001б: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2001 г. (Раскоп IV)*. АМЗТ НВФ 211.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2002: *Отчет об исследованиях на городище Танаис в 2002 г. (Раскоп IV)*. АМЗТ НВФ 212/1.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2003: *Отчет об исследованиях западной оборонительной линии городища Танаис в 2003 г. (Раскоп IV)*. АМЗТ НВФ 213.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2006: Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003–2004 гг.). *ДБ* 10, 18–61.

- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2006а: *Отчет об археологических исследованиях на городище Танаис в 2006 г. (Раскоп VI)*. АМЗТ НВФ 216.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2007: *Исследования на городище Танаис в 2007 г. (Раскоп VI)*. АМЗТ НВФ 217.
- Безуглов, С.И. 2001: *Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.)*: канд. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. М.
- Болтунова, А.И. 1969: Был ли Танаис разрушен Полемоном? *ВДИ* 2, 56–65.
- Болтунова, А.И., Каменецкий, И.С., Деопик, Д.В. 1969: Раскопки западного района Танаиса 1957–1960. В сб.: Д.Б. Шелов (ред.), *Античные древности Подонья–Приазовья*. М., 6–97.
- Виноградов, Ю.А., Горнчаровский, В.А. 2008: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н.э.)*. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. (петрография, хронология, проблемы торговли)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2007: Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье. *ВДИ* 4, 163–177.
- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Глебов, В.П. 2001: Сарматы и Боспор на рубеже эр. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, Е.Я. Рогов, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства*. Ч. 2. СПб., 194–201.
- Голубцова, Е.С. 1951: *Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры*. М.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора*. МИА 83. М.
- Зубарь, В.М., Русяева, А.С. 2004: *На берегах Боспора Киммерийского*. Киев.
- Иванчик, А.И., Ильяшенко С.М. 2018: Новые надписи из Танаиса. *ВДИ* 3, 693–710.
- Иванчик, А.И., Тохтасьев, С.Р. 2009: Царица Динамия и Танаис. *ВДИ* 3, 95–107.
- Ильяшенко, С.М. 2007: Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения). *Вестник Танаиса* 2, 23–39.
- Ильяшенко, С.М. 2013: Южные ворота Танаиса. *Археологические записки* 8, 159–177.
- Ильяшенко, С.М., Преснова, Н.Н. 2019: Постройка 13 постполемоновского времени на городище Танаис. *ПИФК* 1, 106–125.
- Книпович, Т.Н. 1949: *Танаис: историко-археологический очерк*. М.–Л.
- Матера, М. 2018: Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома. В сб.: В. Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 2. СПб., 300–306.
- Науменко, С.А. 2007: Исследования центральной части западной оборонительной линии основного четырехугольника городища (по материалам раскопок 2005 г.). *Вестник Танаиса* 2, 40–65.
- Науменко, С.А. 2013: Новые данные о фортификации Танаиса. *Археологические записки* 8, 145–158.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Толочко, И.В. 2003: *Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э.–V в. н.э.): опыт сравнительного изучения*: канд. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. М.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. I. М.
- Цветаева, Г.А. 1979: *Боспор и Рим*. М.
- Шелов, Д.Б. 1957: *Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г.* Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1496.

- Шелов, Д.Б. 1970: *Танаис и Нижний Дон в III – I вв. до н.э.* М.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.* М.
- Шелов, Д.Б. 1978: Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. Античность и варварский мир: *КСИА* 156, 16–22.
- Шелов, Д.Б. 1981: Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. *ВДИ* 4. М., 52–64.
- Arseneva, T., Fornasier, J. 2003: Archäologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais. Mit einem Beitrag von Michael Ulrich. *Eurasia Antiqua* 9, 237 – 279.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya [Ancient city Gorgippia]*. Moscow.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [The Coinage of the Bosporus]*. Kiev.
- Arseneva, T.M. 1996: *Otchet o rezul'tatakh 4-go sezona rabot sovmestnoy russko-nemetskoj arkhеologicheskoy gruppy v Tanaise v 1996 g (Raskop XIX) [Report on results of the 4th season of the joint Russian-German archaeological group in Tanais on 1996 (Trench XIX)]*. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 225/1.
- Arseneva, T.M. 2000: *Otchet o raskopkakh v Tanaise v 2000 g. [Report on excavations of Tanais on 2000]*. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 229/1.
- Arseneva, T.M. 2001: *Otchet o raskopkakh v Tanaise v 2001 g. [Report on excavations of Tanais on 2001]*. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 230/1.
- Arseneva, T.M. 2002: *Otchet o raskopkakh v Tanaise v 2002 g. (Raskop XIX) [Report on excavations of Tanais on 2002 (Trench XIX)]*. AMZT [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 189/1.
- Arseneva, T.M. 2003: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2003 g. (Raskop XIX) [Report of archaeological research Tanais on 2003 (Trench XIX)]*. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 190/1.
- Arseneva, T.M., Boettger, B., Vinogradov, Yu.G. 1996: Novye issledovaniya v Tanaise [New research of Tanais]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 3, 54–71.
- Arseneva, T.M., Ilyashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2011: Issledovaniya na osnovnom chetyrehugolnike gorodishcha v 2009 g. [The Research on the main quadrangle of the site of ancient town Tanais on 2009]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archeological investigations in Azov and Lower Don]* 25, 129–140.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 1994: Kompleks nakhodok iz podvala MB II–III vv. n.er. [The complex of finds from the basement MB II – III centuries AD]. *Vestnik Tanaisa [Bulletin of Tanais]*. Rostov-on-Don, 61–114.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2001a: Raskopki Tanaisa v tsentre vostochnoy chasti gorodishcha [Excavations of Tanais in the center of the eastern part of the city]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 4, 56–124.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2001: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2001 g. (Raskop IV) [The report of archaeological research Tanais on 2001 (Trench IV)]*. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 211.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2002: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2002 g. (Raskop IV) [The report of archaeological research Tanais on 2002 (Trench IV)]*. Arkheologicheskii muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve “Tanais”] 212/1.

- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2003: *Otchet ob issledovaniyakh na zapadnoy oboronitel'noy linii gorodishcha Tanais v 2003 g. (Raskop IV)* [The report of archaeological research on the Western Defensive Line of the city Tanais on 2003 (Trench IV)]. Arkheologicheskiy muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve "Tanais"] 213.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2006: Oboronitelnye ukrepleniya Tanaisa (po materialam raskopok 2003–2004 gg.) [Fortifications of ancient Tanais (based on archaeological research in 2003–2004)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 10, 18–61.
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2006: *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 2006 g. (Raskop VI)* [The report of archaeological research Tanais on 2006 (Trench VI)]. Arkheologicheskiy muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve "Tanais"].
- Arseneva, T.M., Naumenko, S.A. 2007: *Issledovaniya na gorodishche Tanais v 2007 g. (Raskop VI)* [Archaeological research of the city of Tanais on 2007 (Trench VI)]. Arkheologicheskiy muzey-zapovednik Tanais [Archaeological museum-reserve "Tanais"].
- Bezuglov, S.I. 2001: *Denezhnoe obrashchenie Tanaisa (III v. do n.e.–V v. n.e.)* [Currency of Tanais (3rd c. BC — 5th c. AD)]. PhD Thesis Moscow.
- Boltunova, A.I. 1969: Byl li Tanais razrushen Polemonom? [Was Tanais Destroyed by Polemo?]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 56–65.
- Boltunova, A.I., Kamenetskiy, I.S., Deopik, I.S. 1969: Raskopki zapadnogo rayona Tanaisa 1957–1960 [Excavation of the western region of Tanais 1957–1960]. In: D.B. Shelov (ed.), *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya* [Antiquities of Don and Azov regions]. Moscow, 6–97.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – sredina IV v. n.e.)*. [The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. Pt. I. Moscow.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [The Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Glebov, V.P. 2001: Sarmaty i Bospor na rubezhe er [The Sarmatians and Bosporus at the turn of the ehre]. In: M.Yu. Vahtina, V.Yu. Zuev, E.Ya. Rogov, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen: Kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state]. Pt. 2. Saint Petersburg, 194–201.
- Golubtsova, E.S. 1951: *Severnoe Prichernomor'e i Rim na rubezhe nashey ery* [Northern Black Sea Coast and Rome at the Turn of Our Era]. Moscow.
- Ilyashenko, S.M. 2007: Verhniy i Nizhniy gorod Tanaisa (predvaritel'nye nablyudeniya) [Upper and Lower Town of Tanais (preliminary observations)]. *Vestnik Tanaisa* [Vestnik of Tanais] 2, 23–39.
- Ilyashenko, S.M. 2013: Yuzhnye vorota Tanaisa [The southern gates of Tanais]. *Arheologicheskie zapiski* [Archaeological notes] 8, 159–177.
- Ilyashenko, S.M., Presnova, N.N. 2019: Postroyka 13 postpolemonovskogo vremeni na gorodishche Tanais [Building 13 in Tanais of the post-polemo period]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1, 106–125.
- Ivachik, A.I., Tokhtasev, S.R. 2009: Tsaritsa Dinamiya I Tanais [Queen Dynamis and Tanais]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 3, 95–107.
- Ivantchik, A.I., Ilyashenko, S.M. 2018: Novye nadpisi iz Tanaisa [New inscriptions from Tanais]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 3, 693–710.
- Knipovich, T.N. 1949: *Tanais: istoriko-arkheologicheskiy ocherk* [Tanais. Historical and Archaeological Study]. Moscow–Leningrad.
- Matera, M. 2018: Ob osobennostyakh zhizni v zapadnom Tanaise posle polemonovskogo razgroma [On the peculiarities of life in western Tanais after the defeat by Polemo]. In: Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshhee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferen-*

- tsii. Ch. 1 [The Bosporan Phenomenon. Materials of International scientific c Conference]. Pt 1. Saint Petersburg, 300–306.
- Naumenko, S.A. 2007: Issledovaniya tsentral'noy chaste zapadnoy oboronitel'noy linii osnovnogo chetyryekhugol'nika gorodishcha (po materialam raskopok 2005 g.) [The Research central part the western defensive line on the main quadrangle of the site of ancient town Tanais (by materials on excavation 2005)]. *Vestnik Tanaisa* [Vestnik of Tanais] 2, 40–65.
- Naumenko, S.A. 2013: Novye dannye o fortifikatsii Tanaisa [New data about the fortifications of Tanais]. *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological notes] 8, 145–158.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh* [The Bosporan Kingdom on the Edge of two Eras]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1957: *Otchet o polevykh rabotakh Nizhne-Donskoy arheologicheskoy ehkspeditsii IIMK AN SSSR v 1957 g.* [The Report of field work of the Nizhne-Don Archaeological Expedition IHMC Academy of Sciences USSR on 1957]. Arhiv IA RAN [Archive of IA RAS]. F-1. R-1. № 1496.
- Shelov, D.B. 1970: *Tanais i Nizhniy Don v III – I vv. do n.er.* [Tanais and Lower Don III – I centuries. BC]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and Lower Don in the First Centuries of the New Era]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1978: *Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i khronologiya* [Light-clay narrow-necked amphorae of the first centuries of AD. Classification and chronology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 156, 16–22.
- Shelov, D.B. 1981: *Rimlyane v Severnom Prichernomor'e vo II v. n.e.* [The Romans in the North Black Sea Area in the second century A.D.]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 4, 52–64.
- Tolochko, I.V. 2003: *Nekropol' Tanaisa (nachalo III v. do n.er. – V v. n.er.): opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Necropolis of Tanais (beginning of the 3rd century BC - 5th century AD): an experience of comparative study]. PhD Thesis. Moscow.
- Tsvetaeva, G.A. 1979: *Bospor i Rim* [The Bosporus and Rome]. Moscow.
- Vinogradov, Ju. A., Goroncharovskiy, V.A. 2008: *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.er. – seredina III v. n.er.)* [War History and Warfare of the Cimmerian Bosporus (6th century BC – middle of the 3rd century AD)]. Saint Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e.* [The Black Sea amphorae of the 1st c. BC – the 2nd c. AD]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e. Part II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli* [The Black Sea amphorae of the 1st c. BC – the 2nd c. AD II: Petrography, chronology and trade questions]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2007: *Vremya i politicheskie posledstviya poyavleniya plemen pozdnesarmatskoy kul'tury v Prichernomor'e* [Time and political outcomes of the invasion of the tribes of the Late Sarmatian culture to the Black Sea region]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 4, 163–177.
- Vnukov, S.Yu. 2016: *Eshchye raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor* [On the typology, evolution and chronology of light-clay (late heracleian) narrow-necked amphorae]. *Rossiyskaya arheologia* [Russian Archaeology] 2. Moscow, 36–47.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [Ceramic vessels of Bosporus] (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 83). Moscow.
- Zubar, V.M., Rusyaeva A.S. 2004: *Na beregakh Bospora Kimmeriyskogo* [On the Shores of Bosporus Cimmerian]. Kiev.

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF TANAIS IN POST-POLEMO PERIOD

Nadezhda N. Presnova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nadezhda_presnova@mail.ru

Abstract. The article discusses the main trends in the development of Tanais in the 1st – first half of the 2nd century AD. The boundaries of this period are the restoration of Tanais after the punitive campaign of the Bosporan king Polemo at the end of the 1st century BC (on the one hand) and the destruction of the city in the 140s AD carriers of the Late Sarmatian culture (on the other hand).

Currently available data indicate the continuation of the development of Tanais after the catastrophe of the end of the 1st century BC. Already in the 1st century AD, new buildings were being built on the territory of the settlement. Towards the end of the Cotys I reign (45–68), the economy stabilized, expressed in the establishment of trade contacts. An important stage in the development of the city was the reign of king Sauromates I (93–123). As a result of the work carried out to restore the fortification of Tanais, a city citadel is formed, surrounded by defensive walls and a moat. Within the framework of it, ground and basement structures are being built up. It is noteworthy that in the study of basements destroyed in the mid-3rd century AD, early horizons can be traced. This suggests that as early as the 1st and 2nd centuries AD, the inhabitants of Tanais in the settlement site restored the main buildings. Conducting large-scale construction work at the turn of the 1st and 2nd centuries AD in the framework of state policy on the Bosphorus led to an increase in the flow of coins to Tanais. Later, during the first half of the 2nd century AD, there was no sharp decline in the inflow of Bosporan coins into the city, which indicates the stability of the internal urban market and the Tanais economy as a whole.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Tanais, post-Polemo period, economy

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-83–96

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

А.Н. Берлизов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
berlizov-aleksandr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые направления в методике изучения погребальных памятников Азиатского Боспора, позволяющие дать более объективную интерпретацию существовавших там погребальных обрядов. Длительное исследование погребальных памятников Азиатского Боспора привело к накоплению большого объема информации, нуждающейся в систематизации, что вызвало необходимость усовершенствования методик обработки археологического материала. Погребальные традиции весьма сложно интерпретировать с опорой исключительно на археологические артефакты без привлечения иных источников (письменных, эпиграфических, памятников изобразительного искусства и др.). Однако традиционно в археологических работах рассматриваются лишь отдельные аспекты погребального обряда: этнический, социальный, религиозный и т.д. Но в настоящее время наиболее перспективным представляется комплексный подход к исследованию погребальных традиций с корректным внедрением этнографических аналогий и методов антропологии. Он позволяет учесть различные факторы, влияющие на формирование обрядовых традиций. Это открывает исследователю широкие возможности продуктивного решения спорных вопросов в рассматриваемой области.

Не менее затруднительна обработка и систематизация все возрастающего объема археологического материала. Использование методов математической статистики и комбинаторики значительно облегчает эту задачу. Традиционный в археологии метод процентных соотношений не всегда эффективен из-за невозможности его применения к малым выборкам и субъективизма в отборе признаков для интерпретации материала. Развитие технологий способствовало внедрению в археологическую науку методов многомерного анализа (в том числе кластер- и фактор-анализа). Интерпретацию результатов многомерного анализа погребальных памятников существенно облегчила инновационная методика, основанная на использовании признаков-интерпретаторов в исходных матрицах.

В статье обосновывается эффективность использования комплексного подхода, включающего, наряду с традиционными археологическими методиками, методы многомерного математического анализа.

Ключевые слова: погребальный обряд, археологические раскопки, Азиатский Боспор, фактор-анализ, кластер-анализ

Данные об авторе: Берлизов Александр Николаевич – аспирант Отдела классической археологии ИА РАН.

Активное изучение погребальных памятников Азиатского Боспора в последние годы привело к накоплению значительного объема информации, нуждающейся в систематизации и оценке, что требует усовершенствования методик изучения погребальных традиций.

Погребальный обряд следует рассматривать как комплекс практических и ритуальных действий, совершаемых сообществом людей (его подразделениями: родом, семьей, и т.п.) для решения вопросов, связанных со смертью одного или нескольких его членов. Погребальный обряд весьма консервативен. Поэтому социумом при переселениях с одного места на другое предпринимались попытки в новых условиях воспроизвести формы обрядности, характерные для прежней родины. Однако следует учитывать, что в рамках общих для всего коллектива парадигм в представлении о погребальном обряде всегда существует вариативность на уровне отдельных фракций коллектива и индивидуумов. Кроме того, погребальный обряд неизменно служит отражением религиозных воззрений. Таким образом, погребальные традиции весьма сложны для адекватной интерпретации, если использовать для этой цели лишь археологический материал без привлечения иных источников (письменных, эпиграфических, памятников изобразительного искусства и др.).

Традиционно в большинстве исследований погребального обряда рассматриваются лишь отдельные его аспекты и применяются узконаправленные подходы в интерпретации источника: этнический, основанный на дихотомии греческих / варварских погребальных традиций; социальный, отражающий стремление изучать, прежде всего, памятники рядового населения ради реконструкции классовой структуры общества; ритуально-религиозный и т.п. В 1980-е гг. начал формироваться подход, рассматривающий погребальный обряд как источник для палеодемографических реконструкций.

В настоящее время все больше исследователей считают самым перспективным комплексный подход с обязательным корректным внедрением этнографических аналогий и методов антропологии¹. Он плодотворен в решении спорных вопросов. В частности, лишь в последние годы пришло понимание, что все погребальные памятники Азиатского Боспора различны и вариативны даже в рамках одного некрополя. Важно учитывать одновременно разные факторы, влияющие на формирование обрядовых традиций: хронологический, социальный, религиозный, этнический и т.д. (рис. 1). Эти традиции накладываются одна на другую, что в значительной степени затрудняет их корректную интерпретацию. Само изменение материальной культуры с течением времени может влиять на интерпретацию погребальных обрядов. Л.С. Клейн справедливо отмечает, что первоначальная информация о том или ином событии в значительной степени искажается, проходя через огромное количество «шлюзов»². Затруднительна также обработка и систематизация объемного археологического материала, накопленного за годы раскопок и возрастающего год от года. Использование методов математической статистики и комбинаторики в археологических исследованиях значительно облегчает эту задачу.

¹ Сударев 2005, 40–41; Гуляев 2010, 6–19.

² Клейн 1999, 338–339.

Основные факторы, влияющие на формирование погребальных традиций.

С середины 1960-х гг. стал популярным метод процентных соотношений. Его простота и доступность, возможность ведения расчетов вручную обусловили широкое применение этого метода в археологии. Например, весьма удачным было его использование М.Г. Мошковой в своде, посвященном памятникам прохоровской культуры³. Однако вскоре выявились существенные недостатки метода, обусловленные невозможностью его применения к малым выборкам: при исследовании небольшого количества объектов резко увеличивалась вероятная погрешность в вычислениях. Другой «ахиллесовой пятой» метода стал субъективный отбор признаков, продиктованный представлениями исследователей об их значимости для решения поставленных задач. Так, в работе «Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам)» авторы для доказательства сарматской принадлежности подкурганых погребений Восточного Закубанья посчитали достаточным выделить только такие характеристики, как конструкция могилы, ориентировка погребенного, положение сосудов и костей овцы относительно костяка, размещение бус, без обоснования отбора именно этого перечня признаков⁴. Проблема объективности полученных результатов поставила под сомнение использование метода процентных соотношений при анализе погребальных памятников.

Развитие технологий способствовало внедрению в археологическую науку в начале 1970-х гг. методов многомерного анализа, в том числе кластер- и фактор-анализа.

Фактор-анализ основан на объяснении корреляции между отдельно выделенными признаками. Он предполагает, что каждое явление или объект может быть описан небольшим числом характеристик-факторов, скрытых от непосредственного наблюдения. Эти скрытые факторы проявляются в доступных наблюдению признаках, которые могут быть сгруппированы по факторам. В основе метода лежит обработка квадратной матрицы, в которой факторные нагрузки рассматриваются как коэффициент корреляции между *i*-м признаком и *J*-м фактором. Коэффициентом оценивается общность признаков, то есть степень воздействия всех факторов на *i*-й признак. Если эта величина высока, значит, данный признак определяется выделенными факторами⁵.

Кластер-анализ предназначен для разделения множества объектов на заданное или неизвестное число классов на основании некоторого критерия качества классификации. Он позволяет определить меру близости выделенных признаков или объектов, от которых зависит способ деления на группы, и подтвердить их адекватность для проводимого исследования.

На Кубани первым к использованию фактор-анализа в археологических исследованиях обратился А.М. Ждановский при рассмотрении катакомб сарматского времени из Среднего Прикубанья⁶. Кластер-анализ описан в работе И.И. Марченко по исследованию массива впускных подкурганых погребений IV в. до н.э. – I в. н.э. из Нижнего Прикубанья⁷. Новая методика оказалась весьма действен-

³ Мошкова 1963 1–56.

⁴ Ждановский, Лимберис, Марченко 1988.

⁵ Федоров-Давыдов 1987 175–176.

⁶ Ждановский 1985.

⁷ Марченко 1996.

ной. Однако постепенно «эйфория, вызванная открывающимися возможностями компьютеризации археологии, заметно пошла на убыль»⁸, поскольку не были устранены попытки интуитивной интерпретации результатов анализа.

Новый подход, допускающий в алгоритме фактор- и кластер-анализа возможность интерпретации результатов, вновь продемонстрировал преимущества данной методики. Так, он успешно применялся при изучении меотских и сарматских погребений Прикубанья⁹. Методика представляется достаточно перспективной и для выявления специфики погребальных обрядов Азиатского Боспора. В то же время ее алгоритм нуждается в доработке.

Предварительным этапом является создание базы данных с применением универсального кода, скорректированного для изучения погребальных памятников Азиатского Боспора. При кодировании информации о захоронении учитываются общие характеристики: структура погребения; информация о скелете, сопроводительный инвентарь; предметы вооружения, упряжи и всаднического снаряжения; детали погребального костюма; орудия труда; предметы культа; жертвенная пища. Новым становится предложенное Н.Е. Берлизовым и А.П. Винидиктовым включение в код для описания погребальных памятников блока внеобрядовых признаков-интерпретаторов¹⁰. Под термином признак-интерпретатор в исследовании понимается конкретная характеристика составляющих обряда, связанная с широкой (с точностью до века) и узкой (с точностью до четверти века) датировкой погребения, половой и возрастной принадлежностью погребенных, антропологическим типом скелетных останков в захоронении.

Анализ проводится поэтапно. Началом изучения погребальных традиций становится определение хронологических различий в обрядности в рамках каждого некрополя. Первым интерпретатором является объективно установленная широкая датировка комплекса (с точностью до одного столетия). Для определения набора обрядовых характеристик, связанных с широкой датировкой погребений, используется фактор-анализ, производимый методом главных компонент. Для верификации полученных результатов и дополнения списка признаков проводится иерархический кластер-анализ пространства признаков. С помощью полученной матрицы корреляций между признаками осуществляется отбор наиболее тесно связанных с интерпретатором обрядовых характеристик. Результаты данной селекции соотносятся с данными фактор-анализа. В итоге устанавливается набор деталей обряда, объективно связанных с интерпретатором.

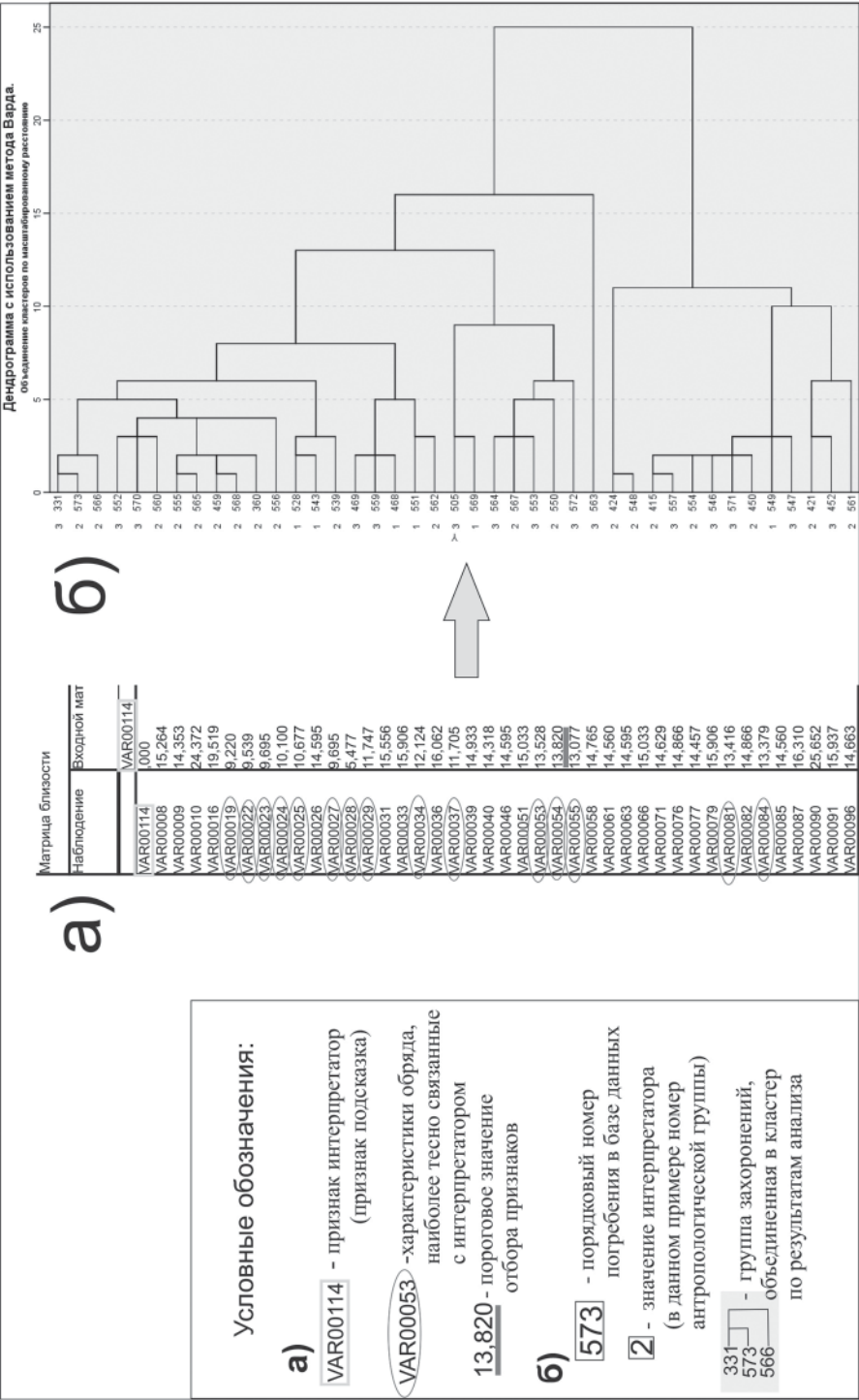
Затем проводится сравнение захоронений методом кластер-анализа именно по полученному набору признаков. Это позволяет датировать ранее недатированные комплексы. Программное обеспечение дает возможность выбрать наиболее адекватный метод расчета и автоматически выдает результат в виде дендрограммы, которая требует «дешифровки», т.е. интерпретации (рис. 2). Наличие полного или значительного совпадения в наборе обрядовых признаков либо его отсутствие в рамках всех или большинства образованных кластеров позволяет судить об объективности результата проведенного анализа. Важно учитывать на графе «девиации» (объекты, не образовавшие общие кластеры с другими погребениями

⁸ Каменецкий 1983, 41.

⁹ Берлизов, Винидиктов, Пьянков 2003.

¹⁰ Берлизов, Винидиктов, Пьянков 2003.

Пример отбора характеристик погребального обряда наиболее тесно связанных с интерпретатором(а) и результат полученный в результате сравнения методом кластер анализа материалов погребений по полученному набору признаков в виде дендрограммы(б)

Условные обозначения:

а)

VAR00114 - признак интерпретатор (признак подсказка)

VAR00053 - характеристики обряда, наиболее тесно связанные с интерпретатором

13,820 - пороговое значение отбора признаков

б)

573 - порядковый номер погребения в базе данных

2 - значение интерпретатора (в данном примере номер антропологической группы)

331, 573, 566 - группа захоронений, объединенная в кластер по результатам анализа

в рамках определенного памятника). Большое число девиаций (более 1/3 выборки) свидетельствует о некорректном результате и может указывать на то, что на их формирование оказал влияние некий иной фактор (рис. 3).

По предложенному алгоритму производится исследование каждого отдельно взятого некрополя и с использованием внеобрядового интерпретатора «узкая дата».

После установления хронологических особенностей в обрядности каждого отдельно взятого памятника можно перейти к подобному анализу с установлением половозрастных различий на каждом некрополе и т.д.

Далее необходимо выйти на уровень сопоставления материалов некрополей Боспора между собой. Уместно создание отдельной базы данных для сравнения детских погребений и исследование ситуации с «девиациями», которые неизбежно возникают на всех этапах анализа. Чтобы изучить происхождение погребальных традиций в некрополях Азиатского Боспора и выявить их локальные особенности, важно провести сравнение Боспорских некрополей с синхронными погребальными памятниками боспорской периферии, то есть с варварскими могильниками на примыкающих к изучаемому региону территориях.

Предложенная методика прошла апробацию при изучении сопроводительного инвентаря некрополей VI–IV вв. до н.э. Волна 1 (327 захоронений) и Артющенко 2 (111 захоронений)¹¹. На первом этапе для каждого из данных некрополей методом фактор-анализа был выявлен набор обрядовых характеристик, связанных с широкой (до века) и узкой (до четверти столетия) датировкой захоронений. Таким образом были определены конкретные элементы обряда, которые изменялись с течением времени, что приводило к формированию новых обрядовых традиций. Для некрополя Волна 1 с широкой и узкой датировкой погребений были связаны следующие черты погребального обряда: погребальное сооружение; количество погребенных в захоронении; общее положение и ориентировка умершего; количество сосудов в погребении; кувшин в погребении; положение миски; сосуд для питья; предметы вооружения. Для некрополя Артющенко 2 был установлен следующий набор хронологических индикаторов: характер погребальной конструкции, способ обращения с телом погребенного, количество погребенных в могиле; общая поза умершего, положение его конечностей и ориентировка, количество сосудов в погребении, расположение кувшинов в могиле.

Следующей фазой анализа стало сравнение между собой по вышеперечисленным признакам материалов захоронений Волны 1 методом кластер-анализа с последующей дешифровкой полученных данных. В результате для некрополя Волна 1 удалось выделить 12 вариантов погребальных традиций, которые объединились в три группы в рамках трех периодов в истории его существования: 1) вторая четверть VI – вторая четверть V вв. до н.э. (*вар. I–А; вар. I–Б*), 2) третья четверть V – вторая четверть IV вв. до н.э. (*вар. II–А – II–Д*), 3) третья четверть IV в. до н.э. – рубеж IV–III вв. до н.э. Для некрополя Артющенко 2 аналогичным способом были выявлены пять вариантов погребальных традиций, которые распределились по двум хронологическим периодам: 1) вторая половина VI – первая четверть V в. до н.э. (*вар. I–А; вар. I–Б; вар. I–В*). 2) вторая четверть V – вторая четверть IV вв. до н.э. (*вар. II–А; вар. II–Б*).

¹¹ Берлизов, Кашаев, Мимоход 2019, 229–245.

Фрагмент дешифровки данных, полученных в результате сравнительного комплексного статистического анализа захоронен

[illegible]

Анализ археологического материала некрополей Волна 1 и Артющенко 2 с применением предложенной методики позволил выявить четкие хронологические границы смены обрядовых традиций. Отметим, что изменения в погребальном обряде этих некрополей происходили синхронно, однако развитие погребальных традиций в рассмотренных погребальных памятниках не являлось линейным процессом: на разных этапах их функционирования некоторые погребальные обряды сосуществовали.

Однако в ходе дешифровки результатов проведенного анализа наблюдалось значительное число девиаций: около 15 % кластеров содержали объекты, существенно отличающиеся по датировке, что свидетельствует о влиянии на погребальные традиции иных факторов, в первую очередь, связанных с полом, возрастом, социальным статусом погребенных в некрополе. Поэтому задачей следующего этапа стало изучение влияния факторов пола и возраста на погребальный обряд рассматриваемых некрополей. Для этого по описанному выше алгоритму был выявлен набор черт погребального обряда, связанных с половой и возрастной принадлежностью погребенных¹² с учетом изменения погребальных традиций в некрополях во времени¹³. Для первых двух периодов существования некрополя Волна 1 (конца VI – второй четверти IV вв. до н.э.) были выделены следующие индикаторы половых и возрастных различий в обряде: количество погребенных в могиле, наличие и расположение кувшинов, мисок, сосудов для питья и мелких глиняных сосудов, наличие оружия, перстней и серег. С помощью кластер-анализа было выделено несколько групп, в которых присутствовали исключительно мужские либо женские захоронения. Так удалось установить характерные черты женского и мужского погребального обряда в некрополе. В частности, большинство инвентарных одиночных захоронений были мужскими, а коллективных – женскими. Различие в наборе сопроводительного инвентаря проявилось в отсутствии в женских захоронениях оружия. В «женском» керамическом наборе миски расположены слева, а в мужском – слева в ногах захороненных. Сосуды для питья чаще присутствуют в женских захоронениях. Лишь в погребениях женщин сосуды для питья могут располагаться слева в ногах погребенной. Мелкие глиняные сосуды встречаются как в женских, так и в мужских погребениях, однако в мужских они появляются в среднем на 50 лет раньше, чем в женских. Перстни чаще обнаруживаются в мужских захоронениях, а серьги – в женских.

Для третьей четверти IV – рубежа IV–III вв. до н.э. выявлены следующие индикаторы половых различий: количество погребенных в могиле, ориентировка погребенных, наличие наконечников стрел, мелких глиняных сосудов и орудий труда.

Большинство женских скелетов находились в коллективных захоронениях. В женском наборе сопроводительного инвентаря особо выделяются мелкие керамические сосуды (в основном, унгентарии). Распространение этих сосудов в

¹² На данном этапе работы использовались материалы лишь тех погребений (219 погребений в некрополе Волна 1 и 104 погребения в некрополе Артющенко 2), для которых были сделаны антропологические определения. Выражаем глубокую признательность авторам раскопок И.В. Цокур, С.В. Кашаеву, Р.А. Мимоходу и П.С. Успенскому за предоставленные материалы.

¹³ С учетом выявленных на первом этапе исследования трех основных периодов в истории некрополя Волна 1 и двух – в истории некрополя Артющенко 2.

женских захоронениях также отстает от мужских примерно на 25 лет. Изредка в женских захоронениях присутствуют одиночные наконечники стрел. Отличительная черта женского набора третьей четверти IV в. до н.э. – наличие игл, встречающихся гораздо чаще, чем в мужском.

Мужские скелеты на этом этапе встречаются как в коллективных, так и в одиночных захоронениях. В большинстве мужских погребений присутствуют мелкие глиняные сосуды, в некоторых – несколько наконечников стрел. К особенностям «мужского» набора сопроводительного инвентаря в погребениях можно отнести и наличие шильев.

Различия в «мужской» и «женской» погребальной обрядности некрополя Артющенко 2 проявились в характере погребальной конструкции, количестве погребенных в могиле, ориентировке погребенных, в наличии зеркал, кувшинов, сосудов для питья и мелких туалетных сосудов и в их расположении, в присутствии предметов вооружения и упряжи в погребениях. Эти данные подтвердили и позволили дополнить выводы С.В. Кашаева о половых различиях в обрядности некрополя Артющенко 2.

Новая методика изучения особенностей погребального обряда помогла обнаружить интересные данные о возрастных особенностях погребенных.

С помощью метода фактор-анализа для некрополя Волна 1 был выявлен набор характеристик обряда, связанных с возрастной принадлежностью захороненных: количество погребенных и сосудов в могиле, ориентировка погребенного в захоронении, наличие предметов наступательного вооружения и бус.

Наиболее репрезентативный результат был получен с помощью кластерного анализа материалов захоронений некрополя Волна 1, датированных в пределах третьей четверти – рубежа IV–III вв. до н.э. В рамках этого периода удалось выделить две группы населения с различной возрастной стратификацией. Первую группу отличает неустойчивый сектор ориентировки (Ю, З, С) и различный характер погребальных конструкций (подбой, грунтовые ямы). Возрастные различия проявляются и в наборе керамического инвентаря. В младенческих и детских захоронениях сосуды отсутствуют. В погребениях индивидов в возрасте от 16 до 25 лет присутствует не более одного сосуда, в захоронениях взрослых и пожилых – не более 2-х сосудов, один из которых является туалетным. Кости жертвенных животных в этих погребениях отсутствуют. Следует отметить, что именно к этой группе принадлежат костяки, антропологический тип которых отличается от других групп погребенных в данном некрополе¹⁴.

В другой группе сохраняется традиционная ориентировка в восточном секторе. Захоронения совершены в грунтовых овальных и прямоугольных ямах и в катакомбах. В них сохраняются критерии социальной стратификации и используются те же типы сосудов, что и в предшествующий период. Кроме того, в захоронениях молодых людей обнаружены кости животных.

По расположению могил первой группы, скромности сопроводительного инвентаря и трудозатрат на создание погребальных сооружений можно с осторожностью высказать предположение о ее более низком социальном статусе и, возможно, о ее зависимом положении от представителей второй группы.

¹⁴ Абрамова, Берлизов 2019, 355–356.

Близкие результаты удалось получить в ходе изучения возрастных различий погребенных в некрополе Артющенко 2. Был установлен набор признаков, связанных с интерпретатором «возраст погребенного». Это тип погребального сооружения, количество индивидов в могиле, их ориентировка, количество сосудов в погребении, наличие и расположение кувшинов. По набору описательных характеристик обряда был проведен сопоставительный анализ материалов захоронений в некрополе. В итоге удалось не только установить отличительные особенности каждой из возрастных категорий населения, оставившего некрополь, но и выявить сосуществование в нем двух разных групп. Именно вариации в обряде каждой возрастной категории позволили разграничить эти две группы между собой. Иными словами, в каждой из представленных групп существовала собственная возрастная стратификация.

К первой группе можно отнести захороненных в одиночных погребениях в простых грунтовых ямах. В сопроводительном инвентаре младенческих и детских захоронений данной группы сосуды отсутствуют. В захоронениях молодых людей присутствует один сосуд, в погребениях взрослых и пожилых людей – не более двух, среди которых обычно имеется кувшин.

Большинство умерших, отнесенных ко второй группе, захоронено в коллективных погребениях в сырцовых ящиках и склепах. Даже в детских погребениях этой группы обнаруживается не менее двух сосудов. В погребениях взрослых людей встречается более трех сосудов, в захоронениях обязательно присутствуют кувшины и сосуды для питья, в ряде случаев предметы вооружения и кости животных¹⁵.

Итоги исследования позволили подтвердить выводы ученых о близости погребальных традиций некрополей Волна 1 и Артющенко 2.

Итак, новая методика, примененная для изучения некрополей Волна 1 и Артющенко 2, позволила изучить процесс эволюции погребальных традиций в этих некрополях в VI–IV вв. до н.э., обнаружить различия в погребальном обряде, связанные с полом и возрастом погребенных. Было установлено сосуществование в каждом из них двух групп населения с различными особенностями погребального обряда, обусловленными полом и возрастом умерших. Это свидетельствует о действенности и продуктивности комплексного подхода и применения методов многомерного анализа в изучении археологического материала. Однако данные, полученные с помощью формализованных методов, безусловно, нуждаются в основательной верификации, которую следует осуществлять традиционными методами.

Применение новых методов к изучению трансформации погребальных обрядов Азиатского Боспора как на рассматриваемой территории, так и за ее пределами, позволяет провести сравнительный анализ похоронных практик репрезентативного массива памятников. Это, в свою очередь, поспособствует локализации ареала распространения погребальных обрядов и выявлению общего и особенно в эволюции похоронных ритуалов.

¹⁵ К сожалению, отдельное рассмотрение этого вопроса остается за рамками данной статьи. Однако отметим, что сосуществование нескольких групп населения с различной возрастной стратификацией прослеживается и в некоторых других некрополях Азиатского Боспора и, более того, далеко за пределами рассматриваемого региона. Об актуальности дальнейшего изучения этой проблемы свидетельствуют недавние работы западных исследователей, посвященные некрополям Аттики (например, Alexandridou 2016, 333–360).

Следующий этап исследования предполагает сравнение данных о погребальных традициях Азиатского Боспора с материалами некрополей иных регионов, что позволит получить новую информацию об этническом происхождении населения, погребенного в некрополях Таманского полуострова. Как представляется, интерпретация результатов комплексного исследования позволит существенно приблизиться к решению его главной задачи: трансформации вещественного источника в исторический. Таким образом, можно надеяться, что анализ археологического материала даст возможность получить новые сведения не только об этнической и социальной истории, но и о политических процессах в истории Боспорского государства, которые во многом играли определяющую роль в распространении тех или иных погребальных традиций на его территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, А.Н., Берлизов, А.Н. 2019: Антрополого – тафологическая характеристика мужских погребений некрополя Волна 1. *КСИА* 257, 339–355.
- Берлизов, А.Н., Кашаев, С.В., Мимоход, Р.А. 2019: Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артюшенко 2 в VI–IV вв. до н.э. *ПИФК*. 3, 229–245.
- Берлизов, Н.Е., Венедиктов, А.П., Пьянков, А.В. 2003: *Статистический анализ погребальных памятников северо-западного Кавказа сарматского времени – эпохи средневековья*. Краснодар.
- Гуляев, В.И. 2010: Изучение погребального обряда в зарубежной археологии. *КСИА* 224, 5–19.
- Ждановский, А.М. 1985: *История племён Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в. н.э.* М.
- Ждановский, А.М., Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 1988: Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам). *Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа*, 103–126.
- Каменецкий, И.С. 1983: Код для описания погребального обряда. В сб.: Ю.А. Краснов (ред.), *Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции*. М., 221–250.
- Каменецкий, И.С. 1986: Код для описания погребального обряда (часть вторая). *Археологические открытия на новостройках*. М., 136–194.
- Клейн, Л.С. 1999: Глубина археологического факта и проблема реконверсии. *Stratum plus* 6, 337–361.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Мошкова, М.Г. 1963: *Памятники прохоровской культуры*. М. (САИ Д 1–10).
- Сударев, Н.И. 2005: *Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник*. М.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1987: *Статистические методы в археологии*. М.
- Alexandridou, A. 2016 Funerary Variability in late eighth-century Attica (Late Geometric II). In: J.B. Carter, C.L. Johnston, B. Simpson (eds.), *American Journal of Archaeology* 120.3. Boston, 333–360.

REFERENCES

- Abramova, A.N., Berlizov, A.N. 2019: Antropologo-tafologicheskaya kharakteristika muzhs-kikh pogrebeniy nekropolya Volna 1. [Anthropological-taphological characteristic of the

- male burials of the necropolis Volna 1] *Kratkiye soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 257, 339–355.
- Alexandridou, A. 2016 Funerary Variability in late eighth-century Attica (Late Geometric II). In: J.B. Carter, C.L. Johnston, B. Simpson (eds.), *American Journal of Archaeology* 120.3. Boston, 333–360.
- Berlizov, A.N., Kashayev, S.V., Mimokhod, R.A. 2019: Evolyutsiya pogrebalnykh traditsiy v nekropolakh Volna 1 i Artyushchenko 2 v VI–IV vekakh do novoy ery. [Evolution of funerary traditions in the necropolises of Volna 1 and Artyushchenko 2 in the 6th – 4th centuries BC]. *Problemy Istorii Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 222–245.
- Berlizov, N.E., Venediktov, A.P. Pyankov, A.V. 2003: *Statisticheskiy analiz pogrebalnykh pamyatnikov severo-zapadnogo Kavkaza sarmatskogo vremeni – epokhi srednevekovya*. [Statistical analysis of the funerary monuments of the Northwestern Caucasus during the Sarmatian period and the Middle Ages]. Krasnodar.
- Gulyaev, V.I. 2010: Izucheniye pogrebal'nogo obryada v zarubezhnoy arkheologii. [The study of the funeral rite in foreign archaeology]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 224, 5–19.
- Zhdanovsky, A.M. 1985: Istoriya plemen Srednego Prikubanya vo II v. do n.er. – III v. n. e. [The history of the tribes of the Middle Kuban in the 2nd century BC – 3rd century AD]. Moscow.
- Zhdanovsky, A.M., Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 1985: Pogrebalnyy obryad sarmatov Zakubanya (po raskopkam 1984 goda i dorevolutsionnym materialam) [Burial rite of the Sarmatians of Zakubanye (according to excavations of 1984 and pre-revolutionary materials)]. *Pogrebalnyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza* [Burial rite of the ancient and medieval population of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, 103–126.
- Kamenetskiy, I.S. 1983: Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada. [A code to describe the burial rite.] The Antiquities of the Don. In: U.A. Krasnov (ed.), *Drevnosti Dona. Materialy rabot Donskoy ekspeditsii* [Materials of the works of the Don Mission]. Moscow, 221–250.
- Kamenetskiy, I.S. 1986: Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada (chast vtoraya) [A code to describe the burial rite (part two)]. *Arkheologicheskiye otkrytiya na novostroykakh* [Archaeological discoveries on new buildings]. Moscow, 136–194.
- Klein, L.S. 1999: Glubina arkheologicheskogo fakta i problema rekonversii [Depth of archaeological fact and the problem of reconversion]. *Stratum plus* 6, 337–361.
- Marchenko, I.I. 1996: Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [Shiraki of the Kuban (Based on materials from the burial mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar.
- Moshkova, M.G. 1963: *Pamyatniki prokhorovskoy kultury* [Monuments of Prokhorov culture]. (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D 1–10). Moscow.
- Sudarev, N.I. 2005: Gruntovyye nekropoli bosporskikh gorodov VI–II vv. do novoi eri kak istoricheskiy istochnik [Ground necropolises of the Bosporean cities of the 6th – 2nd centuries BC as a historical source]. Moscow.
- Fedorov-Davydov, G.A. 1987: *Statistical methods in archaeology*. Moscow.

INNOVATIVE METHODS IN STUDYING OF THE BURIAL MONUMENTS OF
ASIAN BOSPORUS

Alexander N. Berlizov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
berlizov-aleksandr@mail.ru

Abstract. In the article new directions in the methodology of studying of the burial monuments of the Asian Bosphorus are under consideration, allowing to give more objective interpretation of the burial rites. Long study of the funeral monuments of the Asian Bosphorus led to the accumulation of a large amount of information that needs to be systematized, which led to the need for improved methods for processing archaeological material. Funeral traditions are very difficult to adequately interpret only with reliance on archaeological artifacts without involving other sources (written, epigraphic, monuments of fine art, etc.). However, traditionally in archaeological works only certain aspects of the funeral rite are considered and narrowly focused approaches. Currently, more and more researchers consider the most promising integrated approach with the mandatory correct implementation of ethnographic analogies and anthropology methods, which is very productive for resolving controversial issues in this area. It helps to take into account various factors influencing the formation of ritual traditions: chronological, social, religious, ethnic, etc.

No less difficult is the processing and systematization of a sufficiently voluminous archaeological material accumulated over the years of excavation. The percentage ratio method traditionally used in many archaeological works is not always effective due to the impossibility of applying it to small samples and subjectivity in the selection of features when interpreting archaeological material. The development of technology contributed to the introduction of multivariate analysis methods, including cluster and factor analysis, into archaeological science in the early 1970s. The interpretation of the results of a multivariate analysis of burial monuments was significantly facilitated by an innovative technique based on the use of interpreter signs in the source matrices. It is offered to use the complex approach, including alongside with the traditional archaeological methods the methods of the multivariate mathematical analysis.

Keywords: Asian Bosphorus, archaeological excavations, burial rite, factor-analysis, cluster-analysis

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-97–109

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКЕ

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия
andrtereshhen@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются медные пантикапейские монеты с изображением плуга, датируемые третьей четвертью II в. до н. э. Предполагается, что сюжет данных монет отображает ритуал «священной вспашки», связанный с поклонением Деметре в ее ипостаси покровительницы плодородия. Также исследуются монетные типы других северопричерноморских полисов – Ольвии, Тиры и Феодосии. В чеканке этих городов Деметра изображалась в двух видах: прекрасная женщина в венке из спелых колосьев или же «скорбящая мать» (богиня в покрывале), причем появление второго образа везде приходится на середину – вторую половину III в. до н. э. Еще раз образ «печальной богини» был использован на ольвийских монетах в третьей четверти II в. до н. э., т. е., в то же самое время, когда начинают чеканиться и пантикапейские монеты с плугом. Отсюда делается предположение, что использование этих образов могло быть связано с падением в указанные периоды урожайности зерновых культур, причиной которого, вероятно, явились определенные климатические изменения.

Ключевые слова: античная нумизматика, греческие монеты, Северное Причерноморье, Боспор, культ Деметры, плуг, ячменный колос

Речь в предлагаемой заметке пойдет главным образом о давно известном, но, как ни парадоксально, малоизученном типе боспорских монет:

Л.с. Голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо. *О.с.* Плуг влево, над ним колос, по контуру надпись П–А–N (табл. I, I'). Медь. Тетрахалк (?).

Время выпуска этого типа определялось различно: 250–200 гг. до н. э.²; конец III – начало II в. до н. э.³; 160–150 гг. до н. э.⁴; 140–125 гг. до н. э.⁵

Данные об авторе: Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

¹ Фотографии этой и других монет Северного Причерноморья взяты с сайтов «Монеты Боспора. Каталог архив» (<http://bosporan-kingdom.com>) и «Монеты Тавриды» (<http://tauriscoins.ru/>), остальные – с сайтов <https://www.coinarchives.com>, <http://www.wildwinds.com> и <https://www.acsearch.info>.

² Зограф 1951, 245, № 12.

³ Шелов 1956, 218, № 83.

⁴ Анохин 1986, 143, № 165.

⁵ Мельников 2004, 82, табл. I. На наш взгляд, датировка, предлагаемая О. Н. Мельниковым, выглядит наиболее реалистичной.

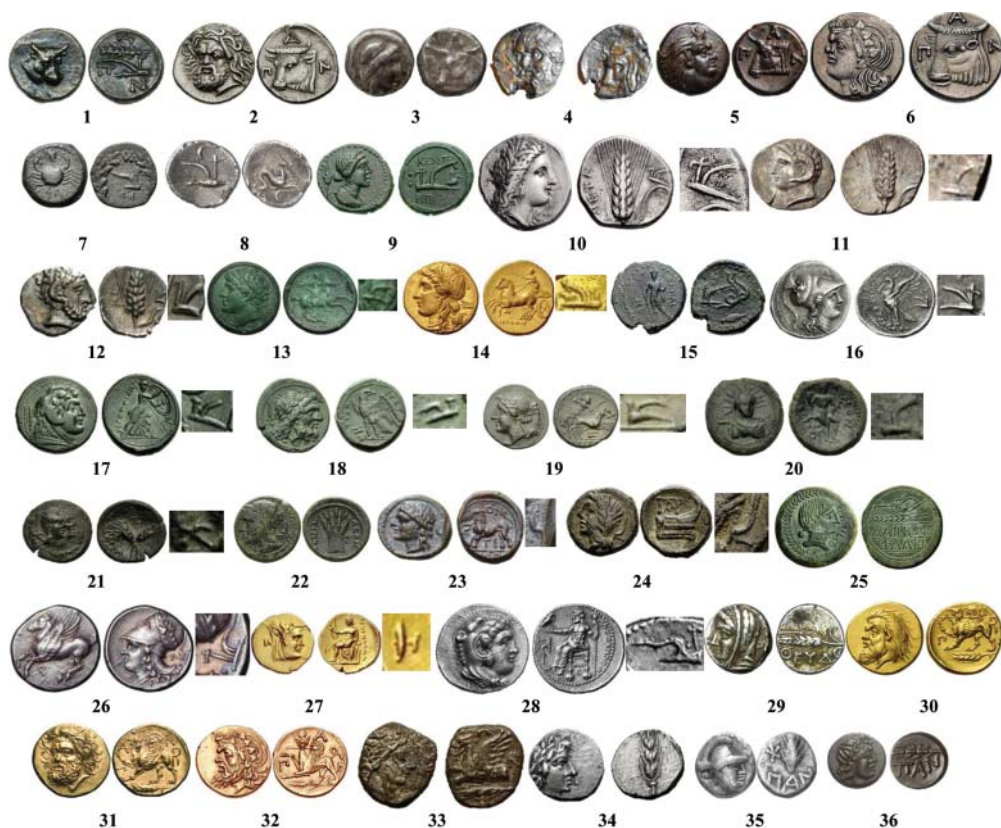

ТАБЛИЦА I

1) Пантикапей, тетрахалк(?), медь. 140–125 гг. до н.э. 2) Пантикапей, тетробол(?), серебро. Рубеж 340/30–330 гг. до н.э. 3) Пантикапей, диобол, серебро. Рубеж 340/30–330 гг. до н.э. 4) Пантикапей, халк(?), медь. Рубеж 340/30–330 гг. до н.э. 5) Пантикапей, халк(?), медь. Рубеж 340/30–330 гг. до н.э. 6) Пантикапей, тетрадрахма(?), серебро. 319–310 гг. до н.э. 7) Лопадуса (Сицилия), дихалк(?), медь. 405–397 гг. до н.э. 8) Тарент (Южная Италия), обол, серебро. 380–325 гг. до н.э. 9) Кентурипеи (Сицилия), дихалк(?), медь. 344–336 гг. до н.э. 10) Метапонт (Сицилия), статер, серебро. 330–290 гг. до н.э. 11) Метапонт (Сицилия), триобол, серебро. 325–275 гг. до н.э. 12) Метапонт (Сицилия), обол, серебро. 325–275 гг. до н.э. 13) Гиерон II, Сиракузы (Сицилия), тетрахалк(?), медь. 275–215 гг. до н.э. 14) Гиерон II, Сиракузы (Сицилия), декадрахма, золото. 265–263 гг. до н.э. 15) Энна (Сицилия), гемилитра, медь. 200–150 гг. до н.э. 16) Племенная чеканка брутиев (Южная Италия), триобол, серебро. 215–213 гг. до н.э. 17) Племенная чеканка брутиев (Южная Италия), обол(?), медь. 211–208 гг. до н.э. 18) Племенная чеканка брутиев (Южная Италия), тетрахалк(?), медь. 211–208 гг. до н.э. 19) Племенная чеканка брутиев (Южная Италия), дихалк(?), медь. 211–208 гг. до н.э. 20) Леонтины (Сицилия), тетрахалк(?), медь. 210–200 гг. до н.э. 21) Леонтины (Сицилия), дихалк(?), медь. 207–200 гг. до н.э. 22) Леонтины (Сицилия), дихалк(?), медь. 207–200 гг. до н.э. 23) Леонтины (Сицилия), дихалк(?), медь. II в. до н.э. 24) Панормос (Сицилия), халк(?), медь. После 241 г. до н.э. 25) Обулко (Испания), медь. 220–20 гг. до н.э. 26) Коринф, статер, серебро. 345–307 гг. до н.э. 27) Левкас (Акарнийская лига), $\frac{1}{4}$ статера. Ок. 250 г. до н.э. 28) «Гарс (Киликия)», тетрадрахма, серебро. 327–323 гг. до н.э. 29) Феодосия, диобол, серебро, начало 60-х – конец 50-х гг. III в. до н.э. 30) Пантикапей, статер, золото. 378–372/1 гг. до н.э. 31) Пантикапей, статер, золото. 358/357–356 гг. до н.э. 32) Пантикапей, статер, золото. 319–310 гг. до н.э. 33) Пантикапей, пентобол(?), серебро. 215–211 гг. до н.э. 34) Фанагория, триобол(?), серебро. 215–210 гг. до н.э. 35) Пантикапей, тригемиобол(?), серебро. 145–140 гг. до н.э. 36) Пантикапей, халк(?), медь. 140–125 гг. до н.э.

Что же подразумевают образы, запечатленные пантикапейскими резчиками на этих монетках? По мнению А.Н. Зографа, их «производственный характер», и в частности «хлебный колос», напоминает об основном источнике богатства Боспора⁶. Об этом же пишет и В.Ф. Гайдукевич: «В качестве *символа богатства Боспора* (курсив наш – А.Т.) изображались на одной стороне – голова быка, на другой – хлебный колос и плуг»⁷. Д.Б. Шелов отмечает, что эти монетки очень интересны своей типологией, поскольку на них присутствует «единственное на Боспоре и одно из немногих в античном мире вообще изображение на монете важнейшего сельскохозяйственного орудия»⁸. К сожалению, кроме декларативного заявления об «интересности», никакой разработки этого вопроса со стороны выдающегося нумизмата – впрочем, как и со стороны других отечественных исследователей – не последовало.

Ранее нами была предпринята попытка выявить семантические составляющие этого монетного сюжета, в результате чего было предположено, что «атрибуты, используемые в оформлении <...> могли принадлежать сразу трем божествам: Аполлону, Дионису, Афине»⁹. Однако сейчас должны признать эти выводы во многом ошибочными, поскольку изучение каждого элемента проходило по отдельности, вне общего контекста.

Прежде всего следует сказать, что, несомненно, нужно воспринимать рисунки лицевой и оборотной сторон рассматриваемых монет как единую композицию, демонстрирующую характер землепользования на Боспоре. Вместе с тем, «учитывая высочайшую степень религиозно-мистического восприятия окружающего мира людьми той эпохи, едва ли возможно рассматривать этот сюжет как вульгарную иллюстрацию сельскохозяйственной составляющей боспорского государства»¹⁰.

Конечно, семантически бычья голова на аверсах наших тетрахапков принадлежит в первую очередь кругу *дионисийской* символики¹¹ (табл. I, 2–6¹²). Однако, принимая во внимание многозначность сюжетов античных монет, можно с уверенностью полагать, что ее наличие как нельзя более гармонично дополняет общую панораму и создает новый понятийный пласт. Более того: как нам кажется, здесь отражены вполне конкретные ритуалы или объекты религиозной практики. Возможно, для полноты картины стоит добавить, что согласно мифологической традиции Дионис, почитавшийся еще и как бог земледелия и хлеба, был первым, кто запряг быков в рало, до этого людям приходилось тянуть его вручную¹³. Правда, трудно представить, что в Боспорском царстве в конце II в. до н. э. на первый план мог выйти столь архаический культ, тем более что какие-либо свидетельства поклонения Дионису в этом качестве в Северном Причерноморье не зафиксированы.

⁶ Зограф 1951, 176, 178.

⁷ Гайдукевич 1949, 96.

⁸ Шелов 1956, 165.

⁹ Терещенко 2012, 155.

¹⁰ Терещенко 2012, 155.

¹¹ Терещенко 2012, 155.

¹² Начальная дата выпуска монет № 2–5, приведенная в табл. I, дана в исправленном варианте (см. Терещенко 2015, 125), датировка № 6 – по работе «Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э.» (Терещенко 2013, 124–125).

¹³ Фрезер 1980, 430.

Говоря о многозначности, нельзя обойти вниманием и предположение А.В. Орешникова, поддержанное А. Н. Зографом и Д. Б. Шеловым, которое некоторые современные исследователи воспринимают уже как некую аксиому. Согласно этой версии, бык (βούς) представляет собой говорящую эмблему Боспора (Βόσπορος)¹⁴, что, соответственно, добавляет еще один «кирпичик» в общую смысловую нагрузку образа «голова быка». На наш взгляд, данная гипотеза слишком искусственна – хотя бы потому, что в нашем распоряжении имеются надписи, датированные началом IV в. до н. э., где упоминается топоним «Боспор» (е. г. пантикапейские CIRB 6,6а, и 1037–1040, 1042, 1111 из Гермонассы), первые же пантикапейские монеты с головой быка (табл. I, 2–4) появляются только во второй половине 430-х гг. до н. э.¹⁵ С другой стороны, вряд ли будет разумно и полностью игнорировать это предположение.

Переходя к анализу реверсного сюжета исследуемой серии, хотелось бы указать, что реплика Д.Б. Шелова о немногочисленности изображений плуга на античных монетах¹⁶ в наши дни потеряла свою актуальность и нумизматика уже не испытывает недостатка в подобного рода информации. Так, по современным данным, наиболее ранние изображения этого главного орудия земледельца относятся к рубежу V–IV вв. до н. э. – например, чеканка Лопадусы (совр. о-в Лампедуза) в период владычества Карфагена¹⁷ (табл. I, 7). Впрочем, монетных типов, на которых плуг – основной элемент на одной из сторон, действительно немного (табл. I, 7–9). Как правило, это всего лишь мелкий дифферент, и только в редчайших случаях (сюда, кстати, входят и пантикапейские монеты) – полноценная деталь композиции (табл. I, 1, 15, 25)¹⁸.

Как видим из представленного материала, изображения плуга преобладают в полисной чеканке Великой Греции (табл. I, 7–24), однако большинство из них (табл. I, 10–14, 16–19, 21, 23), как и в эмиссиях других регионов (табл. I, 26–28), являются, скорее всего, магистратскими эмблемами, стоящими вне рамок монетных сюжетов.

Второй, важнейшей деталью реверсной композиции рассматриваемой пантикапейской меди является так называемый «хлебный колос». В отечественной научной литературе под определением «хлебный» обычно по умолчанию подразумевается пшеница. Для этого есть серьезные основания. Ю.А. Виноградов специально подчеркивает: «Особая роль в земледельческой экономике греческих государств региона, безусловно, принадлежала голозерной (мягкой) пшенице, именно она стала главным предметом зернового экспорта из Северного Причерноморья <...> Торговля мягкой пшеницей для колоний северного берега Черного моря была очень выгодной, ее поставки в метрополию сразу могли принести весьма ощутимую материальную выгоду»¹⁹. Тем не менее, в ходе работы по изучению злаков на античных монетах выяснилось, что колос, воспроизведенный на наших

¹⁴ Орешников 1914, 50; 1922, 126; Зограф 1951, 176; Шелов 1956, 103; Грибанов 2010, 195.

¹⁵ Терещенко 2013, 121.

¹⁶ Шелов 1956, 165.

¹⁷ SNG Cop. 482.

¹⁸ Довольно многочисленны изображения плуга на римских монетах, но мы сознательно ограничиваемся только греческой чеканкой как более ранней.

¹⁹ Виноградов 2010, 311.

монетках, принадлежит шестирядному ячменю²⁰. Более того, и на других монетах с изображениями плуга (где он является частью или главным компонентом монетного сюжета) и колоса, этот колос ячменный²¹ (см. табл. I, 9, 25)!

Самым ярким и неоспоримым свидетельством сакральности символики плуга в монетной типологии выступает чеканка сицилийской Энны:

Л.с. Фасовая фигура Триптолема, держащего скипетр. *О.с.* Две змеи, тянущие рало. Внизу ячменное зерно (табл. I, 15). 200–150 гг. до н. э.²²

Немного отвлечемся и разберем подробнее фабулу, запечатленную мастерами Энны на своей продукции. Итак, Триптолем, сын элевсинского царя Келея, любимец Деметры, которая подарила ему крылатую колесницу, запряженную драконами, и хлебные семена (колосья?). По преданию, на прилегающем к Элевсину Рарийском поле, им впервые была обработана земля под посев и собрана первая жатва. Ему же приписывается и изобретение плуга²³.

В итоге мы должны констатировать, что на указанных эннийских монетах визуализирован один из основополагающих мифов оседлого населения – первые, в представлении греков, вспашка земли и посев, причем древность – так сказать, исконность – предания подкреплена изображением *ячменного* (!) зерна²⁴. Более того, его наличие, вероятно, было призвано еще сильнее акцентировать символику процесса как ритуала поклонения и восславления Деметры. Действительно, Д. Фрезер указывает: «Из двух зерновых культур, которые связывались с Деметрой в греческой религии, – мы имеем в виду ячмень и пшеницу – первый, по всей вероятности, с большим правом может претендовать на первопричастность к богине»²⁵.

Учитывая, что миф о Триптоleme имеет аттическое происхождение, здесь как нельзя кстати приходится замечание выдающегося русского ученого Б.Л. Богаевского: «Если в Афинах можно было говорить о “чистом лике поля Деметры”, то этот образ лучше всего мог подойти к ячменным полям, расположенным на Рарийском поле под Элевзином, где Деметра впервые объявилась людям, благодаря чему и хлеб из зерна священного поля придавал особую силу человеку»²⁶. Все это наводит на мысль, что и близ Энны мог находиться особый земельный надел – свое «поле Деметры», на котором осуществлялась ежегодная «священная вспашка» и высев ячменя, как призыв благословения будущего урожая.

Необходимо добавить, что в массиве представленных нами монет с изображением рала можно выделить еще одну типологическую группу – монеты, на

²⁰ Терещенко, Чухина, Яржецкий 2016, 455, рис. 3, 13.

²¹ Определение этих и других изображений злаков, для которых отсутствуют ссылки, сделано старшим научным сотрудником Всероссийского института генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова, к. б. н. И.Г. Чухиной.

²² SNG ANS 1337.

²³ Fehrle 1915. Sp. 1128–1140., 3

²⁴ И это при том, что Плиний Старший, например, приводит (Plin. NH. XVIII, 65) латинский перевод строки Софокла из недошедшей трагедии «Триптолем» (= Fr. 543 Nauck): «et fortunatam Italiam frumento canere candido» ([Счастлива Италия, что серебрится от всходов белоснежной пшеницы]; существует также более прозаическое чтение «serere» – «в Италии <...> сеют пшеницу») и добавляет: «И по сей день итальянскому хлебу – особые похвалы».

²⁵ Фрезер 1980, 442.

²⁶ Богаевский 1916, 111.

которых голова Деметры сопровождается рисунком плуга (табл. I, 20, 22, 24)²⁷. Подразумевает ли это, что плуг входил в набор атрибутов богини? Это маловероятно. Скорее здесь следует видеть очередной намек на «священную вспашку».

Полагаем, что подобная интерпретация применима и к толкованию сюжета пантикапейских монет. Обращаясь все к той же работе Б.Л. Богаевского, мы встречаем чрезвычайно важную ремарку: «Священная вспашка производилась плугом, в который был, вероятно, запряжен бык, обладавший особым значением. Он был откормлен для этого обряда и запряжен в плуг жрецом...»²⁸. Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что в рисунках на пантикапейских тетрадрахмах представлен «набор» для ритуального действия – бык, плуг, колос. Тщательно проработанные морфологические признаки злака позволяют определить в нем колос ячменя: дополнительный символ, который относится непосредственно к культу Деметры. И если изображение головы быка на аверсе, как уже говорилось, имеет несколько смысловых значений, то семантика реверсного сюжета совершенно однозначна – перед нами описание сцены «священной вспашки», что подразумевает существование в пределах Боспорского царства (возможно, рядом с Пантикапеем) и «священного участка».

Однако характеристика сюжета наших монеток как иллюстрации ритуала земледельческого культа вступает в некоторое противоречие с результатами исследований И.Ю. Шауба. Согласно его наблюдениям, поклонение Деметре на Боспоре имело свои специфические черты, которые выражались в наличии хтонического и сотерического аспектов, а ее функции «подательницы зерна, плодородия и женской силы» на Боспоре оказались в значительной степени «узурпированы» Афродитой, что подтверждается отсутствием образа Деметры в *боспорской* (курсив наш – А.Т.) нумизматике²⁹.

Правда, в оценке нумизматического материала уважаемый автор излишне категоричен – его вывод справедлив только для пантикапейской эмиссии. Если обратиться к монетному делу других полисов, входивших в Боспорское царство, то изображение богини обнаруживается на серебряных диоболах Феодосии (табл. I, 29), чей выпуск пришелся, вероятно, на начало 60-х – конец 50-х гг. III в. до н. э.³⁰ Тем не менее, это не отменяет того факта, что существование чисто земледельческого культа Деметры в Пантикапее действительно не находит достаточно фактического обоснования.

С другой стороны, как пишет сам И.Ю. Шауб, «в зависимости от конкретных обстоятельств в разных областях ойкумены (и в разные эпохи) в ее (т. е. Деметры – А.Т.) культе какой-либо аспект мог выходить на передний план»³¹. По-видимому, в нашем случае сыграли роль именно эти «конкретные обстоятельства».

²⁷ Любопытно, что все эти экземпляры имеют сицилийское происхождение.

²⁸ Богаевский 1916, 186.

²⁹ Шауб 2007, 358–359.

³⁰ Гаврилов, Шоноу 2007, 38. На данный момент эта датировка выглядит наиболее приемлемой [см. Терещенко 2009, 169. К сожалению, И.В. Шоноу потом присоединился к малоубедительной хронологической схеме В.А. Анохина: 380–370 гг. до н. э. (Анохин 1999, 50; 2011, 140, № 945; Сидоренко, Шоноу 2009, 515). Датировка же, предлагаемая О.Н. Мельниковым – ок. 215–211 гг. до н. э. (Мельников 2018, № 122, 123), – неоправданно завышена.

³¹ Шауб 2007, 354.

Попробуем выяснить, что послужило возможной причиной столь яркого проявления земледельческого аспекта культа Деметры в боспорской чеканке.

Начнем с Феодосии. Как мы уже говорили, Деметра представлена на серебряных диоболах середины III в. до н. э. – и, как пишут авторы, первыми опубликовавшие этот тип диоболов, представлена «в виде грустной, ищущей матери, какой она описана в гомеровском гимне»³².

Отметим, что в ранней чеканке Феодосии образ Деметры отсутствует. Его возникновение А.В. Гаврилов и И.В. Шоноу увязывают с восстановлением демократической формы правления в полисе, ссылаясь на пример Ольвии, где, по мысли А.С. Русаевой³³, «наибольшая популярность культа Деметры наблюдалась именно во время расцвета демократического правления»³⁴.

На наш взгляд, данное объяснение абсолютно надуманно и мало соотносится с реальностью. Как представляется, причина заключается в другом.

Современными исследованиями установлено, что в течение III в. до н. э. в Северном Причерноморье произошли некоторые природные изменения: климат постепенно становился более сухим, что не могло не сказаться на экономической и политической жизни государств этого региона. Как было точно подмечено, «многочисленные засухи и войны – вот две взаимосвязанных причины, из-за которых города теряли свои хоры»³⁵. Следовательно, смысл сюжета феодосийских монет достаточно откровенен – это обращение к высшим силам с мольбой о ниспослании урожая; поскольку же урожай в греческой мифологии – прерогатива Деметры, то появление ее образа на монетах вполне естественно и закономерно. Кроме того, само изображение богини в облике скорбящей матери, по-видимому, прямо говорит о серьезном ухудшении плодородности земли, которое было связано, скорее всего, с изменением погодных условий.

В этом плане чрезвычайно показательны эмиссии Ольвии и Тиры.

Чеканка ольвийских монет с изображением Деметры начинается в первой четверти IV в. до н. э., предположительно с 380 г. до н. э.³⁶ Богиня на них рисовалась в виде прекрасной³⁷ женщины, как правило, в венке из спелых колосьев (табл. II, 1–4)³⁸. Хотя в конце III в. до н. э. внезапно появляется лик «скорбящей матери» (табл. II, 5), вскоре ольвийские монетарии возвращаются к первоначальному канону (табл. II, 6). Во второй половине II в. до н. э. на монетах, датированных 140–130 гг. до н. э.³⁹ мы вновь встречаем изображение богини в покрывале (табл. II, 7), после чего Деметра окончательно исчезает из монетной типологии Ольвии.

Схожая ситуация наблюдается и в Тире. Первые монеты с головой Деметры⁴⁰ в венке из колосьев начинают выпускаться, согласно датировке Е.Я. Туровского и

³² Гаврилов, Шоноу 2007, 38.

³³ Русаева 1992, 85.

³⁴ Гаврилов, Шоноу, 2007, 38.

³⁵ Зубарь, Русаева 2004, 119.

³⁶ Анохин 2011, 42, 43, № 190.

³⁷ По крайней мере, ее пытались изобразить такой, хотя все зависело от индивидуального мастерства резчиков.

³⁸ Датировка ольвийских монет дана по работе В.А. Анохина (Анохин 2011).

³⁹ Анохин 2011, 82, № 504.

⁴⁰ Именно на этих монетах изображение совершенно однозначно определяется как голова Деметры. Идентификация более ранних типов носит спорный характер: голова речного бога Тираса (Анохин 2011, 10, № 2) или голова Деметры (?) (Туровский, Колесниченко 2014, 263, № 2).

ТАБЛИЦА II

1) Ольвия, дихалк(?), медь. 380–350 гг. до н.э. 2) Ольвия, тетрадрахма, серебро. 315–310 гг. до н.э. 3) Ольвия, драхма, серебро. 280–270 гг. до н.э. 4) Ольвия, обол(?), медь. 240–230 гг. до н.э. 5) Ольвия, драхма, серебро. 210–200 гг. до н.э. 6) Ольвия, обол(?), медь. 180–170 гг. до н.э. 7) Ольвия, обол(?), медь. 140–130 гг. до н.э. 8) Тира, драхма, серебро. Начало второй четверти IV – первая треть III вв. до н. э. 9) Тира, дихалк(?), медь. Начало второй четверти III в. до н. э. 10) Тира, дихалк(?), медь. Вторая половина III в. до н. э. 11) Тира, халк(?), медь. Вторая половина III в. до н. э. 12) Тира, халк(?), медь. Вторая половина III в. до н. э.

Е.А. Колесниченко, в период между началом второй четверти IV и первой трети III вв. до н. э.⁴¹ (табл. II, 8). Так продолжается до второй половины III в. до н. э., когда на смену благостной «Сито»⁴² (табл. II, 9, 10)⁴³ приходит «печальная богиня» (табл. II, 11)⁴⁴. На следующем, заключительном выпуске Деметра все также облачена в покрывало, но уже с венком из колосьев⁴⁵ (табл. II, 12)⁴⁶. В дальнейшем изображения богини в монетном деле Тиры больше не использовались.

Как можно видеть, появление образа «скорбящей матери» в чеканке Феодосии, Ольвии и Тиры приходится на середину – вторую половину III в. до н. э. Вряд ли это простое совпадение или «вевание моды». Так же обратим внимание и на то немаловажное обстоятельство, что во всех этих полисах серии с подобным изображением весьма малочисленны, что говорит о кратковременности их выпуска. В свою очередь, это может косвенным образом свидетельствовать в пользу версии о недороде, который вряд ли мог продолжаться сколь-нибудь длительное время.

⁴¹ Туровский, Колесниченко 2014, 263, № 4.

⁴² Т.е. «Хлебодарная» – одно из культовых обращений к богине.

⁴³ Туровский, Колесниченко 2014, 265, №№ 23, 25.

⁴⁴ Туровский, Колесниченко 2014, 265, № 27.

⁴⁵ Возможно, это являлось признаком некоторого улучшения урожайности?

⁴⁶ Туровский, Колесниченко 2014, 265, № 29.

Говоря о феодосийской чеканке, должно отметить и то, что злак, присутствующий на реверсе указанных диоболов, принадлежит полбе-двузернянке (*Triticum dicoccon*). Точно такой же изображен и на пантикапейских статерах⁴⁷. Однако если колос полбы на золоте Пантикапея вполне обоснованно трактуется как символ Аполлона Гиперборейского⁴⁸, то выбор именно этого вида злаковых на монетах Феодосии малопонятен.

С другой стороны, на многих греческих монетах Деметра изображалась в венках из колосьев пшеницы различных сортов, относящихся к разным видам рода *Triticum*⁴⁹. Полба-двузернянка не обладает вкусовыми достоинствами и урожайностью мягких сортов пшеницы, зато чрезвычайно неприхотлива и устойчива к грибковым заболеваниям – изображение на монетах этого злака могло означать просьбу о даровании хоть какого-нибудь, даже самого грубого хлеба.

Возвращаясь к пантикапейским монеткам с ралом, следует отметить еще один чрезвычайно важный момент. Если рисунок плуга – действительно внезапное и одноразовое явление в монетной типологии Пантикапея, то включение в сюжет злаков имеет давнюю традицию. Как уже упоминалось, рисунок колоса пшеницы-двузернянки присутствует на пантикапейских золотых статерах, выпускавшихся на протяжении почти всего IV в. до н. э. (табл. I, 30–32)⁵⁰, затем, после долгого перерыва, в конце III в. до н. э. он вновь появляется на боспорском серебре: пентоболах Пантикапея (табл. I, 33)⁵¹ и триоболах Фанагории (?) (табл. I, 34)⁵². Весьма показательно, что в обоих случаях это пшеничный колос⁵³. Учитывая присутствие на аверсе этих монетных типов изображения, которое однозначно трактуется как голова Аполлона, мы имеем все основания толковать семантику сюжета в том же ключе, что и на пантикапейских статерах, т. е. как символику Аполлона Гиперборейского.

Заключительный этап использования изображения злаковых в пантикапейской типологии приходится на третью четверть II в. до н. э. В это время чеканятся серебряные тригемииболы (?) «голова Афины – колос, ΠΑΝ», медные халки «голова Аполлона – колос, ΠΑΝ» (табл. I, 35, 36), и тетрагалки «голова быка – плуг, колос, Π–Α–Ν»; на всех этих монетах вид злаков определяется как ячмень. В качестве дополнения скажем, что последний выпуск ольвийской меди с «печальной богиней» на лицевой стороне и ячменным колосом на оборотной (табл. II, 7), как уже говорилось ранее, также датируется этим периодом.

Таким образом, можно предположить, что реверсный сюжет вышеперечисленных пантикапейских монет связан с земледельческим аспектом культа Деметры, а само их появление обусловлено, скорее всего, резким падением урожайности. В статье, посвященной исследованию климата на Боспоре, Ю.В. Артюхин отмечает, что в середине I в. до н. э. повышение уровня Черного моря повлекло за собой ослабление экономики Боспорского царства: «Катастрофическое (Sic! –

⁴⁷ Терещенко, Чухина, Яржецкий 2016, 454–455.

⁴⁸ Виноградов, Шауб 2005, 221; Терещенко 2012, 137.

⁴⁹ Терещенко, Чухина, Яржецкий 2016, 457.

⁵⁰ Датировка статеров дана по работе «Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э.» (Терещенко 2013, 111–125).

⁵¹ Мельников 2018, № 134.

⁵² Мельников 2018, № 124.

⁵³ Терещенко, Чухина, Яржецкий 2016, 454–455.

А.Т.)⁵⁴ изменение гидрологического и климатического фона обитания греков по берегам Понта Эвксинского, Киммерийского Боспора и Меотийского озера неизбежно должно было вызвать серьезные нарушения экономики Боспорского царства и торговых связей с соседними регионами. Следует учитывать, что в описываемый период произошло *сокращение урожайности зерновых культур* (курсив наш – А.Т.)»⁵⁵.

Правда, возникает вопрос – почему, в отличие от чеканки других северо-причерноморских полисов, не был «задействован» образ самой богини? По-видимому, причины этого сродни тем, по которым на боспорских монетах домитридатовского периода не было изображений Диониса, хотя его символика более чем достаточно. Кстати, заметим, что именно в конце II в. до н.э. после длительного перерыва (примерно 50–70 лет) дионисийская символика снова появляется на монетах Пантекапея. Возможно, в государстве Спартокидов отношение к этим божествам носило особый, мистериальный(?) характер, не позволявший в открытую (или именно на деньгах) демонстрировать их образ.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. К.
 Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. К.
 Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья*. К.
 Артюхин, Ю.В. 2011: Роль природных катаклизмов в нарушении торгово-экономических связей Боспорского царства. В кн.: В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. СПб., 72–76.
 Богаевский, Б.Л. 1916: *Земледельческая религия Афин*. Т. I. Петроград.
 Виноградов, Ю.А. 2010: Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н. э. *Античный мир и археология* 14, 308–319.
 Виноградов, Ю.А., Шауб, И.Ю. 2005: О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея. *Археологические вести* 12, 219–223.
 Гаврилов, А.В., Шонон, И.В. 2008: Нумизматический материал античной усадьбы «Южное» и некоторые вопросы истории Феодосии второй трети III в. до н. э. *Сугдейский сборник* 3, 28–45.
 Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
 Грибанов, Д.В. 2010: Боспорские агораномы (по материалам магистратских клейм). *Вопросы эпиграфики* 4, 191–216.
 Зограф, А.Н. 1951: Античные монеты. М.–Л.
 Зубарь, В.М., Русяева, А.С. 2004: *На берегах Боспора Киммерийского*. К.
 Мельников, О.Н. 2000: Монеты античной Феодосии. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 7, 208–218.
 Мельников, О.Н. 2004: К итогам изучения хронологии монет Боспора конца III – начала I вв. до н. э. В кн.: Н.М. Куковальская и др. (ред.), *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы II Судакской международной научной конференции*. Киев – Судак, 81–85.
 Мельников, О.Н. 2018: *Датировка основных типов монет Боспора времени от Евмела до Перисада III*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (http://coins.ucoz.ru/load/melnikov_o_n_datirovka_osnovnykh_tipov_monet_bospora_vremeni_ot_evmela_do_perisada_iii/5-1-0-257).

⁵⁴ Оставим это определение целиком на совести автора.

⁵⁵ Артюхин 2011, 74–75.

- Орешников, А.В. 1884: *Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов*. М.
- Орешников, А.В. 1914: *Экспурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья*. М.
- Русяева, А.С. 1992: *Религия и культы античной Ольвии*. К.
- Сидоренко, В.А., Шоноу, И.В. 2009: К типологии монетной чеканки античной Феодосии. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 15, 501–524.
- Терещенко, А.Е. 2009: Ситуация на западных границах Боспорского царства в конце IV – III вв. до н. э. по материалам монетных находок. *БИ* 21, 164–181.
- Терещенко, А.Е. 2012: Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи. *Stratum plus* 6, 119–170.
- Терещенко, А.Е. 2013: Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. *ВДИ* 2, 102–127.
- Терещенко, А.Е. 2015: К вопросу датировки новой разновидности пантикапейской меди IV в. до н. э. *Таврические студии* 7, 121–125.
- Терещенко, А.Е., Чухина, И.Г., Яржецкий, К. 2016: Злаки на античных монетах. *ДБ* 20, 449–466.
- Туровский, Е.Я., Колесниченко, Е.А. 2014: Хронология монет независимой (автономной) Тире. *Stratum plus* 3, 255–268.
- Шайб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э.* СПб.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э.* М.
- Фрезер, Д. 1980: *Золотая ветвь*. М.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The coinage of the Bosporan kingdom]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [A history of the Cimmerian Bosporus]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient coins of the Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Artyukhin, Yu.V. 2011: Rol' prirodnykh kataklizmov v narushenii torgovo-ekonomicheskikh svyazey Bosporskogo tsarstva [Natural disasters as a one of the causes of the Bosporan trade relations broken]. In.: V.Yu. Zuev et al. (ed.), *Bosporskiy fenomen: naselenie, yazyki, kontakty* [The Bosporan phenomenon: Population, languages, contacts]. Saint Petersburg, 72–76.
- Bogaevskiy, B.L. 1916: *Zemledel'cheskaya religiya Afin* [The agrarian religion at Athens]. T. I. Petrograd.
- Frezer, D. 1980: *Zolotaya vetv'* [The Golden Bough]. М.
- Gavrilov, A.V., Shonov, I.V. 2008: Numizmaticheskiy material antichnoy usad'by «Yuzhnoe» i nekotorye voprosy istorii Feodosii vtoroy treti III v. do n. e. [The numismatic material from the “Yuzhnoe” Site and some problems of Theodosian history of the mid-3rd century BC]. *Sugdeyskiy sbornik* [The Sugdaea Collection] 3, 28–45.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [The Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Gribanov, D.V. 2010: Bosporskie agoronomy (po materialam magistratskikh kleym) [Bosporan agoronomoi according to the materials of the magistrate stamps]. *Voprosy epigrafiki* [The problems of epigraphy] 4, 191–216.
- Melnikov, O. N. 2000: Monety antichnoy Feodosii [Coins of ancient Theodosia]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History, and Ethnography of Tauria] 7, 208–218.
- Melnikov, O.N. 2004: K itogam izucheniya khronologii monet Bospora kontsa III – nachala I vv. do n. e. [The chronology of Bosporan coins of the late 3rd – early 1st centuries BC: Results of the investigation]. In: N.M. Kukoval'skaya et al. (ed.), *Prichernomor'e, Krym, Rus' v*

- istorii i kul'ture: materialy II Sudakskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Black Sea region, the Crimea, and Rus in history and culture: Proceedings of the 2nd Sudak International Conference]. Kiev–Sudak, 81–85.
- Melnikov, O. N. 2018: *Datirovka osnovnykh tipov monet Bospora vremeni ot Evmela do Perisada III* [Dating the main Bosporan coin types of the period from Eumelos to Perisades III], http://coins.ucoz.ru/load/melnikov_o_n_datirovka_osnovnykh_tipov_monet_bospora_vremeni_ot_evmela_do_perisada_iii/5-1-0-257.
- Oreshnikov, A. V. 1884: *Bosfor Kimmeriyskiy v epokhu Spartokidov*. [Cimmerian Bosphorus under the Spartocids]. Moscow.
- Oreshnikov, A. V. 1914: *Ekskursy v oblast' drevney numizmatiki Chernomorskogo poberezh'ya* [Some notes on ancient numismatics of the Black Sea shore]. Moscow.
- Rusyaeva, A. S. 1992: *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii* [Religion and cults in ancient Olbia]. Kiev.
- Shaub, I. Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. e.* [Myth, cult, and ritual in the Black Sea Region in the 7th – 4th centuries BC]. Saint Petersburg.
- Shelov, D. B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e.* [The coinage of the Bosporan kingdom in the 6th – 2nd centuries BC]. Moscow.
- Sidorenko, V. A., Shonov, I. V. 2009: K tipologii monetnoy chekanki antichnoy Feodosii [The typology of ancient Theodosia coinage]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria] 15. Kerch–Simferopol, 501–524.
- SNG ANS – Sylloge Nummorum Graecorum. The Collection of the American Numismatic 5. New York, 1988
- SNG Cop. – Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum 42. Copenhagen, 1969
- Tereshchenko A. E., Chukhina, I. G., Jarzęcki, K., 2016. Zlaki na antichnykh monetakh [Grains represented on the ancient coins]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 20, Moscow, 449–466.
- Tereshchenko, A. E. 2009: Situatsiya na zapadnykh granitsakh Bosporskogo tsarstva v kontse IV – III vv. do n. e. po materialam monetnykh nakhodok. [Numismatic findings and situation along the western border of the Bosporan Kingdom in the late 6th–3rd century BC]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] 21, Kerch, 164–181.
- Tereshchenko, A. E. 2012: Apolloniysko-dionisiyskie motivy v syuzhetakh monet pantikapeyskoy chekanki domitridatovskoy epokhi [The Apollonian and the Dionysian motives in the Panticapaeum coins subjects before Mithridates]. *Stratum plus* 6, 119–170.
- Tereshchenko, A. E. 2013: Monetnoe delo Pantikapeya v IV v. do n. e. [The coinage of Panticapaeum in the 4th century BC]. *Vestnik Drevney Istorii* [The Journal of Ancient History] 2, 102–127.
- Tereshchenko, A. E. 2015: K voprosu datirovki novoy raznovidnosti pantikapeyskoy medi IV v. do n. e. [On dating a new type of Panticapaeum bronze coins of the 4th century BC]. *Tavrisheskie studii* [Taurian studies] 7, 121–125.
- Turovskiy, E. Ya., Kolesnichenko, E. A. 2014: Khronologiya monet nezavisimoy (avtonomnoy) Tiry [Coins of the independent city of Tyras: A chronological issue]. *Stratum plus* 3, 255–268.
- Vinogradov, Yu. A., Shaub, I. Yu. 2005: O semantike izobrazheniy na zolotnykh staterakh Pantikapeya [On the problem of the meaning of images on Panticapaeum gold staters]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news] 12, 219–223.
- Vinogradov, Yu. A. 2010: Nekotorye sovremennye tendentsii v izuchenii ekonomiki Bosporskogo gosudarstva IV v. do n. e. [On modern tendencies of study of Bosporan economics of

4th century BC]. *Antichnyy mir i arkheologiya* 14 [The ancient world and archaeology] 14, 308–319.

Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [Ancient coins]. Moscow–Leningrad.

Zubar, V.M., Rusyaeva, A.S. 2004: *Na beregakh Bospora Kimmeriyskogo* [On Bosporan littoral]. Kiev.

AGRARIAN SYMBOLS IN THE COINAGE OF PANTICAPAEUM

Andrey E. Tereshchenko

State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia
andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The author considers the problem of the meaning of plough represented on the Panticapaeum bronze coins that date back to 150–125 BC. The subject of the considered coins is supposed to reflect some ancient ritual of sacral ploughing. It must have been connected with worship of Demeter as a patroness of the nature fertility. The coinages of Olbia, Tyras, and Theodosia are also under consideration; the iconographical tradition of these cities presents Demeter as either fair lady crowned with a wreath of ripe ears or a “mourning mother” (i.e. the head-covered goddess). The latter falls mainly to the period of mid or late 3rd century BC; still, the “mournful goddess” is also to be seen on the Olbian coins of 150–125 BC, at the same time as Panticapaeum starts mintage of the “plough coins”. The author suggests that the use of all the rustical symbols may be attributed to the reduction of crop yields caused by some climate change of that time.

Keywords: ancient numismatics, Greek coinage, Northern Black Sea region, Cimmerian Bosphorus, Demeter, plough, hordeum vulgare, barley

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-110–134

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ В КРЫМУ (по материалам раскопок 2003–2019 гг.)

С.Б. Шабанов

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», Симферополь, Россия
neizats2004@mail.ru

Аннотация. Могильник Опушки расположен в 15 км к востоку от Симферополя, в центре крымских предгорий. Его исследования ведутся, с перерывами, с 2003 г. За это время было открыто 281 погребальное сооружение: склепы, грунтовые, подбойные и плитовые могилы, каменный ящик. Судя по исследованным участкам, могильник непрерывно использовался с I в. до н.э. по IV в. н.э. Среди погребальных сооружений встречаются склепы, характерные для позднескифской культуры, средне- и позднесарматские погребения, склепы, связанные с появлением в Крыму предков северокавказских алан и кремация, совершенная по германскому обряду. При исследовании могильника Опушки (в 2003–2019 гг.) было обнаружено 22 стеклянных сосуда, представленных стаканами, баллазами, чашами, колбой и кувшином. Они были обнаружены в склепах, грунтовых и подбойных могилах. В Опушках были найдены сосуды сиро-палестинского, египетского и, вероятно, северопричерноморского происхождения. В могильнике найдены стеклянные сосуды, изготовленные в редкой технике «millefiori» и в технике «сердечника». Такие технологии в I в. до н.э. – I в. н.э. использовались в стеклоделии для имитации сосудов, изготовленных из драгоценных камней. По итогам изучения стеклянной посуды удалось выявить сосуды, которые попали к населению крымских предгорий в результате их контактов с племенами носителей культур германского круга. Многие стеклянные сосуды, найденные в комплексах I–IV вв. н.э., имеют большое количество аналогий в синхронных памятниках предгорного и горного Крыма.

Ключевые слова: классическая археология, Крым, стеклянные сосуды, римское время, могильник Опушки

Могильник Опушки расположен в 15 км к востоку от г. Симферополя, в центральной части крымских предгорий (рис. 1, 1). Памятник был открыт грабителями в 2002 г. В результате их действий на площади около 3 га уничтожено более 200 погребальных сооружений. Научные исследования могильника ведутся с перерывами с 2003 г. экспедицией Крымского федерального университета им.

Данные об авторе: Шабанов Станислав Борисович – руководитель проектов и программ благотворительного фонда «Наследие тысячелетий».

Выражаю благодарность И.Н. Храпунову за возможность работы с неопубликованными материалами из могильника Опушки.

В.И. Вернадского. За время раскопок открыто 281 погребальное сооружение: склепы, подбойные, плитовые и грунтовые могилы, каменный ящик с трупосожжением. Результаты исследований показали, что некрополь, относящийся к различным культурам, непрерывно использовался с I в. до н.э. до IV в. н.э.¹. Несмотря на то, что изучение могильника продолжается и каждый следующий сезон дает новый материал, есть необходимость проанализировать уже имеющиеся находки. Кроме того, своевременное введение их в научный оборот позволит по-новому взглянуть и на формирование материальной культуры людей, населявших предгорья в римскую эпоху, и на их связи с античным миром и соседними регионами.

За время исследования памятника в 13 погребениях было найдено 22 целых и фрагментированных стеклянных сосуда: 11 стаканов, 3 бальзамария, 2 чаши, 1 колба, 1 кувшин и 4 сосуда неопределенного типа. Далее остановимся на них подробнее.

ОПИСАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ

1. Чаша (рис. 1, 1) (d венчика – 12 см) с полусферическим туловом, изготовленная в технике «*millefiori*» («тысячи цветов») прессованием из спаянных вместе орнаментированных пластинок, отрезанных от полихромных стеклянных стержней с прожилками из белого и желтого цветов, фрагмент верхней части. Пространство между пластинками заполнено стеклом темно-фиолетового цвета. Найдена чаша в склепе № 78, погребения в котором совершались в I в. до н.э. – I в. н.э. В Северном Причерноморье стеклянные сосуды, изготовленные в технике «*millefiori*», встречаются нечасто. Известны их находки на Боспоре² и в Ольвии³, а также в богатом сарматском погребении в «Ногайчинском» кургане в степном Крыму⁴. Значительно больше сосудов найдено в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, где их и производили в I в. до н.э.⁵. В качестве наиболее близких аналогий чаше из Опушек можно привести сосуды II–I вв. до н.э. из Музея стекла в Корнинге (США), Музея Торвальдсена (Дания) и Городского археологического музея в Болонье (Италия)⁶.

2. Сосуд (рис. 1, 4) с вытянутым подцилиндрическим туловом из толстого синего стекла с поперечно-волнистым орнаментом, изготовленный в технике «сердечника», фрагменты. Найден он в заполнении погребальной камеры склепа № 190, разрушенного грабителями. Погребения в склепе совершались в I в. до н.э. – I в. н.э. Стеклянные сосуды, изготовленные в технике «сердечника», появляются в Северном Причерноморье на рубеже VI–V вв. до н.э. и к началу нашей эры становятся здесь одним из самых распространенных видов античного стекла.

¹ Храпунов 2019а, 589.

² Сорокина 1962, рис. 1; Алексеева, Сорокина 2007, 60, рис. 14; Яценко 2008, илл. 1, 1–4; Винокуров, Трейстер 2019, 57, рис. 1, 2.

³ Пуклина 2016, 164.

⁴ Зайцев, Мордвинцева 2003а, рис. 14, 6.

⁵ Isings 1957, 15–16; Oliver 1968, 64; Saldern 2004, 125–130.

⁶ Oliver 1968, 61, fig. 20–22; Saldern 2004, taf. 19, 114.

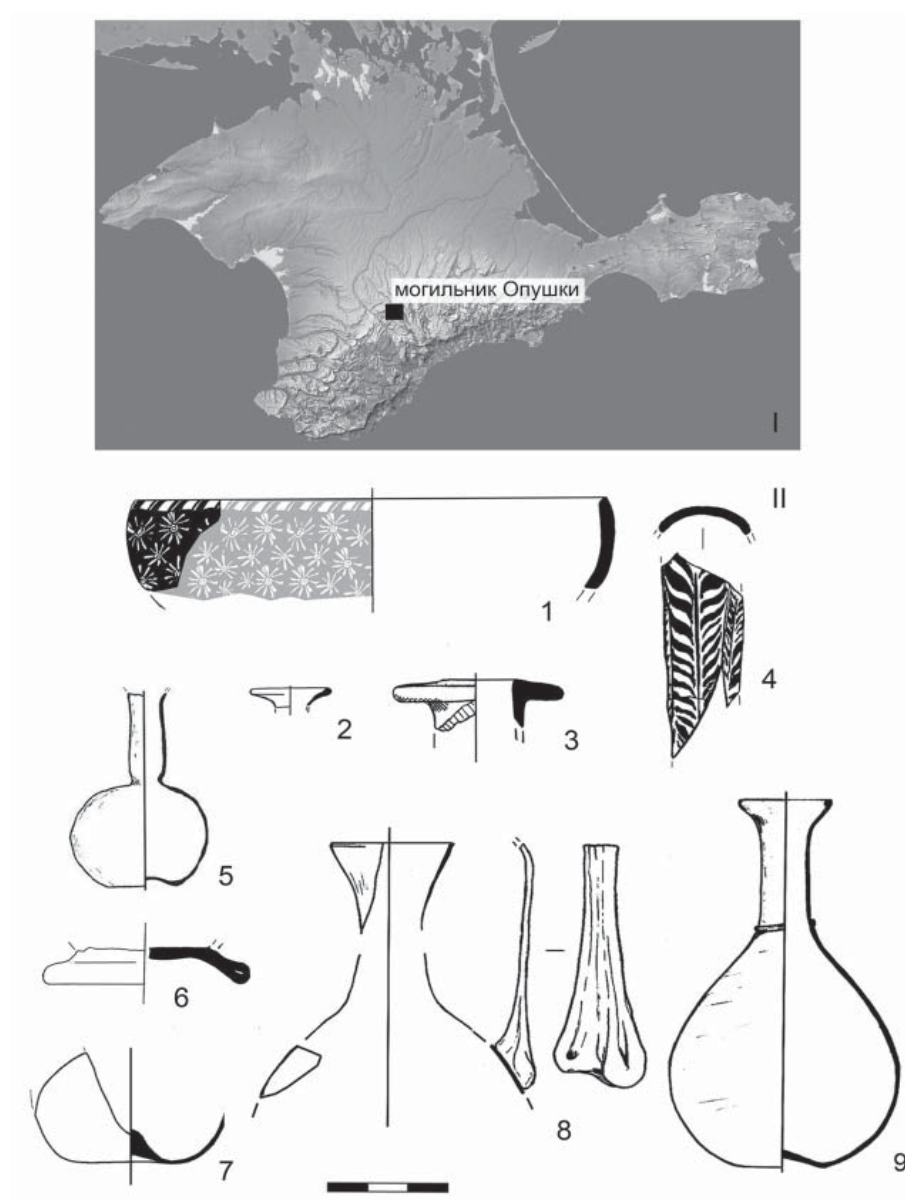

Рис. 1. I – Месторасположение могильника Опушки. II – Стекланные сосуды из могильника Опушки. 1 – мог. 78; 2 – мог. 3; 3 – мог. 250; 4 – мог. 190; 5 – мог. 233; 6 – мог. 178; 7 – мог. 45; 8 – мог. 253; 9 – мог. 124

Fig. 1. I – Location of the cemetery of Opushki. II – Glass vessels from the cemetery of Opushki. 1 – grave 78; 2 – grave 3; 3 – grave 250; 4 – grave 190; 5 – grave 233; 6 – grave 178; 7 – grave 45; 8 – grave 253; 9 – grave 124

Известны они на территории Боспора⁷ и Ольвии⁸, в Северо-Западном⁹, Предгорном и Горном Крыму¹⁰.

3. Бальзамарий (рис. 1, 2) из тонкого прозрачного бесцветного стекла венчика (d – 2 см) и верхней части цилиндрического горла, фрагмент. Найден в склепе № 3, датирующемся I в. до н.э. – I в. н.э.¹¹.

4. Бальзамарий (рис. 1, 3) из толстого с зеленым оттенком стекла венчика (d – 4,5 см) и верхней части цилиндрического горла, фрагмент. Найден он в «каменном» склепе № 250 и имеет специфическую деталь – верхний край сосуда загнут, а образовавшийся венчик оплавлен, горизонтально отогнут и слегка опущен. Такой признак можно встретить на бальзамариях из некрополей Боспора, отнесенных Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной к типу I 1 Б или В по их классификации¹², и на нескольких сосудах из крымских предгорий¹³. Все они датируются I–II вв. н.э.

5. Бальзамарий (рис. 1, 5) (h – 6,2 см; d венчика – 0,8 см; d дна – 2 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла со сферической формы туловом, переходящим в короткое цилиндрическое горло. Дно вогнуто. Край сосуда загнут, образовавшийся венчик отогнут. У основания горла имеется перетяжка. Бальзамарий найден в грунтовой могиле № 233 вместе с бронзовой лучковой подвязной фибулой группы 4 серии I варианта 2, по классификации В.В. Кропотова, датирующейся серединой I – началом II вв. н.э.¹⁴, краснолаковыми сосудами второй половины I – начала II вв. н.э.¹⁵ К. Айсингс датировала небольшие бальзамарии с «шаровидным» туловом I в. н.э.¹⁶. Такие сосуды, найденные на Боспоре, Н.З. Кунина и Н.П. Сорокина отнесли к флаконам 2 типа по их классификации и датировали I – началом II в. н.э.¹⁷. У некоторых бальзамариев, происходящих из Северного Причерноморья, как и у опушкинского экземпляра, имеется перетяжка у основания горла¹⁸.

6. Сосуд (рис. 1, 6) из темно-синего стекла на высоком кольцевом поддоне (d – 3,9 см), вытянутом из стенки сосуда, фрагмент нижней части. Сосуд найден в подбойной могиле № 178 вместе с сильнопрофилированной бронзовой фибулой с расширенной головкой группы 12 формы 1, по классификации В.В. Кропотова, датирующейся II в. н.э.¹⁹.

⁷ Кунина 1997, кат. 16, 19, 22, 32, 37; Сорокина 1977, 117–119, рис. 1; Молев 2004, табл. I, 17; Петерс, Чухина 1994, 171, рис. 2, 1.

⁸ Пуклина 2019, 108.

⁹ Рогов 2011, 129, рис. 32, 5; Дашевская 2014, табл. 28, 2; 47, 7.

¹⁰ Высотская 1994, табл. 11, 16; Храпунов, Мяскин, Мульд 1997, 93, рис. 12, 22; Зайцев 2003, рис. 109, 4, 6; Шабанов 2013а, 335, рис. 1, 10; Новиченкова 2015, рис. 201, 9; Гаврилов, Труфанов 2014а, рис. 15, 9.

¹¹ Храпунов, Мульд 2005а, 338.

¹² Кунина, Сорокина 1972, 150–157; Алексеева, Сорокина 2007, табл. 42, 3, 5; Медведев 2013, 41, рис. 4, 5; Бейлин, Рукавишникова, Куликов 2019, 33, рис. 5, п. 105, 10.

¹³ Гущина, Журавлев 2016, табл. 157, 19; 225, 8; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, табл. 46, 22; Гаврилов, Труфанов 2014б, рис. 17, 1.

¹⁴ Кропотов 2010, 72–74.

¹⁵ Журавлев 2010, 53, 59, 84–85, кат. 149, 191, 447–449; Пуздровский 2007, рис. 167, 5, 7, 8; 169, 12, 13; 171, 7.

¹⁶ Isings 1957, 22–23.

¹⁷ Кунина, Сорокина 1973, 169.

¹⁸ Алексеева, Сорокина 2007, 63, табл. 41, 5; Лимберис, Марченко 2003, 144, рис. 25, 25; Гущина, Журавлев 2016, 162–163, табл. 130, 5.

¹⁹ Кропотов 2010, 257–259.

7. Сосуд (рис. 1, 7) из тонкого прозрачного бесцветного стекла нижней части с сильно вогнутым дном ($d=3$ см), фрагмент. Найден он в подбойной могиле № 45 (северный подбой) вместе с лучковой подвязной фибулой группы 15 серии I варианта 4, по классификации А.К. Амброза, датирующей второй половиной II – первой половиной III в. н.э.²⁰

8. Кувшин (рис. 1, 8) (d венчика – 3,4 см) из тонкого прозрачного с зеленым оттенком стекла с округлым туловом, переходящим в короткое подцилиндрическое горло, заканчивающееся воронковидным устьем, фрагменты верхней части. Край у сосуда загнут внутрь, а образовавшийся венчик оплавлен. Ручка кувшина лентовидная, желобчатая одним концом крепится к тулову сосуда, другим – к горлу. Кувшин найден в заполнении грабительского шурфа, разрушившего погребальную камеру южного подбоя во входной яме склепа № 253. Нетронутыми в могиле остались бронзовая фибула группы 8 серии I по классификации В.В. Кропотова, датирующаяся второй половиной I – первой половиной III в. н.э.²¹, краснолаковый кувшин конца I–II вв. н.э. (форма 2, по классификации Д.В. Журавлева)²² и небольшой набор бус. Большая фрагментарность стеклянного кувшина не позволяет восстановить его точную форму.

9. Колба (рис. 1, 9) ($h=12$ см; d венчика – 3 см; d дна – 2,5 см) из тонкого прозрачного с зеленоватым оттенком стекла с туловом округлой формы и расширяющимися в нижней части стенками. Тулово плавно переходит в короткое цилиндрическое горло, заканчивающееся коротким воронковидным устьем. Край колбы загнут внутрь, а образовавшийся венчик оплавлен и отогнут. Дно у колбы вогнуто. В месте перехода тулова в горло сосуд опоясывает наплавленный стеклянный жгут из того же стекла, что и сам сосуд. Колба происходит из склепа № 124, погребения в котором были совершены в начале IV в. н.э.²³. Небольшие колбы, использовавшиеся в древности, как и бальзамарии для хранения благовоний, не отличались разнообразием форм. Известны они в варварских памятниках Предгорного Крыма²⁴, на Боспоре и в Херсонесе²⁵. Наибольшее распространение такие сосуды получили в III–IV вв. н.э.

10. Стакан (рис. 2, 1) из тонкого полупрозрачного бесцветного стекла, фрагменты нижней части. Дно ($d=3,5$ см) у стакана утолщенное и на нем имеется 12 небольших выступов. Найден он был вместе со стеклянной колбой (№ 9) в склепе № 124 и пока является единственной находкой сосудов данного типа в крымских предгорьях. Стаканы с небольшими выступами на дне известны на Боспоре²⁶ и Балканах²⁷, в Италии²⁸, Малой Азии²⁹, Греции³⁰ и на Ближнем Востоке³¹. Все они датируются позднеимским временем.

²⁰ Амброз 1966, 50–51; Кропотов 2010, 77–80.

²¹ Кропотов 2010, 183–185.

²² Журавлев 2010, 74–76.

²³ Храпунов 2018а, 144.

²⁴ Стрелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, табл. XXIX, 13; Шабанов 2011, 158–159, рис. 9, 59–61; Храпунов 2002, 57, рис. 89, 2.

²⁵ Зубарь 1982, рис. 57, 5, 7; Засецкая 2005, кат. 45.

²⁶ Винокуров 2014, рис. 226, 14.

²⁷ Barkoczi 1988, 91–92, taf. XII, 130; Šaranović-Svetek 1986, tab. III, 2.

²⁸ Penn 2018, fig. 2, 28.

²⁹ Grossman 2013, fig. 45.

³⁰ Weinberg, Stern 2009, 130, pl. 23, 264–268.

³¹ Weinberg, Goldstein 1988, fig. 4–22, 161; Jackson-Tal 2016, fig. 37, 3; Israeli 2008, 379, cat. 101, 102.

11. Стакан (рис. 2, 2) (d венчика – 6,2 см; d дна – 3 см; d поддона – 3,3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла с округлой формой тулова, слегка расширяющимся в нижней части. Край сосуда загнут внутрь, венчик отогнут и образует валик. Дно вогнуто и находится на кольцевом поддоне из полого стеклянного жгута. Стакан найден в склепе № 2, датирующемся IV в. н.э.³².

12. Стакан (рис. 2, 3) (d венчика – 7 см; d дна – 3 см; d поддона – 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла с туловом округлой формы и расширяющимися в средней части стенками. Край сосуда загнут внутрь, а образовавшийся венчик отогнут и образует валик. Дно стакана вогнуто и находится на кольцевом поддоне из полого стеклянного жгута. Сосуд происходит из погребальной камеры склепа № 253. Найденная вместе с ним краснолаковая посуда может датироваться IV в. н.э.³³.

13. Стакан (рис. 2, 4) (d венчика – 7 см; d дна – 3,3 см; d поддона – 3,6 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла с округлой формой тулова и слегка расширяющимися в нижней части стенками. Край сосуда загнут, венчик отогнут и образует валик. Дно стакана вогнуто и находится на кольцевом поддоне из полого стеклянного жгута. Стакан найден в склепе № 274 с еще четырьмя стеклянными сосудами (№ 17, 18, 19, 20), мечом IV в. н.э. с вырезом у рукояти типа 5, по классификации А.М. Хазанова³⁴ и краснолаковыми сосудами, датирующимися IV в. н.э.³⁵.

Стаканы на кольцевом поддоне (№ 11, 12, 13) из наплавленного полого жгута являются самым распространенным типом стеклянных сосудов позднеимперского времени в крымских предгорьях (более 50 экз.). Появляются они во II в. н.э. и в дальнейшем получают здесь широкое распространение. Такие стаканы найдены в могильниках Бельбек IV³⁶, «Совхоз № 10»³⁷, ВИР (Бельбек III)³⁸, Килен-Балка³⁹, Суворово⁴⁰, Тас-Тепе⁴¹, Инкерман⁴², Озерное III⁴³, Дружное⁴⁴, Нейзац⁴⁵, «святылище» Таракташ⁴⁶ и некрополе Херсонеса⁴⁷. В Причерноморье стаканы этого типа известны в Ольвии⁴⁸, Томах⁴⁹, Цебельде⁵⁰. Все они датируются в рамках III –

³² Храпунов, Мульд 2005, 339.

³³ Нессель 2003, 109, 111, рис. 2, 4; Иванова 2009, 33–34, 43, рис. 2, 11; Ушаков, Филиппенко 2008, 289, рис. 3, 4.

³⁴ Хазанов 1971, 17.

³⁵ Нессель 2003, 111, 118, рис. 4; 6; 7, 3.

³⁶ Сорокина, Гущина 1980, рис. 1, 3; Гущина, Журавлев 2016, табл. 80, 2.

³⁷ Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, табл. 23, 10.

³⁸ Филиппенко, Тюрин, Ушаков 2016, рис. 5, 37.

³⁹ Контны, Савеля 2006, рис. 1, 3.

⁴⁰ Зайцев 1997, рис. 64; Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 2, 8; Зайцев, Мордвинова 2003б, рис. 5, 7, 8.

⁴¹ Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, рис. 5, 3.

⁴² Веймарн 1963, рис. 5, 8.

⁴³ Лобода 1977, рис. 3, е, ж.

⁴⁴ Храпунов 2002, рис. 71, 16, 17; 72, 6; 99, 9; 149, 21; 150, 2; 155, 17; 163, 5; 164, 1, 2; 199, 12.

⁴⁵ Шабанов 2011, рис. 1, 2, 4–9; 2, 10–18.

⁴⁶ Шаров 2016, рис. 9, 3.

⁴⁷ Зубарь 1982, 92, рис. 59, 3.

⁴⁸ Лейпунская 2006, 187, рис. 2, 1.

⁴⁹ Минчев 1988, 46, табл. VI, 32.

⁵⁰ Сорокина 1979, 61, 63.

начала V в. н.э. Не противоречат представленной датировке и сосуды из могильника Опушки.

14. Стакан (рис. 2, 5) (d дна – 3,5 см; d поддона – 3,6 см) из тонкого прозрачного с желтым оттенком стекла, с округлой формой тулова и слегка расширяющимися в нижней части стенками. Край сосуда загнут, венчик отогнут и образует валик. Дно вогнуто и находится на кольцевом поддоне. Тулово в верхней части опоясывают стеклянные нити из того же стекла, что и сам сосуд. Стакан происходит из склепа IV в. н.э. № 260 и отличается от предыдущих тем, что у него кольцевой поддон вытянут из стенки сосуда, а не изготовлен из наплавленного жгута. Подобные сосуды известны в погребениях IV в. н.э. могильника Нейзац⁵¹ и в «культовом» комплексе у горы Таракташ⁵².

15. Стакан (рис. 2, 6) (h – 9 см; d венчика – 5 см; d дна – 4 см; d поддона – 3,9 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла, с округлой формой тулова и расширяющимися в нижней части стенками. Край сосуда образует утолщенный и треугольный в сечении венчик. Дно плоское и находится на массивном кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда. Тулово в верхней части опоясывает стеклянная нить из того же стекла, что и сам сосуд. Стакан найден в погребальной камере склепа № 262, практически полностью уничтоженного грабителями. Нетронутыми ими на полу камеры остались также две бронзовые пряжки с прогнутым фасетированным язычком, имеющим небольшую ступеньку с тыльной стороны, датирующиеся преимущественно III в. н.э., но встречающиеся и в комплексах следующего столетия⁵³. Стаканы данного типа редко встречаются в Причерноморье. Наиболее близкая аналогия опушкинскому экземпляру происходит из могильника черняховской культуры Данчены в Молдавии⁵⁴. Там, в погребении № 287, был найден стеклянный «кубок», который М.Б. Щукин и Т.А. Щербакова отнесли к типу *Eggers 239* и датировали второй половиной IV – началом V в. н.э.⁵⁵. Б.В. Магомедов согласился с предложенной датировкой⁵⁶ и высказал версию о херсонесском происхождении стеклянного сосуда⁵⁷. Другие исследователи склонны датировать погребальный комплекс с «кубком» из Данчен первой половиной IV в. н.э.⁵⁸.

16. Стакан (рис. 2, 7) (d венчика – 5,6 см; d дна – 2,4 см) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла, с округлой формой тулова и расширяющимися в нижней части стенками. Край сосуда загнут, венчик отогнут и образует валик. У сосуда утолщенное, выделенное дно. Стакан найден в заполнении грабительского шурфа над погребальной камерой склепа № 262. Несколько таких сосудов известно в могильнике Нейзац⁵⁹ и расположенном поблизости позднескифском поселении в Барабановской балке⁶⁰. Еще восемь стаканов происходят из погре-

⁵¹ Шабанов 2011, рис. 1, 1, 3, 3, 19.

⁵² Мыц, Лысенко, Семин, Тесленко 2007, рис. 7.

⁵³ Храпунов 2016а, 98–99, рис. 1, 21.

⁵⁴ Рафалович 1986, 88, табл. XLV, 20.

⁵⁵ Щукин, Щербакова 1986, 192; *Eggers* 1951, 181.

⁵⁶ Магомедов 1999, 66.

⁵⁷ *Magomedov* 2011, 181–182.

⁵⁸ Шаров 1992, 197–198, табл. II, 21; Гей, Бажан 1997, 48, табл. 48, 15; 49, 4, 26.

⁵⁹ Шабанов 2011, рис. 4, 25–28.

⁶⁰ Храпунов 2016б, рис. 101, 5, 6.

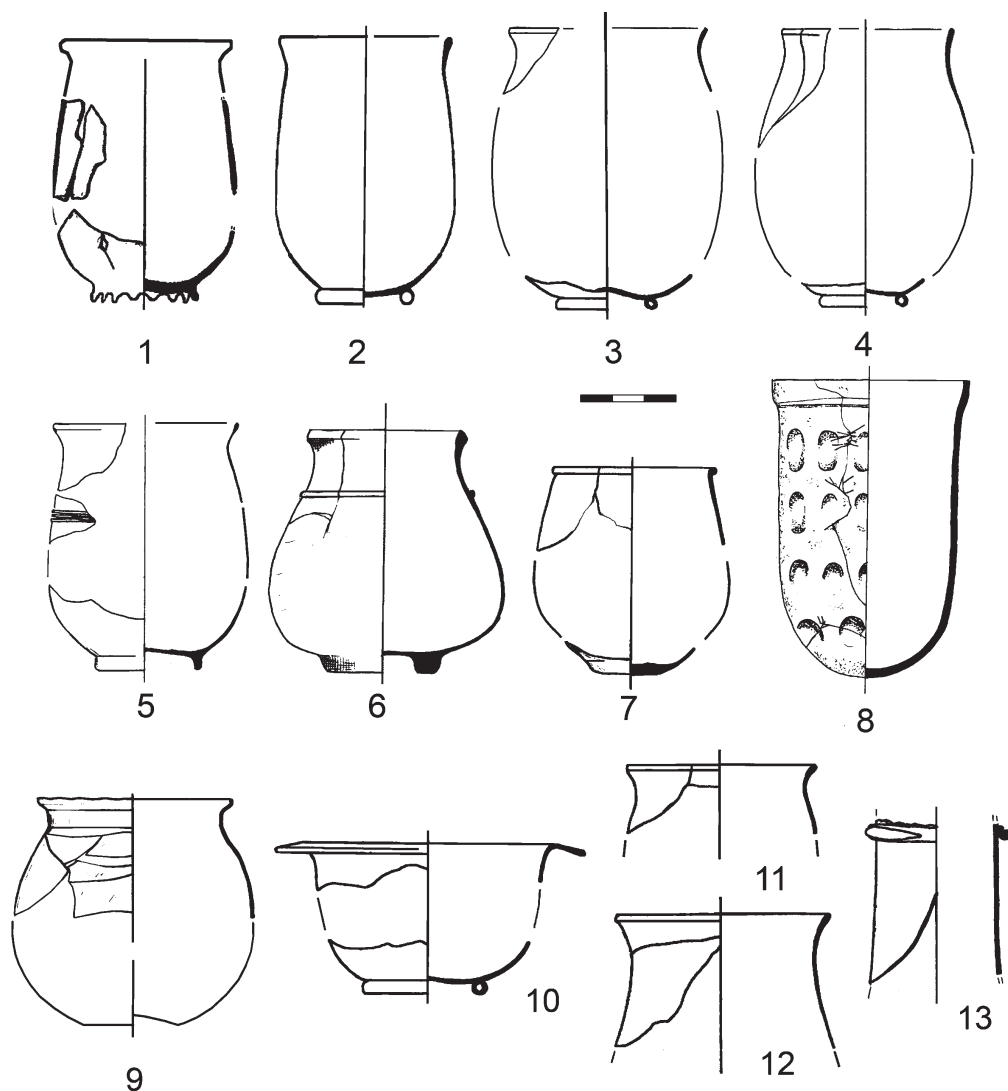

Рис. 2. Стеклянные сосуды из могильника Опушки. 1 – мог. 124; 2 – мог. 2; 3, 12 – мог. 253; 4, 8, 9, 10, 11 – мог. 274; 5 – мог. 260; 6, 7 – мог. 262, 13 – случайная находка
 Fig. 2. Glass vessels from the cemetery of Opushki. 1 – grave 124; 2 – grave 2; 3, 12 – grave 253; 4, 8, 9, 10, 11 – grave 274; 5 – grave 260; 6, 7 – grave 262, 13 – accidental find

бальных комплексов середины – второй половины III и IV вв. н.э. в могильниках «Совхоз № 10»⁶¹, Черная речка⁶², Краснозоринский⁶³, Дружное⁶⁴, Курское⁶⁵. Также они известны на городище и в некрополе Херсонеса⁶⁶, позднеантичном «святилище» у массива Кара-Даг в Юго-Восточном Крыму⁶⁷ и поселении на горе Кара-Тау близ села Сенного Белогорского района⁶⁸.

17. Стакан (рис. 2, 8) (h – 10 см; d венчика – 6,5 см) из толстого бесцветного стекла с туловом подцилиндрической формы и подкругляющимися книзу стенками. Край сосуда обрезан, зашлифован и слегка отогнут наружу. Дно округлое. На тулово сосуда нанесены четыре горизонтальных ряда шлифованных овалов и одна шлифованная линия под краем. Стакан найден в склепе № 274. Исследователи традиционно относят такие сосуды к типу *Eggers 230* по классификации Х. Эггера⁶⁹, типам *Kowalk* по Г. Рау⁷⁰ или *Straume I* по Э. Штрауме⁷¹. В крымских предгорьях найдено несколько таких сосудов, украшенных шлифованными овалами, в могильниках Нейзац⁷², Дружное⁷³, Алмалык-Дере⁷⁴. Все они датируются IV в. н.э.⁷⁵. Большое количество целых и фрагментированных стеклянных сосудов типа *Eggers 230* найдено на просторах так называемого «Европейского Барбарикума», от Скандинавии на севере до Черного моря на юге⁷⁶.

18. Стакан (рис. 2, 9) из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла верхней части, фрагменты. Край сосуда обрезан неровно, не обработан и отогнут (d венчика – 7 см). В верхней части тулова имеется перетяжка. Сосуд найден в склепе № 274. В крымских предгорьях известны еще два стакана с перетяжкой в верхней части. Один был найден в 1984 г. в могильнике Дружное в погребальном комплексе второй половины III–IV вв. н.э.⁷⁷. Второй, предположительно происходящий из Неаполя Скифского, в конце XIX в. был передан А.Х. Стевеном в Музей древностей при Таврической ученой архивной комиссии⁷⁸ и хранится в фондах Центрального музея Тавриды (Симферополь)⁷⁹.

19. Чаша (рис. 2, 10) (d венчика – 12 см; d дна – 4,5 см; d поддона – 5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла с полусферической формой тулова и рас-

⁶¹ Стрелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, табл. 7; 20, 19; 51.

⁶² Шабанов 2013, рис. 1, 1.

⁶³ Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, рис. 2, 20.

⁶⁴ Храпунов 2002, рис. 79, 12; 99, 10.

⁶⁵ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 12, 1.

⁶⁶ Рыжов 1986, рис. 9; Голофаст 2001, 151–152, рис. 1, 3, 7, 22; 16, 2–3; 21, 9, 52, 6а; Кутайсов, Труфанов 2014, 249, рис. 21, 7.

⁶⁷ Гаврилов, Труфанов 2015, рис. 13, 15–18.

⁶⁸ Гаврилов, Труфанов 2014, рис. 17, 8, 9.

⁶⁹ Eggers 1951, 180.

⁷⁰ Rau 1972, fig. 52; Rau 2008, 222.

⁷¹ Straume 1987, 28–33.

⁷² Шабанов 2011, рис. 5, 35–39.

⁷³ Храпунов 2002, рис. 71, 14.

⁷⁴ Mączyńska, Gercen, Ivanova, Černyš, Lukin, Urbaniak, Bemmman, Schneider, Jakubczyk, 2016, taf. 354.

⁷⁵ Shabanov 2011, 209–214.

⁷⁶ Holland 2001, 37; Barkoczi 1988, 105, taf. XV, 166; Panczal, Dobos 2007, 69, fig. 2; Gomolka-Fuchs 1999, 137; Gavritukhin 2011, 39–46; Румянцева 2014, 403–404; Петраускас 2016, 96.

⁷⁷ Айбабин 1994, 97, рис. 17, 7.

⁷⁸ Шабанов 2014, 415, рис. 1, 4.

⁷⁹ Шабанов 2015, кат. 69.

ширяющимися в верхней части стенками. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен, горизонтально отогнут и слегка опущен. Дно вогнуто и находится на низком кольцевом поддоне. Чаша найдена в склепе № 274. Находки полусферических чаш на кольцевом поддоне с горизонтально отогнутым краем известны в комплексах II–IV вв. н.э. и в крымских предгорьях⁸⁰, на Боспоре⁸¹. Отличаются они между собой размерами и устройством поддона. Некоторые экземпляры украшались по краю рельефными валиками⁸².

20. Стакан (рис. 2, 11) из тонкого прозрачного бесцветного стекла верхней части, фрагмент (d венчика – 7 см). Край сосуда загнут внутрь, оплавлен и слегка отогнут. Найдено в склепе № 274.

21. Стакан (рис. 2, 12) из тонкого прозрачного бесцветного стекла верхней части, фрагмент (d венчика – 6,3 см). Край сосуда загнут внутрь, оплавлен и слегка отогнут. Стакан найден в заполнении погребальной камеры склепа № 253.

22. Сосуд (рис. 2, 13) из толстого прозрачного с оливковым оттенком стекла горла, которое опоясывает стеклянный валик, фрагмент. Случайная находка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Могильник Опушки – один из немногих погребальных памятников Предгорного Крыма, непрерывно функционировавших с I в. до н.э. по IV в. н.э. Здесь открыты захоронения, относящиеся к нескольким археологическим культурам. Наиболее ранние погребения совершались в склепах, оставленных так называемыми поздними скифами⁸³, и именно из них происходят два самых ранних стеклянных сосуда, найденных в могильнике. Оба они представлены единичными фрагментами и были изготовлены в технике «*millefiori*» (№ 1) и «сердечника» (№ 2). В отличие от античных центров Причерноморья, в крымских предгорьях полихромные сосуды встречаются нечасто. Здесь известно несколько фрагментированных изделий в технике «сердечника» из могильников Усть-Альма⁸⁴ и Кольчугино⁸⁵, городищ Неаполь Скифский⁸⁶ и Булганак⁸⁷, а также фрагмент стеклянной чаши редкого типа «*garland bowl*» из Усть-Альминского некрополя⁸⁸. Если сосуды, произведенные в технике «сердечника», получили в Северном Причерноморье достаточное распространение, то сосуды «*millefiori*» представляли большую редкость. Исследователи связывают это с более сложной технологией изготовления последних и, как следствие, их высокой дороговизной⁸⁹. Поэтому даже небольшой фрагмент из могильника Опушки расширяет географию столь редкого типа стеклянных сосудов. По совокупности находок позднескифские склепы в Опуш-

⁸⁰ Сымонович 1983, табл. XII, 2; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, табл. 59, 34; Масыкин 2010, рис. 2, 5; Шабанов 2011, рис. 11, 68.

⁸¹ Хршановский 2012, рис. 6, 2; Винокуров 2014, рис. 145, 8.

⁸² Лимберис, Марченко 2003, рис. 23, 30, 2; Шевченко 2004, рис. 3, 9.

⁸³ Храпунов 2016в, 232–234; Храпунов 2019а, 589.

⁸⁴ Высотская 1994, табл. 11, 16.

⁸⁵ Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, 93, рис. 12, 22.

⁸⁶ Зайцев 2003, рис. 109, 4, 6.

⁸⁷ Шабанов 2013а, 335, рис. 1, 10.

⁸⁸ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 137, 2.

⁸⁹ Алексеева, Сорокина 2007, 60; Симоненко 2011, 70.

ках датируются I в. до н.э. – I в. н.э. Большинство же захоронений в них было совершено в I в. н.э.⁹⁰ Этим временем можно датировать и находку фрагмента толстостенного бальзамария (№ 4) из «каменного» склепа № 250. Другой бальзамарий (№ 5) был найден в грунтовой могиле № 233 с вещами второй половины I – начала II в. н.э. Небольшие стеклянные бальзамарии с «шаровидным» туловом были широко распространены в первые века нашей эры и на территории Римской империи, и на ее периферии. Тем не менее в Северном Причерноморье они встречаются реже нежели бальзамарии других форм.

Наиболее представительной и разнообразной категорией позднеримской стеклянной посуды в могильнике Опушки являются стаканы. Их можно разделить на семь типов:

Тип 1. Стаканы с округлым туловом на низком кольцевом поддоне из полого стеклянного жгута (№ 11–13). Такие сосуды широко встречаются в крымских предгорьях в погребальных комплексах III–IV вв. н.э.

Тип 2. Стакан с округлым туловом, расширяющимся в нижней части, на низком кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда (№ 14). В могильнике Опушки найден всего один экземпляр, датирующийся IV в. н.э. В Предгорном Крыму известны еще четыре таких стакана, несколько отличающихся друг от друга размерами и пропорциями тулова, но также происходящих из комплексов IV в. н.э.

Тип 3. Стакан с округлым туловом, расширяющимся в нижней части, на низком массивном кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда (№ 15). Ранее такие сосуды ни в варварских, ни в античных памятниках Крыма не встречались. Наиболее близкая аналогия из могильника черняховской культуры позволяет предположить, что стакан мог попасть в крымские предгорья либо при непосредственной миграции германцев в Крым, либо в результате контактов с ними местного населения. В пользу этого говорят и открытая в могильнике Опушки кремация в каменном ящике, совершенная по германскому обряду⁹¹, и находки вещей германского круга⁹². С другой стороны, Б.В. Магомедов отмечал, что в черняховских памятниках междуречья Днестра и Днестра встречаются краснолаковые и стеклянные сосуды, связанные с мастерскими Херсонеса⁹³. К ним он относил и стакан из Данчен. Находка аналогичного сосуда в Крыму может свидетельствовать о поступлениях таких изделий в Северное Причерноморье через Херсонес, но говорить, что они там производились, пока преждевременно.

Тип 4. Стакан с округлым туловом, слегка расширяющимся в нижней части, и утолщенным выделенным дном (№ 6). Целые и фрагментированные сосуды данного типа часто встречаются в варварских памятниках Предгорного Крыма в погребальных комплексах, датирующихся не ранее середины III в. н.э.

Тип 5. Стакан с округлым туловом, расширяющимся в нижней части, с утолщенным дном, украшенным несколькими небольшими выступами (№ 10). Известна только одна находка такого сосуда в Северном Причерноморье – в некрополе Артезиан на Керченском п-ове. Чаще стаканы с выступами на дне (в англоязыч-

⁹⁰ Храпунов 2016в, 233.

⁹¹ Храпунов, Мульд 2005б, 341.

⁹² Храпунов 2017, 136.

⁹³ Magomedov 2011, 180; Магомедов, Диденко 2009, 342.

ной литературе донья такого типа именуют *base with pinched «toes»* или *toed base*) встречаются в Средиземноморье и датируются II–IV вв. н.э.⁹⁴

Тип 6. Стакан с подцилиндрической формы туловом, украшенным несколькими рядами шлифованных овалов (№ 17). В крымских предгорьях найдено более десятка целых и фрагментированных стаканов или «кубков» со шлифованными овалами, датирующихся IV в. н.э. Большая их часть относится к типу *Eggers 230/Kowalk/StraumeI* и попала в Крым, видимо, из ареала черняховской культуры. Проблема происхождения этих сосудов пока остается дискуссионной и занимает важное место в изучении позднеримского стекла Восточной Европы⁹⁵.

Тип 7. Стакан с округлым туловом и неширокой перетяжкой в верхней части (№ 18), который можно датировать IV в. н.э.

Форму и тип еще двух стаканов (№ 20, 21) определить не удалось, так же, как и форму единственного стеклянного кувшина (№ 8), найденного в могильнике. Колба (№ 9) и чаша (№ 19), датирующиеся IV в. н.э., находят аналогии как в синхронных варварских памятниках Предгорного Крыма, так и в античных центрах Причерноморья.

В могильнике Опушки стеклянные сосуды найдены в 13 могилах, что составляет около 5% от исследованных на данный момент погребальных сооружений. В позднескифских склепах были найдены фрагменты четырех сосудов, которые можно датировать I – началом II в. н.э. Количество погребенных в таких склепах могло превышать 100 человек. Их сопровождал многочисленный погребальный инвентарь, представленный, как правило, фибулами, лепными и гончарными сосудами. В редких случаях в склепах находили стеклянные сосуды и всегда только в виде единичных фрагментов. Исключение может составлять позднескифский могильник Беляус, где был найден один целый алабастр⁹⁶. Т.Н. Высотская ранее уже высказывала мнение, что стеклянная посуда не пользовалась у поздних скифов широким спросом⁹⁷. С предложенной точкой зрения можно согласиться, но с небольшим уточнением – такая ситуация характерна для I в. до н.э. – I в. н.э., поскольку уже во II–III вв. н.э. количество стеклянной посуды на позднескифских памятниках возрастает.

В могильнике Опушки наибольшее количество стеклянных сосудов (5) найдено в склепе № 274, имеющем Т-образную планировку и короткий дромос. Такие склепы появляются в крымских предгорьях в первой половине III в. н.э. и традиционно связываются с миграцией на полуостров северокавказских алан⁹⁸. В Предгорном Крыму немного погребальных комплексов позднеримского времени, в которых обнаружено пять и более стеклянных сосудов. Все они представлены Т-образными склепами и открыты в могильниках Нейзац, Дружное, «Совхоз № 10», Суворово. С одной стороны, связывать это можно с увеличением во второй половине III – IV в. н.э. количества стеклянной посуды в регионе, с другой – с практикой использования склепов для нескольких погребений с многочисленным сопровождающим инвентарем⁹⁹.

⁹⁴ Шабанов 2018, 171–172.

⁹⁵ См. Чорний 2015.

⁹⁶ Дашевская 2014, 86.

⁹⁷ Высотская 1994, 84–85.

⁹⁸ Храпунов 2018б, 135.

⁹⁹ Храпунов 2019б, 34.

Большая часть стеклянной посуды, найденной в могильнике Опушки, имеет ближневосточное происхождение. Она была произведена в малоазийских, сиропалестинских или египетских стеклоделательных мастерских и поступала в крымские предгорья, видимо, через Херсонес¹⁰⁰. Отдельные сосуды могли попасть в сармато-аланскую среду в результате контактов с племенами германского круга, поскольку находят аналогии в ареале черняховской культуры. Нельзя полностью исключать и местное происхождение каких-то сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1994: Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году. *МАИЭТ IV*, 89–131.
- Алексеева, Е.М., Сорокина, Н.П. 2007: *Коллекция стекла античной Горгииппии*. М.
- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга Европейской части СССР* (САИ Д1–30). М.
- Бейлин, Д.В., Рукавишникова, И.В., Куликов, А.В. 2019: Погребения с монетами могильника Александровские скалы 1. *ДБ 24*, 28–58.
- Веймарн, С.В. 1963: Археологічні роботи в районі Інкермана. В сб.: А.Т. Брайчевська (ред.), *Археологічні пам'ятки УРСР XIII*, 15–42.
- Винокуров, Н.И. 2014: *Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. Материалы раскопок 1999–2007* (БИ 12). Симферополь–Керчь.
- Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2019: Фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан. В сб.: А.Д. Васильев (ред.), *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы конференции*. Т. 1. М., 56–60.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Гаврилов, А.В., Труфанов, А.А. 2014а: Святилище Туар-Алан II в. до н.э. – первой половины I в.н.э. в Юго-Восточном Крыму. *ИАК I*, 73–152.
- Гаврилов, А.В., Труфанов, А.А. 2014б: Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов Внешней гряды Крымских гор. *ДБ 18*, 126–164.
- Гей, О.А., Бажан, И.А. 1997: *Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа)*. М.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 2. М.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв.н.э.* Симферополь. (МАИЭТ Suppl. 9).
- Журавлев, Д.В., Зубарь, В.М., Сорочан, С.Б. 2004: О торговле Херсонеса Таврического в середине I – первой половине III вв.н.э. *БИ VII*, 183–207.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994 г.* Симферополь, 102–116.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н.э.–III в.н.э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003а: «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ 3*, 61–99.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003б: Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. *МАИЭТ X*, 57–77.
- Засецкая, И.П. 2005: Хронология колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов. *БИ X*, 90–131.

¹⁰⁰ Журавлев, Зубарь, Сорочан 2004, 187, 189, 193.

- Зубарь, В.М. 1982: *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв.н.э.* Киев.
- Иванова, О.С. 2009: Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере (Мангуп). *МАИЭТ XV*, 26–88.
- Колесниченко, А. 2019: Стеклянные сосуды, изготовленные в технике сердечника из Ольвии. *Емінак 1*, 107–118.
- Контны, Б., Савеля, Д.Ю. 2006: Вооружение из могильника в Килен-Балке. *МАИЭТ XII 1*, 129–160.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи.* К.
- Кунина, Н.З. 1997: *Античное стекло в собрании Эрмитажа.* СПб.
- Кунина, Н.З., Сорокина, Н.П. 1972: Стеклянные бальзамарии Боспора. *ТГЭ XIII*, 146–177.
- Лейпунская, Н.А. 2006: Детское погребение III–IV вв. из Ольвии. В сб.: Д.В. Журавлев, Г.А. Ломтадзе (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья.* М., 183–188. (Труды ГИМ 159).
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2003: Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья. *МИАК 3*, 106–183.
- Лобода, И.И. 1977: Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. *СА 4*, 236–252.
- Магомедов, Б.В. 1999: *Черняховская культура. Проблема этноса.* Киев.
- Магомедов, Б.В., Диденко, С.В. 2009: Краснолаковая керамика в черняховской культуре. *БИ XXI*, 320–349.
- Масякин, В.В. 2010: Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму. В сб.: Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский (ред.), *Древняя и средневековая Таврика (Археологический альманах 22).* Донбасс, 178–184.
- Медведев, А.П. 2013: Склеп с антропоморфным изваянием из Восточного некрополя Фанагории. В сб.: Е.В. Смынтына (ред.), *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху.* Киев, 39–48.
- Минчев, А. 1988: Антично стъкло от ЗападноЧерноморие (I–VI в.). Чаши. *Известия на Народния музей Варна 24*, 35–51.
- Молев, Е.А. 2004: Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея. *БИ V*, 405–421.
- Мыц, В.Л., Лысенко, А.В., Семин, С.В., Тесленко, И.Б. 2007: Позднеантичное святилище у с. Дачное (бывш. Таракташ). В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1995 год.* Симферополь, 102–110.
- Нессель, В.А. 2003: Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка. *ХСб XII*, 107–123.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым: II в. до н.э. – II в.н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло.* Симферополь.
- Петерс, Б.Г., Чухина, Е.В. 1994: Стеклянные изделия из раскопок Патрея 1985–1989 гг. *РА 4*, 171–175.
- Петраускас, О.В. 2016: Склянi посудини типу Еггерс/230 в черняхiвськiй культурi: хронологiчний аспект. В сб.: О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко (ред.), *Черняхiвська культура (Oіum 5).* К., 89–106.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в.н.э. Погребальные памятники.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2001: Новые памятники III–IV вв.н.э. в Юго-Западном Крыму. *МАИЭТ VIII*, 32–50.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь.
- Пуклина, О. 2016: Стеклянные полихромные сосуды из Ольвии. *Емінак 4*, 164–168.
- Рафалович, И.А. 1986: *Данчены. Могильник Черняховской культуры III–IV вв.н.э.* Кишинев.

- Рогов, Е.Я. 2011: *Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму*. Симферополь. (МАИ-ЭТ Suppl. 10).
- Румянцева, О.С. 2014: Стеклянные сосуды со шлифованным декором и хронология поселения Комаров. В сб.: А.М. Обломский (ред.), *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*. М., 401–434. (Раннеславянский мир 15).
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Сорокина, Н.П. 1962: Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. В сб.: И.Б. Зеест, И.Д. Марченко (ред.), *Пантикапей*. М., 210–237. (МИА 103).
- Сорокина, Н.П. 1977: Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове. *АДСВ* 3, 115–144.
- Сорокина, Н.П. 1979: Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников. *КСИА* 158, 57–67.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Симонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского)*. Киев.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2001–2002: Исследования позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Ушаков, С.В., Филиппенко, А.А. 2008: Керамический комплекс могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. В сб.: Э.Б. Петрова (ред.), *Херсонесский колокол*. Симферополь, 286–296.
- Филиппенко, А.А. Тюрин, М.И. Ушаков, С.В. 2016: О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные. *Stratum plus* 4, 139–151.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Храпунов, И.Н. 2002: *Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.)*. Lublin.
- Храпунов, И.Н. 2016а: Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. II. Симферополь, 97–121.
- Храпунов, И.Н. 2016б: *Поселение в Барабановской балке (II–IV вв. н.э.)*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2016в: Некоторые итоги исследований могильника Опушки в Крыму. В сб.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона*. Ростов-на-Дону, 232–236.
- Храпунов, И.Н. 2017: Еще один германский след в Крыму. *Stratum plus* 4, 135–139.
- Храпунов, И.Н. 2018а: Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. III. Симферополь, 137–169.
- Храпунов, И.Н. 2018б: Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. IV. Симферополь, 133–145.
- Храпунов, И.Н. 2019а: Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки). В сб.: В.Н. Зинько, Е.В. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции*. Симферополь–Керчь, 589–592. (XX БЧ).
- Храпунов, И.Н. 2019б: Археологическая культура позднеримского времени в Предгорном Крыму. *РА* 1, 32–49.

- Храпунов, И.Н., Масыкин В.В., Мульд, С.А. 1997: Позднескифский могильник у с. Кольчугино. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник* 1. Симферополь, 76–155.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2005а: Первые итоги исследования могильника Опушки. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф*. Керчь, 338–339. (VI БЧ).
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2005б: Трупосожжение римского времени из могильника Опушки. *ХСб* XIV, 341–345.
- Хршановский, В.А. 2012: Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности. *ДБ* 16, 526–547.
- Чорний, А.М. 2015: Скляний посуд черняхівської культури (історіографічний аспект). *Археологія* 1, 125–143.
- Шабанов, С.Б. 2011: Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.). *МАИЭТ* XVII, 141–191.
- Шабанов, С.Б. 2013а: Стеклянные сосуды из раскопок Булганакского городища в Крыму. *Гілея* 69, 334–339.
- Шабанов, С.Б. 2013б: Стеклянные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника). В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.)* I. Симферополь, 155–170.
- Шабанов, С.Б. 2014: Стеклянные сосуды римского времени из собрания Музея древностей при Таврической ученой архивной комиссии. *БИ* XXX, 411–434.
- Шабанов, С.Б. 2015: *Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды*. Симферополь.
- Шабанов, С.Б. 2018: Два стеклянных сосуда из комплекса позднеримского времени могильника Опушки в предгорном Крыму. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.)* III. Симферополь, 170–177.
- Шаров, О.В. 1992: Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. В сб.: М.Б. Щукин, О.А. Гей (ред.), *Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени*. СПб., 158 – 207.
- Шаров, О.В. 2016: Хронология культовых комплексов Таракташ в Восточном Крыму. *БИ* XXXII, 61–85.
- Шевченко, Н.Ф. 2004: Материалы исследования некрополя Горгиппии в 2003 г. *МИАК* 4, 186–211.
- Щукин, М.Б., Щербакова, Т.А. 1986: К хронологии могильника Данчены. В кн.: И.А. Рафалович (ред.), *Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв.н.э.* Кишинев, 177–212.
- Юрочкин, В.Ю., Труфанов, А.А. 2003: Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи. *ХСб* XII, 199–225.
- Яценко, Е.Г. 2008: Стеклянные сосуды I–середины II вв.н.э. из раскопок городища Танаиса. *Novensia* 18-19, 365–380.
- Barkoczi, L. 1988: *Pannonische Glassfunde in Ungarn (Acta Archaeologica IX)*. Budapest.
- Gavritukhin, I. 2011: Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand–Simferopol, 39–69.
- Gomolka-Fuchs, G. 1999: Gläser der Sîntana de Mureș-Černjachov-Kulturaus Rumänien und der Republik Moldavien. In: G. Gomolka-Fuchs (ed.), *Die Sîntana de Mureș-Černjachov-Kultur*. Bonn, 129–142.
- Grossman, R.A. 2013: Glass. In: W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma III*. Los Altos, 218–258.

- Holland, I. 2001: *Sustaining Life. Vessel import to Norway in the first millennium AD*. Stavanger.
- Isings, K. 1957: *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen–Djakarta.
- Israeli, Y. 2008: The Glass Vessels. In: J. Patrich (ed.), *Archaeological Excavations at Caesarea Martima. Areas CC KK and NN. Final Reports 1. Object*. Jerusalem, 367–418.
- Jackson-Tal, R.E. 2016: Glass Finds. In: O. Lipschits (ed.), *Ramat-Rahel III. Final Publication of Yohanan Aharoni's Excavations (1954, 1959–1962) II*. Winona Lake, 567–587.
- Maczyńska, M., Gercen, A., Ivanova, O., Černýš, S., Lukin, S., Urbaniak, A., Bemmann, J., Schneider, K., Jakubczyk, I. 2016: *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz.
- Magomedov, B. 2011: The Chernyakhov People's Contacts with Scandinavia and the Crimea. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period (Cultural-Historical Reports 10)*. Kristiansand–Simferopol, 176–186.
- Oliver, A. 1968: Millefiori Glass in Classical Antiquity. *JGS* X, 48–70.
- Pánczál, S., Dobos, A. 2007: Facet cut Glass Vessels of the Late 3rd to 5th century AD. Analysis of Finds from North Danubian Romania. In: C. Cosma (ed.), *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD. Cultural artefacts and local identities*. Cluj-Napoca, 67–97.
- Penn, T.M. 2018: Post-AD 79 Roman Glass from Campania: the assemblage from the villa baths at Masseria De Carolis (Pollena Trocchia). A preliminary Report. *Rivista di Studi Pompeiani* XXIX, 220–224.
- Rau, G. 1972: Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. Nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichel-Raum. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 3, 109–196.
- Rau, G. 2008: Spätantike Facettschloßgläser in Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 40, 221–240.
- Saldern, A. 2004: *Antikes Glas*. München.
- Šaranović-Svetek, V. 1986: *Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije*. Novi Sad.
- Shabanov, S. 2011: Glass Beakers with Polished Ovals from the Late Roman Period in the Crimea. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period (Cultural-Historical Reports 10)*. Kristiansand–Simferopol, 209–216.
- Straume, E. 1987: *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo.
- Weinberg, G.D., Goldstein, S.M. 1988: *Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*. Columbia.
- Weinberg, G.D., Stern, E.M. 2009: *Vessels Glass. The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens XXXIV*. New Jersey.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M., Sorokina, N.P. 2007: *Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii* [The Collection of Glass of Ancient Gorgippia]. Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR* [Fibulae of South of European part of the USSR]. Moscow. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–30).
- Aybabin, A.I. 1994: Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoev 1984 godu [Excavations of the necropolis near Druzhnoe village in 1984]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria] IV, 89–131.
- Barkoczi, L. 1988: *Pannonische Glassfunde in Ungarn* (Acta Archaeologica IX). Budapest.

- Beylin, D.V., Rukavishnikova, I.V., Kulikov, A.V. 2019: Pogrebeniya s monetami mogil'nika Aleksandrovskie skaly 1 [Burials with coins of the "Aleksandrovskiye skaly 1" burial ground]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 24, 28–58.
- Chornyj, A.M. 2015: Sklyanyj posud chernyakhivskoi' kul'tury (istoriografichnyj aspekt) [Glassware of Cherniakhov culture (Historiographic Aspect)]. *Arkheologiya [Archaeology]* 1, 125–143.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa [Necropolis of Belyaus]*. Simferopol.
- Filippenko, A.A., Tyurin, M.I., Ushakov, S.V. 2016: O mogil'nike VIR (Bel'bek III) v Yugo-Zapadnom Krymu: novye dannye [The cemetery VIR (Belbek III) in the South-Western Crimea: new data]. *Stratum plus* 4, 139–151.
- Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2014a: Svyatilishche Tuar-Alan II v. do n.e. – pervoy poloviny I v. n.e. v Yugo-Vostochnom Krymu [Sanctuary Tuar-Alan of the 2nd century B.C. – first half of the 1st century AD in South-East Crimea]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of Crimea]* I, 73–152.
- Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2014b: Novyy antichnyy pamyatnik na gore Kara-Tau u severnykh sklonov Vneshney gryady Krymskikh gor [New ancient site on Mount Kara-Tau in the northern slopes of the outer ridge of the Crimean Mountains]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 18, 126–164.
- Gavritukhin, I. 2011: Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand–Simferopol, 39–69.
- Gey, O.A., Bazhan, I.A. 1997: *Khronologiya epokhi «gotskikh pokhodov» (na territorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza) [The chronology of the Goth' intrusions epoch (in Eastern Europe and the Caucasus)]*. Moscow.
- Gomolka-Fuchs, G. 1999: Gläser der Sîntana de Mureş-Černjachov-Kulturaus Rumänien und der Republik Moldavien. In: G. Gomolka-Fuchs (ed.), *Die Sîntana de Mureş-Černjachov-Kultur*. Bonn, 129–142.
- Grossman, R.A. 2013: Glass. In: W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma III*. Los Altos, 218–258.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [Necropolis of the Roman time Belbek IV in the South-Eastern Crimea]*. Vol. 2. Moscow.
- Holland, I. 2001: *Sustaining Life. Vessel import to Norway in the first millennium AD*. Stavanger.
- Isings, K. 1957: *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen; Djakarta.
- Israeli, Y. 2008: The Glass Vessels. In: J. Patrich (ed.), *Archaeological Excavations at Caesarea Martima. Areas CC KK and NN. Final Reports 1. Object*. Jerusalem, 367–418.
- Ivanova, O.S. 2009: Krasnolakovaya keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-Dere (Mangup) [Red-lacquered Ceramics from the Excavations in the Cemetery in the Gully of Almaluk-Dere (Mangup)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria]* XV, 26–88.
- Jackson-Tal, R.E. 2016: Glass Finds. In: O. Lipschits (ed.), *Ramat-Rahel III. Final Publication of Yohanan Aharoni's Excavations (1954, 1959 – 1962) II*. Winona Lake, 567–587.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov [Essays on the military knowledge of Sarmatians]*. Moscow.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V., Muld, S.A. 1997: Pozdneskifskii mogil'nik u s. Kol'chugino [The Late Scythian cemetery near Kolchugino village]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisaraiskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Bakhchisaray historical and archaeological collected works]* 1. Simferopol, 76–155.

- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv.n.e.)* [*The Necropolis of Droozhnoye (the 3rd–4th centuries AD)*]. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2016a: Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Neizats [Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.)* [*The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400*] II. Simferopol, 97–121.
- Khrapunov, I.N. 2016b: *Poselenie v Barabanovskoy balke (II–IV vv.n.e.)* [*Barabanovskaya ravine settlement (the 2nd–4th centuries AD)*]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N. 2016v: Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Opushki v Krymu [Some results of studies of the burial ground of Opushki in the Crimea]. In: S.I. Lukyashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona* [*Ancient Civilization and Barbaric World of the Ponto-Caspian Region*]. Rostov-on-Don, 232–236.
- Khrapunov, I.N. 2017: Eshche odin germanskiy sled v Krymu [Another Germanic “Footprint” in the Crimea]. *Stratum plus* 4, 135–139.
- Khrapunov, I.N. 2018a: Sklep s veshchami v dogunnskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki [A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrome Style in Opushki]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400*] III. Simferopol, 137–169.
- Khrapunov, I.N. 2018b: Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [Burial Short-Corridor Vaults in the Crimea and in the North Caucasus]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400*] IV. Simferopol, 133–145.
- Khrapunov, I.N. 2019a: Nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy varvarskikh pamyatnikov rimskogo vremeni v predgornom Krymu (na primere mogil'nika Opushki) [Some results and prospects of research of barbarian monuments of the Roman time in the piedmont Crimea (on the example of Opushki burial ground)]. In: V.N. Zinko, E.V. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy* [*Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Main results and prospects of research*]. Simferopol–Kerch, 589–592. (XX Bosporskie chteniya [XX Bosporan Readings]).
- Khrapunov, I.N. 2019b: Arkheologicheskaya kul'tura pozdnerimskogo vremeni v Predgornom Krymu [Archaeological culture of the Late Roman Period the piedmont Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 1, 32–49.
- Khrapunov, I.N., Muld, S.A. 2005a: Pervye itogi issledovaniya mogil'nika Opushki [First results of research of the cemetery of Opushki]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizatsii, katastrof* [*Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Periods of destabilizations, catastrophes*]. Kerch, 338–339. (VI Bosporskie chteniya [VI Bosporan Readings]).
- Khrapunov, I.N., Muld, S.A. 2005b: Truposozhzhение rimskogo vremeni iz mogil'nika Opushki [Cremations of the late Roman period from the Opushki necropolis]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonese Collection*] XIV, 341–345.
- Khrshanovskii, V.A. 2012: Sklepy-katakomby na Iluratskom plato: tipologiya, khronologiya, problemy etnokul'turnoy prinadlezhnosti [Vault-Catacombs on the Iluraton Plateau: Typology, Chronology, Problems of Ethno-cultural Belonging]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 16, 526–547.
- Kolesnichenko, A. 2019: Steklyannye sosudy, izgotovlennye v tekhnike serdechnika iz Ol'vii [Olbian glass vessels made using core-formed technique]. *Eminak* [*Eminak*] 1, 107–118.

- Kontny, B., Savelya, D.Yu. 2006: Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-Balke [Weapon from Kilen-Balka Necropolis]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria] XIII, 129–160.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev.
- Kunina, N.Z. 1997: *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Ancient Glass in the Hermitage]. Saint Petersburg.
- Kunina, N.Z., Sorokina, N.P. 1972: Steklyannye bal'zamarii Bospora [Glass Balsamaria of the Bosporus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage] XIII, 146–177.
- Leypunskaya, N.A. 2006: Detskoe pogrebenie III–IV vv. iz Ol'vii [Children's burial of the 3rd–4th centuries AD from Olbia]. In: D.V. Zhuravlev, G.A. Lomtadze (eds.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [The Northern Black Sea Region in the Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 183–188. (Transactions of the State Historical Museum 159).
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2003: Steklyannye sosudy pozднеellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikuban'ya [Glass vessels of Late Hellenistic and Roman times from Kuban area]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and researches on archaeology of the Kuban region] 3, 106–183.
- Loboda, I.I. 1977: Raskopki mogil'nika Ozernoe III v 1963–1965 gg. [Excavations of Ozernoe III Necropolis in 1963–1965]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 236–252.
- Maćczyńska, M., Gercen, A., Ivanova, O., Černyš, S., Lukin, S., Urbaniak, A., Bemmman, J., Schneider, K., Jakubczyk, I. 2016: *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz.
- Magomedov, B. 2011: The Chernyakhov People's Contacts with Scandinavia and the Crimea. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period (Cultural-Historical Reports 10)*. Kristiansand–Simferopol, 176–186.
- Magomedov, B.V. 1999: *Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa* [Chernyakhov culture. Problem of ethnos]. Kiev.
- Magomedov, B.V., Didenko, S.V. 2009: Krasnolakovaya keramika v chernyakhovskoy kul'ture [Red Slip Ware in the Chernyakhov culture]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] XXI, 320–349.
- Masyakin, V.V. 2010: Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoe v Tsentral'nom Krymu [The crypt from the Late Roman time near village of Zarechnoe in central Crimea]. In: Yu.P. Zaitsev, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [The ancient and medieval Tavrika] (Archeological Almanac 22). Donbass, 178–184.
- Medvedev, A.P. 2013: Sklep s antropomorfnyim izvayaniem iz Vostochnogo nekropolya Fanagorii [Vault with anthropomorphic statue from Eastern necropolis of Phanagoria]. In: E.V. Smyntyna (ed.), *Varvarskiy mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuyu epokhu* [Barbarian world of Northern Pontic lands in Sarmatian epoch]. Kiev, 39–48.
- Minchev, A. 1988: Antichno steklo ot Zapadnoto Chernomorie (I–VI v.). Chashi [Ancient Glass from Western Black Sea Region (1st–4th century AD). Bowls]. *Izvestiya na Narodniya muzei Varna* [Proceedings of the National Museum Varna] 24, 35–51.
- Molev, E.A. 2004: Fragmenty steklyannykh sosudov iz raskopok Kiteya [Fragments of Glass Vessels from the Excavations in Kytaiion]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] V, 405–421.
- Myts, V.L., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 2007: Pozdneantichnoe svyatilishche u s. Dachnoe (byvsh. Taraktash) [A late antique sanctuary near Dachnoe (former Taraktash) village]. In: V.L. Myts (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1995 god* [Archaeological Researches in Crimea. 1995]. Simferopol, 102–110.

- Nessel, V.A. 2003: Krasnolakovaya keramika iz mogil'nika Kilen-Balka [Red slip ceramic ware from the cemetery of Kilen-Balka]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection] XII, 107–123.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym: II v. do n.e. – II v.n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo* [The Mountain Crimea in the 2nd century BC – 2nd century AD. Basing on materials of excavations of the sanctuary near Gurzuf Saddle Pass]. Simferopol.
- Oliver, A. 1968: Millefiori Glass in Classical Antiquity. *JGS* X, 48–70.
- Pánczál, S., Dobos, A. 2007: Facet cut Glass Vessels of the Late 3rd to 5th century AD. Analysis of Finds from North Danubian Romania. In: C. Cosma (ed.), *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD. Cultural artefacts and local identities*. Cluj-Napoca, 67–97.
- Penn, T.M. 2018: Post-AD 79 Roman Glass from Campania: the assemblage from the villa baths at Masseria De Carolis (Pollena-Trocchia). A preliminary Report. *Rivista di Studi Pompeiani* XXIX, 220–224.
- Peters, B.G., Chukhina, E.V. 1994: Steklyannye izdeliya iz raskopok Patreya 1985–1989 gg. [Glass Artifacts Found During the Excavations of Patreos in 1985–89]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 171–175.
- Petrauskas, O.V. 2016: Sklyani posudyny tipu Eggers/230 v chernyakhivs'kiy kul'turi: khronologichnyy aspekt [Glass Vessels of Eggers/230 type in the Chernyakhov culture: chronological aspect]. In: O.V. Petrauskas, O.V. Gopkalo, S.A. Gorbanenko (eds.), *Chernyakhivs'ka kul'tura* [The Chernyakhov culture] (Oium 5). Kiev, 89–106.
- Puklina, O. 2016: Steklyannye polikhromnye sosudy iz Ol'vii [Glass polychrome vessels from Olbia]. *Eminak* [Eminak] 4, 164–168.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skiftiya II v. do n.e. – III v.n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Burials]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma necropolis in 2008–2014]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaitsev, Yu.P., Nenevolva, I.I. 2001: Novye pamyatniki III–IV v. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu [New monuments of the 3rd–4th centuries AD the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria] VIII, 32–50.
- Rafalovich, I.A. 1986: *Dancheny. Mogil'nik Chernyakhovskoi kul'tury III–IV vv.n.e.* [Dănceni. The Necropolis of the Chernyakhov culture of the 3rd–4th centuries AD]. Kishinev.
- Rau, G. 1972: Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. Nachchristlichen Jachrundertsim Oder-Weichel-Raum. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 3, 109–196.
- Rau, G. 2008: Spätantike Facettschloßgläser in Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 40, 221–240.
- Rogov, E.Ya. 2011: *Nekropol' Panskoe I v Severo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of Panskoe I in the North-Western Crimea]. Simferopol. (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria). Suppl. 10).
- Rumyantseva, O.S. 2014: Steklyannye sosudy so shlifovannym dekorom i khronologiya poseleniya Komarov [Facet cut glass vessels from the Komarov settlement (Middle Dniester) and the chronology of the site]. In: A.M. Oblomskiy (ed.), *Problemy vzaimodeistviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Interaction Issues of the Eastern Europe Population during the Great Migration]. Moscow, 401–434. (Rannoslavianskiy mir [Early Slavonic World] 15).
- Saldern, A. 2004: *Antikes Glas*. München.
- Šaranović-Svetek, V. 1986: *Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije*. Novi Sad.

- Shabanov, S. 2011: Glass Beakers with Polished Ovals from the Late Roman Period in the Crimea. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand–Simferopol, 209–216. (Cultural-Historical Reports 10).
- Shabanov, S.B. 2011: Steklyannye sosudy iz mogil'nika Neizats (po materialam raskopok 1996–2011 gg.) [Glass Vessels from Neizats Necropolis (on the Materials of Excavations in 1996–2011)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria] XVII, 141–191.
- Shabanov, S.B. 2013a: Steklyannye sosudy iz raskopok Bulganakskogo gorodishcha v Krymu [The Glass Vessels from the settlement Bulganakskoe excavated in the Crimea]. *Gileya* [Gileya] 69, 334–339.
- Shabanov, S.B. 2013b: Steklyannye sosudy iz raskopok Inkermanskogo i Chernorechenskogo mogil'nikov (iz kolleksii Bakhchisaraiskogo zapovednika) [Glass Vessels Excavated in Inkerman and Chyornaya River cemeteries (now in the collection of the Bakhchisaray preserve)]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. I. Simferopol, 155–170.
- Shabanov, S.B. 2014: Steklyannye sosudy rimskogo vremeni iz sobraniya Muzeya drevnostey pri Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Roman glass vessels from the collection on the Museum of Antiquities in the Tauris Scientific Archive Commission]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] XXX, 411–434.
- Shabanov, S.B. 2015: *Rimskoe steklo. Steklyannye sosudy iz sobraniya Tsentral'nogo muzeya Tavridy* [Roman Glass. Glass Vessels from the collection of the Central Museum of Taurida]. Simferopol.
- Shabanov, S.B. 2018: Dva steklyannykh sosuda iz kompleksa pozdnerimskogo vremeni mogil'nika Opushki v predgornom Krymu [Two Glass Vessels from an Assemblage from the Late Roman Period in Opushki Cemetery in the Foothill Crimea]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. III. Simferopol, 170–177.
- Sharov, O.V. 1992: Khronologiya mogil'nikov Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny i problema datirovki chernyakhovskoy keramiki [Chronology of cemeteries Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny and problem of dating Chernyakhov pottery]. In: M.B. Shchukin, O.A. Gey (eds.), *Problemy khronologii epokhi Latena i Rimskogo vremeni* [Problems of chronology of La Tene epoch and Roman time]. Saint Petersburg, 158–207.
- Sharov, O.V. 2016: Khronologiya kul'tovykh kompleksov Taraktash v Vostochnom Krymu [Chronology of Taraktash cult complexes in eastern Crimea]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] XXXII, 61–85.
- Shchukin, M.B., Shcherbakova, T.A. 1986: K khronologii mogil'nika Dancheny [Chronology of the cemetery of Dānceni]. In: *Rafalovich I.A. Dancheny. Mogil'nik chernyakhovskoi kul'tury III–IV vv.n.e.* [Rafalovich I.A. Dānceni. The Necropolis of the Chernyakhov culture of the 3rd – 4th centuries AD]. Kishinev, 177–212.
- Shevchenko, N.F. 2004: Materialy issledovaniya nekropolya Gorgippii v 2003 g. [Materials of researches of the Necropolis of Gorgippia in 2003]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches on Archaeology of the Kuban Region] 4, 186–211.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import for the Sarmatians of North Pontic Region]. Saint Petersburg.
- Sorokina, N.P. 1962: Steklo iz raskopok Pantikapeya 1945–1959 gg. In: V.D. Blavatskiy (ed.), *Pantikapey* [Pantikapaion]. Moscow, 210–236. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 103).
- Sorokina, N.P. 1977: Antichnye steklyannye sosudy iz raskopok nekropolya bosporskogo goroda Kepy na Tamanskom poluostrove [Ancient Glass Vessels from the Excavations of Bospor-

- an city of Kepoi in the Taman Peninsula]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquities and Middle Ages] 3, 115–144.
- Sorokina, N.P. 1979: Steklyannye sosudy IV–V vv. i khronologiya tsebel'dinskikh mogil'nikov [Glass Vessels of the 4th–5th centuries AD and the chronology of the Tsebel'da Burial-Grounds]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 158, 57–67.
- Straume, E. 1987: *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropol'nykh «Sovkhoz no. 10») [The Population of the Countryside of Chersonesos in the first half of the 1st millennium AD (after the materials of the Necropolis “Sovkhoz no. 10”)]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropol'nykh Neapolya Skifskogo)* [The population of the capital of the Late Scythian Kingdom (according to the materials from the eastern cemetery of Scythian Neapolis)]. Kiev.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2001–2002: Issledovaniya pozdneantichnogo nekropol'nykh u s. Kurskoe v Yugo-Vostochnom Krymu [A study of a late antique Necropolis near Kurskoe village in the Southeastern Crimea]. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Ushakov, S.V., Filippenko, A.A. 2008: Keramicheskiy kompleks mogil'nykh Karshi-Bair v Yugo-Zapadnom Krymu [Ceramic complex from the Necropolis of Karshi-Bair in the South-western Crimea]. In: E.B. Petrova (ed.), *Khersonesskiy kolokol* [Chersonesos Bell]. Simferopol, 286–296.
- Veymar, Je.V. 1963: Arkheologicheskiye roboty v rayoni Inkermana [Archaeological works in the Inkerman area]. In: A.T. Braychev'ska (ed.), *Arkheologicheskiye pam'yatniki URSS* [Archaeological sites of the Ukrainian SSR] XIII, 15–42.
- Vinokurov, N.I. 2014: *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. Materialy raskopok 1999–2007* [Necropolis of the ancient Artezian settlement in the Crimean Azov Region. Materials of Excavations 1999–2007]. Simferopol–Kerch. (Bosporos Studies. Suppl. 12)
- Vinokurov, N.I., Treyster, M.Yu. 2019: Fragmenty sosudov mozaichnogo stekla iz raskopok tsitadeli gorodishcha Artezian [Fragments of Mosaic Glass Vessels from the Excavations of the Citadel of Artezian Fortified Site]. In: A.D. Vasilev (ed.), *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskiye svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the East. Conference proceedings]. Vol. 1. Moscow, 56–60.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust-Alma Settlement and Necropolis]. Kiev.
- Weinberg, G.D., Goldstein, S.M. 1988: *Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*. Columbia.
- Weinberg, G.D., Stern, E.M. 2009: *Vessels Glass. The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens XXXIV*. New Jersey.
- Yatsenko, E.G. 2008: Steklyannye sosudy I–serediny II vv.n.e. iz raskopok gorodishcha Tanaisa [Glass vessels from the 1st – mid-2nd century AD from Tanais]. *Novensia* [Novensia] 18–19, 365–380.
- Yurochkin, V.Yu., Trufanov, A.A. 2003: Pozdneantichnyy pogrebal'nyy kompleks v nizov'yakh reki Kachi [A late Antique burial complex in the lower reaches of the Kachi River]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection] XII, 199–225.

- Zasetskaya, I.P. 2005: *Khronologiya kolboobraznykh sosudov iz Bosporskogo nekropolya pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo periodov* [Chronology of glass flask-shaped vessels from the Bosphorus necropolis of the Late Antique and Early Medieval periods]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] X, 90–131.
- Zaytsev, Yu.P. 1997: *Okhrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh* [Rescue Archaeology in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisarai Districts]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994* [Archaeological Researches in Crimea. Year 1994]. Simferopol, 102–116.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v.n.e.)* [Scythian Neapolis (the 2nd century BC – 3rd century AD)]. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003a: “Nogaychinskiy” kurgan v stepnom Krymu [The “Nogaichinsky” Barrow in the Steppe-Land Crimea]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 3, 61–99.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003b: *Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g.* [Research of the cemetery near the village of Suvorovo in 2001]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria] X, 57–77.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv.n.e.* [Terra Sigillata of the South-Western Crimea in the 1st–3rd centuries AD]. Simferopol. (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tavria. Suppl. 9).
- Zhuravlev, D.V., Zubar, V.M., Sorochan, S.B. 2004: *O torgovle Khersonesa Tavricheskogo v seredine I – pervoy polovine III vv.n.e.* [Trade of Tauric Chersonesos in the mid-1st – the first half of the 3rd century AD]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] VII, 183–207.
- Zubar, V.M. 1982: *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv.n.e.* [Necropolis of Tauric Chersonesos of the 1st–4th centuries AD]. Kiev.

GLASS VESSELS FROM THE ROMAN PERIOD IN OPUSHKI NECROPOLIS, THE CRIMEA (EXCAVATIONS IN 2003–2019)

Stanislav B. Shabanov

Non-Profitable Foundation “Heritage of Millennia”, Simferopol, Russia
neizats2004@mail.ru

Abstract. The Necropolis of Opushki is located about 15 km east of Simferopol, in the centre of Crimean foothill area. Its excavations have been being conducted, with intervals, from 2003. During this period, 281 graves of different types have been uncovered (vaults, shaft-and-chambers graves, slabbed graves, underground graves and stone box). Judging by excavated sites the Nec was in continuous use from the 1st century BC to the 4th century AD. Among the researched burial constructions there are vaults typical for the Late Scythian period, burials attributed to middle and Late Sarmatian cultures, vaults the construction of which indicates to appearance of ancestors of the Alans from the Northern Caucasus, cremation of German tradition. During the research of Opushki (in 2003–2019) 22 glass vessels were found. Among them, there beakers, balsamaria, bowls, flask, jug. They were discovered in vaults, underground and shaft-and-chambers graves. In Opushki Necropolis vessels of Syro-Palestine, Egyptian, and, probably, of the Northern Black Sea manufacture were found. In cemetery was found vessels made in technique of «millefiori» and the core-formed technique. In the 1st century BC – 1st century AD this techniques of glassware manufacturing were used to imitate vessels made of precious stones.

Basing on the results of studying glass houseware, it became possible to reveal the vessels which came to the population of Crimean foothill as a result of their contacts with tribes' bearers of the German culture. Many glass vessels found in complexes dating to the 1th – 4th centuries AD have many analogies in synchronous monuments of foothill and mountainous Crimea.

Keywords: Classical archaeology, glass vessels, Crimea, Roman period, Necropolis of Opushki

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-135–150

РИМСКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МАЛЫХ» РИМСКИХ ИСТОРИКОВ IV ВЕКА

Д.В. Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
dima75ru@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить начальный этап военного конфликта Римской империи и Новоперидского царства с точки зрения представителей так называемой «малой» языческой историографии IV века. Анализируются исторические сочинения Евтропия, Руфа Феста, Секста Аврелия Виктора, автора «Эпитом из Цезарей». Их труды подвели своеобразный итог римской традиции исторической мысли, демонстрируя способ краткой и емкой характеристики исторических событий. Сюжеты, которые наиболее интересовали читателей их произведений, касались преимущественно войн, правителей и армии. Поэтому наиболее острой проблемой историографии того времени была проблема внешней политики Рима, особенно на восточном ее направлении. В брeвиариях Феста и Евтропия и в биографиях Аврелия Виктора и автора «Эпитом из Цезарей» историческая канва данного конфликта изложена максимально последовательно, и о некоторых событиях мы узнаем только из текстов этих произведений. Специфика данной исторической литературы заключалась в ее историко-дидактической направленности. Брeвиарии и биографии были задуманы как своеобразное наставление для римских императоров, призванные продемонстрировать на исторических примерах прошлого, как следует поступать правителям в своей деятельности. Историки показали прием краткой и емкой характеристики исторических событий, в основном политических, и дали морально-этическую оценку главным действующим лицам римской истории. Все авторы писали о римско-персидских войнах III–IV вв. с ярко выраженной национальной гордостью и исходили из идеи абсолютной уверенности в главенстве Рима над всем миром. Причины, по которым Рим захватывает все новые и новые области и государства, не требуют какого-либо подробного объяснения—это просто способ его существования и выживания среди других народов.

Ключевые слова: Римская империя, Персия, Евтропий, Руф Фест, Секст Аврелий Виктор, «малая» римская историография

Римская историография конца III—начала V вв. н.э. — это в значительной мере литература «малых» форм; компендиев, эпитом и кратких морализаторских биографий. Такое обстоятельство подчас служит в пользу широко распространенного мнения о вторичности этой литературы и ее зависимости от своей источниковой

Данные об авторе: Кареев Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, декан социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета.

базы, следствием чего является тезис об отсутствии у римских историков того времени оригинальной исторической концепции и своего собственного видения истории. «Жалкими эпитомами» назвал произведения позднеримских историков английский исследователь Рональд Сайм¹. «Новый правящий класс Римской империи после социального и политического кризиса III в. н.э. определенно испытывал трудности в области знаний о прошлом римской истории», – утверждает Арналдо Момильяно². Компенсировать эти недостатки были призваны всевозможные компендиумы и эпитомы, столь широко распространившиеся в эпоху Поздней Империи, где информация была предельно сжатой и неглубокой, что полностью отвечало духу того времени. В условиях кризиса III–IV вв. верховная власть зачастую переходила к узурпаторам. При таких условиях не складывалось никакой традиции, невозможна была никакая преемственность между монархами. Вполне понятно было желание новых правителей узнать прошлое государства, чтобы использовать исторический опыт для сохранения доставшегося им высокого положения. Читать древних авторов они не умели. Поэтому и нужны были какие-то пособия, предельно краткие и выразительные³.

Современная историография, как отечественная, так и зарубежная, рассматривает всю позднеримскую литературу исключительно в рамках двух жанров: сжатый компендий, бревиарий, направленный на освещение всей истории Римского государства, и занимательная биография. При этом факты, излагаемые в бревиариях, анализировались только лишь с точки зрения реальных исторических событий истории Рима или в сравнении с другими «малыми» римскими историками. Вопрос об особенностях восприятия римской истории самими писателями, как правило, остается вне поля зрения научного анализа. Когда же исследователи в силу тех или иных обстоятельств не могут избежать ответа на этот вопрос, то они обычно ограничиваются или констатацией полной зависимости историка от своей источниковой базы или ссылаются на выполнение им некоего политического заказа⁴. «Политическим» заказом объясняется и потребность в бревиариях. Так, П. Шмидт видит значение бревиариев, главным образом, в том, что они давали простую и неглубокую информацию с ярко выраженной дидактической функцией⁵. При этом их главное назначение заключалось в том, что наряду с элементарными фактами из прошлого Рима, они давали необходимые знания и из области латинского языка и грамматики, столь необходимые для варваризирующейся правящей верхушки римского общества. Сюжеты, которые наиболее интересовали читателей, касались преимущественно войн, правителей и армии. Персонажи общественной или частной жизни упоминаются лишь кратких упоминаний, так же как и социальные и экономические феномены. Наиболее игнорируемыми в произведениях «малых» римских историков были вопросы о литературе и духовной жизни. По мнению В. Дэн Боера, приток во власть большого числа неграмотных и несведущих в области римской истории и культуры людей, главным образом военных, послужил причиной появления большого количества

¹ Syme 1968, 144.

² Momigliano 1977, 112.

³ Дуров 1993, 119.; Кареев 2004, 6.

⁴ Bird 1987, 139–151.; Bird 1975, 49–54; Кареев 1999, 30–42; 2004, 3–6; 2009, 21–25.

⁵ Schmidt 1988, 92–93.

«учебной» литературы – брeвиариев и занимательных биографий⁶. Попутно нидерландский ученый замечает, что в брeвиариях IV в. н.э. была чрезвычайно сильна пропагандистская и дидактическая традиция. Патриотическую тенденцию в позднеримской исторической литературе констатирует и Х. Бёрд, считающий ее неизбежной в эпоху дезинтеграции Римской империи⁷.

Поэтому наиболее острой проблемой затрагиваемой в произведениях «малой» римской историографии была проблема внешней политики Рима. Практически во всех брeвиариях и биографиях присутствуют сюжеты, связанные с войнами, как захватническими, так и гражданскими. Однако наиболее актуальным внешнеполитическим вопросом того времени был вопрос о взаимоотношениях Рима и Новоперсидского царства династии Сасанидов. Насколько это возможно, максимально подробно он рассмотрен в сверхкратком «Брeвиарии деяний римского народа» («*Breviarium gestarum populi romani*») Руфа Феста, а также в «Брeвиарии от основания Города» («*Breviarium ab Urbe condita*») Евтропия, в сочинении «О Цезарях» («*De Caesaribus*») Аврелия Виктора и в меньшей степени у безымянного автора «Эпитом из Цезарей» («*Epitome de Caesaribus*»). Необходимо отметить, что и в сжатых брeвиариях Феста и Евтропия и в кратких биографиях Аврелия Виктора и в «Эпитамах из Цезарей» историческая канва данного конфликта изложена максимально последовательно, и о некоторых событиях мы узнаем только из текстов этих произведений.

События, относящиеся к римско-персидским войнам III–IV века, и зафиксированные в произведениях «малой» римской историографии следующие:

- персидский поход императора Александра Севера 231–232 гг. (Fest., 22. 1; Eutr., VIII. 23; Aur. Vic. XXIV. 2);
- персидский поход императора Гордиана III 244 г. и его гибель (Fest. 22. 2; Eutr. IX. 2. 2–3; Aur. Vic. XXVII. 7; Epit. Caes. XXVII. 1–2);
- персидский поход императора Валериана 260 г., его пленение и гибель (Fest. 23. 1; Eutr. IX. 7; Aur. Vic. XXXII. 5; Epit. Caes. XXXII. 5–6);
- захват персами Месопотамии и победы Септимия Одената 262–266 гг. (Fest. 23. 2; Eutr. IX. 10);
- правление Зеновии и поход против нее императора Аврелиана 272–274 гг. (Fest. 24. 1; Eutr. IX. 13. 2; Aur. Vic. XXV. 1–2);
- персидский поход императора Кара 283 г. и его внезапная смерть (Fest. 24. 2; Eutr. IX. 18. 1; Aur. Vic. XXXVIII. 1–3; Epit. Caes. XXXVIII. 3);
- персидская кампания Диоклетиана и Максимиана Галерия 296–298 гг. (Fest. 25. 1; Eutr. IX. 22. 1; Aur. Vic. XXXIX. 22);
- первое неудачное сражение Максимиана Галерия с Нарсе (Fest. 25. 1; Eutr. IX. 24; Aur. Vic. XXXIX. 33–34);
- победа и триумф Максимиана Галерия над Нарсе (Fest. 25. 2–3; Eutr. IX. 25. 1; Aur. Vic. XXXIX. 34–35);
- мирный договор между Диоклетианом и Нарсе 298 г. (Fest. 14. 5, 25. 2; Aur. Vic. XXXIX. 36–37);
- победа римлян при Нарасапе (?) и убийство Нарсе, брата Шапура II 336 г. (Fest. 27. 2);

⁶ Boer 1972, 137–141.

⁷ Bird 1976, 150–151; 1987, 92–93.

- подготовка Константином Великим персидского похода 337 г. (Fest. 26. 1–2; Eutr. X. 8. 2; Aur. Vic. XLI. 15);
- «ночное» сражении императора Констанция II у Элии или Гилеи близ крепости Сингара 344 г. (Fest. 27. 3–4; Eutr. X. 10. 1);
- три осады Нисибиса персами 337/338 г., 346 г., 350 г. (Fest. 27. 2);
- персидский поход императора Юлиана 363 г. (Fest. 28. 1–2; Eutr. X. 16. 1; Epit Caes. XLIII. 1);
- гибель императора Юлиана (Fest. 28. 3; Eutr. X. 16. 2; Epit Caes. XLIII. 2–4);
- мирный договор императора Иовиана с персами 363 г. (Fest. 29. 1–2; Eutr. X. 17. 1–2).

Рассмотрим более подробно каждое из них. Создается впечатление, что все вышеперечисленные римские историки словно бы не заметили того политического переворота, который произошел в Парфии в начале III в., приведшего к разгрому правящей парфянской династии Аршакидов Ардаширом, и установлению новой персидской династии Сасанидов. Повествование о событиях на востоке Римской империи, связанных с многовековым конфликтом с парфянами никак не прерывается, чтобы зафиксировать приход к власти новой династии и создание нового государства. Неудивительно, что во всех произведениях наблюдается постоянная путаница парфян с персами. Более всего здесь точен Руф Фест. В его Бревиарии в соответствующих местах почти всегда упоминаются персы (21 упоминание), и только три раза персы спутаны с парфянами (14. 4; 22. 2; 28. 1), а один раз упоминаются даже вавилоняне (15. 1). Иная картина в Бревиарии Евтропия. В его историческом труде персы чаще всего смешиваются с парфянами (персы – 10 упоминаний, парфяне – 7 упоминаний). У Секста Аврелия Виктора персы упомянуты 9 раз, парфяне – 2 раза. У автора «Эпитом из Цезарей» – 3 упоминания персов и 1 раз упомянуты парфяне.

Событие, с которого единодушно почти все авторы начинают свое повествование о конфликте Рима и Новоперсидского царства – это военная кампания императора Александра Севера 231–232 гг. против шаханшаха Ардашира I. В отличие от современника тех событий Геродиана (Herod. III. 9. 1–12), Руф Фест (22. 1), Евтропий (VIII. 23) и Секст Аврелий Виктор (XXIV. 2) описывают этот поход как исключительно благоприятный для Рима, подчас используя одну и ту же лексику и допуская одни и те же ошибки:

Руф Фест	Евтропий	Секст Аврелий Виктор
Aurelius Alexander, quasi fato quodam in exitium Persicae gentis natus, iuvenis admodum Romani gubernacula suscepit imperii. Ipse Persarum regem nobilissimum Xerxem gloriose vicit. De Persis Romae pompa spectabili triumphavit.	Successit huic Aurelius Alexander, ab exercitu Caesar, a senatu Augustus nominatus, iuvenis admodum, susceptoque adversus Persas bello Xerxen eorum regem gloriosissime vicit.	Qui quamquam adolescens, ingenio supra aevum tamen confestim apparatu magno bellum adversum Xerxem, Persarum regem, movet.

У всех историков, видимо в пропагандистских целях и для преувеличения победы Александра Севера над персами, Ардашир везде назван Ксерксом, а у рим-

ского императора особо подчеркивается его молодость («iuvenis admodum» у Евтропия и Руфа Феста и «quamquam adolescens, ingenio supra» у Аврелия Виктора). Подробности этого похода отсутствуют, за исключением упоминания триумфа над персами у Руфа Феста (22. 1).

Следующим событием стал поход императора Гордиана III 243–244 гг. против Шапура I. Причиной этой войны с персами, с точки зрения Руфа Феста, стала молодость и самоуверенность принцепса («eius ex iuventutis fiducia» 22. 2), а также факт готовящегося вторжения со стороны самого Шапура I («rebellantes Parthi» у Руфа Феста (22. 2), «Parthis bellum intulit» у Евтропия (IX. 2. 2)). По мнению, Руфа Феста (22. 2) и Евтропия (IX. 2. 2), противник был разгромлен в грандиозных сражениях («ingentibus proeliis» и «proeliisque ingentibus» соответственно)⁸. Евтропий (IX. 2. 2) и Аврелий Виктор (XXVII. 7) отмечают, что Гордиан перед тем как отправиться на восток открыл ворота храма Януса Двуликого.

Здесь в двух случаях персы спутаны с парфянами (Fest. 22. 2, Eutr. IX. 2. 2), в одном случае они обозначены правильно (Aur. Vic. XXVII. 7) и один раз только подразумеваются, но никак не обозначаются (Ept. Caes. XXVII. 1–2). Подробности этого похода также отсутствуют.

Абсолютно все историки описывают эту войну в восторженных тонах, заявляя о безоговорочной победе Гордиана. Однако обстоятельства гибели римского императора несколько различаются. Так, Руф Фест (22. 2), Евтропий (IX. 2. 3) и Аврелий Виктор (XXVII. 7) говорят о коварном убийстве Гордиана будущим императором Филиппом Арабом, и только безымянный автор Эпитом (XXVII. 2) упоминает еще и некое восстание солдат, возглавленное Филиппом («Apud Ctesiphontem a Philippo praefecto praetorio accensis in seditionem militibus occiditur anno vitae undevicesimo»). Место гибели римского императора также описано с небольшими вариациями. Так, согласно Фесту, Гордиан был убит при возвращении из Персиды («isque de Perside rediens victor»), Евтропий считает, что это произошло «недалеко от римской границы» («rediens haud longe a Romanis finibus interfectus est»), по мнению Аврелия Виктора убийство произошло «в походе» («Ibi gesto insigniter bello Marci Philippi praefecti praetorio insidiis periit sexennio imperii»). И вновь только автор Эпитом (XXVII. 3) более точен в географической локализации этого события и дополнительно называет еще Ктесифон («Apud Ctesiphontem a Philippo praefecto praetorio accensis in seditionem militibus occiditur anno vitae undevicesimo»), а также место похорон императора—«на границе римской и персидской империй; место это называется «Могила Гордиана» («fines Romani Persicique imperii positum nomen loco dedit Sepulcrum Gordiani»)⁹.

Политический кризис середины и второй половины III в. в Римской империи, т. е. эпоха правления т. н. «солдатских императоров» способствовали только обострению проблемы римско-персидских отношений, следствием чего стали неудачи Рима во внешней политике и территориальные потери. Отправной точкой стал разгром царем Шапуром I римского войска под командованием императора Валериана в 260 г. и пленение последнего, о чем в негативных тонах пишут все историки. Шапур I царствовал с 241 по 272 гг., и приходился сыном Ардаширу I,

⁸ Мирзоев 2016, 83.

⁹ Похожая информация содержится у авторов «Жизнеописаний Августов»: «У Цирцезийского укрепления в Персии войны устроили Гордиану могилу... с надписью...» (SHA. Gord. XXXIV. 2).

основателю державы Сасанидов. При Филиппе Арабе с ним был заключен мир, однако с 253 г. война была возобновлена, персы перешли Евфрат и вторглись в Сирию. Валериан в 258 г. выехал к восточным границам Империи, где добился некоторых успехов¹⁰. Однако весной 260 г. он проиграл сражение у Эдессы и попал в плен к персам¹¹. Это был первый и единственный случай в римской истории, когда император, потомок древнейшего римского рода, стал рабом варварского царя.

У Руфа Феста (23. 1) и Евтропия (IX. 7) отсутствуют подробности пленения и гибели Валериана. Сообщается только, что он в Месопотамии завязал сражение с царем «Сапором», был им побежден, захвачен в плен и состарился в неволе.

Руф Фест	Евтропий
In Mesopotamia adversus Persas congressus, a Sapore, Persarum Rege, superatus est: et captus in dedecore servitutis consenuit.	Valerianus in Mesopotamia bellum gerens a Sapore, Persarum rege, superatus est, mox etiam captus apud Parthos ignobili servitute consenuit.

Автор Эпитом более подробен в описании. Не называя персидского царя по имени, он пишет, что Валериан в Месопотамии также, был побежден и вскоре захвачен в плен (XXXII. 5), но при этом подробно рассказывает обстоятельства этого плена («Он состарился в позорном плену у парфян. В самом деле, до конца его дней царь той области, садясь на коня, всегда ставил ногу на его голову, заставляя его сгибать перед ним спину»; XXXII. 6).

У Аврелия Виктора описание похода и гибели Валериана наиболее отличается от описания других историков (XXXII. 5). Очередную войну с персами он характеризует как «затяжную и неудачную» («bellum per Mesopotamiam anceps diuturnumque instruit»), однако считает, что Валериан «попал в засаду, устроенную персидским царем по имени Сапор, и позорно погиб от множества ран в цветущем еще возрасте на шестом году правления» (XXXII. 5).

Вновь историки путают персов с парфянами. Так Евтропий (IX. 7) называет «Сапора» «царем персов», а дальше пишет, что император был «захвачен в плен парфянами». Ту же ошибку допускает и безымянный автор Эпитом (XXXII. 6), совпадая буквально в используемой лексике с текстом «Бревиария» Евтропия.

Евтропий	Эпитома «Из Цезарей»
Valerianus in Mesopotamia bellum gerens a Sapore, Persarum rege, superatus est, mox etiam captus apud Parthos ignobili servitute consenuit.	Valerianus vero in Mesopotamia bellum gerens, a Sapore Persarum rege superatus, mox etiam captus, apud Parthos ignobili servitute consenuit.

Последовавшие вслед за этим события только углубили внешнеполитический кризис, в котором оказалась Римская империя. Время самостоятельного правления Галлиена (260–268) стало временем правления т. н. «30 тиранов». В разных частях Империи римские легионы стали провозглашать императорами своих командующих, которые полновластно правили в провинциях и не подчинялись

¹⁰ Мирзоев 2016, 116–117.

¹¹ Мирзоев 2016, 120–128; Циркин 2015, 203–205.

Риму. Так император Галлиен вынужден был фактически признать независимость восточных провинций и захват Месопотамии Персией. Об этом факте сообщает только Руф Фест (23. 2), говоря, что «в правление Галлиена, персы, напав на Месопотамию, также начали заявлять свои претензии на Сирию, что было названо едва ли не постыдным...», и вскользь упоминает Аврелий Виктор («Месопотамию заняли парфяне»; XXXIII. 3).

Создавшееся положение дел попытался исправить Септимий Оденат, принадлежавший к одному из влиятельнейших родов Пальмиры, и с 258 г. носивший титул царя Пальмиры¹². Руф Фест (23. 2) называет его декурионом Пальмиры («*Odenathus, decurio Palmyrenus*») и мстителем за римлян («*quod mirum est dictum*»). И Фестом (23. 2) и Евтропием (IX. 10) особо подчеркивается тот факт, что Оденат восстановил границы Римской империи в Сирии «собрав под свою власть дикие племена» («*collecta Syrorum agrestium manu*»; Fest. 23. 2) и дошел вплоть до Ктесифона. Оденат добился важной для римлян победы над войсками Шапура I, отвоевал многие крепости в Месопотамии, вернул Риму города Нисибис и Карры. После этого Галлиен даровал ему титул «вождя Востока» и командование всеми восточными легионами¹³.

Успешные для римлян действия на восточном направлении были продолжены в 272–274 гг. Аврелианом, лишившим самостоятельности Пальмирское царство, которым управляла вдова Одената Зеновия (Fest. 24. 1; Eutr. IX. 13. 2). После убийства Одената в 267 г. она правила Пальмирой вплоть до 272 г. вместо своего малолетнего сына Вабаллата, официально признанного императором Галлиеном. Аврелий Виктор (XXXV. 1) считает, что это вообще была война против персов («*in Persas progressus est*»). Решающее сражение произошло «у Иммы, недалеке от Антиохии» (Fest. 24. 1), где Зеновия была захвачена в плен и проведена в триумфальном шествии Аврелиана в Риме перед его колесницей (Fest. 24. 1; Eutr. IX. 13. 2).

Закреплению успехов на Востоке способствовали и действия против персов императора Кара, захватившего «знаменитейшие города» Кокен и Ктесифон в 283 г. (Fest. 24. 2; Eutr. IX. 18. 1; Aur. Vic. XXXVIII. 1–3). Фест (24. 2) считает, что эта победа «считалась [полученной] свыше по воле богов» («*Cari imperatoris victoria de Persis nimium audax superno numini visa*»). Причина войны, по мнению Евтропия (IX. 18. 1), заключалась в некоем бунте, который произошел в Персии¹⁴, что стало удобным поводом для развязывания очередной военной кампании («*nuntiatio Persarum tumultu ad Orientem profectus res contra Persas nobiles gessit*»). Аврелий Виктор (XXXVIII. 1–3) причиной войны называет постоянные набеги персов на Месопотамию («*Numeriani comitatu in Mesopotamiam pergit protinus, quod ea Persarum quasi sollemni bello subest*»).

Все историки сходятся в одном, что император погиб от удара молнии.

¹² Циркин 2015, 339–340.

¹³ Мирзоев 2016, 149.

¹⁴ Мирзоев 2016, 314–315.

Руф Фест	Евтропий	Секст Аврелий Виктор	Эпитама «Из Цезарей»
Cum victor totius gentis castra supra Tigridem haberet, fulminis ictu interiit.	Et cum castra super Tigridem haberet, vi divini fulminis periit.	Ubi fuis hostibus, dum gloriae inconsulte avidior Thesiphonta urbem Parthiae inclitam transgreditur, fulminis tactu conflagravit.	Hic apud Ctesiphonta ictu fulminis interiit.

Единственное небольшое отличие в оценке событий содержится в тексте у Аврелия Виктора, считающего, что император Кар опрометчиво погнался за славой, захватив Ктесифон (XXXVIII. 3).

Однако подлинный успех у римлян был достигнут в правление Диоклетиана и его преемников, когда начался новый виток противостояния с персами.

Руф Фест (25. 1), Евтропий (IX. 24) и Аврелий Виктор (XXXIX. 34) пишут о первом неудачном для римлян столкновении с персами, произошедшем в конце 297 г. в Малой Армении у Аракса, в котором римскими войсками командовал Максимиан Галерий¹⁵. Евтропий (IX. 24) единственный кто локализует место битвы, говоря, что она произошла «между Каллиником и Каррами» («inter Callinicum Cargasque») и единственный кто оправдывает действия императора, который «проиграл более по необдуманности, чем по малодушию; ибо он завязал [сражение] с малым отрядом против многочисленнейшего врага» («cum inconsulte magis quam ignave dimicasset; admodum enim parva manu cum copiosissimo hoste commisit»).

Только у Феста (25. 1) и Евтропия (IX. 24) встречается эпизод с «унижением» Максимиана Галерия императором Диоклетианом после проигранного сражения, когда Максимиан был вынужден бежать за его носилками несколько миль¹⁶.

Руф Фест	Евтропий
Hic tanta indignatione a Diocletiano exceptus est, ut ante carpentum eius per aliquot millia passuum cucurrerit purpuratus.	Pulsus igitur et ad Diocletianum profectus, cum ei in itinere occurrisset, tanta insolentia a Diocletiano fertur exceptus, ut per aliquot passuum milia purpuratus tradatur ad vehiculum cucurrisset.

У всех трех историков присутствует описание битвы 298 г. Максимиана Галерия против Нарсе у города Нисибиса, которой дается самая положительная оценка. Руф Фест (25. 2) и Евтропий (IX. 25. 1) говорят, что сражение произошло в Великой Армении («in Armenia maiore»); напротив Аврелий Виктор (XXXIX. 34) считает, что Максимиан «пошел на врагов через Армению» («per Armeniam in hostes contendit»). Авторы бревиариев достаточно подробно излагают и ход этого сражения. Предварительно Максимиан по версии Феста (25. 2), получил «пограничные войска из Дакии» («limitaneis Daciae exercitu»), согласно Евтропию (IX. 25. 1) он собрал «войска в Иллирии и Мезии» («per Illyricum Moesiāque contractis copiis rursus»). Битве предшествовала разведка императора с двумя (Fest.

¹⁵ Ensslin 1940, 669–671.

¹⁶ Schwartz 1971, 157–163; Seston 1940, 515–519.

25. 2) или с двумя или тремя всадниками (Eutr. IX. 25. 1). Количество римских войск составляло двадцать пять тысяч против «неисчислимого полчища персов» («innumera Persarum» Fest. 25. 2). В результате персы были разбиты, сам Нарсе бежал в «отдаленные и необитаемые окраины своего царства» («ipsum in ultimas regni solitudines egit» Eutr. IX. 25. 1), а его жены, дочери и приближенные взяты в плен (Fest. 25. 3; Eutr. IX. 25. 1; Aur. Vic. XXXIX. 35). В 298 году был подписан мирный договор между Римской империей и Персией о котором достаточно подробно пишет Руф Фест. Этот договор упоминается в двух местах его Бревиария. В первом случае он пишет об общем состоянии дел в Месопотамии начиная с действий Луция Лициния Лукулла в 67 г. до н. э. (14. 5). Во втором случае речь идет о войне 296–298 гг. (25. 2). Согласно этому договору, заключенному сроком на 40 лет, была «возвращена Месопотамия, и по ту сторону Тигра восстановлена пограничная линия, так что пять племен за Тигром мы получили под свою власть [по] условиям [этого мира]. Условия договора жестко соблюдались, и он сохранялся [и] во времена божественного Константина» (Fest. 14. 5).

Также об этом договоре упоминает в общих чертах и Аврелий Виктор («часть земель, для нас более полезных, была приобретена; когда их упорно пытались у нас отнять, разгорелась новая война, тяжелая и очень опасная» XXXIX. 37).

Новый этап противостояния с персами начинается со второй половины 330-х гг. Какие-то военные действия начались еще в правление Константина Великого, поскольку Руф Фест говорит о некоей победе римлян при Нарасаре (27. 2)¹⁷ «где был убит Нарсес» («Narasarensi autem, ubi Narseus occiditur, superiores discessimus»). По данным Феста, Евтропия и Аврелия Виктора Константин под конец своей жизни готовил поход против персов, поскольку к 338 году истекал срок действия сорокалетнего Нисибисского договора и шаханшах Шапур II стал угрожать восточным границам Империи. Согласно Аврелию Виктору именно персы первыми нарушили условия мира, и Константину не оставалось ничего другого как начать войну с ними. По мнению историка, император умер «в походе против персов, о которых он слышал, что они начали войну» («in Persas tendens, a quis bellum erumpere osceperat» XLI. 16). Той же версии придерживается Евтропий (X. 8. 2), у которого в оригинальном тексте персы названы парфянами («Bellum adversus Parthos moliens, qui iam Mesopotamiam fatigabant»). Руф Фест в панегирическом стиле описывая последние годы жизни Константина, считает, что персы сами просили мира у императора, не решившись вступить с ним в открытое противостояние: «Под конец своей жизни, Константин, господин мира, подготовил поход на персов. Действительно, усмирив народы по всему миру и недавно [отпраздновав] еще более славную победу над готами, он совместно с полчищами войск проник в Персию. При его приближении Вавилонские царства трепетали до такой степени, что к нему спешило умоляющее посольство персов, которые обещали выполнить [все его] приказание, но, однако они не были достойны прощения за постоянные внезапные набеги, которыми они атаковали Восток в правление Констанция Цезаря» (26. 1–2).

¹⁷ Существует мнение, что «Нарасара» это неправильно услышанное Фестом название горной речки, находящейся рядом с Элейей и ныне называемая Нахр-Гиран. См. Дмитриев 2010, 88; Peeters 1931, 10–47.

То есть в последний год жизни Константина Великого начинают предприниматься определенные шаги по организации масштабной кампании против Шапура II, о чем недвусмысленно сообщают практически все историки, но смерть императора в местечке Ахирона рядом с Никомедией 22 мая 337 г. помешала этому (Aur. Vic. XLI. 15).

Тем не менее, дальнейшие действия римлян против Персии не отличались особым успехом. Так, император Констанций II в 337–361 гг. вел с царем Шапуром II серию безуспешных пограничных войн. Подробности этих войн у наших историков отсутствуют, и только Руф Фест упоминает о трех осадах Нисибиса (27. 2).

Однако битвам у крепости Сингара Фест и Евтропий придают особое значение, поскольку в одном из этих сражений в 344 или 348 г. Констанций едва не одержал выгодную для себя стратегическую победу над царем Шапуром II (т. н. «ночное сражение под Сингарой»)¹⁸. По сути, это была единственная, относительно успешная битва императора в римско-персидских войнах 340–350-х гг., во всех остальных он терпел поражения (Eutr. X. 10. 1). И вновь, только в Бревиарии Руфа Феста (27. 1) мы встречаем упоминания о двух битвах у Сингары, битве у Сисарвы, загадочной битве у Сикгары и захвате Амиды («verum pugnis Sisaruena, Singarena et iterum Singarena, praesente Constantio, ac Sicgarena, Constantiensi quoque, et cum Amida capta est, grave sub eo principe respublica vulnus accepit»). Историк пишет, что это была «ночная битва у Элии близ Сингары» («Nocturna uero Eliensi prope Singaram pugna») и считает (27. 3), что она «могла бы быть событием [по значению] сопоставимым со всем походом» («omnium expeditionum compensatus fuisset eventus»). Более сдержан в своей оценке Евтропий (X. 10. 1), полагая, что «ни одна битва против Сапора не была удачной, кроме той, которую он мог одержать у Сингары» («nullumque ei contra Saporem prosperum proelium fuit, nisi quod apud Singaram haud dubiam victoriam ferocia militum amisit»).

Причиной проигрыша Констанция историки называют неудовлетворительное и вызывающее поведение солдат, не подчинившихся приказу своего военачальника. Евтропий считает (X. 10. 1), что это было «высокомерие воинов, которые возмутительно, глупо и вопреки закону войны вынудили его дать сражение уже на закате дня» («qui pugnam seditiose et stolide contra rationem belli die iam praecipiti poroscerunt»). По мнению Руфа Феста (27. 3) «сам император мог бы, взывая, удержать пылкое высокомерие солдат [стремящихся] в неподходящее время принять бой» («ab intempestivo pugnandi tempore imperator ipse alloquendo revocare potuisset»). При этом он даже называет их «инуици уирибус» (27. 4).

Ворвавшись в лагерь персов, римляне учинили там полный разгром. С точки зрения Руфа Феста (27. 4), подобные действия римских солдат были продиктованы поисками воды, из-за мучившей их жажды («improvisis adversum sitim aquarum subsidiis»). Однако, несмотря на, казалось бы, полное поражение, в дело вступили персидские лучники, размещавшиеся на холмах рядом с лагерем. Римляне «были заброшены тучей стрел», поскольку представляли удобную цель из-за света факелов, которыми они освещали свой грабеж лагеря персов («nimbo sagittarum obruti sunt, cum stolide ad dirigendos certius in se ictus lumina ipsi per noctem accensa praeberent» Fest. 27. 4).

¹⁸ О сражении у Сингары см.: Дмитриев 2010, 87–90; 2012, 77–86; Bury 1896, 304–305; Mosig-Walburg 1999, 330–384.

Следующее событие, подробности которого мы находим в произведениях Руфа Феста, Евтропия и безымянного автора «Эпитом из Цезарей» это персидский поход 363 г. императора Юлиана. Причина этой войны заключалась в стремлении к славе самого императора («Igitur Iulianus, redacta ad unum se orbis Romani curatione, gloriae nimis cupidus in Persas proficiscitur» Epit. Caes. XLIII. 1). Фест (28. 1–2) и Евтропий (X. 16. 1), рассказывая об этом событии в своих брeвиариях, вновь смешивают парфян и персов.

Наибольшее количество фактов об этой войне мы вновь обнаруживаем в Брeвиарии Руфа Феста. Так историк (28. 1) сообщает о подготовке продовольствия для похода «на враждебных парфян» и о переходе римской армии и флота через Евфрат («instructam commeatibus classem per Euphratem invexit»). На начальном этапе войны Юлиан захватил множество городов и крепостей персов, о чем сообщают и Фест (28. 1) и Евтропий (X. 16. 1), который говорит об опустошении римской армией Ассирии («Assyriamque populatus»). Затем император подошел к Ктесифону («in ripa Tigridis et Euphratis iam mixti castra haberet»), где под стенами города произошло одно из крупнейших сражений этой кампании, о чем подробно пишет только Фест (28. 2). Перед сражением Юлиан, дабы усыпить бдительность врага устроил состязания для своего войска («ludosque campestris, ut hosti sollicitudinem demeret»), а затем «внезапно разместив солдат на корабли, переправил их в середине ночи на противоположный берег» («instructam commeatibus classem per Euphratem invexit» Fest. 28. 2). Вскоре между римлянами и персами завязалось сражение, в котором римские войска одержали победу и могли бы даже вступить «в незащищенные ворота Ктесифона», если бы не жажда добычи охватившая их («apertas Ctesiphontis portas victores intrassent, nisi maior eis praedandi occasio fuisset, quam cura victoriae» Fest. 28. 2). Евтропий, напротив, пишет (X. 16. 1), что Юлиан всего лишь «устроил военный лагерь на продолжительное время у Ктесифона» («castra apud Ctesiphontem stativa aliquamdiu habuit»). Вероятнее всего, что автор «Брeвиария от основания Города» просто исключил битву из своего повествования и описывал уже последующие события.

Отказавшись от штурма столицы Персии Юлиан, по версии историков, решает вернуться назад. Фест пишет (28. 3), что перед возвращением он отдал приказ сжечь все корабли («et exustis navibus») и, ведомый предателем «устремился... дорогой на Мадену» («cum a transfuga, qui se ad fallendum obiecerat, inductus viae in Madaenam compendia sectaretur»). Версию о перебежчике также излагает автор «Эпитом» («он был завлечен в засаду каким-то перебежчиком»; XLIII. 2). Фест при этом уточняет (28. 3), что римское войско двигалось по левому берегу Тигра («dextrum adversa Tigridis ripa»).

Все три автора приводят версию о гибели императора в завязавшейся стычке с персами¹⁹. По словам Феста «когда Юлиан опрометчиво блуждал сквозь полчища [войск], взметнувшийся песок затмил ему обзор, и он был ранен ударом [копья] в живот около паха, неожиданно встретившимся ему вражеским всадником. Посреди потоков крови, он, хотя и раненый, с помощью, восстановил строй своего войска, [и после этого] обратившись с речью к многочисленным своим [друзьям], медленно испустил дух» (28. 3). Безымянный автор «Эпитом» считает, что

¹⁹ Согласно Аммиану Марцеллину он был убит в области Маранга (Amm. Marc. XXV. 1. 11). См. также: Baynes 1937, 22–29.

император «выбежал из поставленного уже лагеря, захватив только щит. Пока он старался с неразумным жаром приготовить ряды воинов к сражению, его ранили дротиком, пущенным кем-то из отступающих врагов. Его внесли в палатку, но он снова вышел, чтобы подбодрить своих (воинов), но, мало-помалу истощенный потерей крови, около полуночи умер...» (XLIII. 2–4). По мнению Евтропия, Юлиан «необдуманно вступил в битву и был убит рукой врага за 6 [дней] до июльских календ на седьмом году правления в возрасте тридцати двух лет и был причислен к богам» (X. 16. 2). Только в тексте «Эпитом из Цезарей» мы встречаем упоминание о предсмертных планах императора, умышленно не давшего «никаких распоряжений относительно (преемника) власти, чтобы—как это обычно бывает при столкновении мнений в большой толпе—не создать опасности для друга от зависти, а для республики—от раздоров в войске» (XLIII. 4).

Римские солдаты, лишившись своего военачальника, избрали из офицерской среды Иовиана. Фест считает (29. 1), что Иовиана выбрали как самого старшего из полководцев для спасения войска оказавшегося в критической ситуации полного окружения врагом («Iovianus proeliis superiorem, sed confusum subita morte amissi imperatoris, suscepit exercitum»). При этом персы всячески препятствовали (Fest. 29. 1) дальнейшему продвижению римского войска («et Persae crebris incursionibus nunc a fronte, nunc a tergo, mediorum quoque latera incursantes, iter agminis morarentur»). Евтропий, напротив, полагает (X. 17. 1), что Иовиан был сразу же выбран войском императором («Post hunc Iovianus, qui tunc domesticus militabat, ad obtinendum imperium consensu exercitus lectus est, commendatione patris militibus quam sua notior»). Несмотря на не очень лестную оценку, которую оба историка дают этому преемнику Юлиана, тому все же удалось спасти армию и заключить с Шапуром мир. Руф Фест (29. 1), видимо исходя из своих пропагандистских и патриотических соображений, пишет, что «настолько было уважение к имени Рима, что персы первыми начали разговор о мире» («Persis prius sermo de pace haberetur»). С точки зрения Евтропия (X. 17. 1) «бесславный» («ignobilem») мир был заключен по необходимости, поскольку «войско страдало от нужды» («exercitu quoque inopia laborante»). Согласно этому мирному договору (Fest. 29. 2) Нисибис и часть Месопотамии передавались персам («ut Nisibis, et pars Mesopotamiae traderentur»). Евтропий считает (X. 17. 1–2), что «такого до этого никогда не случилось почти за тысячу сто восемнадцать лет с тех пор, как было основано Римское государство» («quod ante eum annis mille centum et duobus de viginti fere, ex quo Romanum imperium conditum erat, numquam accidit») и перечисляет случаи, когда римляне «даже прошли под ярмом, чтобы только ничего не отдавать из земель своих» («sub iugum missae sunt, ut nihil tamen finium traderetur»)²⁰.

Таким образом, все авторы писали о римско-персидских войнах III–IV вв. с ярко выраженной национальной гордостью и исходили из идеи абсолютной уверенности в главенстве Рима над всем миром. Причины, по которым Рим захватывает все новые и новые области и государства, не требуют какого-либо подробно-

²⁰ По мнению испанского историка Дж. Алонсо-Нуньеса это историческое отступление Евтропия имеет исключительно риторическую ценность. Оно лишь уточняет негативную позицию автора «Бревиария» по отношению к императору Иовиану и является результатом языческого мировоззрения Евтропия. В данном случае он противопоставляет Иовиана императора-христианина, Юлиану, императору-язычнику. См.: Alonso-Nunez 1981, 386–387.

го объяснения—это просто способ его существования и выживания среди других народов.

Поэтому наиболее часто упоминаемые причины войн—это расширение территории Римского государства и угроза его безопасности. В глазах римских историков IV в., потеря или уступка собственной территории абсолютно недопустимы. Этот принцип является основополагающим во всех их произведениях, и это обстоятельство особо подчеркивается в финале «Бревиария» Евтропия: лучше пройти под ярмом, но «ничего не отдавать из земель своих» (X. 17. 2). Поэтому самый тяжелый упрек адресуется императору Иовиану, лишившего Римскую империю областей на Востоке. Руф Фест пишет (29. 2), что «нам предоставили условия (которые прежде никогда не предоставлялись) вредные для Римского государства», и сам император характеризуется им как неискусный в управлении государством («in imperio rudis adquevit»).

Все рассмотренные исторические сочинения несли определенную политическую и пропагандистскую нагрузку, особо подчеркивая патриотическую тенденцию в официальной историографии, которая была весьма значима для того времени²¹. Поэтому успехов во внешнеполитической деятельности способны достичь только те правители, которые лично ведут военные действия. Таков Александр Север, предпринявший «войну против персов... и одержавший победу с великой славой» (Eutr. VIII. 23), молодой возраст которого приобретает положительные черты в его характеристике (Fest. 22. 1; Aur. Vic. XXIV. 2) и Гордиан, у которого причины побед над парфянами кроются в «пылкой молодости и самоуверенности принцепса» (Fest. 22. 2; см. также: Eutr. IX. 2. 2; Aur. Vic. XXVII. 7; Erit. Caes. XXVII. 1–2). Безопасность и удержание границ Римской империи являются первостепенной задачей, поэтому оправдываются даже узурпаторы законной власти, которые были блестящими полководцами. Это хорошо видно на примере Септимия Одената, правителя Пальмиры, защитившего от персов Сирию и захватившего Месопотамию (Fest. 23. 2; Eutr. IX. 10).

Воюя с персами, римляне всегда сталкиваются со многими препятствиями, которые должны преодолеть, чтобы одержать победу. Победа, как правило, бывает одержана в «грандиозных сражениях» (Fest. 22. 2), с «великой славой» (Eutr. VIII. 23) и «[полученной] свыше по воле богов» (Fest. 24. 2).

Образы персов, в свою очередь, не настолько прямолинейны и однозначны, как этого следовало бы ожидать от «обычной пропагандистской литературы». Руф Фест характеризуя противника римлян, отмечает, что «персы превосходили римлян не только оружием, но и нравами» (25. 3). Однако вышеприведенная фраза носит единичный характер и в большинстве случаев образы персов даются с негативных позиций, как тех, кто постоянно посягает на территории Римского государства. Без сомнения, римские историки учитывали эти обстоятельства и своим описанием многочисленных примеров завоеваний из прошлого Рима приглашали современных им императоров к более агрессивной внешней политике на Востоке. В особенности это касалось Евтропия и Руфа Феста бревиарии которых напрямую были адресованы Валенту II. В конце своего сочинения Руф Фест пишет: «Лишь бы только удачу, [которую] ниспосылают боги и [которая] даруется благо-

²¹ Alonso-Nunez 1981, 386–387.

склонной божественностью, в которую ты веришь и которой ты наделен, была милостива, так чтобы к великой победе одержанной над готами, тебе добавилась еще и пальма мира, [протянутая] Вавилону» (30. 2).

Евтропий и Руф Фест, представляя взгляды сенатской оппозиции, выступают как весьма тенденциозные авторы. Это очевидно в некотором пренебрежении к мирной административной деятельности и преклонении перед завоеваниями и воинской славой, иногда идущим вразрез с исторической действительностью. Историки словно не замечают кризиса Римского государства, его неспособности не только вести активную внешнюю политику, но даже обороняться от постоянных набегов варварских племен, и, видимо, искренне полагают, что причина всех неудач Рима заключается в гражданских войнах и в личной неспособности императоров разумно управлять государством. Здесь нельзя не отметить точку зрения Х. Берда²², который считает, что подобная тенденциозность проистекает из пропагандистской направленности их трудов, поскольку оба автора подробно останавливаются на успехах или неудачах римлян в войне против персов. Таким способом историки весьма осторожно поощряли императора Валента II к более активной внешней политике на востоке, который в то время подготавливал еще одну кампанию против Персии.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуров, В.С. 1993: *Художественная историография древнего Рима*. СПб.
- Дмитриев, В.А. 2012: «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н. э. в Верхней Месопотамии. *ПИФК* 3 (37), 77–86.
- Дмитриев, В.А. 2010: К вопросу о месте и роли «ночного» сражения под Сингарой. *Вестник Военного университета* 3 (23), 87–90.
- Кареев, Д.В. 1999: Образ правителя у историка IV века Евтропия. В сб.: А.З. Чернышева (ред.), *Человек в культуре обществ древности, средневековья и возрождения*. Иваново, 30–42.
- Кареев, Д.В. 2004: *Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания города»*. СПб.
- Кареев, Д.В. 2009: Руф Фест: римский историк IV века. *Вестник Ивановского государственного университета* 3, 21–25.
- Мирзоев, Е.Б. 2016: *Шапур I. Триумф над Римом*. СПб.
- Мочалов, М., Полежаев, Д. 2016: *Держава Сасанидов 224–652 годы*. М.
- Циркин, Ю.Б. 2015: *«Военная анархия» в Римской империи*. СПб.
- Alonso-Nunez, J.M. 1981: Eutrope et la Peninsule Iberique. *Latomus* XL, 386–387.
- Baynes, H. 1937: The death of Julian the Apostate in a Christian Legend. *JRS* 27, 22–29.
- Bird, H.W. 1975: A Reconstruction of the Life and Career of S. Aurelius Victor. *CJ* 70, 49–54.
- Bird, H.W. 1987: Eutropius' Perspective on Roman Emperors. *The Ancient History Bulletin* 6, 139–151.
- Bird, H.W. 1976: Three Fourth-century Issues: A Roman Bureaucrat's Personal Views. *Echos du Monde Classique* 20, 150–151.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman Historians*. Leiden.
- Bury, J.B. 1896: The date of the battle of Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 5, 304–305.

²² Bird 1987, 151.

- Ensslin, W. 1940: Zu Orosius VII, 25, 9 und zum Perserfeldzug des Casars Maximianus Galerius. *Philologische Wochenschrift* 60, 669–671.
- Momigliano, A. 1977: Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. In: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 107–126.
- Mosig-Walburg, K. 1999: Zur Schlacht bei Singara. *Historia* 48, 330–384.
- Peeters, P. 1931: L' Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338. *Académie royale de Belgique, Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques* 17, 10–47.
- Schmidt, P. 1988: Zu den Epochen der Spätantiken Lateinischen Historiographie. *Philologus* 132, 86–100.
- Schwartz, J. 1971: Autour de l'humiliation de Galère. In: *Historia Augusta Colloquium*. Bonn, 157–163.
- Seston, W. 1940: L' "humiliation" de Galère. *Revue des Etudes Anciennes* 3, 515–519.
- Syme, R. 1968: *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford.

REFERENCES

- Alonso-Nunez, J.M. 1981: Eutrope et la Peninsule Iberique. *Latomus* XL, 386–387.
- Baynes, H. 1937: The death of Julian the Apostate in a Christian Legend. *Journal of Roman Studies* 27, 22–29.
- Bird, H.W. 1975: A Reconstruction of the Life and Career of S. Aurelius Victor. *Classical Journal* 70, 49–54.
- Bird, H.W. 1987: Eutropius' Perspective on Roman Emperors. *The Ancient History Bulletin* 6, 139–151.
- Bird, H.W. 1976: Three Fourth-century Issues: A Roman Bureaucrat's Personal Views. *Echos du Monde Classique* 20, 150–151.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman Historians*. Leiden.
- Bury, J.B. 1896: The date of the battle of Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 5, 304–305.
- Durov, V.S. *Khudozhestvennaya istoriografiya drevnego Rima* [Artistic historiography of ancient Rome]. Saint Petersburg.
- Dmitriev, V.A. 2012: "Nochnoe srazhenie" pod Singaroy: k voprosu o khronologii voenno-politicheskikh sobytiy serediny IV v. n. e. v Verkhney Mesopotamii ["Night battle" at Singara: the question of the chronology of military and political events of the mid-4th century AD in Upper Mesopotamia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (37), 77–86.
- Dmitriev, V.A. 2010: K voprosu o meste i roli "nochnogo" srazheniya pod Singaroy [The question of the place and role of the "night" battle of Singara]. *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University] 3 (23), 87–90.
- Ensslin, W. 1940: Zu Orosius VII, 25, 9 und zum Perserfeldzug des Casars Maximianus Galerius. *Philologische Wochenschrift* 60, 669–671.
- Kareev, D.V. 1999: Obraz pravitelya y istorika IV veka Evtropiya [The image of a ruler from the IV century historian Eutropios]. In: A.Z. Chernysheva (red.), *Chelovek v kulture obshchestv drevnosti, srednevekov'ya b vrozhdeniya* [Man in the culture of ancient, medieval and Renaissance societies]. Ivanovo, 30–42.
- Kareev, D.V. 2004: *Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropiy i ego "Breviariy ot osnovaniya Goroda"* [Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his "Breviary from the Foundation of the city"]. Saint Petersburg.
- Kareev, D.V. 2009: Ruf Fest, rimskiy istorik IV veka [Rufus Festus: Roman historian of the 4th century AD]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ivanovo state University] 3, 21–25.

- Mirzoev, E.B. 2016: *Shapur I. Triumf nad Rimom* [*Shapur I. Triumph over Rome*]. Saint Petersburg.
- Mochalov, M., Polezhaev, D. 2016: *Derzhava Sasanidov 224–652 gody* [*The power of the Sassanids 224–652*]. Moscow.
- Momigliano, A. 1977: Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. In: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 107–126.
- Mosig-Walburg, K. 1999: Zur Schlacht bei Singara. *Historia* 48, 330–384.
- Peeters, P. 1931: L' Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338. *Académie royale de Belgique, Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques* 17, 10–47.
- Schmidt, P. 1988: Zu den Epochen der Spätantiken Lateinischen Historiographie. *Philologus* 132, 86–100.
- Schwartz, J. 1971: Autour de l'humiliation de Galère. In: *Historia Augusta Colloquium*. Bonn, 157–163.
- Seston, W. 1940: L' "humiliation" de Galère. *Revue des Etudes Anciennes* 3, 515–519.
- Syme, R. 1968: *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford.
- Tsyarkin, Yu.B. 2015: "Voennaya anarkhiya" v Rimskoy imperii ["Military anarchy" in the Roman Empire]. Saint Petersburg.

ROMAN-PERSIAN WARS IN THE INTERPRETATION OF "SMALL" ROMAN HISTORIANS OF THE 4TH CENTURY AD

Dmitriy V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
dima75ru@yadex.ru

Abstract. The article seeks to highlight the initial phase of the military conflict of the Roman Empire and new Persian of the Kingdom from the point of view of the representatives of the so-called "small" pagan historiography of the fourth century AD. Analyzes historical works of Eutropius, Rufius Festus, Sextus Aurelius Victor, author of "Epitome of the Caesars". Their writings drew a summary of the Roman tradition of historical thought by demonstrating the method with a brief and succinct characterizations of historical events. The subjects that most interested readers of their works concerned mainly wars, rulers and the army. Therefore, the most acute problem of historiography of that time was the problem of Rome's foreign policy, especially in its Eastern direction. In breviaria Festus and Eutropius and Aurelius Victor biographies, and author of "Epitome of the Caesars" historical outline of the conflict is stated very consistently, and some of the events we learn only from the texts of these works. The specificity of this literature was in its historical and didactic orientation. Breviary and biography were conceived as a kind of instruction for the Roman emperors, designed to demonstrate on historical examples of the past, how to act rulers in their activities. Historians have shown reception of the short and capacious characteristic of historical events, generally political, and have given a moral and ethical assessment to the main characters of the Roman history. All the authors wrote about the Roman-Persian wars of the 3rd–4th centuries AD, with a strong national pride came from the idea of absolute confidence in the primacy of Rome over the whole world. The reasons why Rome is taking over more and more areas and States do not require any detailed explanation-it is simply a way of its existence and survival among other peoples.

Keywords: Roman Empire, Persia, Eutropius, Rufius Festus, Sextus Aurelius Victor, "small" Roman historiography

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2020), 151–167
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2020), 151–167
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-151–167

НОВЫЕ НАХОДКИ БЛЯХ В ВИДЕ
ВСАДНИКОВ «ТЮРКСКОЙ» ТРАДИЦИИ
(РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва, Россия
ggkorol08@rambler.ru

Аннотация. Литые бляхи в виде всадников «тюркской» традиции, изготовленные из цветного металла, – немногочисленные, но характерные образцы раннесредневековой художественной металлической пластики. Они входят в корпус так называемой торевтики малых форм Центральной Азии, представленной преимущественно декорированными ремennыми украшениями снаряжения коня и всадника. Плоские бляхи в виде всадников служили, по-видимому, амулетами-оберегами. Такие предметы всегда привлекают внимание и хорошо изучены, часть из них – случайные находки. В настоящей статье анализируются три новых образца из Чуйской долины Северного Притяньшанья. Две бляхи представляют один тип – фигура вооруженного копьем всадника, с щитом-«диском» за плечами, в панцирном доспехе. Детально рассмотрена иконография. Обе бляхи – некачественные отливки с почти стертым изображением, но все же дающие представление о некоем стандарте (каноне) конкретного образа. Они расширяют ареал подобных блях, в целом (включая другие типы блях) характерных для тюркской культурной традиции VI–VIII вв. Качество изображений и отливки рассматриваемых предметов дают основание относить их ко времени конца I или рубежа I–II тыс. Третья бляха – «индивидуальный» экземпляр. Ее сохранность не позволяет определить позу коня (скачущий «в полете»?). Отмечены характерные и для других фигурок «тюркских» всадников иконографические детали. Довольно точно воспроизведена система украшений сбруи коня. В правой руке всадника – камча (плетка), абсолютно новая деталь. Оригинальна попытка мастера изобразить одежду таким образом, что она напоминает панцирный доспех тяжеловооруженных всадников-копьеносцев. Это работа мастера импровизаций, который, возможно, по нескольким известным каноническим образцам пытался создать свой самобытный (отчасти синкретический) вариант. Предположительно бляху можно отнести к началу II тыс. При всех особенностях она отражает некоторые каноны композиции и оформления подобных фигурок и может быть включена в единый корпус изображений всадников «тюркской» традиции Центральной Азии.

Ключевые слова: металлическая художественная пластика, цветной металл, бляхи в виде фигурок всадников, Чуйская долина, Центральная Азия, раннее средневековье

Данные об авторе: Король Галина Георгиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра палеоискусства ИА РАН, ученый секретарь отдела.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00257.

Раннесредневековая тюревтика малых форм Центральной Азии представлена многочисленными литыми предметами из цветного металла, в основном сплавов на основе меди, реже серебра. Это преимущественно бляшки разнообразных, но вполне определенных «тюркских» форм, служившие реманными украшениями снаряжения коня и пояса всадника. В последней трети I тыс. бляшки, накладки, подвески часто покрывались характерным для своего времени декором, в основе которого – геометризованный растительный орнамент или его элементы, нередко сочетавшиеся с другими видами декора (зооморфным, антропоморфным, геометрическим). Последние иногда представляли собой самостоятельные композиции или основу композиции в сочетании с отдельными растительными элементами. Кроме того, изделия такого рода украшали оружие, а также служили амулетами (не только для мужчин-воинов).

Видимо, к амулетам (подвесным, нашивным?) можно отнести особый вид плоских блях, изображающих всадников. Такие предметы по сравнению с остальными видами тюревтики малых форм немногочисленны. Некоторые происходят из исследованных археологических объектов (погребений, городищ), другие – случайные находки, часть которых, по-видимому, входила в состав сопроводительного инвентаря разрушенных погребений. Попытку систематизации фигурок всадников, происходящих из Сибири и Центральной Азии, предпринял Ю.А. Плотников, видевший в них амулеты, изображающие «дружинного бога, культ которого возрос на иранской основе», и отметивший, что они могли быть символом «особого статуса владельца, чем и объясняется их немногочисленность»¹. Другие авторы, рассматривая конкретные находки из определенного региона, привлекали аналогии из разных территорий Центральной Азии².

Следует отметить последнюю из указанных работ. Она посвящена фактически монографическому исследованию двух давно известных предметов, найденных в 1925 г. (могильник Сростки I, Лесостепной Алтай) и не имевших полностью достоверных рисунков и качественных фотографий. В статье эти предметы получили по-настоящему фундированное описание, представлены понятные фотографии довольно сложных для воспроизведения в рисунках предметов. Отметим, что бляхи изначально изготовлены по не очень качественным образцам и определено были длительное время в употреблении. Кроме того, они имеют стертые и зачастую плохо различимые иконографические детали. Все это раньше приводило к ошибкам в рисунках, воспроизведению этих ошибок в публикациях и пр., что создавало проблемы для адекватного детального их изучения, которые теперь решены. Более того, исследован состав металла на основе рентгенофлюоресцентного анализа³. Результаты спектрального анализа состава металла этих же двух предметов приведены в докторской диссертации Л.В. Коньковой⁴, что осталось вне поля зрения авторов статьи. Тем не менее ими впервые для блях в виде воинов-всадников проведено столь скрупулезное исследование.

¹ Плотников 1982, 58.

² Волков 1965; Богомолов 1986; Сунгатов, Юсупов 2006; Смагулов 2014; Горбунов, Тишкин 2019.

³ Горбунов, Тишкин 2019, 182, 183.

⁴ Конькова 1996, 354, анализ 574–41, 574–42.

Постоянный интерес к раннесредневековым бляхам в виде воинов-всадников проявляют Ю.С. Худяков и А.Ю. Борисенко⁵, уделяя внимание преимущественно историографическому аспекту и введению в научный оборот отдельных новых случайных находок. Ими предложена и типология фигурок всадников. Выделены три группы и по два типа в каждой из них⁶. В составлении типологии авторами учтены практически все известные на тот момент находки, а также основные формальные признаки отличия типов; на нее можно опираться, рассматривая и новые находки. Эта типология была основной при рассмотрении и уточнении детальной иконографии того же корпуса находок автором настоящей статьи⁷.

Кроме того, Ю.С. Худяков и А.Ю. Борисенко на основе немногочисленных находок подобных предметов в погребальных комплексах (погребения детей и подростков) древних тюрок и кимаков пришли к выводу, что в культуре этих народов подобные бляшки-подвески могли «служить амулетами-оберегами в составе детского и подросткового костюма или головного убора»⁸. У тюркоязычных карлуков Тянь-Шаня и Семиречья, по их мнению, рассматриваемые фигурки служили подвесными или нашивными украшениями костюма всадников. Подробно случайные находки последних лет из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины детально рассмотрены (с иллюстрациями в виде достоверных фотографий, а не только рисунков) в статье 2018 г., упомянутой выше.

Задача настоящей статьи – проанализировать несколько фигурок всадников из этого же региона Центральной Азии, а именно три случайные находки⁹ из района городища Шиш-Тюбе (отождествляется со средневековым городом Нузкет) к северу от центра современного г. Кара-Балта (62 км к западу от Бишкека), у северного склона Киргизского хребта в западной части Чуйской долины. Крупное городище было исследовано минимально, но все же достаточно для того, чтобы считать его одним из ранних согдийских поселений в VI в., средневековый город существовал до монгольского нашествия в XII в.¹⁰ На городище случайно найдена бронзовая монета с согдийской надписью «монета господина кагана карлуков»¹¹. Это позволило предположить, что в Нузкете могла находиться ставка кагана карлуков¹².

НАХОДКИ БЛЯХ В ВИДЕ ВСАДНИКОВ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Тяжеловооруженный воин-всадник. Две литые бляхи представляют собой один тип (тип 1 группы 2 по А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякову¹³). Это фигура всадника, вооруженного копьем, в панцирном доспехе, с щитом-«диском» за пле-

⁵ Борисенко, Худяков 2002, 2007а, б, 2008, 2018; Худяков 2007, 2013, 2014.

⁶ Борисенко, Худяков 2007, 83–87; 2008, 44–49.

⁷ Король 2008, 126–132. Здесь же дан критический анализ рисунков по публикации (Борисенко, Худяков 2007б), не всегда отражающих детали реальных предметов, а точная иконография важна при типологизации художественных объектов.

⁸ Борисенко, Худяков 2018, 105.

⁹ Хранятся в музее нумизматического центра «Фельс», г. Бишкек, Кыргызстан.

¹⁰ Кожемяко 1959, 79–84; Горячева 2010, 35, 36, 40, 49, 50.

¹¹ Карлукский каганат – 756–940 гг.

¹² Камышев 2008, 24.

¹³ Худяков 2008, 46–49.

чами на лошади (показаны с левой стороны). Размеры бляхи-подвески лучшей сохранности (рис. 1, 1) – 3,9 (максимальная ширина от морды коня до хвоста) × 4,3 (высота от прямой линии края задней ноги лошади до верхнего края щита всадника) см, толщина бляхи – 0,2.

Стандартно для этого типа блях (рис. 1, 3–9)¹⁴ голова и верхняя часть тела всадника развернуты в полупрофиль, а нижняя часть и левая нога показаны сбоку (в профиль). На нем хорошо различимы элементы пластинчатого панциря – на груди, плечах и на правом рукаве. На известных изделиях лучшего качества из Рудного Алтая (Верхнее Прииртышье, Восточный Казахстан) (рис. 1, 4, 5, 9) панцирный

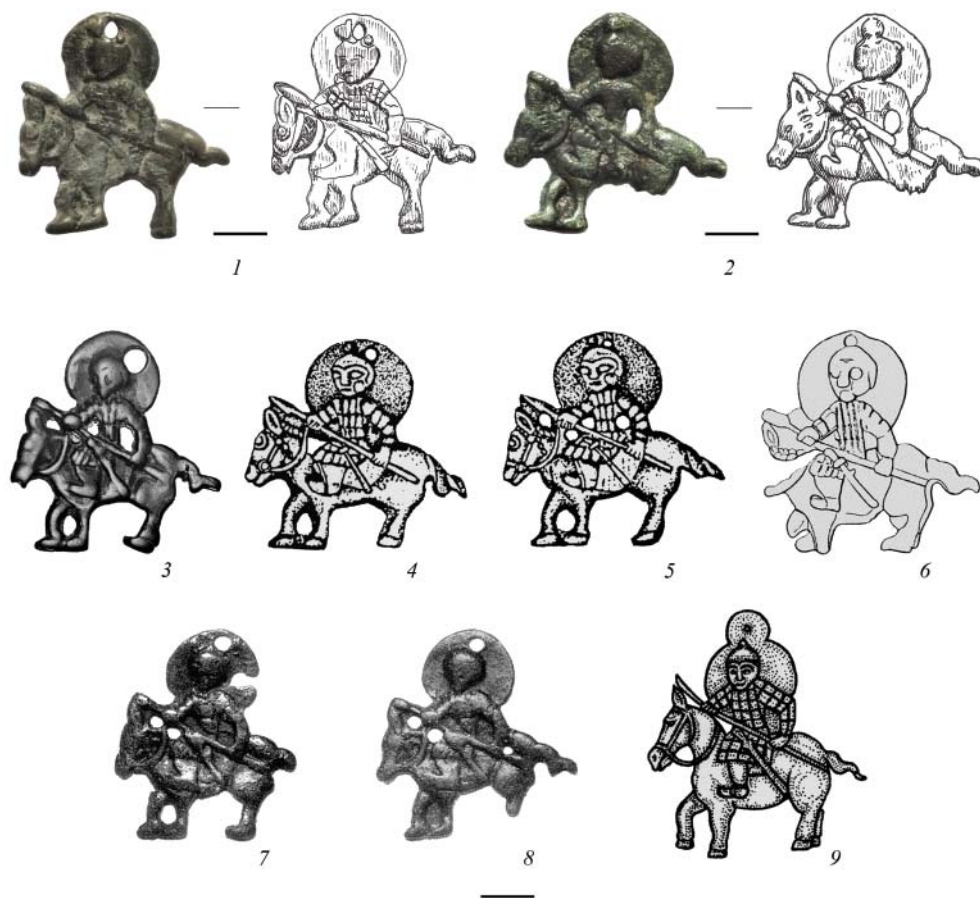

Рис. 1. Бляхи в виде всадников-копьеносцев со щитом за спиной. 1, 2 – район городища Шиш-Тюбе, Чуйская долина; 3 – Минусинская котловина (Минусинский музей – ММ); 4, 5 – Кондратьевка IV, к. 2. Верхнее Прииртышье (по: Алёхин 1998, рис. 1, 1, 2); 6 – Семипалатинск, Верхнее Прииртышье (по: А.С. [Спицын А.А.] 1904, рис. 3); 7, 8 – Сростки I, Верхнее Приобье (Бийский музей); 9 – Аблай-кит (?), развалины буддийского монастыря XVII–XVIII вв., Верхнее Прииртышье (по: Борисенко, Худяков 2002, рис. 1, 1)
Fig. 1. Plaques shaped as spear-bearing horsemen with a shield behind their backs

¹⁴ Борисенко, Худяков 2008, рис. 5, 1, 2; 6; 7, 1, 2; 8, 1, 2; Король 2008, табл. 13, 11–17; Горбунов, Тишкин 2019, рис. 4; 5, 1–5.

доспех, закрывающий шею, руки и колено, виден отчетливо. На рассматриваемом образце нога всадника настолько «полустерта» и плохо различима, что никаких следов панциря над коленом нет. На голове по стандарту должен быть шлем с короткой бармицей. В нашем случае на затылке всадника с трудом различим на-затыльник. Линию шлема на лбу можно только предполагать, ее в реальности не видно. Треугольный и округлый выступы по сторонам от каплевидного отверстия для подвешивания отчетливы, но назначение их не совсем понятно. Округлое или коническое навершие шлема можно видеть на бляхах хорошей сохранности. На данной подвеске подтреугольный выступ похож на плюмаж шлема. Черты лица воина затерты, но различимы.

Всадник в обеих руках держит тяжелое копье с четко выделенным массивным наконечником, к поясу в наклонном положении подвешен меч в ножнах. За плечами – округлый щит, выступающий выше головы, чуть вытянутый книзу. В его верхней части, как упомянуто выше, – каплевидное отверстие (3 × 4 мм) для подвешивания. Лошадь с массивной головой и хорошо проработанным левым ухом (за ним видна линия края правого уха) изображена в профиль. Две передние ноги, а задняя одна, но за ней выделен и край второй ноги. Хвосты коней этого типа блях всегда подвязаны определенным образом, возможно, узлом, что передано волнистой линией (рис. 1, 1, 2). Ото рта лошади к руке всадника идут хорошо различимый повод и часть уздечного ремня. На боку лошади (между мечом и копьем) едва различим край чепрака. Отметим, что отверстий (результат процесса отливки) на бляхах хорошей отливки всегда больше одного. Но в рассматриваемом случае предмет не только сильно затерт (возможно, был изготовлен по стертому старому образцу), но и плохо отлит – вместо стандартных отверстий только углубления (между руками всадника и крупом лошади, между копьем и шеей, между передними ногами). Отверстие только одно – для подвешивания, о чем сказано выше.

Вторая бляха (рис. 1, 2) по сути изображения аналогична первой, но со своими особенностями видимых деталей. Ее наибольшая высота – 4,4 см, ширина – 4,2, толщина – 0,2. Каплевидное отверстие (результат процесса отливки) только одно (3×5 мм) – под левой рукой всадника. Возможно, именно оно служило для пришивания бляхи на деталь одежды. Не отлитыми остались отверстия под другой рукой, между копьем и шеей коня, между его ногами. Отверстия для подвешивания нет, на этом месте хорошо виден округлый выступ – плюмаж шлема (?). Лицо всадника полностью стерто, неровности края головы, возможно, результат литейного брака. Панцирные пластины – на правом рукаве и у колена всадника. Едва различимы ножны и рукоять меча. На морде лошади выделен повод, а ремни узды практически не видны. Задняя нога определенно повреждена, о чем свидетельствует неровный край старого слoma.

Здесь уместно заметить, что среди блях этого типа есть образец с недолитой задней ногой (рис. 1, 8). Этот брак мог быть результатом не только конкретной отливки, но и того, что предмет изготовлен по сломанной или такой же бракованной модели. Длительное бытование во времени и пространстве однотипных блях позволяет предположить, что существовал определенный стандарт конкретного изображения. Известно три экземпляра блях хорошей отливки и одновременно с достаточно качественным изображением, выполненным умелым мастером-ху-

дожником. Две из них (Кондратьевка IV, Рудный Алтай) происходят из кимакского комплекса IX–X вв.¹⁵ (рис. 1, 4, 5). Они, как и две однотипные бляхи (рис. 1, 7, 8) плохого качества изображений (Сростки I), а также бляха с изображением всадника-лучника с щитом-диском за спиной¹⁶, происходят из ареала памятников сросткинской археологической культуры (Лесостепной Алтай), которые датируются по комплексу инвентаря второй половиной VIII – первой половиной XI в.¹⁷ Самый качественный образец (рис. 1, 9) – из Верхнего Прииртышья – случайная находка с территории кимаков конца I тыс. Он стилистически несколько отличается от остальных блях этого типа, но все же вписывается в основные требования стандарта. Случайные находки из других регионов того же времени (Минусинская котловина на Среднем Енисее у северного подножия Западного Саяна, культура кыргызов (рис. 1, 3); Чуйская долина у северного подножия Тянь-Шаня, культура карлуков) плохого качества изображений (рис. 1, 1, 2). Они представляют собой определенно копирование давно бытовавших стандартных предметов, среди которых могли быть и сломанные.

Таким образом, две бляхи в виде тяжеловооруженного воина-всадника со щитом за плечами из Чуйской долины (район средневекового городища Шиш-Тюбе, период расцвета – VIII–X вв.), вводимые в научный оборот, – некачественные отливки с почти стертым изображением, но все же дающие представление об определенном стандарте (каноне) конкретного образа. Они расширяют ареал подобных блях «тюркской» традиции.

Из случайных находок в Чуйской долине недавно опубликовано еще несколько блях в виде всадников, относящихся к другим типам¹⁸. Отметим две из них (рис. 2, 1, 2), входящие в тип 2 «тюрко-согдийской» первой группы VI–VIII вв.¹⁹ Это легковооруженные всадники в халатах (чаще всего с треугольными отворотами на груди), с расширяющимся книзу колчаном, наклонно подвешенным к поясу. Правая рука положена на верхнюю часть колчана, левая держит повод. Все известные образцы этого типа представляют всадников с характерным легким наклоном и разворотом головы лицом к зрителю, на лошади, идущей (движение подчеркнуто положением ног) слева направо, т.е. всадник показан с правой стороны (рис. 2). Это одна из особенностей канона такого изображения. Характерная черта – ноги и хвост лошади соединены горизонтальной полосой-основанием²⁰.

Предметы подобного типа, по-видимому, реплицировались и были популярны еще длительное время на значительной территории горно-степной Центральной Азии. Все известные (от Южного Урала, Южного Казахстана до Южного Гоби в Монголии) экземпляры²¹, к которым можно добавить и находки из Чуйской

¹⁵ Алёхин 1998.

¹⁶ Здесь не рассматривается, см. Король 2008, табл. 13, 18; Горбунов, Тишкин 2019, рис. 5, 6.

¹⁷ Горбунов, Тишкин 2019, 185.

¹⁸ Борисенко, Худяков 2018, рис. 1, 2.

¹⁹ Борисенко, Худяков 2008, 45, 46.

²⁰ Бляхи этой же группы без такого основания составляют тип 1 (рис. 3, 1–3). К ним можно отнести фигурку тяжеловооруженного воина (рис. 3, 5), а также условно (детали на фотографии в публикации не видны) и случайную находку (рис. 3, 4) из Ордоса (Северный Китай, Внутренняя Монголия) из коллекции разновременных тибетских амулетов из цветного металла (Gudrun 2006), среди которых определенно есть средневековые экземпляры (подробнее см. Король 2015, 66–69, рис. 1, 10).

²¹ Сунгатов, Юсупов 2006; Борисенко, Худяков 2008, 2018; Король 2008; Худяков 2013; Смагулов 2014.

Рис. 2. Бляхи (с горизонтальной полосой в основании) в виде всадников. 1, 2 – Чуйская долина (по: Борисенко, Худяков 2018, рис. 1, 1, 2; 2, 1, 2); 3 – Бирский, п. 362, Южный Урал (Н 4,4 см) (по: Мажитов, Султанова 1994, 113); 4, 5 – Колмаково (Н 4,6 см), Сабинское (Н 4 см), Минусинская котловина (ММ); 6 – Южная Гоби, Монголия (Н 3 см) [по: Волков 1965, рис. 1, 2]; 7, 8 – Монголия: фото (Н 3,5 см) (по: Тэнгэрийн илд 2011, 74, кат. 40), рисунки (по: Худяков 2013, 210). 8 – размер неизвестен

Fig. 2. Plaques (with a horizontal strip at the base) shaped as horsemen

долины, действительно однотипны по своим основным характеристикам, но имеют большие различия в деталях, чем это было на бляхах с тяжеловооруженными всадниками в панцирном доспехе.

Эти различия связаны с их изготовлением в разных мастерских по какому-то канону, детальные представления о котором со временем²² могли быть забыты. Тем не менее основные параметры соблюдались, ибо технология изготовления позволяла делать реплики с очень старых предметов со стертыми деталями, таким способом вновь продуцировать каноничный предмет, хотя и в исполнении низкого художественного качества. В различиях деталей представляется скорее всего хронологический фактор и уровень мастера, который мог (или не мог) по отливке «доработать» детали. Все бляхи этого каноничного типа нашивные и имеют по несколько отверстий, полученных в результате отливки.

Всадник с камчой (плеткой). Третья бляха из случайных находок в районе городища Шиш-Тюбе VI–XII вв. в Чуйской долине определенно нашивная, местами сохранилась позолота. Максимальные размеры – 4,4 (сохранившаяся высота) × 4,9 см (ширина от хвоста до морды коня), толщина – 0,2. Это «индивидуальный» экземпляр, пока не имеющий аналогий (рис. 4, 1). Возможно, бляха относится к позднему периоду жизни городища. К сожалению, предмет поврежден и непонятна поза коня (скачущий «в полете» (?), с раскинутыми в разные стороны ногами, слева направо, т.е. всадник показан с правой стороны). Можно отметить характерные для описанных выше «тюркских» воинов разворот головы, а также верхнюю часть тела всадника в полупрофиль; нижняя часть и нога (в данном случае правая) изображены сбоку (в профиль). Лицо обозначено чрезмерно схематично. Довольно точно воспроизведена система украшений сбруи коня, включая ромбические подвески на крупе (ниже виден край чепрака); можно предположить длинную округлую кисть под шеей. Фиксация мастером самой сбруи присутствует на большинстве известных экземпляров группы 1 (по А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худякову), но некая детализация известна на единичных предметах разных типов (рис. 2, 5; 4, 2, 4).

Абсолютно новая деталь – камча (плетка) в правой руке всадника, концом которой он стегает (о чем можно судить по динамике позы и положению правой руки всадника) коня по крупу. Левой рукой (видны только плечо и предплечье) всадник, по-видимому, держится за повод с левой стороны коня. И еще один «индивидуальный» прием – попытка изобразить одежду таким специфическим образом, что она напоминает панцирный доспех (вспомним облачение тяжеловооруженных всадников-копьеносцев). При этом условные «пластины доспеха» покрывают ногу полностью, до щиколотки. Кроме того, хвост коня рассматриваемого экземпляра максимально подвязан, но тоже своим собственным способом, не так, как на фигурах копьеносцев (рис. 1), ближе всего этот способ к изображению коня копен-

²² Подобные бляхи имеют длительный период их использования. Все они разного качества, предметы из Чуйской долины, судя по фотографиям (рис. 2, 1, 2), очень затерты и не лучшего качества отливки. Авторы их публикации относят бляхи к VI–VIII вв. (Борисенко, Худяков 2018, 105). Представляется, что они могли иметь хождение и даже быть произведены (это определенно многократное реплицирование образцов с утратой изобразительных деталей) и позже, в период Карлукского каганата. Напомним, что в Тибете подобные старые амулеты почитаются и используются до настоящего времени.

ского всадника (рис. 4, 2, 4) – стрелка из лука²³, обернувшегося назад (конь при этом показан скачущим «в полете»). Образец из Чуйской долины – работа, судя по качеству изображения, не очень умелого «художника», но с большой выдумкой и фантазией. Это определенно мастер импровизации. Возможно, он пытался по нескольким известным каноническим образцам создать свой самобытный вариант. Отливка предмета качественная, пять отверстий разной конфигурации и размеров (максимальная округлая диаметром 7 мм – под мордой коня, минимальная круглая диаметром 1,5 мм – на морде коня) полностью отлиты.

Таким образом, две из рассмотренных выше блях из района средневекового городища Шиш-Тюбе в Чуйской долине Северного Притяньшанья представляют собой канонический (стандартный) вариант блях в виде вооруженного копьем всадника в пластинчатом панцире. Одни исследователи датируют подобные бляхи IX–X вв. по распространению их в культуре енисейских кыргызов и кимаков²⁴, другие²⁵ указывают несколько более широкие хронологические рамки (вторая половина VIII – первая половина XI в.) по находкам в комплексах сrostкинской культуры, о чем упомянуто выше. Качество изображений и отливки блях из Чуйской долины дают основание относить их ко времени конца I или рубежа I–II тыс. Иконография изображений восходит к средневековым фрескам Восточного Туркестана.

Третью бляху в целом также можно включить в единый корпус изображений всадников «тюркской» традиции Центральной Азии, но на данном этапе она не «вписывается» в выделенные ранее типы, а представляет собой некий самобытный (отчасти синкретический) вариант, который при всем новаторстве все же отражает некоторые каноны композиции и оформления подобных фигурок. Представляется, что бляха может быть связана с заключительным этапом жизни городища Шиш-Тюбе начала II тыс.

²³ Об образе скачущего на коне лучника, обернувшегося назад, с натянутой тетивой лука и готовой к пуску стрелой, в торовитке малых форм средневековых кочевников Евразии подробней см. Король 2008, 124–125, 132–133. Образцы из Кыргызстана (рис. 4, 5) и Китая рассмотрены в специальной работе (Худяков 2014). Правда, бляху из Кыргызстана автор обозначает как происходящую из Чуйской долины, хотя в каталоге музея Кыргызско-Российского Славянского университета (г. Бишкек), где она хранится (сведения автора настоящей статьи по результатам знакомства с материалами музея в 2015 г.), именно эта находка обозначена как происходящая из Иссык-Кульской котловины. Рисунок в публикации Ю.С. Худякова (см. рис. 4, 5б) не совсем совпадает (форма отверстия между шеей коня и всадником неточна, как и абрис головы всадника, ног коня и пр., хотя в целом рисунок похож на оригинал) с фотографией из каталога (Ставская и др. 2013, 52). Позже исследователи (Борисенко, Худяков 2018, рис. 1, 4) приводят другой рисунок (см. рис. 4, 5в), в котором указанного выше отверстия вовсе нет, абрис морды коня иной и совершенно не совпадает с фотографией предмета, на которую при этом дается ссылка и указывается, что бляха происходит из Иссык-Кульской котловины.

Среди случайных находок из Чуйской долины, изученных автором, также имеется обломок бляшки (рис. 4, 3) со стреляющим лучником на коне (на сохранившейся части хорошо видны голова и передние ноги коня, большой лук со стрелой, хуже различимы средняя и нижняя часть фигуры всадника). Предмет найден в ущелье Кашка-Су Киргизского хребта Северного Тянь-Шаня к югу от г. Токмак (вблизи которого расположено городище Бурана, отождествляемое со столицей Баласагун тюркского государства Караханидов, 942–1212 гг.), где могла проходить трасса Великого Шелкового пути.

²⁴ Борисенко, Худяков 2008, 51.

²⁵ Горбунов, Тишкин 2019, 185.

Рис. 3. Бляхи (без горизонтальной полосы в основании) в виде всадников «тюркской» традиции (1–6) и аналогии иных традиций (7–12). 1 – р. Чикой, Южное Забайкалье (Н 3,7 см) (по: Михно, Петри 1929, 323); 2 – городище Канка, средневековый Чач, Узбекистан (Н 3,7 см) (по: Средняя Азия... 1999, табл. 45, 4); 3 – городище Ходжент, средневековая Фергана, север Таджикистана (Н 3 см) (по: Древности Таджикистана... 1985, 327, кат. 836); 4 – Ордос (Северный Китай, Внутренняя Монголия) (по: Gudrun 2006, 126. VM-286 (Н 3 см)); 5 – Уты, Минусинская котловина (Н 2,9 см – измерено автором по оригиналу) (по: Tallgren 1917, pl. IX, 10); 6 – Ордос, Северный Китай, Внутренняя Монголия (по: Egami, Mizuno 1935, t. XLV, 11); 7, 8 – граница Северного Китая (по: Salmony 1933, pl. XVI, 5, 6); 9–12 – Тибет (по: Gudrun 2006, 126, FII-284 (Н 2,8 см), R-280 (Н 3,1 см), G-283 (Н 3 см), S-287 (Н 6,3 см)). 6–8 – размеры неизвестны

Fig. 3. Plaques (without a horizontal strip at the base) shaped as horsemen of the “Turkic” tradition (1–6) and their analogies of other traditions (7–12)

Рис. 4. Всадник на «летающем» коне. 1 – район городища Шиш-Тюбе, Чуйская долина; 2, 4 – Копенский чаатас, к. 6, Минусинская котловина (по: Киселев 1949, табл. XLII, 1, 2, 4); 3 – ущелье Кашка-Су, Северный Тянь-Шань; 5 – Иссык-Кульская котловина, Северный Тянь-Шань: а (по: Ставская и др. 2013, 52); б (по: Худяков 2014, 43, рис. 3); в (по: Борисенко, Худяков 2018, рис. 1, 4). 2, 4 – без масштаба

Fig. 4. A horseman on the “flying” horse

Отметим, что все исследователи разных видов и типов блях с изображением всадников едины во мнении, что в целом они характерны для тюркской культурной традиции VI–VIII вв. Иконография легковооруженных всадников восходит к согдийской традиции, сформировавшейся под влиянием иранской. При этом детали отражают реалии культуры «тюркской» эпохи (прическа, одежда, вооружение и снаряжение всадника, элементы убранства коня). При типологическом сходстве фигур определенных групп все они, по-видимому, произведены не только в разных мастерских, но и имеют хронологические различия. Плохое качество изделий может быть результатом того, что они изготовлены условно в «местной» среде (исследователями отмечено, что это могут быть изделия тюркских мастеров), далекой от согдийских ремесленных мастерских VII–VIII вв. как территориально, так и по времени. Можно констатировать наличие блях в виде всадников у кыргызов и карлуков в IX–X вв. Возможно, они сохранялись и в начале II тыс. как почитаемые амулеты-обереги и родовые реликвии.

Распространены подобные бляхи (их, повторимся, немного на фоне обилия торовитки малых форм в целом) на значительной территории горно-степной зоны Центральной Азии. Самые восточные находки сделаны в Монголии и Северном Китае (Ордос, Внутренняя Монголия). Одни (рис. 2, 7, 8; 3, 4) каноничны и полностью соответствуют бляхам с остальных территорий. Другие имеют свои особенности. Подробней остановимся на такой бляхе из Северного Китая, хранящейся в коллекции Токийского университета (покупка г-на Китахира) (рис. 3, 6)²⁶. Именно эта случайная находка была включена в круг «бронзовых пластин с изображением всадника в тюркское время», распространенных на широкой территории²⁷.

Перед нами образ, по-видимому, вооруженного всадника: справа сбоку изображен, возможно, колчан такой же формы (с расширяющимся книзу основанием), как и на других бляхах группы легковооруженных всадников. Из хорошо различимых деталей, сближающих этого всадника с некоторыми другими (каноничными) этой группы, можно назвать длинные волосы, спускающиеся почти до пояса. Изображение коня, напротив, имеет свои особенности: в первую очередь это положение передних ног (прямые и чуть вытянуты вперед), отсутствие султана и свисающей с уздечки кисти под мордой животного (подобные украшения коня характерны для каноничных фигурок). Отличает этого всадника от других и меньшая пластическая проработка фигурки. Имеющиеся четыре круглых отверстия, судя по их расположению, видимо, сделаны специально для пришивания плоской бляхи-фигурки. При всех названных особенностях и некоторой оригинальности фигурки, в целом это также «тюркский» всадник с характерными атрибутами.

Для сравнения с рассмотренными находками «тюркской» традиции и противопоставления им приведем предметы из «пограничной зоны севера Китая». А. Салмони, сравнивая их с минусинскими (находки из Минусинской котловины на Среднем Енисее, относящиеся к культуре кыргызов IX–X вв.), считает, что «образцы из обоих регионов часто идентичны»²⁸. Более реалистичный экземпляр (рис. 3, 7) он относит к концу танского времени, т.е. к IX – началу X в., а экземпляр «совершенно примитивного стиля» (рис. 3, 8) – ко II тыс.²⁹ Сходство приведенных А. Салмони всадников с «минусинскими» образцами – «общевидовое» («всадники на коне»), а стилистически, композиционно и иконографически они разные и отличаются от всадников «тюркской» традиции из Центральной Азии. То же можно сказать и о фигурках всадников из Тибета (рис. 3, 9–12), среди которых могут быть и средневековые. Иконографически они также представляют некую иную традицию. Исключение – одна каноническая «тюркская» из Ордоса (рис. 3, 4), неизвестно когда попавшая в Тибет.

²⁶ Inner Mongolia... 1935, pl. XLV, 11.

²⁷ Волков 1965, 287.

²⁸ Salmony 1933, 46, pl. XVI, 5, 6.

²⁹ Последний образец, представляющий всадника на полуфантастическом коне с поднятым пышным хвостом «веером» и необычной мордой, интересно сравнить со случайной находкой из бывшей Семипалатинской области Казахстана. Это двусторонняя серебряная фигурка в виде всадника на фантастическом звере с поднятым пышным хвостом (ср. с поднятым пышным хвостом фигурки яка тувинского народного мастера (Вайнштейн 1974, рис. 151)), на ногах зверя – крепежные пластинки с отверстиями то ли для крепления самой фигурки, то ли для бубенцов или каких-то других подвесок (Сейдимбеков 1985, рис. 42, 43). Автор публикации считает ее монгольской, XII–XIII вв. Представляется, что она может быть и чуть более поздней и, возможно, китайской, периода монгольского правления в Китае, выполненной в китайско-монгольском «стиле».

Итак, анализ новых находок блях в виде всадников из Чуйской долины Северного Притяньшанья позволяет с уверенностью относить их к условной «тюркской» традиции и предположительно датировать концом I (две однотипные бляхи) и началом II тыс. (оригинальная бляха).

ЛИТЕРАТУРА

- Алехин, Ю.П. 1998: Курган кимакской знати на Рудном Алтае. В сб.: *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края IX*. Барнаул, 201–203.
- А.С. [Спицын, А.А.] 1904: Случайные находки близ Семипалатинска. *Известия Императорской археологической комиссии* 12, 65–75.
- Богомолов, Г.И. 1986: Изображения всадников с городища Канка. *История материальной культуры Узбекистана* 20, 69–78.
- Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. 2002: Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири. В сб.: Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Скубневский (отв. ред.), *Актуальные вопросы истории Сибири*. Барнаул, 102–115.
- Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. 2007а: Из истории изучения бронзовых бляшек с изображением всадников, относящихся к культурам средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. В сб.: Ю.С. Худяков (отв. ред.), *Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 99–114.
- Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. 2007б: Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья. В сб.: В.И. Соёнов, В.П. Ойношев (ред.), *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири* 6. Горно-Алтайск, 75–98.
- Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. 2008: Изображения воинов на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (36), 43–53.
- Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. 2018: Бронзовые бляшки с изображением всадников из Северного Кыргызстана. *Археология, этнография и антропология Евразии* 46 (3), 100–106.
- Вайнштейн, С.И. 1974: *История народного искусства Тувы*. М.
- Волков, В.В. 1965: Гобийский всадник. *Новое в советской археологии*. (МИА 130). М., 286–288.
- Горбунов, В.В., Тишкин, А.А. 2019: Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлюоресцентный анализ. *Теория и практика археологических исследований* 2 (26), 179–187.
- Горячева, В.Д. 2010: *Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.)*. Бишкек.
- Древности Таджикистана: Каталог выставки*. 1985. Душанбе.
- Ставская, Л.Г., Джунушалиева, Г.Д., Плоских, В.В., Лужанский Д.В. (ред.) 2013: *Историко-археологический музей КРСУ*. Бишкек.
- Камышев, А.М. 2008: *Введение в нумизматику Кыргызстана*. Бишкек.
- Киселев, С.В. 1949: *Древняя история Южной Сибири*. (МИА 9). М.–Л.
- Кожемяко, П.Н. 1959: *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины*. Фрунзе.
- Конькова, Л.В. 1996: *Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии*: дисс. ... д-ра ист. наук. М.
- Король, Г.Г. 2008: *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки*. (Труды САИПИ V). М.–Кемерово.
- Король, Г.Г. 2015: Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н.э. (по материалам торевтики малых форм). *РА* 4. 64–77.

- Мажитов, Н.А., Султанова, А.Н. 1994: *История Башкортостана с древнейших времен до XVI века*. Уфа.
- Михно, П.С., Петри, Б.Э. 1929: Чикойский всадник. *Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН IV*, 323–328.
- Плотников, Ю.А. 1982: О предназначении литых фигур, изображающих всадников. В сб.: Н.Я. Гущин (отв. ред.), *Студент и научно-технический прогресс: материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции: История*. Новосибирск, 55–59.
- Сейдимбеков, А. 1985: *Поющие купола: Этюды о красоте*. Алма-Ата.
- Смагулов, Е.А. 2014: Бронзовый амулет из Сидака. *Поволжская археология* 1 (7), 206–222.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье*. 1999. М.
- Сунгатов, Ф.А., Юсупов, Р.М. 2006: Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала. В сб.: Г.Т. Обыденникова, Н.С. Савельев (отв. ред.), *Южный Урал в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничного*. Уфа, 247–257.
- Тэнгэрийн илд (*The Sword of Heaven*). 2011. Ulaanbaatar. (На монгол. и англ. яз.)
- Худяков, Ю.С. 2007: Изображения воинов на тюркских монетах Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. В сб.: А.А. Тишкин (отв. ред.), *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии*. (Труды САИПИ 3). Барнаул, 82–85.
- Худяков, Ю.С. 2013: Бронзовые бляшки с изображением всадников с территории Монголии. *ВНГУ. Серия: История, филология* 12, Вып. 5: *Археология и этнография*, 206–213.
- Худяков, Ю.С. 2014: Бронзовые бляшки с изображением стреляющих всадников из Кыргызстана и Китая. *ВНГУ. Серия: История, филология* 13, Вып. 4: *Востоковедение*, 40–49.
- Gudrun, J. 2006: *Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks / Thoglcags*. Rahden.
- Egami, N., Mizuno, S. 1935: *Inner Mongolia and the region of the Great Wall* (Archaeologia Orientalis. Series B; vol. I). Tokyo. (На яп. яз.)
- Salmony, A. 1933: *Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo*. Paris.
- Tallgren, A.M. 1917: *Collection Tovostine*. Helsingfors.

REFERENCES

- Alyekhin, Yu.P. 1998. Kurgan kimakskoy znati na Rudnom Altae [Barrow of the Kimak nobility in the Ore Altai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory IX]. Barnaul, 201–203.
- A.S. [Spitsyn, A.A.] 1904: Sluchaynye nakhodki bliz Semipalatinska [Random finds near Semipalatinsk]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [News of the Imperial archaeological commission 12]. Saint Petersburg, 65–75.
- Bogomolov, G.I. 1986: Izobrazheniya vsadnikov s gorodishcha Kanka [Images of riders from the Kanka hillfort]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of the material culture of Uzbekistan] 20, 69–78.
- Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. 2002: Izuchenie srednevekovykh bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov v Yuzhnoy Sibiri [A study of medieval bronze plaques depicting horsemen in Southern Siberia]. In: Yu.F. Kiryushin, V.A. Skubnevskiy (eds.), *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Actual issues of the history of Siberia]. Barnaul, 102–115.
- Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. 2007a: Iz istorii izucheniya bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov, otnosyashchikhsya k kul'turam srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [From the history of the study of bronze plaques depicting horsemen belonging to the cultures of the medieval nomads of Southern Siberia and

- Central Asia]. In: Yu.S. Khudyakov (ed.), *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Armament and military affairs of the nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, 99–114.
- Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. 2007b: Tipologiya bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov i loshadey na torevtike tyurkskikh kochevnikov Tsentral'noy Azii rannego srednevekov'ya [Typology of bronze plaques depicting horsemen and horses on the toreutics of Turkic nomads of Central Asia of the early Middle Ages]. In: V.I. Soynov, V.P. Oynoshev (eds.), *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. 6. Gorno-Altaysk, 75–98.
- Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. 2008: Izobrazheniya voinov na torevtike tyurkskikh kochevnikov Tsentral'noy Azii rannego srednevekov'ya [Images of warriors on the toreutics of the Turkic nomads of Central Asia of the early Middle Ages]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia] 4 (36), 43–53.
- Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. 2018: Bronzovye blyashki s izobrazheniem vsadnikov iz Severnogo Kyrgyzstana [Bronze plaques depicting horsemen from Northern Kyrgyzstan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia] 46 (3), 100–106.
- Drevnosti Tadzhikistana. Katalog vystavki* [Antiquities of Tajikistan. Exhibition catalogue]. 1985. Dushanbe.
- Gorbunov, V.V., Tishkin, A.A. 2019: Metallicheskiye blyakhi v vide voinov-vsadnikov iz pamyatnika Srostki-I: istoriya izucheniya, novye svedeniya i rentgenofluorestscentnyy analiz [Metal plaques in the form of rider warriors from the Srostka-I monument: history of study, new information and X-ray fluorescence analysis]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research] 2 (26), 179–187.
- Goryacheva, V.D. 2010: *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganatov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII v.)* [Urban culture of the Turkic Haganates in the Tien Shan (mid-VI – early XIII century)]. Bishkek.
- Gudrun, J. 2006: *Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks / Thoglcags*. Rahden.
- Egami, N., Mizuno, S. 1935: *Inner Mongolia and the region of the Great Wall* (Archaeologia Orientalis. Series B; vol. I). Tokyo.
- Kamyshev, A.M. 2008: *Vvedenie v numizmatiku Kyrgyzstana* [Introduction to the numismatics of Kyrgyzstan: Textbook]. Bishkek.
- Khudyakov, Yu.S. 2007: Izobrazheniya voinov na torevtike nomadov Tsentral'noy Azii v epokhu rannego srednevekov'ya [Images of warriors on the toreutic of nomads of Central Asia in the early Middle Ages]. In: A.A. Tishkin (ed.), *Kamennaya skul'ptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Yevrazii*. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva. 3) [Stone sculpture and small plastic of ancient and medieval peoples of Eurasia. (Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. 3)]. Barnaul, 82–85.
- Khudyakov, Yu.S. 2013: Bronzovye blyashki s izobrazheniem vsadnikov s territorii Mongolii [Bronze plaques depicting horsemen from the territory of Mongolia]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology] 12.5: *Arkheologiya i etnografiya* [Archaeology and ethnography] 12.5, 206–213.
- Khudyakov, Yu.S. 2014: Bronzovye blyashki s izobrazheniem strelyayushchikh vsadnikov iz Kyrgyzstana i Kitaya [Bronze plaques depicting shooting horsemen from Kyrgyzstan and China]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*

- [*Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*] 13.4: *Vostokovedeniye* [Oriental studies] 13.4, 40–49.
- Kiselev, S.V. 1949: *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri*. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 9) [*The Ancient History of Southern Siberia*. (Materials and investigations in the archaeology of the USSR 9)]. Moscow–Leningrad.
- Konkova, L.V. 1996: *Dal'nevostochnye bronzы i traditsii tsvetnoy metalloobrabotki v stepnoy Azii*: diss. ... d-ra ist. nauk [*Far Eastern bronzes and traditions of non-ferrous metal processing in steppe Asia*]. PhD dissertation. Moscow.
- Korol, G.G. 2008: *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki*. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva. 5) [*The Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays*. (Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. 5)]. M.–Kemerovo.
- Korol, G.G. 2015: Kul'turnye vliyaniya v Tsentral'noy Azii i na sopredel'nykh territoriyakh rubezha I–II tys. n.e. (po materialam torevniki malykh form) [Cultural influences in Central Asia and in the adjacent territories of the turn of the 1st – 2nd millennium AD (based on the materials of small forms toreutics)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 4, 64–77.
- Kozhemyako, P.N. 1959: *Rannesrednekovyye goroda i poseleniya Chuyskoy doliny* [*Early medieval cities and settlements of the Chuy Valley*]. Frunze.
- Mazhitov, N.A., Sultanova, A.N. 1994: *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do XVI veka* [*The history of Bashkortostan from ancient times to the 16th century*]. Ufa.
- Mikhno, P.S., Petri, B.E. 1929: Chikoyskiy vsadnik [Chikoy Rider]. *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniya Rossiyskoy asociatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk* [*Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art History of the Russian Association of Research Institutes for Social Sciences*] IV, 323–328.
- Plotnikov, Yu.A. 1982: O prednaznachenii litykh figur, izobrazhayushchikh vsadnikov [On the purpose of cast figures depicting horsemen]. In: N.Ya. Gushchin (ed.). *Student i nauchno-tekhnicheskii progress: materialy XX Vsesoyuznoy nauchnoy studencheskoy konferentsii: Istoriya* [*Student and scientific and technological progress: materials of the XX All-Union scientific student conference: History*]. Novosibirsk, 55–59.
- Salmony, A. 1933: *Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo*. Paris.
- Seydimbekov, A. 1985: *Poyushchie kupola: Etyudy o krasote* [*Singing Domes: Studies on Beauty*]. Alma-Ata.
- Smagulov, E.A. 2014: Bronzovyy amulet iz Sidaka [A bronze amulet from Sidak]. *Povolzhskaya arkheologiya* [*Volga Archaeology*] 1 (7), 206–222.
- Srednyaya Aziya i Dal'niy Vostok v epokhu srednevekov'ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e* [*Central Asia and the Far East in the Middle Ages. Central Asia in the Early Middle Ages*]. 1999. Moscow.
- Stavskaya, L.G., Dzhunushalieva, G.D., Ploskikh, V.V., Luzhanskiy, D.V. (eds.) 2013: *Istoriko-arkheologicheskiy muzey KRSU* [*Historical and Archaeological Museum of Kyrgyz-Russian Slavic University*]. Bishkek.
- Sungatov, F.A., Yusupov, R.M. 2006: Bronzovaya figurka vsadnika s Yuzhnogo Urala [Bronze figure of a horseman from the Southern Urals]. In: G.T. Obydennikova, N.S. Savel'ev (eds.), *Yuzhnyy Ural v skifo-sarmatskoye vremya: sbornik statey k 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [*Southern Urals in the Scytho-Sarmatian period: The collection of articles to the 70th anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk*]. Ufa, 247–257.
- Tallgren, A.M. 1917: *Collection Tovostine*. Helsingfors.
- Tengeriyn ild (*The Sword of Heaven*). 2011. Ulaanbaatar. (In Mongolian and English).
- Vaynshteyn, S.I. 1974: *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [*History of Tuva folk art*]. Moscow.

Volkov, V.V. 1965: Gobiyskiy vsadnik [The Gobi Horseman]. *Novoe v sovetskoy arkheologii* [New in the Soviet archaeology]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 130). (Materials and investigations in the archaeology of the USSR 130)]. Moscow, 286–288.

NEW FINDS OF PLAQUES SHAPED AS RIDERS
OF THE “TURKIC” TRADITION
(EARLY MEDIEVAL METALWORKING ART OF CENTRAL ASIA)

Galina G. Korol

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
ggkorol08@rambler.ru

Abstract. Cast plaques shaped as horsemen of the “Turkic” tradition made of non-ferrous metal are not so numerous, but characteristic examples of early medieval artistic metalworking. They belong to the corpus of the so-called small objects of metalwork (toreutics) of Central Asia represented mainly by decorated belt ornaments of horse and rider’s gear. Flat plaques shaped as horsemen served, supposedly, as amulets. Such objects have always attracted attention and are well studied, some of them being random finds. This article analyzes three new items from the Chu Valley of the Northern Tian Shan region. Two plaques represent one type – the figure of a heavily armed spear-bearing horseman in shell armor, his “disc”/round-shaped shield behind his shoulders. The author examines iconography in detail. Both plaques are low-quality castings with an almost erased image, but they still suggest an idea of a certain standard (canon) of a specific depiction. The items discussed expand the range of such plaques characteristic of the Turkic cultural tradition of the 6th–8th centuries in general terms (including other types of plaques). The quality of the images and the casting of the considered items suggest their attribution to the late 1st or the turn of 1st–2nd millennium. The third plaque is an “individual” case. Its condition of preservation does not allow identifying the horse’s posture (galloping “in flight”?). The author notes iconographic details characteristic of other figures of the “Turkic” horsemen. The ornamentation system of horse gear is reproduced quite accurately. The horseman is holding *kamcha* (whip), a totally new detail, in his right hand. The master is original in attempting to portray clothes in such a way that it resembles the plated armor of heavily armed spear-bearing riders. This is a product of a master of improvisations, who, perhaps, tried to create his original (partly syncretic) version using several well-known canonical samples. Presumably, the plaque can be attributed to the early 2nd millennium. With all its peculiarities, it reflects some canons of composition and design of such figurines and can be included in a single corpus of the “Turkic” horsemen images of Central Asia.

Keywords: artistic metalworking, non-ferrous metal, plaques shaped as horsemen, the Chu Valley, Central Asia, the Early Middle Ages

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2020), 168–175
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2020), 168–175
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-168–175

ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЦЕБЕЛЬДИНСКОГО ПЕРИОДА В СЕЛЕ КУЛАНЫРХУА, АБХАЗИЯ

Г.В. Требелева¹, З.Г. Хондзия²

¹*Институт Археологии РАН, Москва, Россия,
trgv@mail.ru*

²*Абхазский институт гуманитарных исследований Абхазской академии наук, Сухум,
Абхазия,
zaza37273@mail.ru*

Аннотация. Цебельдинский период в истории Абхазии – это отдельный, очень важный этап, наполненный бурными военно-политическими событиями, в ходе которых сформировался базис, который лег в основу будущего Абхазского царства. Нашло ли это отражение в памятниках села Куланырхуа, расположенного на территории древней Абазгии? В двух могильниках, исследованных в данном селе, при общей численности в 38 погребений имеются всего лишь два погребения с оружием: по одному на каждый могильник. Набор вооружения на обоих памятниках примерно одинаков, и сами артефакты близки по своим параметрам. Существует большое количество аналогов найденных артефактов в могильниках данного времени, раскопанных в районе Цебельды. Однако, с учетом малочисленности подобных погребений, мы не можем их расценивать как свидетельства военизированнойности населения села: скорее всего, данные воинские погребения отражают лишь социальный статус погребенных. Среди памятников Куланырхуа отсутствуют следы каких-либо оборонительных сооружений того времени. Сравнивая памятники села Куланырхуа с синхронным ему в Восточной Абхазии, на территории древней Апсилии, Маркульским городищем, мы замечаем, что в Маркульском городище есть четкие следы военной напряженности той эпохи, но не находим таковых в селе Куланырхуа. Это можно трактовать в данный момент либо как признак того, что основные «военные фронты» обошли село стороной, либо сделать вывод, что наши знания о данном памятнике слишком малы, и нам следует в будущем ждать новых открытий.

Ключевые слова: археология, Абхазия, Абазгия, цебельдинский период, воинские погребения, оружие

Цебельдинский период в истории Абхазии – это важнейший исторический этап, наполненный бурными военно-политическими событиями, в ходе которых сформировался базис, заложивший основу будущего Абхазского царства. В сочинениях Плиния Секунда (Plin. NH. IV. 14) и Флавия Арриана (Arr. Per. 15), от-

Данные об авторах: Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук.

Хондзия Зураб Георгиевич – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований Абхазской академии наук.

ражающих данный период истории, мы встречаем упоминания о древнеабхазских племенах, являющихся предками современных абхазов: абазгов, апсиров и санигов. В предыдущей статье¹ была сделана попытка определить границы между историческими частями древнего государства, здесь же мы постараемся проанализировать конкретный археологический материал из раскопок села Куланьрхуа (краткий обзор данных памятников мы уже приводили раньше²), дающий нам некоторую информацию о жизни местного населения в цебельдинский период.

Село Куланьрхуа расположено в Гудаутском районе, и, следовательно, относилось ранее к территории древней Абазгии. Имеющиеся источники недвусмысленно говорят о том, что Абазгия во II–V вв. находилась в сфере политического влияния Рима. Известно о существовании в римской армии в IV в. целого воинского подразделения абазгов (*Ala prima abasgorum*). Достоверно неизвестно, получило ли оно такое название из-за того, что там состояли на службе абазги, или из-за того, что подразделение отличилось при ведении боевых действий на территории Абазгии³.

В середине III в. Великий Питиунт, находящийся на западной границе Абазгии, подвергается опустошительному нашествию готов, а в начале IV в. восстанавливается с большим числом новых башен и других сооружений. Во второй половине IV – начале V в. появляются новые мощные укрепления в Гагре (крепость Нитика) и в Новом Афоне (крепость Трахея/Анакопия), сооруженные византийцами или при их непосредственном участии. Все это свидетельствует о сложной военной обстановке в тот период. Найдём ли мы отражение этой обстановки в памятниках села Куланьрхуа?

Основными памятниками данного периода в селе являются поселения и могильники, расположенные на трех холмах: Осиаа-рху, Адеи-гуара и Аджаца⁴. Раскопки в этой местности проводили А.И. Джопуа, Н.К. Шинкао и З.Г. Хондзия, и следов каких-либо оборонительных сооружений, относящихся к данному периоду, исследователями обнаружено не было. Единственным свидетельством отголоска военных событий того периода, возможно, могли бы служить захоронения с оружием, обнаруженные в могильниках.

Могильник Адеи-гуара (рис. 1) расположен на юго-восточной стороне холма Адеи-гуара, на возвышенности, и недостаточно изучен в плане установления его границ. Здесь в 2001 г. А.И. Джопуа и Н.К. Шинкао⁵ было раскопано 27 погребений, из которых 15 – безынвентарные, а в других 12 погребениях обнаружено 10 ритуальных глиняных кувшинчиков, 3 железных ножа и 1 фрагмент бронзового браслета. Глубина залегания погребений составила 30 см. В 2017 г. З.Г. Хондзия проводил здесь спасательные археологические работы, которые позволили ему вскрыть одно погребение с остатками воинского захоронения⁶. Погребение было разрушенным, но найденные в нем артефакты (меч, 3 наконечника копья, нож с прямой спинкой) находились в хорошей сохранности.

¹ Требелева 2019, 163–172.

² Хондзия, Требелева 2017, 164–173.

³ Воронов 2006, 16.

⁴ Хондзия, Требелева 2017, 164–173.

⁵ Джопуа 2015, 31–33.

⁶ Хондзия, Требелева 2019, 336–339.

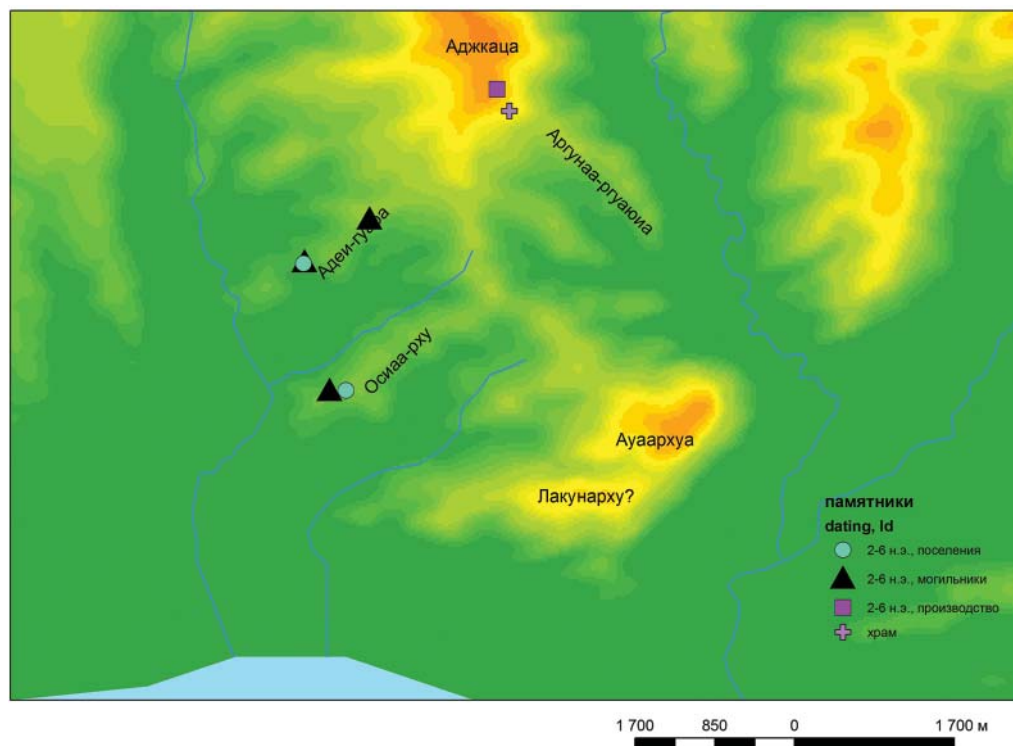

Рис. 1. Карта памятников села Куланьрхуа
Fig. 1. Map of sites in the village of Kulanyrkhua

Могильник Осаа-рху (рис. 1) расположен на невысоком холме в центре села. Памятник исследовался З.Г. Хондзия в 2007–2011 гг. Всего на участке было обнаружено 10 погребений: 3 – ингумационных, 7 – кремационных. Инвентарь содержался лишь в одном кремационном детском погребении и в 3 ингумационных, одно из которых оказалось воинским. Рассмотрим оружие из данных погребений.

ОРУЖИЕ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА ХОЛМЕ АДЕИ-ГУРА

1) *Меч железный* (рис. 2 В, 1). Изготовлен с применением техники ковки и имеет одностороннюю заточку. Длина режущей части составляет 45 см, длина спинки меча – 0,8 см, длина сохранившейся части насадочного черенка – 7,1 см. На рукоятке сохранилась заклепка из бронзовой проволоки. Кончик рабочего лезвия полукруглой формы. Ширина лезвия – 3 см.

2) *Наконечник копья* (рис. 2 В, 2). Изготовлен из железа с применением техники ковки и имеет необычную форму. Такие наконечники копья редки на территории Абхазии, и данный артефакт является первой находкой подобного рода в с. Куланьрхуа пос. Адегуара. Изделие представляет собой длинный наконечник копья четырехгранного сечения, похоже на узкий наконечник посоха. Длина наконечника – 41 см, потенциальная длина поражающей части – 33 см. Сохранивша

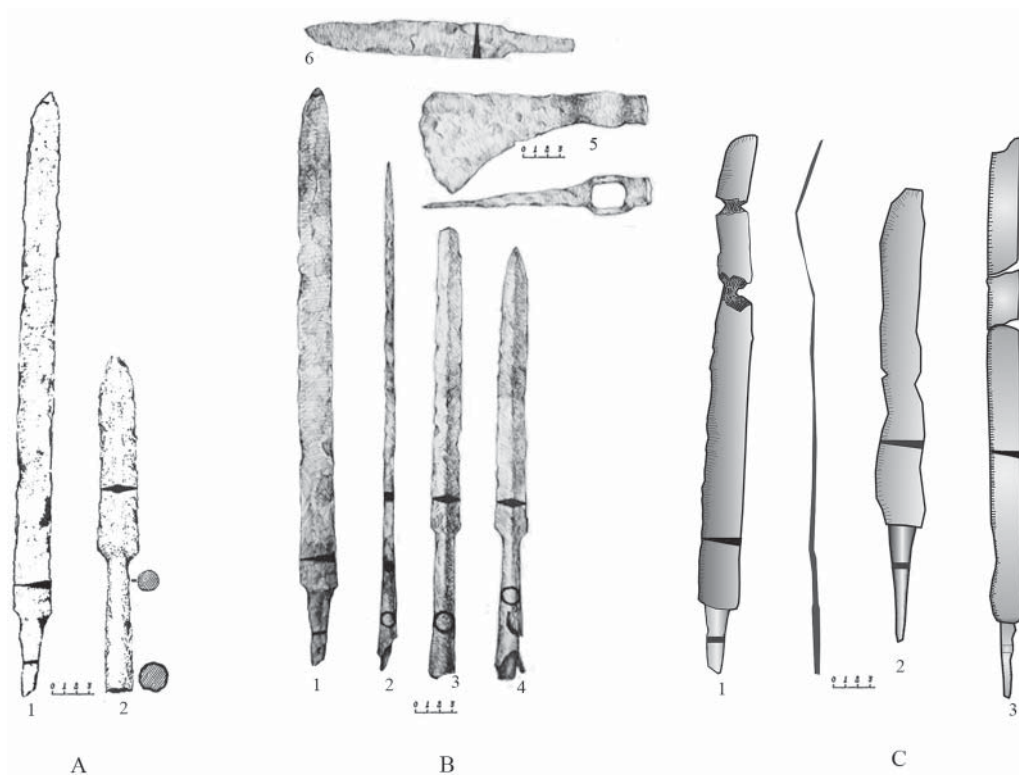

Рис. 2. Мечи из погребений села Куланыхуа (А – Осаа-рху; В – Адеи-гуара) и Маркульского городища (С)

Fig. 2. Swords from the burials in Kulanyrhua (A - Osaa-rkhu; B - Adei-guara) and Markul settlement (C)

яся часть рабочей втулки длиной 8 см изготовлена с применением техникиковки. Втулка разомкнута, прослеживается шов. Внешний диаметр втулки (ее сохранившаяся часть) составляет 2,2 см. Входная часть втулки проржавела и сломлена. Возможно, втулочная часть копья имела размеры до 10,5 см. Сохранность находки удовлетворительная. На наш взгляд, судя по необычной форме и размерам артефакта, он мог применяться в вооружении тяжелой конницы против тяжеловооруженных рыцарей. Аналоги таких копий на территории Абхазии нами не найдены. Некоторое сходство с данной находкой обнаруживают лишь средневековые четырехгранные стрелы, предназначенные для пробивания брони противника.

3) *Наконечник копья* (рис. 2 В, 3). Изготовлен из железа с применением техникиковки. Лезвие копья – симметричное, имеет резко выраженное ребро. Наконечник находится в хорошей сохранности, за исключением кончика пера, из которого утрачено около 2 см. Втулка имеет разомкнутую форму, и во втулочной части прослеживается шов. Длина сохранившейся части копья – 36,6 см, сломанная часть кончика пера – около 2 см. Внутренняя насадочная часть имеет диаметр 1,6 см. Наружный диаметр равняется 2,3 см. Во втулочной части сохранилась древесина от древка. Длина втулки – 12 см.

4) *Наконечник копья* (рис. 2 В, 4). Изготовлен из железа с применением техникиковки. Лезвие копья имеет симметричную форму и резко выраженное ребро. Длина рабочей части копья – 22,6 см, втулки – 12,3 см. Втулка копья разомкнута и при переходе к лезвию копья составляет 2,6 см. Внешний диаметр насадочной части – 2,4 см, внутренний диаметр втулки – 2,1 см. Общая длина копья – 34,2 см. Втулка заполнена истлевшим куском древка копья.

5) *Топор железный* (рис. 2 В, 5). Изготовлен с применением техники холоднойковки. Длина – 16,7 см, ширина рабочего лезвия – 7,9 см. Длина обушной части топора – 5,6 см, ширина внешней части обуха – 5,1 см. Внутренний диаметр обушной части топора – 3,3 см. Навершие выполнено в виде куба со стороной длиной 2,2 см. Насадочная втулка имеет квадратную форму. Спинка топора – прямая, обушная часть изогнута внутри насадочного черенка, внутренняя часть топора имеет резкий изгиб к рукоятке и расширяется в виде полукруга. Прототипом данного орудия является колхидский бронзовый топор, но встречается такой тип топора и в могильниках цебельдинского времени⁷. Данная находка имеет хорошую сохранность.

6) *Нож железный* (рис. 2 В, 6). Нож с прямой спинкой, изготовлен с применением техникиковки. Длина рабочего лезвия – 15,6 см, длина черенка – 5,7 см, ширина рабочего лезвия – 2,8 см. Толщина спинки ножа – 0,6 см. Кончик ножа имеет изгиб в сторону рабочего лезвия. Рукоять по слабым следам и остаткам материала могла быть изготовлена из рога или дерева; пластины закреплены с помощью заклепок, изготовленных из бронзовой проволоки. Аналоги оружия широко встречаются в могильниках цебельдинского времени.

ОРУЖИЕ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА ОСИАА-РХУ

1) *Меч железный* (рис. 2 А, 1). Изготовлен с применением техникиковки и имеет одностороннюю заточку. Длина режущей части – 50 см, толщина спинки меча – 0,8 см, длина сохранившейся части насадочного черенка – 8,6 см, ширина лезвия – 4,5 см. Кончик рабочего лезвия полукруглой формы. Находка имеет хорошую сохранность.

2) *Наконечник копья* (рис. 2 А, 2). Наконечник железный кованый, втульчатый. Лезвие копья – симметричное, имеет резко выраженное ребро. Длина наконечника – 17 см, длина втулки – 12,3 см. Диаметр внутренней насадочной части – 1,8 см. Наружный диаметр – 2,8 см. Находка имеет хорошую сохранность.

Таким образом, из 38 погребений в двух могильниках оружие встречается только в двух, по одному на каждый могильник. Набор вооружения в обоих памятниках примерно одинаков, и сами артефакты близки по своим параметрам. В могильниках данного времени, раскопанных в районе Цебельды⁸, широко представлены аналоги этого оружия. Учитывая малое количество подобных погребений в селе Куланыхруа, мы не можем их расценивать как свидетельства военизированнойности населения. Скорее всего, данные воинские погребения отражали лишь социальный статус погребенных.

⁷ Трапш 1971, 1975; Воронов 2003.

⁸ Трапш 1971, 1975; Воронов 2003.

В этом случае интересно провести параллель с синхронным Маркульским городищем, раскопанным нами в восточной Абхазии, т.е. на территории Апсилии. В нем четко наблюдается в рассматриваемый период появление оборонительных сооружений и переход населения из района долины на вершину плато⁹. Большого цельного могильника здесь пока нами найдено не было. Однако в 2019 г. в ходе спасательных работ на местах грабительских раскопок возле башни Алахаш-абаа были найдены мечи (рис. 2 С). Оружие находилось в значительно худшей сохранности, чем в захоронениях в с. Куланурхуа. Обнаруженные мечи близки между собой по параметрам, но все же можно заметить отличия как между ними, так и между этой группой оружия и мечами, найденными в с. Куланурхуа.

ОРУЖИЕ ИЗ ГРАБИТЕЛЬСКИХ РАСКОПОК НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

1) *Меч 1* (рис. 2 С, 1). Изготовлен с применением техникиковки и имеет одностороннюю заточку. Конец клинка отсутствует, сохранившаяся длина меча – 50 см, сохранившаяся из нее часть рукоятки – 2,5 см. Меч найден в изогнутом состоянии. Кончик рабочего лезвия полукруглой формы. Ширина лезвия составляет 4,7 см.

2) *Меч 2* (рис. 2 С, 2). Изготовлен с применением техникиковки и имеет одностороннюю заточку. Конец клинка слегка надломлен. Длина клинка – 41 см, рукоятка сохранилась на 14 см, ширина лезвия – 4,7 см.

3) *Меч 3* (рис. 2 С, 3). Изготовлен с применением техникиковки и имеет одностороннюю заточку. Меч сломан, состоит из трех фрагментов. Рукоятка сохранилась на 10 см. Собранный из 3-х частей сохранившаяся длина клинка составляет 62 см.

Учитывая достаточно широкие рамки периода в целом, можно сделать вывод о том, что мечи, найденные в Маркульском городище, могут отражать разновременные эпохи. Их исследование, в том числе с привлечением естественнонаучных методов, планируется продолжить.

Вызывает интерес сравнение двух памятников: на Маркульском городище отмечаются четкие следы военной напряженности той эпохи, что не находит отражения в селе Куланурхуа. Эти данные можно трактовать в настоящий момент либо как признак того, что основные военные действия обошли село Куланурхуа стороной, либо сделать вывод о том, что наши знания о данном памятнике слишком недостаточны, и необходимы дальнейшие исследования

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов, Ю.Н. 2003: *Могилы апсильев. Итоги исследований некрополя Цибилуум в 1977–1986 годах*. Пуццо.
- Воронов, Ю.Н. 2006: *Научные труды*. Т. I. Сухум.
- Джопуа, А.И. 2015: Новый могильник поздней античности и раннего средневековья в с. Куланурхуа (Гудаутский район, Абхазия). В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной конференции*. Сухум, 31–33.

⁹ Требелева и др. 2019, 230–239; Требелева 2019а, 68–70.

- Трапш, М.М. 1971: *Культура цебельдинских некрополей*: в 4-х томах. Т. III. Сухуми–Алашара.
- Трапш, М.М. 1975: *Материалы по археологии средневековой Абхазии*: в 4-х томах. Т. IV. Сухуми–Алашара.
- Требелева, Г.В., Кизилов, А.С., Глазов, К.А., Хондзия, З.Г., Юрков Г.Ю. 2019: Оборонительные сооружения Маркульского городища. К вопросу датировки. *КСИА* 256, 230–239.
- Требелева, Г.В. 2019: К вопросу реконструкции границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии. *ПИФК* 4, 163–172.
- Требелева, Г.В. 2019а: Маркульское городище (Абхазия) – от эллинизма до средневековья (история открытия и результаты исследования). В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Греки и варварский мир северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез»*. Санкт-Петербург, 68–70.
- Хондзия, З.Г., Требелева, Г.В. 2017: Памятники цебельдинской культуры в селе Куланурхуа. *ПИФК* 3, 164–173.
- Хондзия, З.Г. Требелева, Г.В. 2019: Захоронение VI века в поселке Адегуара села Куланурхуа. В сб.: Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.), *IX Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции*. Краснодар, 336–339.

REFERENCES

- Dzhopua, A.I. 2015: Novyy mogil'nik pozdney antichnosti i rannego srednevekov'ya v s. Kulanurkhua (Gudautskiy rayon, Abkhaziya). [The new burial ground of the Late Antiquity and the Early Middle Ages in the village of Kulanurkhua (Gudauta district, Abkhazia)]. In: A.V. Mastykova (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ya: arkheologicheskiye dannyye. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. [Social stratification of the Caucasian population at the Late Antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the international conference]. Sukhum, 31–33.
- Khondziya, Z.G., Trebeleva, G.V. 2017: Pamyatniki tsebel'dinskoй kul'tury v sele Kulanyrkhuа. [Sites of the Tsebel'da culture in the village of Kulanyrkhuа]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 164–173.
- Khondziya, Z.G., Trebeleva, G.V. 2019: Zakhoroneniye VI veka v poselke Adeguara sela Kulanyrkhuа. [The burial of the 6th century AD in the village of Adeguara (Kulanyrkhuа)]. In: R.B. Schatum, V.V. Ulitin (ed.), *IX Anfimovskie chteniya po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii*. [IX Anfimov Readings on the Archeology of the Western Caucasus. Materials of the International Archaeological Conference.]. Krasnodar, 336–339.
- Trapsh, M.M. 1971: *Kul'tura tsebel'dinskikh nekropoley: v 4-kh tomakh*. [The culture of the Tsebel'da necropolis, vol. 1–4]. Vol. III. Sukhumi.
- Trapsh, M.M. 1975: *Materialy po arkheologii srednevekovoy Abkhazii: v 4-kh tomakh*. [Materials on the archeology of medieval Abkhazia, vol. 1–4]. T. IV. Sukhumi.
- Trebeleva, G.V. 2019а: K voprosu rekonstruktsii granits rannesrednevekovykh gosudarstvennykh obrazovaniy na territorii Abkhazii. [On the issue of reconstruction of the borders of early medieval states on the territory of Abkhazia] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 163–172.
- Trebeleva, G.V. 2019: Markul'skoye gorodishche (Abkhaziya) – ot ellinizma do srednevekov'ya (istoriya otkrytiya i rezul'taty issledovaniya) [Markul settlement (Abkhazia) – from Hellenism

- to the Middle Ages (discovery history and research results)]. In: D.G. Savinov (ed.), *Greki i varvarskiy mir severnogo Prichernomor'ya: kul'turnyye traditsii v kontaknykh zonakh. Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Arkheologicheskiye istochniki i kul'turogenез»*. [Greeks and the barbaric world of the Northern Black Sea region: cultural traditions in contact zones. Materials of the 5th International scientific conference "Archaeological sources and cultural genesis"]. Saint Petersburg, 68–70.
- Trebeleva, G.V., Kizilov, A.S., Glazov, K.A., Khondziya, Z.G., Yurkov, G.Yu. 2019: Oboronitel'nyye sooruzheniya Markul'skogo gorodishcha. K voprosu datirovki. [Defensive structures of the Markul fortification. To the issue of dating]. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 256, 230–239.
- Voronov, Yu.N. 2003: *Mogily apsilov. Itogi issledovaniy nekropolya Tsibilium v 1977–1986 godakh*. [Graves of the Apsilae. The results of the research of the necropolis of Cybilium in 1977–1986]. Pushchino.
- Voronov, Yu.N. 2006: *Nauchnyye trudy*. [Scientific works]. Vol. 1. Sukhum.

THE TSEBELDA PERIOD WARRIORS' GRAVES IN THE VILLAGE OF KULANYRKHUA, ABKHAZIA

Galina V. Trebeleva¹, Zurab G. Khondzia²

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

trgv@mail.ru

²*Abkhaz Institute for Humanitarian Studies of the Abkhaz Academy of Sciences, Sukhum, Abkhazia*

zaza37273@mail.ru

Abstract. The Tsebelda period in the history of Abkhazia is a special, very important stage, filled with stormy military and political events, during which the basis for coming Abkhazian Kingdom was formed. Did this find its reflection in the sites near the village of Kulanyrkhua, located on the territory of ancient Abazgia? In the two necropolises in this village, with a total of 38 burials, there are only two burials containing weapons: one for each one. The set of weapons in both sites is approximately the same, and the artifacts themselves are similar. There is a large number of analogs of found artifacts in the burial grounds of this time, excavated in the area of Tsebelda. However, given the small number of such burials, we cannot regard them as evidence of militarization of the village population: most likely, these graves of warriors reflect only the social status of the dead. Among the monuments of Kulanyrkhua, there are no traces of any fortifications at the time. Comparing the sites near Kulanyrkhua with the simultaneous settlement of Markul in Eastern Abkhazia, on the territory of ancient Apsilia, we note that the Markul settlement has clear traces of military tension of that epoch, but we do not find any in Kulanyrkhua. This can be interpreted at the moment either as a sign that the main military events have bypassed the village, or to conclude that our knowledge of this site is too small, and we should wait for new discoveries in the future.

Keywords: archaeology, Abkhazia, Abazgia, Tsebelda period, warriors' burials, weapons

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-176–189

ДАТИРОВКА ЧОР-МИНОР В БУХАРЕ, УЗБЕКИСТАН

Л.О. Смирнова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
smirnova@hermitage.ru

Аннотация. В 1976 г. О.А. Сухарева выразила сомнение в датировке медресе Халифа Ниезкули (Чор-минор) в Бухаре. Основанием стало упоминание его названия в документах конца XVII в. Однако О.А. Сухарева не уточнила, какое из двух названий упомянуто в документе. В 2001 г. Анке фон Кюгельген высказала мнение, что дата, которую можно увидеть на стене Чор-минор – это не дата строительства, а дата основания вакфа. В 2012 г. в Дарвазе (Таджикистан) на памятнике, который можно датировать не позднее конца XVII в., был найден архитектурный объект, остатки которого были условно названы «Панчманор». Ближайшей архитектурной аналогией ему оказалась входная конструкция в медресе Халифа Ниезкули, собственно Чор-минор. Эта стало поводом для более детального рассмотрения вопроса о датировке медресе. Судя по старым фотографиям, сделанным после разбора худжр/келий, входная конструкция медресе была построена раньше, чем все остальные помещения. Поэтому в настоящей работе предлагается ряд аргументов в пользу высказанного О.А. Сухаревой предположения, но не о более ранней датировке всего медресе, а только о более ранней датировке его входной конструкции, собственно, Чор-минора. К числу этих аргументов относятся найденный в Дарвазе «Панчманор»; выделение группы памятников, в которую можно включить Чор-минор; характерная композиция фасада и стилистическое оформление поверхности стен Чор-минора. Судя по предложенным аргументам, возможно, что строительство входной конструкции можно отнести к периоду до конца XVII в. или более раннему времени.

Ключевые слова: археология, Бухара, Дарваз, Гайдерабад, Чор-минор, «Панчманор», Чар-минар

Город Бухара расположен в нижнем течении р. Зеравшан. Он был культурным и политическим центром при Бухархудатах (VI–VIII вв.), Саманидах (IX–X вв.), Шейбанидах (XVI в.), Аштарханидах (XVII–XVIII вв.), Мангытах (XVIII–XX вв.). Археологический материал возводит начало существования Бухары к концу IV–III вв. до н.э. В большом шурфе-раскопе у медресе Мир Араб, на северо-западе, в квартале Катаган, и на севере, близ Саманбазара, были обнаружены остатки крепостных стен античного и раннесредневекового шахристана, воздвигнутых в V–VI вв. н.э. В раннефеодальную пору Бухара состояла из отдельно сто-

Данные об авторе: Смирнова Лариса Олеговна – младший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

ящей цитадели, шахристана (собственно город) и рабада (пригород) с большим количеством расположенных вокруг замков купцов и феодалов. Расцвет Бухары относится к IX–XII вв., когда она была столицей государства Саманидов и центром удела Караханидов. К концу X в. она превращается в один из крупнейших и густонаселенных городов Средней Азии. С падением государства Саманидов Бухара лишилась привилегированного положения столицы, но в ней еще продолжалось монументальное строительство. После нашествия Чингисхана, в течение 1220–1312 гг. Бухара шесть раз подвергалась грабежу и сожжению, после чего она долго находилась в развалинах, а поля вокруг нее лежали в полном запустении. В XIV–XV вв., когда Самарканд стал столицей империи Тимура и Тимуридов, Бухара как второй по величине город Мавераннахра продолжала оставаться крупным ремесленным центром. Большое значение придавал городу Улугбек, считая его важным политическим, экономическим и культурным центром Мавераннахра. С XVI в. она стала столицей Бухарского ханства, а затем эмирата. Расцветы и значение города сопряжено с бурным строительством, о котором свидетельствуют такие известные памятники как минарет Калян и мечеть Магоки Аттари (XII в.), медресе Улугбека (XV в.), Кошмедресе, медресе Кукельдаш, Мир Араб, Абдулазизхана, купольные сооружения: Таки Саррафан (купол менял), Таки Тельпак Фурушон (купол продавцов головных уборов), Таки Заргарон (купол ювелиров), Тими Баззасон (пассаж торговцев тканями), Тими Калян (большой пассаж) (XVI–XVII вв.) и др. Таким образом, в Бухара – это многослойный памятник, в котором сохранились разновременные архитектурные памятники¹. Строительство в таких крупных городах как Бухара, Самарканд и др. пользовалось особой поддержкой, поэтому источники фиксируют приглашение различных мастеров – архитекторов, художников, резчиков и т.д. – из самых разных концов мусульманского мира. Особенно это характерно для XIV–XV вв.² Г.А. Пугаченкова отмечает, что для зодчества этого периода понятие «локальных школ» практически неприменимо³, в то время как при описании архитектуры более позднего времени исследователи чаще говорят о «локальных школах»⁴.

В таком сложном архитектурно-историческом контексте и находится памятник, датировке которого и посвящена настоящая статья. «Чор-минор» в настоящее время считается входной конструкцией («дарвозахона») в медресе Халифи Ниязкули⁵ (рис. 1). Это двухэтажная купольная постройка с четырьмя угловыми башнями, увенчанными куполами, покрытыми синей изразцовой облицовкой. Нижний этаж решен как шестигранный вестибюль, на втором этаже, в котором помещалась библиотека, расположена комната с плоским куполом в кольце несложных сталактитов⁶. Высота башен 17 м, дм в основании – более 3 м, размер использованного для строительства квадратного кирпича – 24–28×4–4,5 см⁷. В плане Чор-минор – прямоугольная постройка размером около 11×10 м. Входы в нижнее помещение находятся с четырех сторон. Северная и южная стороны зда-

¹ Мухамеджанов 1984, 36–44.

² Бретаницкий 1966, 419–501; Тонди 2003, 33–38.

³ Пугаченкова 1976, 101.

⁴ Азимов 1999; Юсупова 2000.

⁵ Альмеев 2011; Маньковская 1980, 68–70; Маньковская 2014, 208.

⁶ Воронина 1969, 334.

⁷ Азимов 1999, 118.

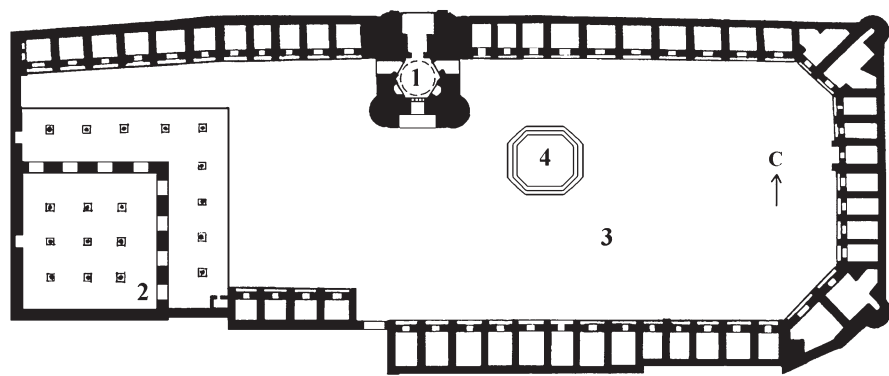

Рис. 1. План медресе Халифа Ниязкули (Ремпель, Пугаченкова 1965, 375)
 Fig. 1. The Madrasah of Khalif Niyaz-kul, plan (Rempel, Pugachenkova, 1965, 375)

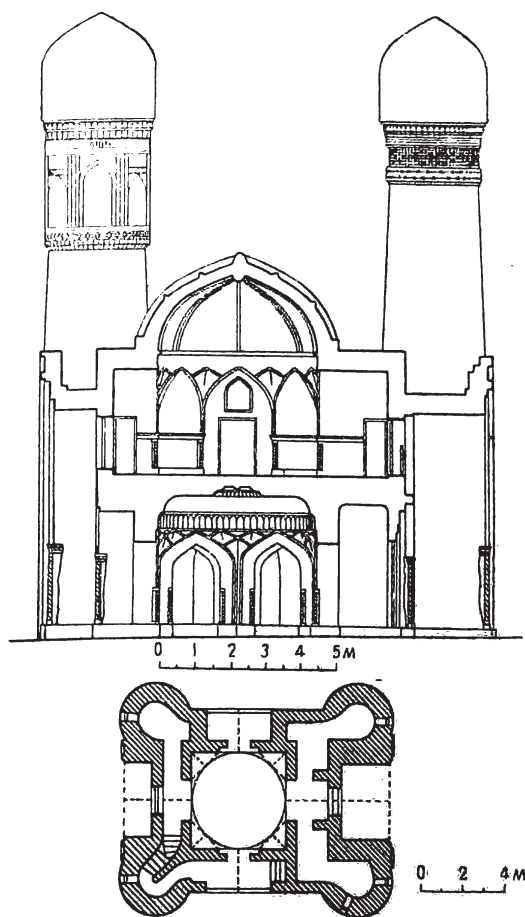

Рис. 2. План и разрез Чор-минор (Воронина 1969, 333)
 Fig. 2. Chor Minor, plan and section (Voronina, 1969, 333)

ния оформлены порталами. А на западной и восточной сторонах помещены по два окна. Одно большое, типа лоджии на уровне второго этажа, а второе – сбоку ближе к башне, на уровне между этажами – выше прохода и ниже лоджии. Такое расположение окон может быть характерно для лестничных клеток, хотя в настоящее время лестница на второй этаж Чор-минора находится в одной из башен (рис. 2).

Комплекс всего медресе состоял из двора, окруженного худжрами/кельями, входа «Чор-минор» и каркасной мечети в юго-западном углу⁸ (рис. 1). Н.А. Ханьков упоминает как медресе, так и «мечеть Имама Халифя нияз Кули, находящуюся между воротами Мазар и Кауала, отличающуюся четырьмя куполами, покрытыми синим изразцом»⁹.

В 1950-х гг. худжры/кельи и мечеть были полностью разобраны на кирпичи и строительные материалы. Башни Чор-минора реставрировали в 1968 г. Упавшая в 1995 г. юго-восточная башня была построена заново в 1997 г. В начале 1980-х гг. были восстановлены четыре худжры/кельи, медресе, бассейн¹⁰.

В.А. Шишкин писал о Чор-минор, что «при всем техническом несовершенстве и, если можно так выразиться, упадочности архитектурного построения, группа из четырех поставленных близко одна к другой башен (конечно, не минаретов) весьма живописна»¹¹. Б.В. Веймарн приводит Чор-минор как единственный достойный внимания образец «оригинального замысла» в архитектуре Бухары XVIII–XIX вв., называя остальные памятники этого времени «мало интересными в отношении архитектурной формы и декоративной отделки»¹². Л.И. Ремпель и Г.А. Пугаченкова увидели в Чор-минор «близкую народу простоту архитектурных средств и форм»¹³. К.С. Крюков и Н.М. Лукинская пишут, что «принципы органического сочетания монументального зодчества и народной архитектуры нашли яркое отражение в мечети-медресе Ниязкула (1807 г.) в Бухаре, известной также под названием «Чор-Минор»¹⁴.

Комплекс медресе датируется 1807 г.¹⁵. Датировка дана по надписи, расположенной в интерьере помещения первого этажа Чор-минор – «четверостишие, принадлежащее бухарскому поэту XIX в. Беморий: «Пусть сюда проложат дорогу (паломники) его (т.е., Нияз-кули – Альмеев) щедростью было построено это благочестивое здание. И было это в тысяча двести двадцать втором году» (1807–1808 г.)»¹⁶.

О.А. Сухарева, исследуя вакфные документы Бухары, высказала предположение, что медресе, наверное, следует датировать более ранним временем, так как по названию медресе Халифа Ниезкула локализуется квартал, упомянутый в документах конца XVII в.¹⁷. Из публикации не совсем ясно, по какому из двух названий медресе определен квартал – «Чор-минор» или «Халифа Ниязкули».

⁸ Воронина 1969, 334.

⁹ Ханьков 1843, 85.

¹⁰ Альмеев 2011.

¹¹ Шишкин 1936, 90.

¹² Веймарн 1940, 115, 116.

¹³ Ремпель, Пугаченкова 1965, 376.

¹⁴ Крюков, Лукинская 1972, 196.

¹⁵ Воронина 1969, 333–334.

¹⁶ Альмеев 2011.

¹⁷ Сухарева 1976, 305.

Анке фон Кюгельген, работавшая с документами и источниками, связанными с биографией Ниязкули, на основании акта регистрации вакфа, датированного шаввалом 1222/декабрем 1807 г., считает эту дату датой основания вакфа, устанавливающего размер содержания всего комплекса, обслуживающего персонала и студентов, а не датой строительства медресе. Анке фон Кюгельген, по-видимому, не видела текста, который упомянула О.А. Сухарева, и, сомневаясь в более ранней датировке медресе Халифа Ниез Кули, предположенной О.А. Сухаревой, пишет, что «если бы подобного рода Мадраса имела на момент, когда Ниязкули начал строительство, он бы не обошел бы его молчанием», хотя пишет, что в акте регистрации упомянуто четырехбашенное здание¹⁸. К сожалению, ни та, ни другая исследовательница не привели текстов документов.

В настоящей работе предлагается ряд аргументов в пользу высказанного О.А. Сухаревой предположения о более ранней датировке входной конструкции медресе, собственно, Чор-миноре. К числу этих аргументов относятся найденная в Дарвазе близкая аналогия Чор-минору; выделение группы памятников, в которую можно включить Чор-минор; характерная композиция фасада и стилистическое оформление поверхности стен Чор-минора.

Планировка здания. Основные характеристики планировки Чор-минор: центрическая, однокамерная в плане, двухуровневая в разрезе, со встроенными в конструкцию здания колоннами/башнями. В поисках аналогии первое, что может прийти на ум, – мавзолей Исмаила Самони в Бухаре (X в.) – однокамерная центрическая купольная конструкция, украшенная по бокам четырьмя колонками¹⁹. Тем не менее, он не может служить аналогией, так как он одноуровневый, а угловые колонки не конструктивный, а декоративный элемент.

Л.Ю. Маньковская в своей типологии архитектуры Средней Азии рассматривает Чор-минор как один из типов крепостных ворот²⁰. Однако старые фотографии, сделанные после сноса мечети и худжр/келий в 50–х гг., обращают внимание на одну особенность комплекса медресе: стены худжр не были сделаны одновременно вперевязку со стенами здания; кроме того, худжры/кели примыкали к части стен Чор-минор, где располагалось заложённое межэтажное окно. На этом основании можно предположить, что четырехбашенная дарвозахона медресе Халифа Ниязкули когда-то была самостоятельной постройкой и при строительстве медресе ее включили в его комплекс²¹.

Поэтому, вероятно, здесь мы имеем дело с каким-то культовым зданием – мечетью или мавзолеем. Однокамерный и одноуровневый киоск в качестве мечети или мавзолея – это один из самых ранних типов мусульманской культовой постройки²². Однако обычно нижний уровень мавзолеев либо полуподземный, либо полностью находится под землей. Так же не характерны для Средней Азии и двухуровневые мечети. Ни Л.Ю. Маньковская, ни М.С. Булатов, ни С. Хмельницкий в своих работах, посвященных типологии среднеазиатской архитектуры

¹⁸ Кюгельген 2001, 313.

¹⁹ Булатов 1988, 97–105.

²⁰ Маньковская 1980, 68–70; Маньковская 2014, 208.

²¹ Архив РИА Новости, фото №101445.

²² Пугаченкова 1958, 274; Grabar 1966, 40; Маньковская 1980, 103; Хмельницкий 1992, 120; Зиливинская 2014, 148–156.

не описывают двухуровневые мечети. Не встречаются двухуровневые мечети и в публикации типологии золотоордынских памятников Э.Д. Зиливинской.

«Панчманор» в Дарвазе, который видится как аналогия Чор-минора в Бухаре – здание площадью 12,2×12,2 м, исследовавшееся в 2012–2014 гг.²³ Здание было каменным, арки и другие верхние конструкции, видимо, были выполнены из кирпича. Не доисследован. В строительстве здания выявлено два периода. Первоначально это была квадратная в плане постройка с высокими арками с западного, южного и восточного фасадов, лестницей с двойным пролетом с северной стороны. По углам расположены четыре башни. Сохранившиеся части башен разделены гофрированным декором на три части. Центральная часть здания, площадью 6,7 х 6,7 м, возвышается над лестницей на высоту почти 3 м. Внутри нее расположены лестница с северного фасада и какая-то конструкция – с южного. Во втором строительном периоде, по неизвестным причинам лестничную клетку с севера, лестницу внутри помещения в верхней части здания и возможное помещение в нижней – забутовали и заложили камнями; арочные айваны были частично заложены массивными конструкциями с пилонами различной ширины так, что под сводами арок остались невысокие айванчики; проходы на лестницу закрыли двумя широкими пилонами, и внизу с северного, восточного и южного фасадов пристроили небольшие суфы–террасы (рис. 3). Датировка исследованной части городища Калаи Кухна (Карон) укладывается в пределы второй половины XIV – первой половины XVII вв. Нижняя граница дана на основании мавзолея XIV–XV вв.²⁴, чьи кладка, кирпичи, камни и фундамент сходны с «Панчманором». Верхняя – на основании сведений Махмуда ибн Вели (перв. пол. XVII в.), приведенными В.В. Бартольд, что «только в 1047 г.х. (1637–1638) узбекам первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Калаи-Хум (Кала-и-Хумб, главный город Дарваза); ... владетель Шах-Гариб был убит и его голова отправлена в Бухару»²⁵. К этому времени, видимо, центр давно был перенесен с городища (старой крепости) в Калаи-Хумб. Сам «Панчманор» по ряду признаков, часть которых представлена и в этой работе, датирован нами рубежом XIV–XV вв.

Считается, что строителей Чор-минора в Бухаре вдохновил Чар-минар (Čār Menār) в Гайдерабаде²⁶. И. Азимов также видит аналогию композиции Чор-минор в этом памятнике²⁷. Правда, гайдерабадский памятник значительно крупнее бухарского. Его площадь 30×30 м (60×60 футов). Высота минаретов – 56 м (160 футов). В литературе существуют некоторые разногласия относительно размеров Чар-минара. Нижний уровень выполнен в виде стрельчатой аркады и нет купола. Здание датировано 1591 г.²⁸ Функционально Чар-минар – это триумфальная арка и мечеть (по второму уровню).

И. Азимов видит аналогию композиции Чор-минора в Бухаре в постройке XIX в. – мавзолее Имамзаде в Барде, Азербайджан. Это двухуровневая купольная постройка с наземной и подземной частью. Однако два минарета установлены по

²³ Якубов 2016, 147–151.

²⁴ Никитин, Смирнова 2017, 94–102.

²⁵ Бартольд 1963, 464.

²⁶ UNESCO 2010.

²⁷ Азимов 1999, 118.

²⁸ Короцкая 1971, 105; Hambly, Hutton 2012.

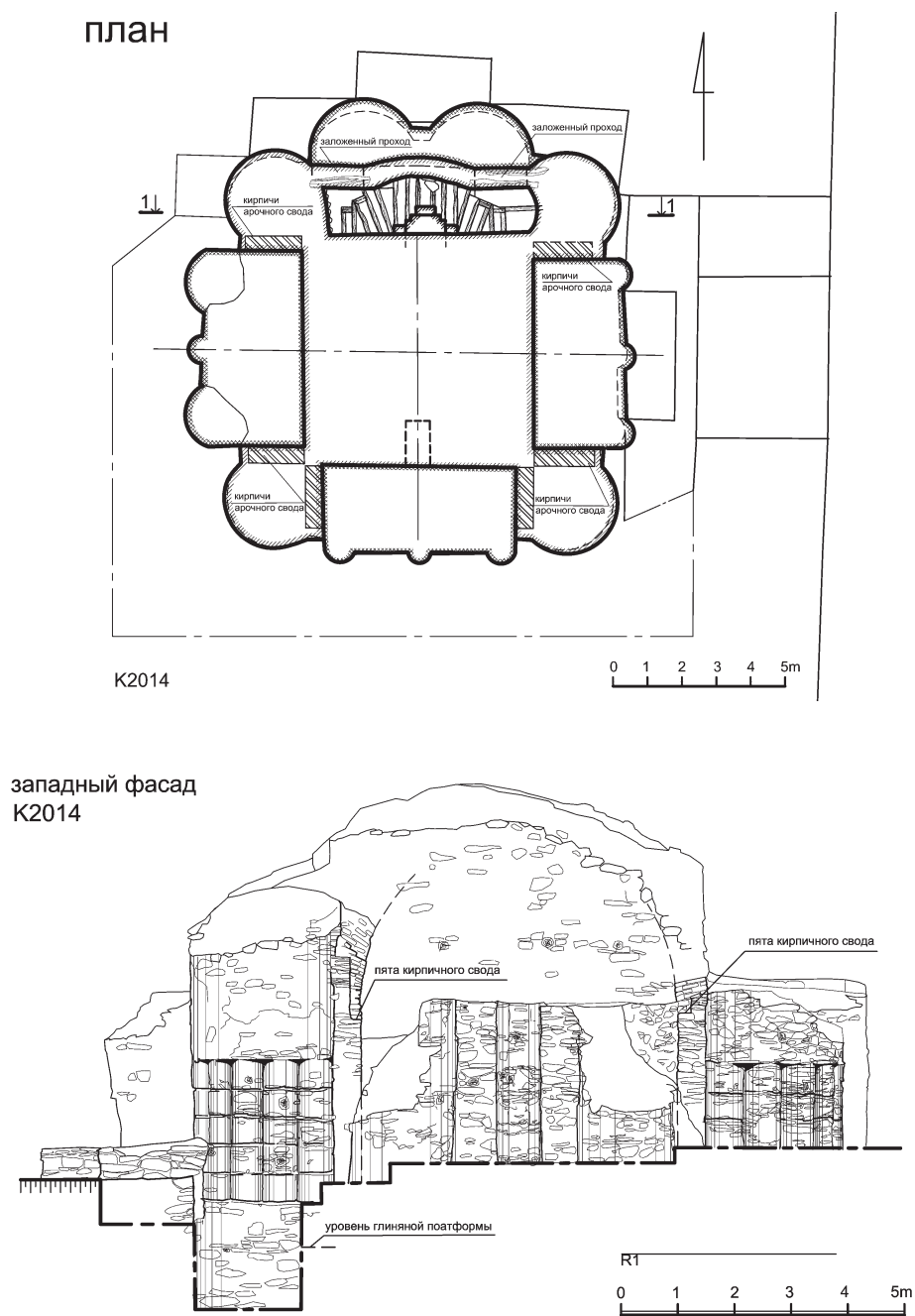

Рис. 3. а – план «Панчманора» в Дарвазе; б – западный фасад «Панчманора» в Дарвазе
 Fig. 3. a – Panjmanor in Darwaz, plan; b – Panjmanor in Darwaz, east façade

краям портала, а два – по углам с обратной стороны здания. Наличие подземного уровня, расположение башен и один арочный айван не позволяют считать эту постройку полноценной аналогией Чор-минору.

Все три здания в Бухаре, Дарвазе и Гайдерабаде – это здания с четырьмя башнями, встроенными в их конструкцию; все они квадратной или почти квадратной планировки и кубической формы с двумя этажами.

В описании Чор-минор я обратила внимание на расположение окон на боковых фасадах здания, характерное для лестничных клеток. У «Панчманора» двухпролетная лестница расположена с внешней северной стороны. Поиск аналогий подобным лестницам приводит нас в Анатолию. Такие лестницы можно увидеть мечетей в караван-сараях XIII в. Султан-хана, Палаз-хана, Исхакли-хана²⁹ и Агзыкара³⁰ в Центральной Анатолии. У мечети в Агзыкара площадь 6,8×6,8 м³¹. Мечеть в Султан-хана размером 8×8 м³². Эти мечети – квадратные в плане кубические двухуровневые постройки без купола. Помещение второго уровня расположено на четырех арках нижнего. На второй этаж ведет двухпролетная консольная лестница. То есть, у этих мечетей мы можем видеть три признака из четырех, выделенных как характерных для Чор-минор, «Панчманора» и Чар-минара.

В свою очередь максимально близкими описанным сельджукским мечетям видят армянскую двухэтажную церковь-усыпальницу Сурб Аствацацин в монастыре Норавапк 1339 г.³³ Помимо церкви в Норавапк, аналогичная конструкция у церкви Сурб Аствацацин в Егварде (1301–1321 гг.), у церкви Каптавапк в дер. Капутан (1349 г.) и у книгохранилища (1241 г., с 1291 г. колокольни) Нор-Гетик в сел. Гош, Армения. По конструкции все эти здания двухэтажные с консольной лестницей или ее частью, нижний этаж прямоугольный или квадратный в плане, а верхний крестообразный. Входы расположены на западе. Лестницы вели, соответственно, на второй этаж. На первом этаже был отдельный вход³⁴.

Любопытно, что опосредованной аналогией Чар-минару в Гайдерабаде становятся именно сельджукские мечети XIII в., с которыми его объединяют двухуровневая конструкция, композиция нижнего уровня, выполненная в виде аркады, и отсутствие купола (рис.4).

Таким образом, у нас формируется группа памятников, в которой, по-видимому, воплощается сходная архитектурная идея. Чор-минор в Бухаре, «Панчманор» в Дарвазе, Чар-минар в Гайдерабаде, а также мечети в караван-сараях Каппадокии в Турции и храмы-усыпальницы в Армении. Все здания квадратной или почти квадратной планировки и кубической формы с двумя этажами. В Бухаре, Дарвазе и Гайдерабаде в конструкцию включены с четыре башни. Самое раннее (XIII в.) и самое позднее (конец XVI в.) из датированных зданий объединены арочным первым этажом. В Армении, Бухаре и Дарвазе нижний уровень представлен не аркадой, а помещением. В Бухаре и Дарвазе аркаду заменяют высокие арочные порталы.

²⁹ Бородин 1969, 434–436; Якобсон 1983, 128.

³⁰ Kuran 1971, 237–238.

³¹ Kuran 1971, 238.

³² Якобсон 1983, 128.

³³ Якобсон 1983, 128.

³⁴ Токарский 1961, 290–291, 324–329.

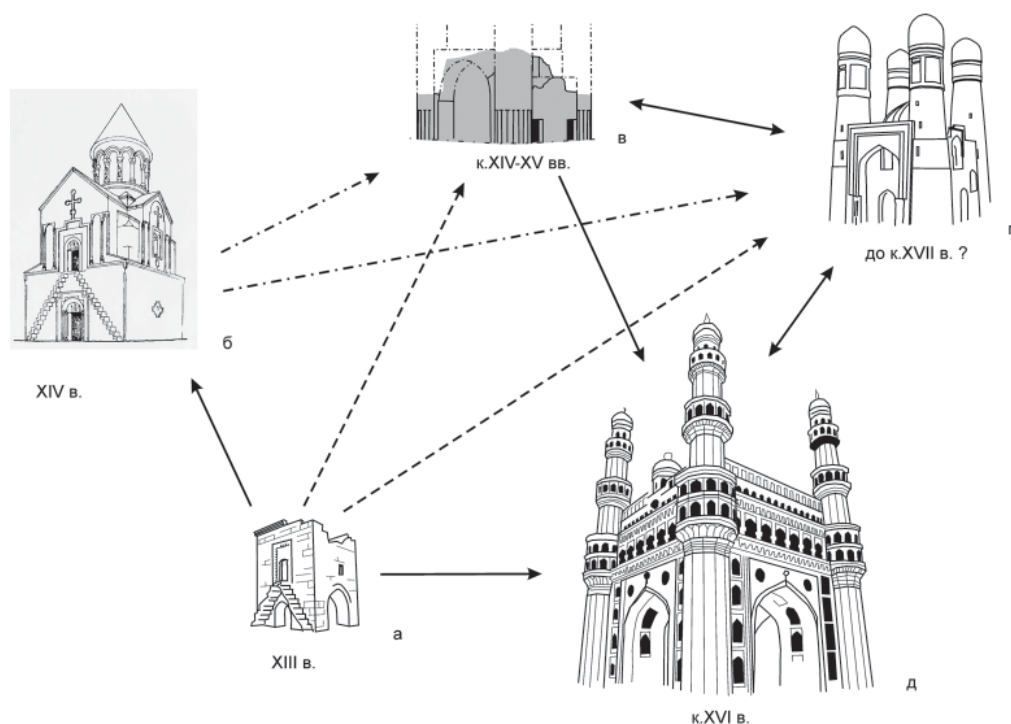

Рис. 4. а – мечеть Агызкара, б – церковь в монастыре Нораваик, в – «Панчманор», г – Чор-минор, д – Чар-минар

Fig. 4. а – Agyzkara mosque; б – Church in the Monastery of Norawank; в – Panjmanor; д – Chor Minor; е – Char Minar

Третий аргумент – композиция фасада. Фасад/портал бухарского Чор-минора оформлен башнями, глубоким айваном и пештаком. Его характеризует массивность и то, что башни приставлены плотно к пештаку и арке портала.

В качестве аналогий для композиции фасада больше всего подходят порталы мечетей-усыпальниц Кутуб-шах (1446 г.), Сиди-Башир (1452 г.), Мийя Хан Чисти (1465 г.) (рис. 5), Ахут-биби (1469 г.), рани Рупамати (1430–1440 гг.) в Ахмедабаде, Гуджарат³⁵, хотя у них нет пештака и глубокого айвана. В этих зданиях видят взаимовлияние мусульманской архитектуры и местных индийских камнерезных традиций³⁶. Такое оформление входа в мечети было характерно для раннего этапа гуджаратского султаната (1407–1573). В поздний его период фасады украшали массивными псевдоколоннами в северном и южном углу здания далеко от арки входа и портала в целом³⁷. Айвана и дверей нет, арка ведет в помещение, интерьер которого оформлен колоннами.

³⁵ Hope, Fergusson, Biggs 1866, pls. 54, 63–64, 67–70, 82.

³⁶ Hope, Fergusson, Biggs 1866, 90.

³⁷ Burton–Page 2008, 52–53.

Рис. 5. Фасад Miya Khan Chishti (Hope, Fergusson, Biggs 1866, pl. 67)

Fig. 5. Façade Miya Khan Chishti (Hope, Fergusson, Biggs 1866, pl. 67)

Композиция портала, которая кажется максимально близкой к Чор-минору, можно увидеть у портала Ак-Сарай в Шахрисябзе (1380 г.). Однако пропорции чуть другие (полуколонны уже, отставлены значительно дальше от арки портала)³⁸. Такой же массивностью отличаются и порталы соборной мечети Биби-ханым (1399–1404 гг.)³⁹. Хотя арки портала не окружает прямоугольная рама пештака, но массивные, хотя пропорционально более узкие, башни расположены чуть дальше от арки. Так что эти два среднеазиатских примера близки Чор-минору только массивностью своих порталов. И индийские примеры все-таки ближе Чор-минору.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, – это оформление поверхности стен Чор-минор. Их отличает гладкая кирпичная поверхность с мозаичным декором на вершинах башен и синие мозаичные купола. Образцом такого оформления стен могут быть постройки в Мултане. В частности, мавзолей шаха Рукн-и Алама (1320–1325 гг.), в архитектуре которого воплощены уроки иранских и ближневосточных традиций⁴⁰. Конструктивно это совершенно иная, отличная от Чор-минора постройка, но массивность и оформление стен чем-то сходны с рассматриваемым нами зданием.

Группа зданий, в которую можно включить Чор-минор – это мечети, мечети-усыпальниц, храмы-усыпальницы и мавзолей. Поэтому вполне вероятно, что первоначальная функция Чор-минора – мечеть-усыпальница.

Вот те аргументы, которые можно предложить в пользу высказанного О.А. Сухаревой утверждения о более ранней датировке Чор-минор в Бухаре. Поводом для их изложения стала находка аналогии Чор-минору – «Панчманора» в Дарвазе.

³⁸ Булатов 1988, 164–166.

³⁹ Булатов 1988, 167–176.

⁴⁰ Hillenbrand 1991, 148–174.

Однако окончательное решение вопроса о датировке Чор-минор в Бухаре требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов, И. 1999: *Архитектура Узбекистана XVIII – начала XX вв.*: дисс. на соиск. уч. степ. д. арх. Ташкент.
- Альмеев, Р. 2011: Основатель архитектурного комплекса Чор Минор в Бухаре Нияз кули ат-Туркмани. *Ислам в содружестве независимых государств* 3 (4). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141>
- Бартольд, В.В. 1963: Таджики. *Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М., 451–473.
- Бородина, И.Ф. 1969: Архитектура Турции XIII–XIX вв. В кн.: Ю.С. Яралов (ред.), *Всеобщая история архитектуры*. Т. 8. *Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии*. М.–Л., 427–476.
- Булатов, М.С. 1988: *Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии XI–XV вв. (историко-теоретическое исследование)*. М.
- Веймарн, Б.В. 1940: *История искусства Средней Азии*. М.–Л.
- Воронина, В.Л. 1969: Архитектура Средней Азии XVIII–XIX вв. В кн.: Ю.С. Яралов (ред.), *Всеобщая история архитектуры*. Т. 8. *Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии*. М.–Л., 331–346.
- Зиливинская, Э.Д. 2014: *Архитектура Золотой орды*. Ч. I. *Культовое зодчество*. М.–Казань.
- Короцкая, А.А. 1971: Архитектура Индии. В кн.: Ю.С. Яралов (ред.), *Всеобщая история архитектуры*. Т. 9. *Архитектура восточной и юго-восточной Азии до середины XIX в.* М.–Л., 15–131
- Крюков, К.С., Лукинская, Н.М. 1972: Гузарные мечети Бухары. *Архитектурное наследство* 19, 192–202.
- Кюгельген, А. фон 2001: Расцвет Накбандийа-Муджаддийа в Средней Трансоксании с XVIII – до начала XX вв.: опыт детективного расследования. В сб.: *Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования)*. СПб, 275–330.
- Маньковская, Л.Ю. 1980: *Типологические основы зодчества Средней Азии IX – начала XX вв.* Ташкент.
- Маньковская, Л.Ю. 1983: *Формообразование и типология зодчества Средней Азии IX – начала XX вв.* Ташкент.
- Маньковская, Л.Ю. 2014: *Формообразование и типология зодчества Средней Азии IX – начала XX вв.* Ташкент.
- Мухамеджанов, А. 1984: Результаты археологических исследований на территории города Бухары. *Общественные науки в Узбекистане* 1, 36–44.
- Никитин, А. Б., Смирнова, Л.О. 2017: О редком образце мусульманской архитектуры в Дарвазе. В сб.: *Проблемы археологии и истории Таджикистана*. Душанбе, 94–102.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1976: *Зодчество Центральной Азии XV в.* Ташкент.
- Ремпель, Л.И., Пугаченкова, Г.А. 1965: *История искусств Узбекистана с древнейших времен до XIX в.* М.
- Сухарева, О.А. 1976: *Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов)*. М.
- Токарский, Н.М. 1961: *Архитектура Армении IV–XIV вв.* Ереван.
- Тонди, А. 2003: *Архитектурный декор Средней Азии эпохи Тимуридов*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. искус. М.

- Ханыков, Н.В. 1843: *Описание Бухарского ханства*. СПб.
- Хмельницкий, С. 1992: *Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии*. Берлин–Рига
- Шишкин, В.А. 1936: *Архитектурные памятники Бухары*. Ташкент.
- Юсупова, М. 2000: *Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (особенности и динамика развития)*. Диссертация на соискание уч. степени доктора архитектуры. Ташкент.
- Якобсон, А.Л. 1983: Сельджукские отклики на темы армянской средневековой архитектуры. Историко-филологический журнал 4, 126–130.
- Якубов, Ю.Я. 2016: Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. *Археологические работы в Таджикистане XXXVIII*, 145–181.
- Burton–Page, J. 2008: *Indian Islamic Architecture*. Leiden–Boston.
- Hambly, G., Hutton, D. 2012: HYDERABAD, <http://www.iranicaonline.org/articles/hyderabad#pt2>
- Hillenbrand, R. 1992: Turco-Iranian Elements in The Medieval Arcitecture of Pakistan: The Case of the Tomb of Rukn-i Alam at Multan. *Muqarnas* 1, 148–174
- Hope, Th.C., Fergusson J., Biggs, Th. 1866: *Architecture at Ahmedabad, the capital of Goozerat*. Bombay.
- Kuran, A. 1971: Thirteenth and Fourteenth Century Mosques in Turkey. *Archaeology* 3, 234–254.
- UNESCO 2010: Hyderabad Golconda Fort, Qutb Shahi Tombs, Charminar, <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5573/>

REFERENCES

- Almeev, R. 2011: Osnovatel' arkhitekturnogo kompleksa Chor Minor v Bukhare Niyaz kuli at-Turkmani [The founder of architectural complex Chor Minor in Bukhara Niyaz kuli at-Turkmani]. *Islam v sodruzhestve nezavisimyykh gosudarstv [Islam in the Community of Independent States]* 3 (4), <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141>
- Azimov, I. 1999: *Arkhitectura Uzbekistana XVIII – nachala XX vv. [Architecture of Uzbekistan, 18th – early 20th century]*. PhD Thesis. Tashkent.
- Bartold, V.V. 1963: Tadjiki. [The Tajiks]. *Sochineniya [Works]*. Vol. II. Pt. 1. Moscow, 451–473.
- Borodina, I.F. 1969: Arkhitectura Turtsii XIII–XIX vv. [Architecture of Turkey, 13th–19th centuries]. In: Yu.S. Yaralov (ed.), *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [General history of architecture]*. Vol. 8. *Arkhitectura stran Sredizemnomorya, Afriki i Azii [Architecture of Mediterranean, Asia and Africa]*. Moscow–Leningrad, 427–476
- Bulatov, M.S. 1988: *Geometricheskaya garmonizatsiya v arkhitekture Sredney Azii XI–XV vv. [Geometric harmonization in the 11th–15th centuries Central Asian architecture]*. Moscow.
- Burton–Page, J. 2008: *Indian Islamic Architecture*. Leiden–Boston.
- Hambly, G., Hutton, D. 2012: HYDERABAD, <http://www.iranicaonline.org/articles/hyderabad#pt2>
- Hillenbrand, R. 1992: Turco-Iranian Elements in The Medieval Arcitecture of Pakistan: The Case of the Tomb of Rukn-i Alam at Multan. *Muqarnas* 1, 148–174
- Hope, Th.C., Fergusson J., Biggs Th. 1866: *Architecture at Ahmedabad, the capital of Goozerat*. Bombay.
- Khanykov, N.V. 1843: *Opisanie Bukharskogo khanstva [The description of Bukhara state]*. Saint Petersburg.
- Khmelnitskiy, S. 1992: *Mezhdru arabami i tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Sredney Azii [Between Arabs and Turks. Early Islamic architecture of Central Asia]*. Berlin–Riga.
- Korotskaya, A.A. 1971: Arkhitectura Indii [Architecture of India]. In: Yu.S. Yaralov (ed.), *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [General history of architecture]*. Vol. 9. *Arkhitectura*

- vostochnoy i yugo-vostochnoy Azii do serediny XIX vv.* [Architecture of East and Southeast Asia to the mid-19th century]. Moscow–Leningrad, 15–131.
- Kryukov, K.S., Lukinskaya, N.M. 1972: Guzarnye mecheti Bukhary [Guzarn mosques of Bukhara]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage] 19, 192–202.
- Kuran, A. 1971: Thirteenth and Fourteenth Century Mosques in Turkey. *Archaeology* 3, 234–254.
- Kyugelgen, A. von 2001: Rastsvet Nakbandiya-Mudzhaddidiya v Sredney Transoksanii s XVIII – do nachala XX vv. opyt detektivnogo rassledovaniya [The development of Nakbandiya-Mudzhaddidiya in Centra; Transoxiana from the 18th to the beginning of the 20th century: a sample of detective investigation]. In: *Sufizm v Tsentralnoy Azii (zarubezhnye issledovaniya)* [Sufism in Central Asia (foreign studies)]. Saint Petersburg, 275–330.
- Mankovskaya, L.Yu. 1980: *Tipologicheskie osnovy zodchestva Sredney Azii IX – nachala XX vv.* [Typological foundation of the 9th – early 20th century Central Asian architecture]. Tashkent.
- Mankovskaya, L.Yu. 1983: *Formoobrazovanie i tipologiya zodchestva Sredney Azii IX – nachala XX vv.* [Formation and typology of the 9th – early 20th century Central Asian architecture]. Tashkent.
- Mankovskaya, L.Yu. 2014: *Formoobrazovanie i tipologiya zodchestva Sredney Azii IX – nachala XX vv.* [Formation and typology of the 9th – early 20th century Central Asian architecture]. Tashkent.
- Mukhamedzhanov, A. 1984: Rezul'taty arekhologicheskikh issledovaniy na territorii goroda Bukhary [Results of archaeological works in Bukhara]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan] 1, 36–44.
- Nikitin, A. B., Smirnova, L.O. 2017: O redkom obraztse musulmanskoj arkhitektury v Darvaze. [A rare example of Islamic architecture in Darvaz]. In: *Problemy arkheologii i istorii Tadzhikistana* [Problems of archaeology and history of Tajikistan]. Dushanbe, 94–102.
- Pugachenkova, G.A. 1958: *Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladeniya i feodalizma* [The ways of development of South Turkmenistan architecture of the slave-ownership and feudal periods]. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1976: *Zodchestvo Tsentralnoy Azii XV v.* [Architecture of the 15th century Central Asia]. Tashkent.
- Rempel, L.I., Pugachenkova, G.A. 1965: *Istoriya iskusstva Uzbekistana s drevneyshikh vremen do XIX v.* [History of Uzbek art from antiquity to the 19th century] Moscow.
- Shishkin, V.A. 1936: *Arkhitekturnye pamyatniki Bukhary* [Architectural monuments of Bukhara] Tashkent.
- Sukhareva, O.A. 1976: *Kvartal'naya obshchina pozdnefeodalnogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriey kvartalov)* [District community of the late feudal city of Bukhara (in connection with district history)]. Moscow.
- Tokarskiy, N.M. 1961: *Arkhitektura Armenii IV–XIV vv.* [Architecture of Armenia, the 4th to 14th centuries]. Yerevan.
- Tondi, A. 2003: *Arkhitekturnyy dekor Sredney Azii epokhi Timuridov* [Architectural decorum of Central Asia in the Timurid period]. PhD Thesis. Moscow.
- UNESCO, 2010: *Hyderabad Golconda Fort, Qutb Shahi Tombs, Charminar*, <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5573/>
- Veymarn, B.V. 1940: *Istoriya iskusstva Sredney Azii* [History of Central Asian Art]. Moscow–Leningrad.
- Voronina, V.L. 1969: *Vseobshchaya istoriya arkhitektury* [General history of architecture]. Vol. 8. *Arkhitektura stran Sredizemnomorya, Afriki i Azii* [Architecture of Mediterranean, Asia and Africa]. Moscow–Leningrad, 331–346.

- Yakobson, A.L. 1983: Seldzhukskie otkliki na temy armyanskoy srednevekovoy arkhitektury. [Seljuk reflections to the medieval architecture of Armenia]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Journal for History and Philology] 4, 126–130.
- Yakubov, Yu.Ya. 2016: Rezul'taty rabot Darvazskogo arkheologicheskogo otryada na gorodishche Kalai Kukhna za 2012 g. [Results of works of the Darwaz archaeological team at the site of Kalai Kukhna in 2012]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan] XXXVIII, 145–181.
- Yusupova, M. 2000: *Bukharskaya shkola zodchestva XV–XVII vv. (osobennosti i dinamika razvitiya)* [The Bukhara school of architecture. Specific features and development]. PhD Thesis. Tashkent.
- Zilivinskaya, E.D. 2014: *Arkhitektura Zolotoy ordy* [Architecture of the Golden Horde]. Pt. I. *Kul'tovoe zodchestvo* [Religious architecture]. Moscow –Kazan.

DATING OF CHOR MINOR IN BUKHARA, UZBEKISTAN

Larisa O. Smirnova

State Hermitage, Saint Petersburg, Russia
smirnova@hermitage.ru

Abstract. In 1976, O.A. Sukhareva expressed her doubts concerning the traditional date for the Madrasa of Khalif Niyaz-kul (Chor Minor) in Bukhara. She was urged by its mention in the late 18th century documents. In 2001, A. von Kyugelgen suggested that the date on the wall of Chor Minor was not the date of its building but the date of the foundation of the *vaquf*. In 2012, in Darwaz (in Tajikistan) at the site which can be dated not later than the late 17th century a structure was found (conventionally named Panjmanor) very similar to the Madrasa of Khalif Niyaz-kul (Chor Minor) in Bukhara. It allows one to reconsider the dating of the madrasa. Photographs made after the demolition of the cells surrounding the structure show that the entrance to the madrasa was built earlier than other rooms. Therefore, it is possible suggest, in support of Sukhareva's idea, an earlier date for the Chor Minor structure, which finds other parallels in medieval Islamic architecture. It can be dated to the period before the end of the 17th century or even earlier.

Keywords: archaeology, Bukhara, Darvaz, Hyderabad, Chor Minor, "Panjmanor", Char Minar

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2020), 190–196
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2020), 190–196
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-190–196

ЗОЛОТОЙ ПЕРСТЕНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АФИНЫ ИЗ ТАНАИСА

В.Г. Черненко¹, С.М. Ильяшенко²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
victoriagent.chernenko@gmail.com

²Институт археологии РАН, Москва, Россия
silyas@list.ru

Аннотация. Статья является первой публикацией золотого перстня со стеклянной вставкой, обнаруженного на территории некрополя античного памятника Танаис. Раскопки проводились одним из авторов статьи в 2008 г. На гемме-инталии изображена Афина перед столиком с урной для голосования. В ходе поиска аналогий и изучения известной камен из Государственного музея Эрмитажа под названием «Суд над Орестом» авторами было выявлено сходство иконографии изображений, в связи с чем были сделаны выводы, что на стеклянной вставке из Танаиса также представлен сюжет известного мифа. Афина, в полном облачении, с копьем и щитом, готовится отдать свой голос в защиту матери-убийцы Ореста, ее голос станет решающим. Известно, что в античности многие мастера повторяли один и тот же популярный сюжет, добавляя или опуская его элементы в зависимости от изделия. На камее из Эрмитажа представлена целая сцена: в левом поле изображения перед столиком стоит богиня Афина с приподнятой над сосудом рукой. Именно эта композиция в точности воспроизведена на щитке золотого перстня Танаиса. Позади Афины стоят Орест и его сестра Электра, за спиной которой дерево и статуя все той же богини. Небольшие размеры инталии из Танаиса, по-видимому, вынудили ремесленника оставить лишь ключевую фигуру всего сюжета.

Авторы отмечают популярность изображений Афины на территории Северного Причерноморья в конце эллинизма – начале римского времени. Большое количество погрудных и ростовых портретов божества свидетельствует о ее большом значении для местного населения: Афина-Минерва выступала в роли защитницы и помощницы как при жизни, так и после смерти.

Данные об авторах: Ильяшенко Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН;

Черненко Виктория Геннадьевна – аспирантка кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ.

Ключевые слова: классическая археология, Боспор Киммерийский, Танаис, глиптика, инталия, камея, Афина, Орест

Публикации, посвященные металлическим перстням с изображениями на их щитках или вставках, найденным на территории Северного Причерноморья, демонстрируют многообразие мифологических сюжетов. Эти мотивы, без сомнения, сообщают о религиозных представлениях людей в период античности. Геммы также выступают источником информации об оберегах, способных, по мнению их владельцев, оказать защиту как при жизни, так и после смерти. Немаловажно то, что перстни были статусными украшениями и личными печатями, о чем свидетельствуют традиции коллекционирования и помещение на перстень портрета правителя в пропагандистских целях. Некоторое количество подобных находок представлено и в коллекции артефактов из раскопок некрополя и городища античного Танаиса – самого северо-восточного поселения греков. Они преимущественно относятся к первым векам нашей эры, когда камеи и инталии становятся особенно популярными у местного населения. Возможно, это связано с расширением торговых связей города, а также с периодами обострения внутренней и внешней ситуации в регионе. Одному из таких перстней, обнаруженных в некрополе Танаиса, и посвящена настоящая статья.

В июне–августе 2008 г. археологической экспедицией «Донское наследие» и «Археологический музей-заповедник “Танаис”» ГУК Ростовской области были выполнены работы по исследованию участка на западной территории грунтового некрополя Танаиса, предназначенного для строительства нового музейного комплекса¹. В ходе работ было выявлено 317 погребений II в. до н.э. – VI в. н.э.² Среди них – погребение 186, расположенное на площади 4, в кв. 33 и 41. Погребальная конструкция катакомбного типа. Погребение ограблено в древности. Прослеженная глубина – 4,46 м. Входная яма прямоугольной в плане формы ориентирована по линии С–Ю. Погребальная камера квадратной в плане формы (длина сторон – ок. 2,30 м) и ориентирована по сторонам света. В центральной части ее, к северу от входа, полосой по линии З–В находились перемещенные кости взрослых людей (не менее двух) и ребенка. Судя по остаткам досок, можно предположить, что здесь находилось два гроба, которые стояли на дне камеры по линии З–В, параллельно друг другу. В заполнении входной ямы и на дне погребальной камеры сохранилось много предметов. Среди них – индикация с оттиском реверса электрового статера Савромата II с изображениями Септимия Севера и Каракаллы 495 г. б.э. (198 г. н.э.)³. Здесь же обнаружены четыре одночленные лучковые подвязные фибулы 4–5 вариантов по А.К. Амброзу⁴. На этом основании погребение отнесено к концу II – началу III в. н.э.

¹ Археологические работы выполнялись на основании и в соответствии с условиями Государственного контракта от 29.05.2008 г. № 139; Государственного контракта от 10.06.2008 г. № 220; Государственного контракта от 27.05.2008 г. № 08-10/3-2894 и доп. Соглашения от 19.08.2008 г. № 871-01-40/04-ПХ. Раскопки проводились под руководством одного из авторов статьи – С.М. Ильяшенко.

² Ильяшенко 2012а, 4–6.

³ Определение С.И. Безуглова

⁴ Амброз 1966, 50–51; Амброз 1969, 252.

Рис. 1 Золотой перстень с Афиной, Танаис
Fig. 1 Golden ring with the image of Athena, Tanais

Поверх доски гроба 2 в погребении находился золотой полый перстень со стеклянной вставкой зеленого цвета. На вставке – врезное изображение Афины в полный рост⁵ (рис. 1). Богиня облачена в гиматий и доспех, на голове шлем с гребнем и открытым налобником. Обращает на себя внимание объемная маника (наручь), закрывающая всю левую руку, которая в искусстве характерна скорее для римского доспеха⁶. Правую руку Афина вознесла над сосудом, который стоит на небольшой подставке; по-видимому, изображен момент голосования. За спиной божества выставлены важные элементы ее иконографии: щит и копье. Ключевым элементом сюжета, на наш взгляд, является сосуд для голосования. Он позволяет полагать, что представленная сцена является воспроизведением сюжета о суде из мифа об Оресте, когда голос Афины стал решающим.

Как известно, Орест является мифологическим персонажем, известным убийством своей матери в качестве мести за отца. После гонений обвиненный был оправдан на ареопаге. По одному из вариантов легенды именно Афина выступила с речью в защиту героя. Богиня утверждала, что мужчине принадлежит главная роль в семье, статус отца значительнее статуса матери (по другой версии, богиня поддержала Аполлона, выступившего с подобной речью). Этим был достигнут перевес голосов. Миф является очень древним и упоминается многими античными писателями, например Гомером в «Одиссее» (Hom. Od. I. 29–43, 294–296), Эсхилом (Esch. Orest.) и Еврипидом (Eur. Orest.). Известно о культе почитания Ореста, некоторые более поздние писатели свидетельствуют о существовании его статуй (Paus. II. 17. 3).

⁵ Полевой шифр: Т-08–XVIII/4, погр. 186, п.о. №1192. АМЗТ КП 475/94.

⁶ Smith 1890.

Часто один и тот же сюжет мифа встречается на разных памятниках: рельефах, фресках, в вазописи и пр. Так и отдающую свой голос Афино–Минерву можно увидеть на многих предметах быта и декора⁷; особенной популярностью пользовался этот сюжет при украшении античных светильников⁸. Очевидно, что мастеру было необходимо учитывать особенности предмета, на котором он хотел поместить изображение: камеи и инталии, которые в большинстве своем были скромных размеров, вынуждали резчиков исключать некоторые детали, выбирая самое важное⁹.

Более детальное изображение суда над Орестом представлено на камее I в. до н.э. из коллекции Эрмитажа¹⁰ (рис. 2)¹¹. На вставке эрмитажной камеи в центре у дерева стоит Орест, поодаль его сестра Электра. Для нас имеет значение, что в левой части изображения мастер поместил Афино, поднявшую над сосудом руку. Именно в этот момент она опускает камень для голосования, потому остальные фигуры обращены в ее сторону. Как указывает О.Я. Неверов, многие памятники повторяют этот сюжет¹². Изначально камея принадлежала графу А.Г. Разумовскому, вплоть до 1771 г.¹³. В Эрмитаж изделие поступило в 1830 г. из коллекции А.С. Власова.

Некоторое время бытовало мнение, основанное на исследовании Л. Курциуса, что камея относится к эпохе Возрождения, но со временем исследователи установили, что время ее создания – поздний эллинизм¹⁴. Большую роль в этом сыграла М.П. Ваулина, которая отметила ошибочность суждений Курциуса, считавшего эрмитажную камею копирующей сюжет с корсиканского канфара, найденного спустя пять лет после первого упоминания геммы. Исследовательница, напротив, анализирует большое количество античных изделий, украшенных сю-

Рис. 2 Камея с изображением Суда над Орестом, Эрмитаж (Источник: Неверов О. Я. *Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа*. Ленинград: «Аврора», 1971. С. 36, илл. 36)
Fig. 2 Cameo with the image of the Court over Orest, Hermitage (Source: O. I. Neverov. *Ancient cameos in the collection of the State Hermitage*. Leningrad: Aurora, 1971. P. 36, ill. 36)

⁷ Huwiler, Schütze 2015, Pl.81.

⁸ Bussière 2000, n° 2741, pl. 74.

⁹ Неверов 1982а, 91.

¹⁰ ГЭ. Госкаталог: 16053148; ГИКГЭ-359123; ГР-12687.

¹¹ Неверов 1971, 36, рис. 36.

¹² Неверов 1982б, 94–95.

¹³ О коллекциях семьи Разумовских, которые собирались во второй половине XVIII – первой трети XIX века, известно достаточно много. Графы пользовались покровительством императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, способствовали распространению классического вкуса. Знакомство братьев Алексея и Кирилла Григорьевича с искусством глиптики произошло еще в середине XVIII в. По-видимому, тогда в коллекцию А.Г. Разумовского попала эллинистическая камея «Суд над Орестом». См. Наумова 2015, 563–571.

¹⁴ Дмитриева 2014, 54.

жетами из мифа об Оресте¹⁵. Таким образом, эрмитажная камея может служить аналогом для определения изображения на гемме Танаиса.

Изделия с изображениями богини Афины в античности пользовались особой популярностью. Шлем с гребнем входит в число характерных атрибутов богини войны и мудрости, что делает ее иконографию узнаваемой. Афина в шлеме с гребнем представлена уже с VI в. до н.э. в вазописи¹⁶, среди известных Пирейских статуй (IV в. до н.э.)¹⁷, на монетах¹⁸ и других предметах¹⁹. Иконография богини остается практически неизменной, а на щитках перстней и вставках ее образ сохраняет популярность вплоть до первых веков н.э.²⁰. На территории Северного Причерноморья большое количество изображений относится к I–III вв. н.э. Среди перстней и гемм Херсонеса известно несколько экземпляров с изображением богини в полный рост: на гемме перстня I в. н.э. Афина представлена в шлеме, с копьем и чашей (инв. № 259/36572)²¹. На другом перстне Афина изображена в более свободной позе, детали трудно различимы, но присутствуют типичные атрибуты в виде шлема и копья, одна из рук поднята (инв. № 218/36443)²².

Таким образом, благодаря наличию аналогий устанавливается мотив изображения на перстне, который иллюстрирует яркий момент из известного мифа. Не только небольшие размеры вставки, но и широкая популярность мифа об Оресте позволили резчику обойтись без изображения других фигур. Особый статус богини и многообразие ее функций дают основания полагать, что перстень Танаиса не только являлся предметом роскоши, но и играл роль амотропея, что отвечало местным предпочтениям в глиптике в первые века нашей эры.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ Д1–30). М.
- Амброз, А.К. 1969: *Фибулы из раскопок Танаиса*. В кн.: Д.Б. Шелов (ред.), *Античные древности Подонья–Приазовья*. М., 248–272.
- Ваулина, М.П. 1960: О подлинности камеи с изображением суда над Орестом. *СГЭ XVII*, 61–65.
- Дмитриева, Е.Н. 2014: Хранители и коллекции. Исследование эрмитажного собрания античных резных камней в XX веке. В сб.: А.В. Захарова, С.В. Мальцева (ред.), *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 4. СПб., 50–60.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. М.
- Ильяшенко, С.М. 2012: *Отчет об археологических исследованиях на территории грунтового некрополя городища Танаис в х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2008 г. (раскоп XVIII, площадь 4, 5)*. Архив ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»».

¹⁵ Ваулина 1960, 61.

¹⁶ Hatzivassiliou 2010, 133, n° 368.

¹⁷ Valavanis, Petrakos, Delivorrias 2007, 330, ill. 7.

¹⁸ Зограф 1951, табл. VIII, XI.

¹⁹ LIMC–France, URL: <http://www.limc-france.fr/objet/1359>.

²⁰ Spier 1992, 108, fig. 272.

²¹ Щербакова 1980а, 95–96, рис. 1, 2.

²² Щербакова 1980б, 98, рис. 3, 10.

- Наумова, В. С. 2015: Образы классической древности в художественном собрании графов Разумовских во второй половине XVIII – первой трети XIX века. В сб.: А.В. Захарова, С.В. Мальцева (ред.), *Актуальные проблемы теории и истории искусства* 5, 563–571.
- Неверов, О.Я. 1971: *Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа*. Л.
- Неверов, О.Я. 1982: *Геммы античного мира*. М.
- Щербакова, В.С. 1980: Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса. Античная древность и средние века. В сб.: *Античные традиции и византийские реалии*. Вып. 17. Свердловск, 94–103.
- Bussière, J. 2000: *Lampes antiques d'Algérie*. Autun.
- Hatzivassiliou, E. 2010: *Athenian Black Figure Iconography between 510 and 475 B.C. Tübinger archäologische Forschungen*. Vol. 6. Oxford.
- Huwyler M., Schütze S. 2015: *D'Hancarville. The Complete Collection of Antiquities from the Cabinet of Sir William Hamilton*. Vol. II. Köln.
- Smith, W. 1890: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum*. Malibu–California.
- Valavanis, P., Petrakos, V., Delivorrias, A. 2007: *Great Moments in Greek Archaeology*. Los Angeles.

REFERENCES

- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the south of the European part of the USSR of the 2nd century BC to 4th century AD]. (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of archaeological sources]. D1–30). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1969: Fibuly iz raskopok Tanaisa [Brooches from the excavations at Tanais]. In: D.B. Shelov (ed.), *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya* [Ancient Antiquities of the Don-Azov Sea Region]. Moscow.
- Bussière, J. 2000: *Lampes antiques d'Algérie*. Autun.
- Dmitrieva, E.N. 2014: Khraniteli i kollektzii. Issledovanie ermitazhnogo sobraniya antichnykh reznym kamney v XX veke [Keepers and Collections. Study of the Hermitage collection of antique carved stones in the 20th century]. In: A.V. Zaharova, S.V. Maltseva (ed.), *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual problems of the theory and history of art]. Issue 4. Saint Petersburg, 50–60.
- Hatzivassiliou, E. 2010: *Athenian Black Figure Iconography between 510 and 475 B.C. Tübinger archäologische Forschungen*. Vol. 6. Oxford.
- Huwyler, M., Schütze, S. 2015: *D'Hancarville. The Complete Collection of Antiquities from the Cabinet of Sir William Hamilton*. Vol. II. Köln.
- Ilyashenko, S.M. 2012: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii gruntovogo nekropolya gorodishcha Tanais v kh. Nedvigovka Myasnikovskogo rayona Rostovskoy oblasti v 2008 g. (raskop XVIII, ploshchad' 4, 5)* [Report on archaeological research in the soil necropolis of the ancient city of Tanais in x. Nedvigovka Myasnikovsky district of the Rostov region in 2008 (site XVIII, areas 4, 5)]. Archive GBUK RO «Archaeological Museum-Reserve "Tanais"».
- Naumova, V.S. 2015: Образы классической древности в художественном собрании графов Разумовских во второй половине XVIII – первой трети XIX века [Images of Classical Antiquity in the art collection of Counts Razumovsky in the second half of the 18th – the first third of the 19th century]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual problems of the theory and history of art: collection of books. scientific articles]. Saint Petersburg, 563–571.

- Neverov, O.Ya. 1971: *Antichnye kamei v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Antique cameos in the collection of the State Hermitage Museum*]. Saint Petersburg.
- Neverov, O.Ya. 1982: *Gemmy antichnogo mira* [*Gems of the Ancient World*]. Moscow.
- Shcherbakova, V.S. 1980: Kolleksiya gemm iz nekropolya v okrestnostyakh Khersonesa. Antichnaya drevnost' i srednie veka [A collection of gems from the necropolis in the vicinity of Chersonesos. Antiquity and the Middle Ages]. In: *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii* [*Ancient traditions and Byzantine realities*]. Issue 17. Sverdlovsk, 94–103.
- Smith, W. 1890: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum*. Malibu–California.
- Valavanis, P., Petrakos, V., Delivorrias, A. 2007: *Great Moments in Greek Archaeology*. Los Angeles.
- Vaulina, M.P. 1960: O podlinnosti kamey s izobrazheniem suda nad Orestom [On the authenticity of the cameo with the image of the trial of Orest]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Transactions of the State Hermitage*] XVII, 61–65.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient coins*]. Moscow.

GOLD RING WITH THE IMAGE OF ATHENA FROM TANAIS

Viktorya G. Chernenko¹, Sergey M. Ilyashenko²

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
 victoriagent.chernenko@gmail.com

²*Institute of Archaeology, RAS. Moscow*
 silyas@list.ru

Abstract. This article is the first publication of a gold ring with a glass insert, discovered during excavations by one of the authors in the necropolis of Tanais in 2008. On the gem-intaglio, there is an image of Athena in front of a table with a vote vessel. Comparing it with the famous cameo from the State Hermitage Museum under the name “The Trial of Orestes”, the authors reveal the similarity of the iconography of the images and believe that also a fragment of a famous myth is depicted on the glass insert from Tanais.

Athena, fully dressed and with her inherent attributes, a spear and shield, is preparing to cast her vote in defense of mother-killer Orestes, and her voice will be decisive. It is known that in antiquity many masters repeated the same popular subject, adding or omitting its elements depending on the product. There is a whole scene on a cameo from the Hermitage: on the left field in front of the table there is Athena standing, with her hand raised above the vessel; this composition is exactly reproduced on the shield of the golden ring of Tanais. Behind Athena, there are Orestes and his sister Electra, behind whose back there is a tree and a statue of the goddess. The small size of the intaglio from Tanais apparently forced the artisan to leave only a key figure of the composition.

The authors note the popularity of the images of Athena in the Northern Black Sea region in the Late Hellenism to Early Roman period. A large number of chest and growth images of the deity testifies to the great significance of this cult for the local population: Athena-Minerva acts as a defender and helper both during life and after death.

Keywords: Classical archaeology, Cimmerian Bosporus, Tanais, glyptic, intaglio, cameo, Athena, Orestes

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-197–206

НАХОДКА СКЛАДНОГО СЕРПА САЛТОВСКОГО ТИПА НА САМБИИ

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва, Россия
drkulakov@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является выяснение происхождения, датировки и, по возможности, принципов применения серпа, обнаруженного на грунтовом могильнике Ekritten/Ветрово-3. Анализ таких артефактов, известных в древностях низовий Волги и на востоке Центральной Европы, привел некоторых авторов к признанию таких серпов специфическим видом холодного оружия. Привлечение аналогий в виде иных клинков складного вида позволяет сделать следующие выводы. Боевая принадлежность складных серпов маловероятна ввиду отсутствия у них стопора при раскрытии лезвия. Скорее всего, такие серпы (как и косы у носителей прусской культуры на ее ранней фазе) использовались воинами самбийской дружины и носителями различных культур эпохи викингов как инструмент для добывания пищи боевому коню в походных условиях. Уникальная для Янтарного берега находка складного серпа свидетельствует о связях прусских дружинников с кочевым населением степей Евразии.

Ключевые слова: археология, юго-восточная Балтия, серпы, эпоха викингов

Введение

В апреле-мае 1939 г. восточно-прусский Департамент древностей организовал раскопки могильника Ekritten/Ветрово-3¹, который был обнаружен в ходе строительства шоссе Cranz/Зеленоградск – Königsberg/Калининград, в 20,2 км к северу от последнего. Раскопками руководил известный в то время кенигсбергский археолог, художник и реставратор Фридрих Йенш.

Большая часть вскрытых на могильнике погребений представляла собой традиционные для прусской культуры трупосожжения, нередко сопровождавшиеся конскими захоронениями. В северной части изученной части могильника было обнаружено несколько трупоположений², некоторые из них – в деревянных колодах раннеримского времени³. Одно из обнаруженных в 1939 г. трупоположений (погр. 12, в монографии 1990 г. ошибочно обозначено как «погр. 45»⁴) вызвало у

Данные об авторе: Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

¹ Кулаков 1990, 81.

² La Baume 1940, 84.

³ Кулаков 2003, 285.

⁴ Кулаков 1990, 81.

местных археологов особый интерес. Оно располагалось в подпрямоугольной в плане могиле на глубине около 1 м и было ориентировано по линии север-запад – юго-восток. Как правило, несожженные кости в почвах Самбии практически не сохраняются, здесь от них остался тлен, по которому восстановлены очертания костяка (рис. 1) и часть черепа. Могила была перекрыта шестью крупными камнями. К востоку от левой берцовой кости скелета группой лежали шлем с золочеными бронзовыми деталями, два наконечника копий с плакированными серебром втулками, наконечник дротика, серп с петлей на рукояти, оселок, нож, оковка ведра (рис. 2). Череп погребенного воина перекрывало захоронение коня (его кости отсутствуют, что свидетельствует о захоронении здесь шкуры), которое сопровождалось стремями и шпорой. Второе стремя и удила с псалиями найдены к северу от черепа воина (рис. 1), ниже дна конской могилы. В южной части погр. 12 обнаружено более позднее погр. 12а (трупосожжение), уничтожившее нижние части костей ног погребенного. Инвентарь погр. 12а – фрагменты кольчужной рубахи (?)⁵. Ниже обратимся к обряду и деталям инвентаря погр. 12, весьма необычным для прусских древностей.

ОБРЯД И ДЕТАЛИ ИНВЕНТАРЯ

Элементы обряда. Как отмечалось выше, трупоположения с северной ориентировкой характерны для древностей эстиев раннеримского времени и связаны с культурно-этническими импульсами, проникшими на западную Балтию из древнегерманского и кельтского ареалов⁶. Далее вплоть до предорденского времени (нем. *spätheidnische Zeit*) обряд трупоположения пруссами не применялся. Лишь на курганно-грунтовой могильнике Кауп в эпоху викингов скандинавы и представители соседних с пруссами племен хоронили своих соплеменников несожженными⁷. Мною ранее было выдвинуто предположение о связи с традициями упомянутой культуры Нижнего Поволжья такой черты обрядности, как захоронение шкуры коня со снаряжением для верховой езды над могилой всадника⁸.

Шлем. Известный литовский археолог Регина Волкайте-Куликаускене выдвинула тезис о древнерусском происхождении таких шлемов⁹. Ныне этот вывод получил весьма квалифицированное подтверждение¹⁰. Для шлемов, найденных на территории Киевской Руси, дата определена в пределах 950–1070 гг.¹¹. Аналогичный по своей конструкции шлем был найден на могильнике Gr. Friedrichsberg/Совхозное¹². Высокий социальный статус владельцев таких шлемов подчеркивался роскошным внешним видом этих деталей оборонительного снаряжения.

Наконечники копий. Представлены ланцетовидным наконечником (рис. 2, 13, 13а) и наконечником типа J.P.F (рис. 2, 14, 14а), характерными для X – нач. XI в. Втулка первого наконечника украшена плакированным ступенчатым орнаментом,

⁵ La Vaute 1940, 85.

⁶ Кулаков 2016а, 20.

⁷ Кулаков 2016б, 198.

⁸ Кулаков 1989, 43.

⁹ Волкайте-Куликаускене 1968, 481.

¹⁰ Кирпичников 2009, 5–11.

¹¹ Кирпичников 2009, 12.

¹² Кулаков 1999, рис. 2.1.

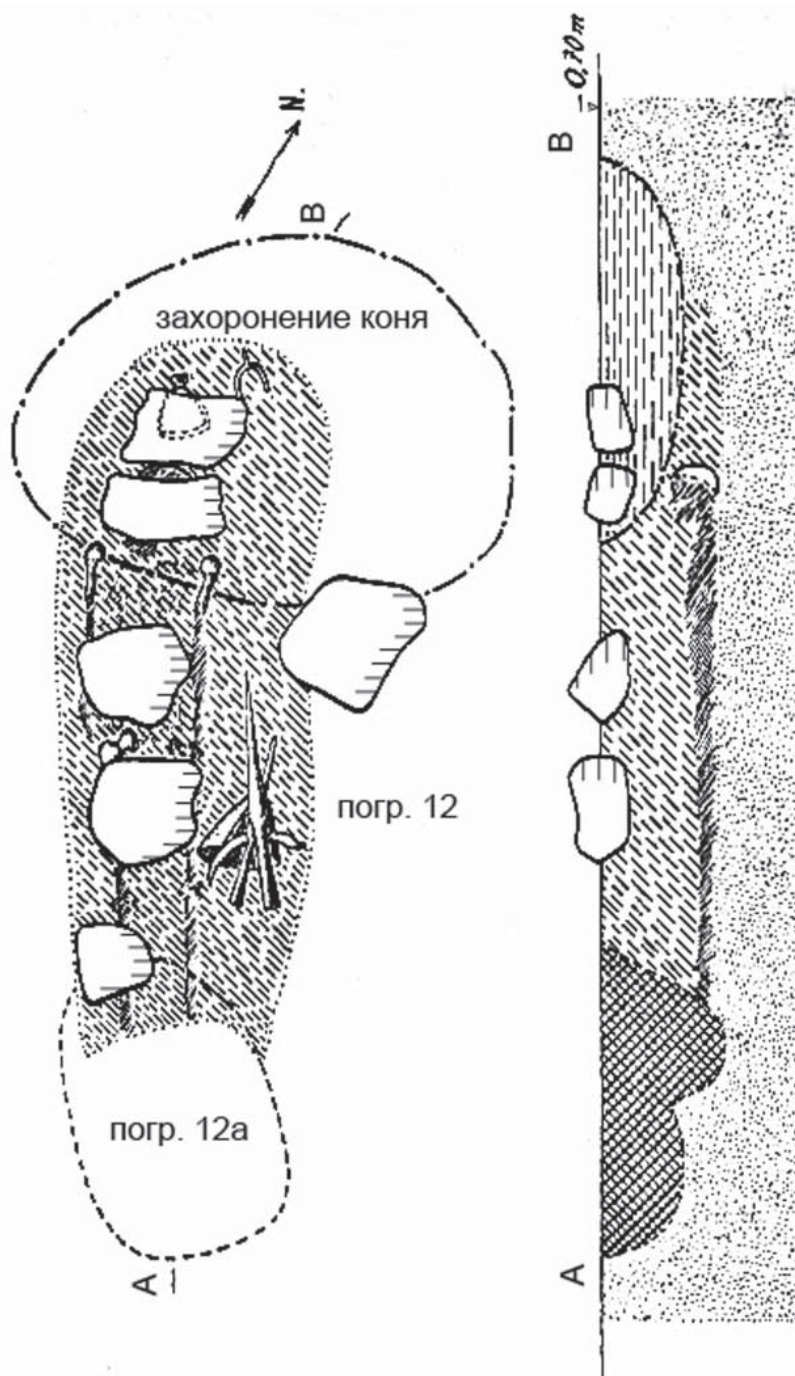

Рис. 1. План и сечение погр. 12 грунтового могильника Ekritten/Ветрово-3¹³.
Fig. 1. Plan and section of burial. 12 soil repository Ekritten / Vetrovo-3.

¹³ La Baume 1940, Abb. 1.

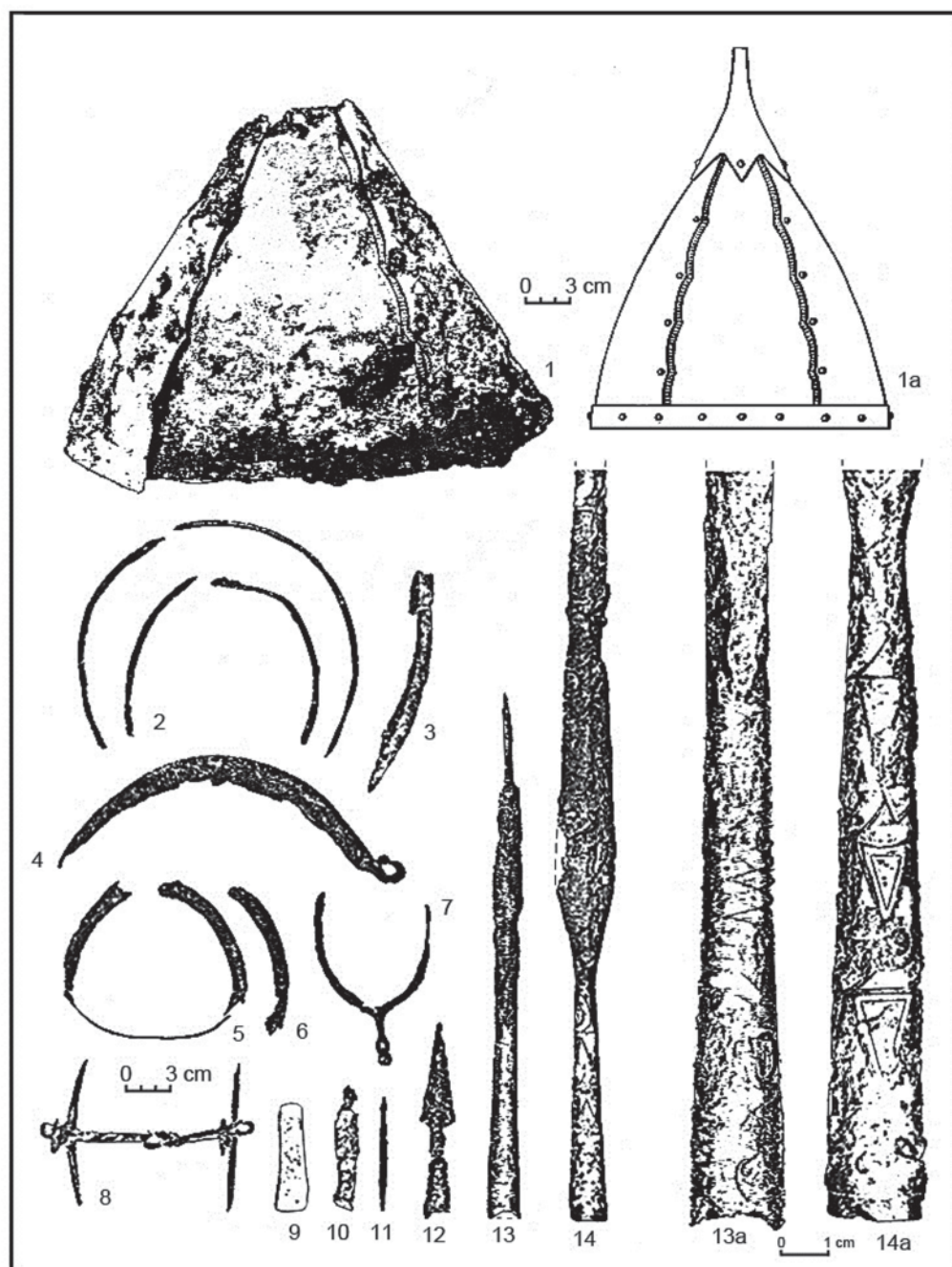

Рис. 2. Инвентарь погр. 12 грунтового могильника Екриттен/Ветрово-3¹⁴.
Fig. 2. Inventory burial. 12 soil repository Ekritten / Vetrovo-3.

¹⁴ La Baume 1940, Abb. 2–4b.

второго – чередованием полос, составленных из пламевидных фигур. Первый вариант декора (как и форма наконечника копья) характерен исключительно для продукции скандинавских мастеров¹⁵, второй встречен как на севере Европы, так и в юго-восточной Балтии, где мастера заимствовали этот декор у своих скандинавских коллег¹⁶.

Стремена. Одно из них представлено в виде обломка боковой пластины. По второму стремени установлен его тип – Gofler CI,1¹⁷, датируемый по данным могильника Малый Кауп началом XI в.¹⁸.

Удила. Относятся к подтипу 3.5 «с серповидными псалиями»¹⁹. Нередко псалии сопровождалась плакированным орнаментом. К сожалению, псалии удил из погр. 12 могильника Ekritten/Ветрово-3 расчистке не подвергались, и поэтому возможные изображения на них не были открыты.

Шпора. Обнаружена в могиле в соответствии с прусскими погребальными обычаями эпохи викингов, в единичном экземпляре, относится к подтипу Кирпичников I.1²⁰ и датируется XI в.²¹. Шпора на своем острие снабжена двойным шаровидным навершием.

Серп. На конце железного стержня/рукояти снабжен петлей (рис. 2, 4). Подобного рода находки уникальны для древностей исторической Пруссии. Конструктивно сходный (но неадекватный) серп найден Ф.Д. Гуревич при раскопках малой площадки городища Сгаам/Грачевка в остатках пос. № 9 (поздний строительный горизонт, датируемый XI–XII вв.²²). Этот серп, имеющий по режущей кромке следы сработанности (рис. 3, 5), был изготовлен из бронзы и, по мнению Ф.Д. Гуревич, предназначался, скорее всего, для культовых действий²³. Форма и размеры стержня рукояти данного серпа предполагают единственную форму самой рукояти – складную. К серпу она крепилась шарниром с квадратным сечением. Примечательно, что в салтовских древностях также известны складные серпы с петлями на конце стержня рукояти, причем один из них, как и у серпа из Сгаам/Грачевки – с зазубренным лезвием²⁴. По аналогиям из Центральной Европы считается, что такие серпы имели роговые рукояти, нередко – орнаментированные (рис. 4), и представляли собой складную конструкцию. В 1929 г. Карл Энгель при раскопках скальвского грунтового могильника Linkuhnen/Ржевское в погр. L-71 вместе с тремя каролингскими мечами, семью наконечниками копий и прочим воинским снаряжением обнаружил складной нож. Стержень его рукояти заканчивался, как и серп из погр. 12 могильника Ekritten/Ветрово-3, петлей, футляр для ножа был изготовлен из железа²⁵. На конце футляра имелся фиксатор (в виде птичьей головы) для лезвия в закрытом состоянии. Сходную с клинком из Linkuhnen/

¹⁵ Кулаков 2016в, 29.

¹⁶ Кулаков 2016г, 13.

¹⁷ Gofler 2013, Abb. 3.

¹⁸ Кулаков 2016б, 48.

¹⁹ Кулаков 1990, 36.

²⁰ Кирпичников 1973, рис. 37.

²¹ Кулаков 2016б, 163.

²² Кулаков 1990, 53.

²³ Гуревич 1963, 451, рис. 67.

²⁴ Черевичник 2013, рис. 2.

²⁵ Engel 1931, 63.

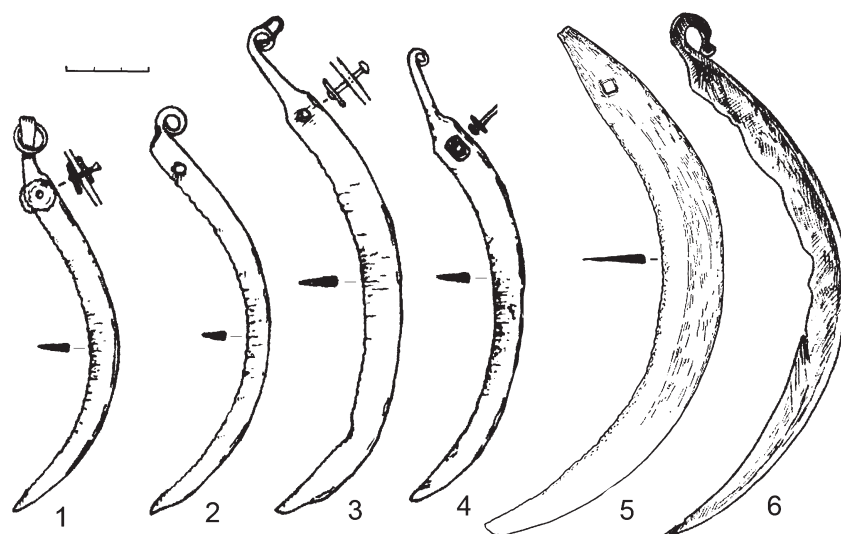

Рис. 3. Складные серпы в древностях Европы: 1–4 – из ареала салтовской культуры, 5 – пом. № 9 городища Сраам/Грачевка, 6 – серп из погр. 12 грунтового могильника Екриттен/Ветрово-3 (1–4, 6²⁶; 5²⁷).

Fig. 3. Folding sickles in the antiquities of Europe: 1–4 – from the area of Saltov culture, 5 – pom. No. 9 of the Craam settlement / Grachevka, 6 – sickle from the burial. 12 soil repository Ekritten / Vetrovo-3 (1–4, 6; 5).

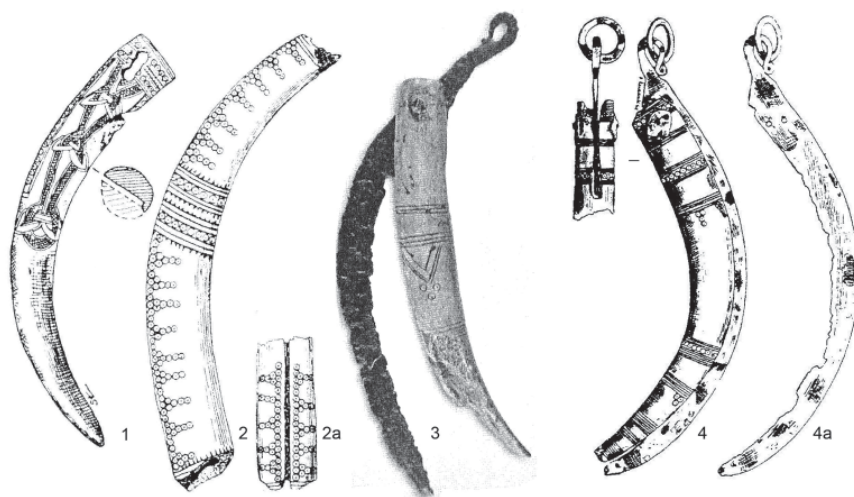

Рис. 4. Складные серпы в Центральной Европе: 1 – Biskupin, 2 – Stargard, 3 – Kraków, 4 – Gniezno, 4a – клинок серпа № 4²⁸.

Fig. 4. Folding sickles in Central Europe: 1 – Biskupin, 2 – Stargard, 3 – Kraków, 4 – Gniezno, 4a – blade of sickle No. 4.

²⁶ Черевичник 2013, рис. 5, 7.

²⁷ Гуревич 1960, рис. 67.

²⁸ Черевичник 2013, рис. 9, 10, 1, 14.

Ржевского конструкцию имеет пила, найденная О. Тишлером в погр. Do-66 (99)²⁹ и обладавшая петлей.

Носители салтовской культуры, как вслед за Здиславом Раевским предполагает Д.Л. Черевичник, использовали складные серпы как оружие³⁰. Украинский оружейвед упоминает находку такого серпа в погр. 12 могильника Ekritten/Ветрово-3³¹, не зная о том, что более трех десятков лет тому назад автор этих строк уже писал о салтовской принадлежности обсуждаемого серпа. Эти аспекты подчеркивают связь знатного, судя по составу инвентаря, воина в погр. 12 могильника Ekritten/Ветрово-3 с миром степей Евразии. Заметная роль этнокультурных элементов тюрок-кочевников в жизни самбийской дружины конца X–XI вв. убедительно подтверждена археологическим материалом могильников Янтарного берега³², так что определение «прусский всадник», данное Д.Л. Черевичником воину, захороненному в погр. 12 могильника Ekritten/Ветрово-3³³, не соответствует действительности.

Заключение

Серповидные клинки известны в античной мифологической традиции³⁴, применялись даками в войнах с Римом под названием *falx*³⁵. Складное холодное оружие с серповидным клинком известно в народной культуре Испании Нового и Новейшего времени под именем *navaja*. Главный (и неперенный) аспект холодного оружия с клинком упомянутой формы – наличие неподвижной рукояти (*falx*) или же стопора при раскрытии лезвия (*navaja*). К сожалению, подтверждения наличия этого аспекта относительно складных серпов салтовского происхождения в археологическом материале нет. На мой взгляд, однозначного (как у Д.Л. Черевичника) тезиса о боевой принадлежности данных клинков придерживаться не стоит. Очевидна хозяйственная роль складных серпов, применявшихся воином для заготовки корма своему коню в походе. Эстии (с III в. н.э.) и ранние пруссы для этой цели использовали компактные по размерам косы³⁶, имевшие Г-образную в сечении рукоять, что позволяло крепить к ней детали из органических материалов (дерево, кость, рог). С VI в. жители Янтарного берега перестают помещать это орудие в конские захоронения. О боевом применении таких клинков говорить не приходится. Второй особенностью в погр. 12 могильника Ekritten/Ветрово-3 являются остатки оковки ведра, предназначенного для поения коня. Феномен распространения в юго-восточной Балтии в эпоху викингов компактных складных клинков требует дополнительного изучения. Не исключено, это является следствием мобильности членов прусской дружины (или определенной части этого воинского формирования).

²⁹ Engel 1931, 64.

³⁰ Черевичник 2013, 49.

³¹ Черевичник 2013, 50.

³² Kulakov 2017, 72–80.

³³ Черевичник 2013, 53.

³⁴ Черевичник 2013, 55, 56.

³⁵ Пенроз 2008, 213.

³⁶ Кулаков 1994, 60.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкайте-Куликаускене, Р. 1968: По вопросу самых древнейших шлемов в Литве. В кн.: *Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus*. Wrocław–Warszawa–Kraków, 470–489.
- Гуревич, Ф.Д. 1960: *Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э.* (МИА 76). М.–Л., 319–451.
- Кирпичников, А.Н. 1973: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* (САИ Е1–36). Л.
- Кирпичников, А.Н. 2009: *Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения*. СПб.
- Кулаков, В.И. 1989: Погребения военачальников прусской дружины. *КСИА* 198, 35–44.
- Кулаков, В.И. 1990: *Древности пруссов VI–XIII вв.* (САИ Г1–9). М.
- Кулаков, В.И. 1994: *Пруссы (V–XIII вв.)*. М.
- Кулаков, В.И. 1999: Тувангсте и Кенигсберг. *Slavia Antiqua* XL, 215–233.
- Кулаков, В.И. 2003: *История Пруссии до 1283 г.* М.
- Кулаков, В.И. 2016а: *Сокровища Янтарного края. Показатели инкультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э.* Калининград.
- Кулаков, В.И. 2016б: *Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Кауна*. М.
- Кулаков, В.И. 2016в: Прусские дериваты скандинавской militaria. *Acta Militaria Medievalia* XII, 25–33.
- Кулаков, В.И. 2016г: Изображения на плакированных серебром железных изделиях пруссов и куршей. *Res Humanitariae* XX, 10–30.
- Пенроуз, Дж. 2008: *Рим и его враги. Карфагеняне. Греки. Варвары*. М.
- Черевичник, Д.Л. 2013: К вопросу о функциях хазарского складного серпа. *История оружия* 8–9, 48–62.
- Engel, C. 1931: *Ein prähistorisches Taschenmesser. Prussia*. Bd. 29. Königsberg.
- Goßler, N. 2013: Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen). *Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte. Acta Praehistorica et Archaeologica* 45, 109–216.
- Kulakov, W. 2017: Die Prußen und die Welt der Steppe: die Konflikte und Kulturentlehnungen. In: *Contact zones of Europe from the 3rd Mill. BC to the 1st Mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings*. Moscow, 72–82.
- La Baume, W. 1940: Ein spätheidnisches Reitergrab mit Helm und verzierten Lanzen aus Ekriten, Kr. Samland. *Alt-Preußen* H. 4. Königsberg, 84–86.

REFERENCES

- Cherevichnik, D.L. 2013: K voprosu o funktsiyakh khazarskogo skladnogo serpa [On the issue of the functions of the Khazar folding sickle]. *Istoriya oruzhiya* [History of armour] 8–9, 48–62.
- Engel, C. 1931: *Ein prähistorisches Taschenmesser. Prussia*. Bd. 29. Königsberg.
- Goßler, N. 2013: Die mittelalterliche Steigbügel aus dem Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen). *Studien zu Typologie, Chronologie und Kulturgeschichte. Acta Praehistorica et Archaeologica* 45, 109–216.
- Gurevich, F.D. 1960: Iz istorii yugo-vostochnoy Pribaltiki v I tysyacheletii n.e [From the history of the southeastern Baltic states in the 1st millennium AD]. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* 76 [Materials and Research on Archeology of the USSR 76]). Moscow–Leningrad, 319–451.

- Kirpichnikov, A.N. 1973: *Snaryazheniye vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX-XIII vv.* [Equipment of the horseman and riding horse in Russia in the 9th–13th centuries]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov E1–36) [Corpus of archaeological sources E1–36], Leningrad.
- Kirpichnikov, A.N. 2009: *Rannesrednevekovyye zolochenyye shlemy. Novyye nakhodki i nablyudeniya* [Early Medieval Gilded Helmets. New finds and observations]. Saint Petersburg.
- Kulakov, V.I. 1989: Pogrebeniya voyenachal'nikov prusskoy družiny [Burials of the military leaders of the Prussian squad]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archaeology] 198, 35–44.
- Kulakov, V.I. 1990: *Drevnosti prussov VI–XIII vv.* [Antiquities of the Prussians of the 6th–13th centuries]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov G1–9) [Corpus of archaeological sources G1–9]. Moscow.
- Kulakov, V.I. 1994: *Prussy (V–XIII vv.)* [The Prussians (the 5th to 13th centuries)]. Moscow.
- Kulakov, V.I. 1999: Tuvangste i Kenigsberg [Tuvangste and Koenigsberg]. *Slavia Antiqua* XL, 215–233.
- Kulakov, V.I. 2003: *Istoriya Prussii do 1283 g.* [History of Prussia until 1283]. Moscow.
- Kulakov, V.I. 2016a: *Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnykh vliyaniy na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv. n.e.* [Treasures of the Amber Region. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the 1st–4th centuries]. Kaliningrad.
- Kulakov, V.I. 2016b: *Prussy epokhi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa* [Prussians of the Viking Age. Life and Life of the Kaup Community]. Moscow.
- Kulakov, V.I. 2016v: Prusskiye derivaty skandinavskoy militaria [Prussian derivatives of the Scandinavian militaria]. *Acta Militaria Medievalia* XII, 25–33.
- Kulakov, V.I. 2016g: Izobrazheniya na plakirovannykh serebrom zheleznykh izdeliyakh prussov i kurshey [Images on silver-clad iron products of Prussians and Curonians]. *Res Humanitariae* XX, 10–30.
- La Baume, W. 1940: Ein spätheidnisches Reitergrab mit Helm und verzierten Lanzen aus Ekriten, Kr. Samland. *Alt-Preußen* H. 4. Königsberg, 84–86.
- Penrouz, Dzh., 2008: *Rim i yego vrugi. Karfagenyane. Greki. Varvary* [Rome and its Enemies. Carthaginians. Greeks. Barbarians]. Moscow.
- Volkayte-Kulikauskene, R. 1968: Po voprosu samykh drevneyshikh shlemov v Litve [On the question of the most ancient helmets in Lithuania]. In: *Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratibus dicatus*, Wrocław-Warszawa-Kraków, 470–489.

FIND OF FOLDING SICKLE SALTOV TYPE IN SAMBIA

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia
drkulakov@mail.ru

Abstract. The aim of the proposed work is to clarify the origin, dating and, if possible, the principles of application of the sickle found on the Ekriten / Vetrovo-3 soil repository. An analysis of such artifacts, known in the antiquities of the lower Volga and in the east of Central Europe, led some authors to recognize such sickles as a specific type of edged weapon. Attracting analogies in the form of other folding-type blades allows us to draw the following conclusions. The combat affiliation of folding sickles is unlikely due to the lack of a stopper when opening the blade. Most likely, such sickles (as the braids of the carriers of Prussian culture in its early phase)

were used by Sambian warriors and carriers of various cultures of the Viking era as a tool for obtaining food for a war horse in marching conditions. The find of a folding sickle, unique for the Amber Coast, testifies to the connections of the Prussian warriors with the nomadic population of the steppes of Eurpasia.

Keywords: archaeology, southeastern Baltic, sickles, Viking age

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2020), 207–224
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2020), 207–224
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-207–224

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ 2018 г.

В.П. Яйленко

Независимый исследователь, Москва, Россия
valeryjailenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен последний выпуск отечественной эпиграфической хроники, с 2012 г. ежегодно публикуемой в журнале «Аристей». Любая библиографическая хроника полезна, желательно, чтобы она была еще и высокопрофессиональна. Из 66 статей, рассмотренных в хронике 2018 г., удовлетворительно информативны 40, неинформативны 26. Рассмотрение информативных комментариев хроникеров показывает, что многие статьи и надписи могли быть рассмотрены лучше – как по части текстологии, так и по части комментирования. Автор нижеследующей статьи дает критический обзор ряда лапидарных надписей и граффити, изданных в 2017 г., предлагает их оптимизированную текстологию, датирование, комментирование – в этом основное содержание статьи. Формулируются основные принципы, на которых должна базироваться эпиграфическая хроника.

Ключевые слова: древнегреческая эпиграфика Северного Причерноморья, критика отечественной хроники, оптимизация текстологии комментирования, датирования надписей

С 2012 г. в журнале филологической направленности «Аристей» издается хроника «Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья», это погодные обзоры литературы по эпиграфике, начиная с 2011 и по 2017 гг., автор А.В. Белосусов (обзоры литературы за 2016 и 2017 гг. написаны совместно с Л.Г. Елисеевой). Литература в основном отечественная, и такое суммирование ее весьма полезно: читатель получает информацию о надписях, ставших предметом изучения. Еже-

Данные об авторе: Яйленко Валерий Петрович, доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

годные обзоры литературы по эпиграфике Северного Причерноморья давно существуют в погодных хрониках *Bulletin épigraphique* (Bull. ép., в журнале *Revue des études grecques* с 1880-х гг., Париж) и *Supplementum epigraphicum Graecum* (SEG), начиная с 1923–1924 гг. (Лейден etc.)¹. Оба издания различаются по своему характеру. В SEG принято давать тексты надписей в чтении автора статьи или книги, излагается существо его интерпретации; в леммах редактор SEG делает свои краткие замечания. В Bull. ép. иная подача материала: хроникер дает свою оценку обзореваемой статье или книге. Принцип построения материала в обоих изданиях географический, по регионам – от Малой и Центральной Азии и Ближнего Востока до Испании и Франции, от Египта до Северного Причерноморья. Эпиграфика каждого региона отличается своеобразием, своим набором излюбленных или, напротив, маргинальных типов надписей, их дипломатикой, языком, формульным набором и пр. Например, эпиграфика Западного Понта вовсе иная, нежели Северного, а в том же Северном Причерноморье эпиграфика Боспора совсем не такая, как в Херсонесе или Ольвии; казалось бы, в Херсонесе и Ольвии как полисах должна быть похожая эпиграфика, но она весьма различна. В SEG каждым регионом ведает специалист по тамошней эпиграфике, в Bull. ép. с 1938 по 1984 гг. хронику превосходно вел гениальный эпиграфист Луи Робер, который знал все по данной дисциплине, и потому его суждения были вески да содержательны. Северочерноморский регион обязательно присутствовал в каждом томе SEG, а в Bull. ép. факультативно. С первого тома SEG литературу по эпиграфике Северного Причерноморья превосходно вели основатель этого издания И. Хондиус (в сотрудничестве с великими специалистами – В. Крёнертом, А. Вильгельмом и др.), затем до 1990 г. большой знаток причерноморской эпиграфики Г. Михайлов. После смерти Михайлова в 1991 г. северочерноморский раздел SEG попал в руки малоизвестного Г. Плекета, который не знал ни той эпиграфики, ни даже русского языка и потому в основном цитировал письма к нему Ю.Г. Виноградова. После Плекета раздел отошел к А. Ханиотису, который тоже не знает русского языка и потому тоже безуспешен (в последнее время он перепоручает раздел русскоязычному Г. Кантору, молодому специалисту по иудаике, так что воз и ныне там же – в арьергарде). В Bull. ép. после смерти Л. Робера северочерноморский раздел сначала хорошо вели Ф. Готье и Л. Дюбуа, но затем передали его А. Авраму, который знает русский язык, но не знает эпиграфики Северного Причерноморья. Г. Плекет, А. Ханиотис, А. Аврам хорошие специалисты (читатель оценит мою объективность!), но каждый в своей области (первый занимался финансовыми надписями Греции, второй Критом, Афродисием, третий Западным Причерноморьем), и они не знают эпиграфики Северного Причерноморья, не говоря уже о русском языке у первых двух. Я привел ряд примеров их ошибочных комментариев, не ставя себе целью дать фронтальный анализ таковых, они обусловлены незнанием эпиграфики региона (как сказано, она специфична, как и всякая региональная эпиграфика) и русского языка. Одним словом, последние три десятилетия в SEG и Bull. ép. с эпиграфикой Северного Причерноморья сплошные проблемы, что вынудило меня написать по этому поводу отдельную заметку, дабы обратить на это внимание тех коллег по северочерноморскому региону, которые порой обращаются к тем изда-

¹ Есть еще итальянская хроника – *Epigraphica. Periodico internazionale di epigrafia* (Милан, с 1939 г.), но она специализируется на римской эпохе.

ниям (ОХБ, 660-664)². В таких условиях я приветствовал отечественную хронику литературы по эпиграфике Северного Причерноморья, публикуемую с 2012 г. А.В. Белоусовым, более того, предложил передать северочерноморский раздел SEG и Bull. ép. ему и И.А. Макарову (ОХБ, 664).

Поскольку хроника А.В. Белоусова находится *in statu nascendi*, важна выработка основополагающих принципов ее построения. Главный принцип любой историографии – информативность: читатель должен получить как можно полное представление о подаваемой ему статье или книге. В связи с этим встает вопрос о характере библиографической хроники А.В. Белоусова (теперь и Л.Г. Елисеевой) – как в SEG или Bull. ép., иначе говоря, что в ней преобладает: прагматика, как в SEG, или персональный взгляд редактора, как в Bull. ép., либо то и другое вместе. Рассмотрим эти и прочие аспекты в их обзоре литературы за 2017 г., последнем из опубликованных³. Поскольку в нем выявляется много недостатков, наш обзор критический. Но подчеркнем, что основное содержание нижеследующей статьи конкретно-эпиграфическое – оптимизация текстологии и интерпретации надписей, опубликованных в 2017 г. и вошедших в хронику А.В. Белоусова, Л.Г. Елисеевой.

В ней учтены 72 работы, из которых надо вычесть 6, в которых даны простые отсылки к другим изданиям (№ 15, 21, 31, 43, 59, 66). Итого 66, из них мне как читателю удовлетворительно информативны 40 (№ 1, 2, 7, 9–11, 13, 14, 16, 18, 19, 23, 33, 35–37, 39–42, 44, 45, 47–49, 51–53, 55–58, 61, 64, 65, 67–71), неинформативны 26 (№ 3–6, 8, 12, 17, 20, 22, 24–30, 32, 34, 38, 46, 50, 54, 60, 62, 63, 72). Итого около $\frac{3}{5}$ обзора в той или иной мере удовлетворительно, около $\frac{2}{5}$ неинформативно, это слабый показатель КПД. Таким образом, рассмотрению подлежат всего 40 номеров обзора. Обратимся к ним далее, а пока отметим, что в аннотации на с. 195 авторы заявили: «В статье дается критический обзор публикаций за 2017 год, содержащих античный эпиграфический материал из Северного Причерноморья». Таким образом, заявлен подход, характерный для Bull. ép., хотя в действительности критики немного, реально присутствует прагматика, принятая в SEG, – как сказано, это подача эпиграфических текстов в чтении автора статьи или книги и существа его интерпретации, в леммах краткие замечания редактора. Таким образом, А.В. Белоусов и Л.Г. Елисеева заявляют одно, а получается иное, и природа этой нестыковки проста – отсутствие должного опыта. В самом деле, кандидат филологии А.В. Белоусов лишь с 2013 г. занимается эпиграфикой Северного Причерноморья, главным образом, небольшим участком – ольвийскими заклетами (и занимается успешно – читатель отметит мою объективность), он автор трех десятков заметок, из них четверть написана в соавторстве (не учитываем дубли – переводы на иностранные языки). Но заклета – сотая часть проблематики северочерноморской эпиграфики, почти все остальное для него *tabula rasa*. Еще проще дела у Л.Г. Елисеевой – она аспирант Института всеобщей истории РАН, так что лишь начинает набирать опыт эпиграфического труда; остается лишь пожелать ей успешной учебы и дальнейшей полезной службы на ниве эпиграфики. Кстати сказать, из 26 упомянутых выше неинформативных номеров ее около половины – 14, так что в этом отношении она выступила на равных с доцентом

² Далее наряду с обычными сокращениями употребляем для краткости ссылки сокращенные названия книг: ОХБ = Яйленко 2017; ТБР = Яйленко 2010.

³ Белоусов, Елисеева 2018, 195–245.

А.В. Белоусовым. Более того, в числе упомянутых 40 информативных номеров ей принадлежит 21 (№ 33, 35, 39, 40, 42, 44, 45, 47, 48, 52, 53, 55–58, 64, 65, 67–70), соответственно, Белоусову 19 (№ 1, 2, 7, 9–11, 13, 14, 16, 18, 19, 23, 36, 37, 41, 49, 51, 61, 71). Вся изложенная арифметика показывает, что эти соавторы еще не готовы к заявленному ими «критическому обзору публикаций» по эпиграфике Северного Причерноморья, отсюда и происходит столь большой процент брака их хроники – неинформативность около $\frac{2}{5}$ от общего объема, также мелкотравчатость многих комментариев: они еще не видят недостатков работы с надписями в ряде обзореваемых статей. Это мы и вскроем, обратившись к 40 информативным номерам их обзора (приводим их нумерацию). Сначала о заметках А.В. Белоусова.

1. Статья M.L. Barrio Vega о греческом языке в городах Причерноморья, основные темы которой – взаимодействие ионического и дорического диалектов, также греческого и туземных языков. Указав, что Баррио Вега не знакома с русскоязычными работами по тематике, А.В. Белоусов отправляет ее и читателя к статьям С.Р. Тохтасьева, очерку грамматики боспорских надписей А.И. Доватюра, книге А.С. Коцевалова о синтаксисе северочерноморских надписей, статье Н.Н. Казанского о социолингвистической ситуации на Боспоре. Однако в этих работах мало что сказано по существу упомянутых тем. Что касается взаимодействия ионийского и дорического диалектов, то данные для этого предоставляет эпиграфика дорического Херсонеса, но всерьез и в полной мере эта тематика еще не исследована. Что до вопросов взаимодействия греческого и туземных языков, то под № 63, говоря о статье Тохтасьева 2017 г., А.В. Белоусов раскрыл, что имеет в виду разработку туземной топонимии, этнонимии, антропонимии. Конечно, этими средствами вскрывается лексика туземных народов, но в действительности под взаимодействием языков понимается не столько восприятие иноязычной лексики и ономастики, сколько влияние грамматического строя одного языка на строй другого⁴. Такого рода вопросами советские специалисты интересовались в 1930-х гг., когда уделялось большое внимание малым народам СССР (Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов и другие яфетидоведы); например, по необычному употреблению падежей в боспорских надписях пытались установить морфологические свойства туземного языка. В статье 2017 г. Тохтасьев предпринял попытку вторжения в историческую фонетику адыгского языка (малоудачную), но всего лишь вел речь о способах передачи его звуков греческими соответствиями, и это вопрос транскрипции, а не грамматики. Ввиду сказанного отсылки А.В. Белоусова к статьям упомянутых авторов неточны по сути.

№ 7. Здесь А.В. Белоусов представил резюме своей статьи о новом заклятии из Никония, которую датировал «в пределах IV в. », и поведал, что в ней «представлены небезынтересные наблюдения относительно присутствия в одних и тех же ольвийских текстах четырехлинейной и лунарной сигмы». Оставив в собственности автора термин «четырёхлинейная сигма» (обычно по-русски пишут «четырёхчастная»), обратит внимание на заключительные слова надписи (до них следует перечень имен): τοῦτο[υς] γένε[ς] [θα]ῖ ἀφόν[ου]ς. Перевод сего простейшего текста из трех слов – «быть этим безгласными!» – филолог-классик А.В. Бело-

⁴ В 1968 г. я прослушал на филологическом факультете МГУ превосходный курс лекций Арона Борисовича Долгопольского о языковом контакте параллельно с его гениальным двухлетним курсом по ностратике.

усов усложнил: «пусть все они станут безгласны!», добавив от себя «пусть все». И это не пустяк, ибо, во-первых, τοῦτους отнюдь не «все», но «этими» (асс. pl.), во-вторых, искажен язык надписи – в переводе он утратил свою лапидарную простоту и приобрел отсутствующую в греческом тексте кудрявость. Оставим и это ему, ибо основной порок его публикации в ошибочной датировке, на что указывает форма ἀφόν[ου]с, в которой омега заменена омикроном, при том, что в двух личных именах автор заклęcia передал долгое **ο** через омегу. Аналогичное явление представлено и в опубликованном им совместно с М. Даной заклęcia из ольвийского региона (см. ниже № 13 его обзора) – в глаголе μαρτυρέουσιν «станут свидетельствовать» (вместо μαρτυρέωσιν); и эту надпись он датировал второй половиной IV в. Между тем замена омеги на **ο** в ἀφόν[ου]с и μαρτυρέουσιν – результат начавшегося в позднем эллинизме (с III в. до н.э.) и проявившегося в полной мере в римское время процесса утраты долготы гласными⁵; в III в. написание **ο** вместо **ω** представлено в папирусах единичными примерами, хорошо представлено со II в. до н.э.⁶ Посему оба упомянутых заклęcia не древнее III, а лучше сказать, относятся ко II в. до н.э., и как раз именно для такой даты естественно широкое употребление лунарных сигм. По словам М. Гвардуччи, редкие примеры употребления лунарной сигмы известны в IV в., чаще она употребляется в III в., но настоящий узус начинается со II в. до н.э.⁷ Такой характер имеет узус лунарной сигмы и в ольвийской эпиграфике⁸. Нет смысла доказывать, что такая сигма органично сочетается с позднеэллинистическим характером письма указанных заклęcia в целом. В моей книге «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.», в указателе на с. 1017, он нашел бы отсылки к нескольким десяткам ее страниц и рисунков, на которых ведется речь о лунарной сигме, а также в целом о курсивном письме надписей Северного Причерноморья; тут он мог бы почерпнуть необходимые сведения по палеографии для правильной датировки своих заклęcia. А без такого рода данных заявленные им «небезынтересные наблюдения относительно присутствия в одних и тех же ольвийских текстах четырехлинейной и лунарной сигмы» на деле не представляют никакого интереса, поскольку ошибочны. Не увидев реальной причины написания **ο** вместо омеги в своих надписях, именно позднеэллинистической утраты гласными долготы, А.В. Белоусов подмочил и свою репутацию филолога-классика, что для меня неудивительно. Например, в обзоре эпиграфической литературы 2015 г. он, критикуя мою заметку об ольвийском гимне VI в. до н.э. к Гилее, отверг вывод о его гекзаметре и указал среди прочего на кретик в αῖτις οἰ, не соответствующий гекзаметру⁹. Стыдно филологу-классику не знать, что йота наречия αῖτις, хотя по природе краткая, здесь долгая по положению перед членом οἰ, который этимологически происходит из σφοῖ, так что в стихе она стоит перед группой согласных и потому никакого кретика здесь нет¹⁰.

⁵ По одному мнению, в связи с перерождением музыкального ударения в силовое, по другому, процесс утраты долготы обязан перестройке количества и качества звучания фонем.

⁶ См. обо всем этом: Crönert 1903, 19–20; Mayser 1923, 97–99.

⁷ Guarducci 1967, 377.

⁸ Книпович 1966, 20–21, 23–26; ОХБ, 400, 414, 472, 513, 593–594, 613.

⁹ Белоусов 2016, 259.

¹⁰ Ответ на критику А.В. Белоусова в целом и развернутую аргументацию гекзаметрического размера этого гимна даю в т. 41 «Боспорских исследований» Яйленко 2019, 156–190.

Рис. 1. Новое посвящение ольвийских стратегов (фото: Иванчик, 2017)

В № 10 и 11 дан обзор двух статей А.И. Иванчика, он весьма длинный: в обеих статьях 24 страницы, Белоусов уделил им 6 страниц обзора, никто более не удостоился подобного внимания. Хотя в аннотации авторы хроники заявили ее «критический» характер, у Белоусова ни слова критики о статьях Иванчика, хотя простора для критики там предостаточно. Проиллюстрируем сказанное.

10. Публикация А.И. Иванчиком нового посвящения ольвийских стратегов Августу, Тиберию и народу. Текст хорошей сохранности, но стк. 9–10 частично разрушены, хотя по формуляру понятно, что в стк. 9 упоминается имя главы архонтов Исмения, а в стк. 10 указано его второе имя-прозвище; чтение и перевод издателем стк. 6–10: καὶ τῷ δήμῳ | στρατηγοὶ | ἐπὶ ἀρχόντων τῶν |⁹ περὶ Ἰσμ[μ]ῆν[ι]ν Τεῖτα |¹⁰ τὸν καὶ .ε.αωνα «и народу при архонтах во главе с Исмением, сыном Тейта, также называемым [...]аон, стратеги» (далее следует перечень имен-патронимиков стратегов). Тут явным образом ошибочно прочитано второе имя Исмения .ε.αωνα. Судя по обратному словарю имен и названий Б. Хансена, такому чтению удовлетворяет лишь имя Κεράων (gen. Κεράωνος)¹¹, однако оно уникальное и сугубо локальное – это спартанский герой¹², так что в ольвийском декрете места ему нет. По своему обыкновению Иванчик не дает описания плохо сохранившихся мест надписи, поэтому мне как читателю приходится оперировать лишь его фотографией. Тут вместо его .ε.αωνα читается нечто иное: на месте α, кажется, видна сигма, даже с апексами на усиках (?); от первой буквы хорошо видна левая нижняя часть альфы с ломаной перекладиной; наконец, чтение эпсилона проблематично (рис. 1). В целом, видимо, читается вин. падеж Α..σωνα, т.е. номинатив будет Α..σων. По тому же обратному словарю Б. Хансена это может быть Ἀγῆσων (упомянутый в Дельфах житель южноиталийского Сируса) или Ακέσων – имя у

¹¹ Hansen 1958, 107.

¹² Pape, Benseler 1884, 648.

Каллимаха¹³. Как видно, имена такие же редкие, но любопытно, что Ἀγῆσων тоже второе имя жителя Сириса Каллона, и оно по смыслу, согласно В. Папе и Г. Бенселеру, близко имени Ἀγῆτας «предводитель, вождь, глава»; между тем ольвийский Исмений – глава коллегии архонтов, так что он тоже Ἀγῆσων как реальный «глава» архонтов. Сим обстоятельством можно верифицировать чтение в стк. 10 вин. падежа прозвища Исмения Ἀ[γῆ?]σωνα, но без осмотра камня это лишь предположение. Не дав подробного описания остатков текста в стк. 9–10, А.И. Иванчик лишил читателя возможности судить о нем точнее.

Неудовлетворительно и чтение А.И. Иванчиком основного имени сего главы архонтов – он почему-то реконструировал редкую форму Ἰσμηνίης (его Ἰσ[μ]ῆν[ι]ήν), тогда как у этого локально беотийского личного имени есть более распространенная форма Ἰσμήνιος и еще более употребительная Ἰσμηνός, вышедшая за пределы Беотии¹⁴. Отсюда предпочтительней чтение Ἰσ[μ]ῆν[ι]οῦ или даже Ἰσ[μ]ῆν[ι]όῦ. Посвящение написано размашисто, есть свободные от букв места, и Иванчик резонно отмечает их, как положено, словом *vacat*, а в стк. 13 не отметил, так что тут надо ввести пометку: *vac. 1 litt.* Всего изложенного А.И. Иванчик не увидел; более того, не разобрав в полной мере вопросы антропонимии первого архонта и не описав остатков текста, он заставляет читателя гадать, что же на самом деле там написано. Мало удовлетворителен и его перевод формулы ὁ καὶ «также называемым», – точнее обычный перевод «он же» (к примеру, КБН 54, 302, 985 и др.); не оправдано и перемещение им слова «стратегии» в переводе со своего места после τῶι δῆμῳ в конец преамбулы.

11. Статья А.И. Иванчика с новыми надписями из Тиры. Тут тоже предостаточно ляпов. Его надпись № 1. При формуле почетно-проксенических декретов ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις стк. 9–10 – не дополнен обязательный для нее глагол ὑπάρχει (должный перевод: «как и другим проксенам надлежит»); примеров с безличным ὑπάρχει или инфинитивом ὑπάρχειν десятки, в том числе в ольвийских декретах (ОХБ: 538, 547, 598, 645, 654). В стк. 2 Иванчик прочел и перевел: -- ἐμβοῶν χρῆ «необходимо обратиться (?)»; это и странное чтение, и неуместное по содержанию для лаудативной части почетного декрета. Можно вспомнить, что в таком же по типу почетном декрете херсонеситов в честь прокуратора провинции Аполлониды предписано (стк. 6): ἀναβοᾶσαι μὲν αὐτ[ὸν] ἐς τὰν ἀγῶραν «громко призвать его на агору» (ОХБ, 694, 728–730, 732, 752). Эта аналогия указывает на примерно такое же содержание данного декрета тирян в честь некоего Геродора: [е. г. -- εἰς ἀγῶραν αὐτὸν] ἐμβοῶν, χρῆ [καὶ --] «-- громко звать *его* на агору, следует *также* --».¹⁵ Почесть с призыванием на агору для чествования оказывалась очень важным персонам, бесспорное наличие ее в декрете тирян указывает на выдающиеся заслуги Геродора перед ними или на его высокий административный статус в своем городе (ср. чуть меньшее чествование в Ольвии сыновей херсонесита Аполлония, который ссудил городу большую сумму денег, – ОХБ: 452). В стк. 7 у А.И. Иванчика отсутствует необходимая перед δεδόσθαι запятая, ибо предшествующий период фразы управляется другим инфинитивом – δεδόχθαι стк. 5. Издатель датировал надпись концом III – первой половиной II в. до н.э., но в это время еще лишь на-

¹³ Hansen 1958, 118; Pape, Benseler 1884, 10, 45.

¹⁴ Pape, Benseler 1884, 573–574.

¹⁵ Дополненный греческий текст показываем в переводе курсивом.

чинает появляться альфа с ломаной перекладиной, которая только и фигурирует в ней, так что сей почетно-проксенический декрет не может относиться к концу III в., его дата – весь II в. до н.э.

В надписи № 2 Иванчик не дает описания проблемных для чтения мест в надписях, что для первопубликации недопустимо, ибо читатель остается в неведении, что там может быть нечто иное, нежели прочтенное издателем. Тут в стк. 5 Иванчик дал маюскулы [--]ΘΟΡΘΩ[--], но на фото не видно никаких остатков омеги, лишь увеличив его, можно увидеть левый ее апекс (рис. 2).

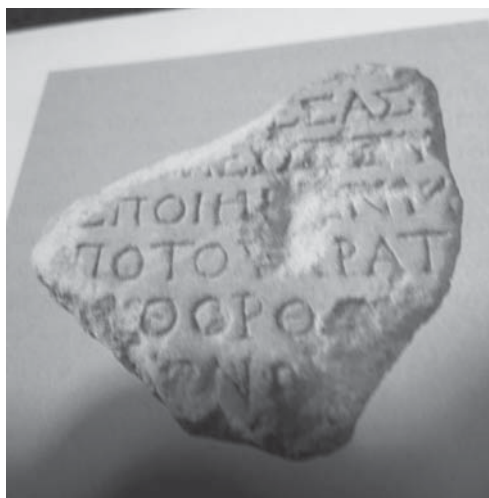

Рис. 2. Фрагмент почетного декрета из Тире (фото: Иванчик, 2017а, № 2)

Текст ΘΟΡΘΩ нечитаемый, так что его надо исправить: можно читать наречие ὀρθῶ[ς] или форму глагола ὀρθῶ-, но в таком случае вместо первой теты Иванчика надо усмотреть омикрон со случайной выбоиной посередине; это можно аргументировать ссылкой на большую выбоину в соседнем омикроне. В стк. 6 Иванчик увидел [--]ΘΝΘ[--], но первая буква может быть и омегой, а третья буква скорее Ρ, ибо видна ее головка. В итоге возможное чтение стк. 5–6 таково: --ο ὀρθῶ-- | --ο/Ϙν ρ--.

Надпись Иванчика № 3 (см. рис. 3) – фрагмент декрета 147 г. – удивляет дополнением стк. 2. Длину строки в этом обломке декрета дает формульный текст стк. 3–4 с 25–30 буквами, а Иванчик дополнил в стк. 2 двойной объем текста (полсотни букв): ...ς χφ' ἐγ[ένητο ἐν Τύρᾳ Γ(αίῳ) Πραστείνῳ καὶ Λ(ουκίῳ) Ἀννίῳ Λάρ³γῳ] ὑπάτοις νας. [ὥς δὲ Τυρανοὶ ἄγουσιν |⁴ ἔ]τους αἱ νας. [ἀρχόντων δὲ τῶν περὶ |⁵ ΕΙ.Λ.ΛΟ]--. Для выравнивания длины этой строки надо убрать раскрытые личные имена римских консулов и родовое имя, оставив один cognomen, как, например, в датировочной части послания Овиния Тертулла тиритам (IOSPE I² 4, стк. 43–44: ἐπὶ Μουκίανου καὶ Φαβιανου ὑπάτων). Так как словом ἐγ[ένητο] начата датировочная часть, перед ним следует поставить колон, также дать правильную форму глагола ἐγ[ένετο] (как, например, в декрете тирян IOSPE I² 2, стк. 18), а не конъюнктив ἐγ[ένητο]. Далее, правильно уловив, что ΧΦ стк. 2 имеет цифровое

Рис. 3. Декрет из Тиры (фото: Иванчик, 2017а, № 3)

значение (ничто другое и невозможно), Иванчик прочел тут $\chi\phi'$ «500 денариев»¹⁶. Между тем на фото видна только нижняя половина буквы χ , следов прочерка не видно, и поскольку издатель не дал описания остатков, невольно приходится додумывать. Обозначение денария χ употребляется с горизонтальным, вертикальным или диагональным прочерком¹⁷, и так как тут, видимо, стоит χ без прочерка, контексту декрета соответствует одно из его значений – gen. pl. neut. $\chi(\rho\upsilon\sigma\tilde{\alpha})$ «золотых статеров»¹⁸. Таким образом, в стк. 2 пока, до осмотра кем-либо подлинника, читаем: ... $\varsigma \chi \phi'$ · ἐγ[ένετο ἐν Τύρᾳ Πραστεῖνφ καὶ Λάρ³γφ] ὑπάτοις «-- 500 золотых статеров (?). Составлено в Тире при консулах Прастине и Ларге --». Надо бы Иванчику отметить, что при лунарной сигме всего декрета в слове ὑπάτοις она прямоугольная; это тем более необходимо, что такое нечасто встречается в надписях со II в. н.э. (например, в ольвийской надписи IOSPE I² 71). При формуле стк. 4 [ἀρχόντων δὲ τῶν περὶ] в следующей строке должно следовать имя главы коллегии архонтов в винительном падеже, так что в стк. 5 читается не громоздкое Ε[.].[.]ΛΟ[--] Иванчика, а Ε.λλοϋ, при этом между Ε и Λ вмещается не более трех букв, а Иванчик усмотрел четыре. При наличии прямых гаст у второй и четвертой букв обратный словарь имен Б. Хансена не дает ни одного подходящего варианта. Но на фото явственно видно, что вторая буква – Υ с высокой ножкой и небольшими усиками (в предшествующей строке усики Υ лишь немного больше), и при таком чтении словарь Хансена дает три возможных имени – Εὔδηλος, Εὔφίλος, Εὔμηλος¹⁹. Но два первых редкие, третье же весьма распространенное²⁰, в том числе на Боспоре, в Херсонесе с IV в. до н.э. В Тире они не засвидетельствованы,

¹⁶ Кстати, А.В. Белоусов упустил это χ в передаче текста А.И. Иванчика.

¹⁷ Avi-Yonah 1940, 110; Lang 1976, p. 78, № He 16, 17; p. 116; pl. 44; Guarducci 1970, 99.

¹⁸ Avi-Yonah 1940, 110.

¹⁹ Hansen 1958, 255–260.

²⁰ Pape, Benseler 1884, 413; LGPN IV, 133; LGPN VA, 179.

но поскольку ее антропонимика вообще нам мало известна, можно с известной долей уверенности читать в стк. 5 Εὐ[μη]λου.

Надписи Иванчика № 6, 7 тоже выказывают небрежность его работы с текстами (о которой см. также ОХБ, 642–655). В № 6 читается (τε)λειωθ[έν], которое Иванчик перевел причастием настоящего времени «редактированное», это не настоящее время, а прошедшее! (о постановлении Совета), тогда как греческое причастие аористное и у него совершенное значение – «отредактированное» (секретарем Совета / города) здесь дело не во времени, а в виде – сов./несов. То же и в его надписи № 7, где он дополнил аорист [ἐτελειώσατο], а перевел на этот раз имперфектом – «редактировал», вместо правильного «отредактировал». Все эти неточности не замечает А.В. Белоусов, хотя аористы, инфинитивы и причастия напрямую относятся к его филологической специальности.

9. Обзор статьи Д. Дана о дакийских личных именах в Тире. В ней под № 1 фигурирует патронимик Βατου (имя не сохранилось). А.В. Белоусов мог бы отметить, что нет особых оснований считать его дакийским ввиду наличия соответствующих имен в Греции, например, Βάτης (LGPN VA, 100, Илион).

13. Здесь А.В. Белоусов пересказывает свою (совместно с М. Даной) заметку о заклании из ольвийского региона. Оно состоит из перечня 4-х имен и заключительной клаузулы, которую соавторы прочли и перевели так: ἄ(π)ρακτα ὅι τα{ι} πάντ[α ...] μαρτυρέδσιν ἄν, с вариантом дополнения – πάντ[α (scil. ἔστω) εἰ] «tous ceux qui témoigneraient, qui tours (leurs) actes n'aboutissent à rien». Как видно, вычитав кудрявое ὅι τα{ι}, издатели оставили ἄ(π)ρακτα πάντ[α] «все бесполезным» (вин. падеж) без глагола, в варианте чтения им приходится его домысливать – «scil. ἔστω». К тому же для их ὅι τα{ι} приходится еще и удалить йоту, так что сие чтение ничем не оправдано. Читаем тут οἱται с безличным значением «полагается, считается»: ἄ(π)ρακτα οἱται πάντ[α,] μαρτυρέοσιν ἄν – у названных людей «всё считается бесполезным, когда станут свидетельствовать на суде» (что μαρτυρέοσιν = μαρτυρέωσιν, см. выше, № 7). Иными словами, автор наговора выражает пожелание, чтобы судьи не вняли показаниям поименованных свидетелей на предстоящем процессе. Как видно, в тексте заклания есть необходимый глагол, и нет нужды удалять йоту, – издатели просто не увидели его. А.В. Белоусов постоянно вменяет Н.В. Завойкиной в вину неточные диакритики, а сам предлагает читателям изыски μαρτυρέδσιν и μαρτυρέδσιν: если первое еще терпимо (о-долгое хотя редко, но обозначается через ὁ), то второе околесица вместо правильного μαρτυρέοσιν (с обязательной пометкой = μαρτυρέωσιν). Нет нужды говорить, что общераспространенный способ указания долготы гласной – постановка полочки над нею: ᾱ, ῆ, ῶ и пр.

16. А.И. Иванчик удачно сложил обломки IOSPE I2 288, 289, получив отрывочный текст стихотворной эпиграфии. Но, по существу, объединение слегка прояснило лишь одну стк. 5: [--]ων δόμασι κε[--], хотя этого достаточно, чтобы утратило силу мое чтение имен в стк. 5–6; однако в стк. 7–8 остается [τοῦ Θεοκλή[ου,] χαί[ρετε] (ОХБ, 631). Иванчик прочел в стк. 7 [--]ΤΟΥ Θεοκλή[ς [--], но сигмы на камне нет (я видел его в ОАМ).

36. А.В. Белоусов издал надпись на донце серебряного канфара, найденного в завале от пожара середины I в. н.э. на крепости Артезиан в Восточном Крыму; она пунсонная, идет вкруговую, в два оборота (рис. 4). Его чтение: Δ[ι]ος Καλ[ο]

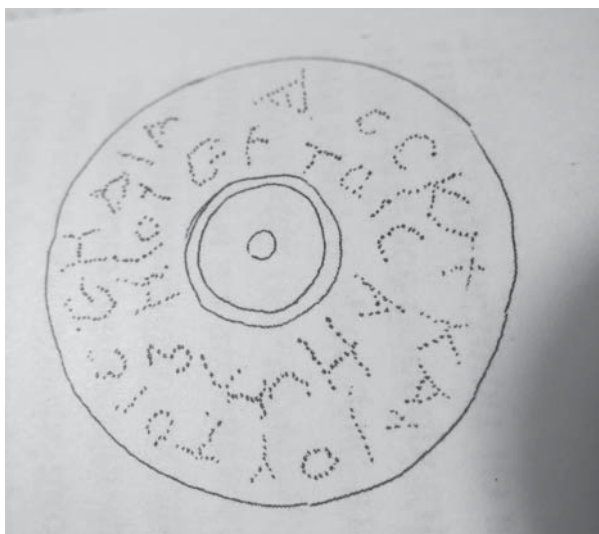

Рис. 4. Надпись на канфаре из Артезиана (Белоусов, Елисеева, 2018, № 36)

καίρου τοῖς ἐνδ(ε)ία(ι) | ἐν τοῖς Ἀπολλωνίου «Диос, сын Калокайра, (находящимся) в нужде в доме Аполлония». Издатель понял смысл надписи, но прочел ее не вполне точно. Чтение им патронимика Καλ[ο]καίρου невозможно, даже при дополнении омикрона: перед ο флексии нет буквы Ρ, есть только вертикальная черта, т.е. иота, и перед нею Λ, а не иота; для получения третьей от начала буквы Λ приходится счесть ее лежащей на боку (supinum); вторая буква стк. 2 не Ν, но Υ, так что ясно читается наречие εὔ. В целом вполне читается: Δ[ι]ὸς καὶ Καλ(λ)ίου τοῖς ἐνδ(ε)ία | εὔ τοῖς Ἀπολλωνίου «от Зевса и Кал(л)ия тем, кто в нужде – во благо людям Аполлония». В καί буквы αι даны скорописью – только боковины буквы Α (без пере-кладины), на конце правой вертикальный штришок как знак сокращения²¹. Имя Κάλλιον известно в Месембрии III в. до н.э. (LGPN IV, 183); сокращение двойного λλ в личных именах на Καλλ- обычно: Καλκόμη вместо Καλλικόμη, Καλίτυχος вместо Καλλίτυχος и т.д.²². Упоминание Зевса как донатора ценного сосуда объясняем тем, что на крепости Артезиан служили фракийские солдаты²³, и покровителем у них был Зевс²⁴. А.В. Белоусов напрасно полагает, что при ἐνδ(ε)ία опущен предлог ἐν, – во-первых, этот предлог заключен в самом слове, во-вторых, его дательный падеж сам по себе выражает состояние: ср., например, ἀεὶ ἐνδεία ξύνοικος «вечно соединенный с нуждой / пребывающий в нужде» (Plato. Symp. 203d). Членом οἱ при личном имени обозначаются сторонники, люди данного лица (школьный пример: οἱ Μένωνος «люди Менона»), поэтому τοῖς Ἀπολλωνίου означает «людям Аполлония».

²¹ Gardthausen 1913, 338 и Taf. 12 – пересечение букв κ-α.

²² Pape, Benseler 1884, 597 f.

²³ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 142, 146, 158, 159.

²⁴ Сидоренко, Зинько 2002, 219–222; ОХБ, 873–874.

41. А.В. Белоусов аккуратно выбрал надписи из каталога выставки «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства» (М. 2017) и дал их перечень, в нем 39 памятников лапидарной и малой эпиграфики, некоторые он снабдил своими замечаниями. Прокомментируем отдельные фанагорийские граффиты каталога «Пантикапей и Фанагория», а также замечания А.В. Белоусова (наше сокращение: ПФ с цифрой – это номер надписи в каталоге).

ПФ 185: граффито вторичного использования на венчике ионийского килика последней трети VI в. – «Ипикрат получает (снимает?) пятьдесят статеров». Издатель ПФ А.В. Агафонов указал, что надпись сделана на черепке вторичного употребления, но поместил ее в контекст того же времени, что и сам килик – в последнюю треть VI в. Белоусов резонно отметил, что по письму и языку надпись начала V в. Я бы расширил дату до первой половины V в.

ПФ 258: «Граффито на ручке амфоры – вопрошание об удаче в торговле хлебом». А.В. Агафонов дал текст издателя надписи Ю.Г. Виноградова, упомянул, что в дальнейшем тот отказался от части своего чтения. Ему осталась неизвестной моя републикация граффито с критикой чтения и датировки Виноградова: безосновательны дополнения Виноградовым имени Гермеса и императива $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\omega$, его дополнение $\lambda[\omega\acute{\iota}\omicron]να$ (acc. sg. fem. / masc. или pl. neutr.) не согласуется с acc. sg. neutr. $\tau\rho\acute{\iota}\mu\acute{\iota}\epsilon[\kappa\tau\omicron\nu]$; это не оракул, а запрос торговца хлебом к Гермесу; ошибочны все выкладки Виноградова из выведенной отсюда стоимости хлеба в 9,25 драхм, которая оказалась существенно выше обычной стоимости на Боспоре в 4–4,5 драхмы; наконец, им существенно завышена дата надписи – это не первая половина V в. до н.э., как он безосновательно счел, а вторая половина IV в. Наше чтение: $\pi\alpha\acute{\iota}\Delta\iota\omicron\varsigma$, | $\nu\alpha\varsigma$. $\acute{\alpha}\gamma\epsilon$ | $\mu\epsilon\delta\acute{\iota}\mu\nu\omicron\nu$ [$\lambda\omega\acute{\iota}\omicron$] $\nu\alpha$ $\tau\rho\acute{\iota}$ $\eta\mu\acute{\iota}\epsilon[\kappa\tau\alpha]$ «Зевсов сын, дай *выручить* за медимн три гекты», т.е. торговец молится богу торговли о «хорошей» цене в 6 драхм²⁵. А.В. Белоусов (№ 23) замечает: «в библиографии не учтен SEG 47: 1195», но ни слова о моей работе²⁶.

ПФ 300: «Граффито на стенке амфоры с упоминанием Эвбия», в две строки, издатель Н.В. Завойкина: $\epsilon\ddot{\upsilon}\beta\iota\omicron\varsigma$ | $\pi\acute{\upsilon}\gamma\iota\sigma\alpha\iota$ «Эвбий, содомитствуй сам с собой!». Комментарий А.В. Белоусова (№ 25) некорректен: «Непонятно, почему этот пункт каталога нужно было назвать именно так? Будто всем знаком этот Эвбий». Вроде бы по делу другое его замечание, что перевод издателя «неадекватен», но он не уточнил, в чем заключается неадекватность и не дал своего понимания надписи. Сделаем это за него: на фото вполне видно, что слева граффито обломано, так что на самом деле в каждой строке сохранилось лишь по одному последнему слову. Иначе говоря, начальный текст в обеих строках утрачен: -- $\epsilon\ddot{\upsilon}\beta\iota\omicron\varsigma$ | -- $\pi\upsilon\gamma\iota\sigma\alpha\iota$ «-- Евбий | --пояти в зад». Издатель чуть зависила дату: конец VI – первая четверть V в., т.к. сигма с уплощенными усиками свойственна IV в., чему соответствует и Е с тремя горизонталями.

ПФ 302: «Владельческое граффито Сонада на ножке килика», текст и перевод Н.В. Завойкиной: $\Sigma\omicron\nu\alpha\delta\omicron\varsigma$ $\alpha\upsilon\tau\eta\grave{\iota}$ η $\kappa\acute{\upsilon}\lambda\iota\varsigma$ $\nu\grave{\eta}$ «Это килик Сонада. Да, это так!» Последнее слово надписи определенно не $\kappa\acute{\upsilon}\lambda\iota\varsigma$, а $\kappa\acute{\upsilon}\lambda\iota\chi\nu\eta$ «чашка, килик» (LSJ, s.v.), с буквой χ обычной формы в виде креста +. Имя $\Sigma\omicron\nu\alpha\delta\omicron\varsigma$ донине неизвестно,

²⁵ Яйленко, 1996, 176–179; ТБР, 95–96.

²⁶ Критику попытки Ф.В. Шелова-Коведяева (ДБ, 2018, 239–242) усмотреть в данном граффито школьный стихотворный текст см.: Яйленко, 2020, надпись № 12а.

это или номинатив, или род. падеж от *Σονας. Мне видится иное понимание сей надписи V в. – как дарственной: Σοναδος Αὐτῇ ἡ κυλίχυν «Сонад Авте *дарит* этот маленький килик» (если Σοναδος – род. падеж, то «от Сонада Авте сия маленькая чашка»). Женское имя Αὐτῇ не засвидетельствовано, но есть мужское имя Αὐτέας в Аттике, Херсонесе²⁷, и женская форма к нему будет как раз Αὐτῇ (<Αὐτέα).

49. Публикация В.Д. Кузнецовым эпитафии из Кеп. А.В. Белоусов уместно привел поправку даты надписи Ю.Н. Кузьминым: не IV в. до н.э., как счел издатель, а скорее конец III – начало II в., судя по письму и формуле χαῖρε. Действительно, эта формула появляется в боспорских надгробиях с рубежа III – II вв. (КБН 254, 257 сл.).

61–63. Тут и passim А.В. Белоусов поет осанну статьям С.Р. Тохтасьева, особенно часто налегая на статью 2005 г. о скифском языке. В обзоре литературы за 2016 г. А.В. Белоусов дал резко отрицательный отзыв на книгу С.В. Кулланды «Скифы: язык и этногенез» (М., 2016), постоянно апеллируя к упомянутой статье Тохтасьева. Вообще-то это не его дело – в иранистике Белоусов ничем не отметился, он или не знает или не понимает, что до наших дней очерки скифского языка писали профессиональные иранисты, Тохтасьев же любитель, не прочитавший ни единой строчки из бесчисленных текстов на иранских языках. Как специалист по ономастике, многократно обращавшийся к иранскому материалу, знаю действительную цену книге С.В. Кулланды: если в прежних очерках скифского языка от К. Мюлленхофа до В.И. Абаева главную роль играл сарматский материал (не скифский!), то С.В. Кулланда впервые широчайшим образом сосредоточился на анализе исключительно скифского материала ab origine по IV–III вв. до н.э. Теперь его книга занимает основное положение в литературе по скифскому языку указанного времени. А что до критики ее Белоусовым, то он оперирует теми же двумя-тремя положениями, на которые нажимали Тохтасьев и Иванчик, тоже написавший очерк скифского языка.

Из такой ориентации А.В. Белоусова нетрудно предвидеть его отрицательное отношение к моей книге 2017 г. «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.» (ОХБ). Хотя в книге более тысячи страниц и рассмотрено огромное число вопросов, он уделил ей два абзаца на полстраницы (№ 5 его обзора).

Наконец, обратимся к нескольким замечкам Л.Г. Елисеевой в хронике.

18. Это ее резюме статьи Н.И. Николаева об ольвийских декретах в честь херсонеситов в контексте местных хронологий Ольвии, Херсонеса и Понта. Николаев в сотый раз тиражирует свою бездоказательную идею о некой «эре Аполлона» и понтийской эре в Ольвии, посредством которых датирует почти все ее надписи эллинистического времени с точностью до нескольких лет. Я уже отзывался об этом абсурдном измышлении инженера Н.И. Николаева, который не знает греческого языка, ни хотя бы латыни, чтобы адекватно понимать комментарии В.В. Латышева в IOSPE (см. ОХБ: 484, ср. 75), и Л.Г. Елисеева напрасно не обратила на это внимания, тоже тиражируя писания сего дилетанта. Разумеется, я не стал бы отзываться на них, но так как Елисеева зачем-то упоминает меня, отвечу. Станным образом половина ее обзора посвящена чтению стк. 29 ольвийского декрета III в.

²⁷ Fick 1894, 76; IOSPE I2 340: Херсонес, III в. до н.э.

до н.э. в честь сыновей херсонесита Аполлония (уж не потому ли, что тут Николаев критикует меня?). Приведу содержание стк. 28–30 декрета, в которых продолжается перечисление почестей благодетелям, и оно, при отрывочности текста, формульно, значит, понятно: [καλέσαι δὲ αὐτοὺς εἰς ἱερὸν ἐπὶ ξένια τὸν ἱερέα τοῦ Ἀπόλλωνος ἐς αὐρίον· -- са. 12 --]θησαν Ἀγαθῖνος Δημάχου, Κόνων [?Ва-- (ὁ δεῖνα τοῦ) --ο]υ «пусть жрец Аполлона пригласит их в святилище на угощение назавтра; -- Агатин Деимахов, Конон Ба (?), *имярек, сын такого-то*». Тут неясно лишь, какому глаголу принадлежит сохранившееся окончание аог. pass. [--]θησαν, которому после неперменного αὐρίον предшествуют ок. 12 утраченных букв. Б. Лифшиц в 1969 г. прочел [-- ἡρέ]θησαν «были избраны», что принял и я с 1981 г., дополнив название должности, на которую были избраны Агатин и др.: [-- αὐρίον· σύμβροι ἡρέ]θησαν «синедрами были избраны» (ОХБ, 462–463, лит.). Потом Ю.Г. Виноградов сначала дал два варианта дополнения: [ὧν ἐπιμεληταὶ (?) εἰρέ]θησαν и [ὧν ἱερεῖς (?) ἐπιμελή]θησαν, без перевода (ВДИ. 1982, 4, 34), затем остановился на первом, переводя: «попечителями которого выбраны»²⁸. Конечно, Н.И. Николаев предпочитает чтение Виноградова, причем оба варианта сразу, не понимая, что дополнения того ошибочны: ὧν вообще не находит себе места (в книге 1989 г. он перевел этот gen. pl. единственным числом «какого»!), а ἱερεῖς – тавтология при только что упомянутом τὸν ἱερέα – жреце святилища; не увидела этого и Л.Г. Елисеева. Николаев критически воспринимает мое дополнение должности синедров (цитирую по изложению обозревателя): «Не совсем ясно, зачем прерывать список оказываемых почестей указанием на синедров, которые выступают в декрете как эйсеgetы». Между тем в своих работах я не раз разъяснял это обстоятельство: во-первых, привел аналогии из декретов, которые показывают, что -θησαν – остаток глагола [ἡρέ]θησαν, указывающий на избрание ольвиолитами какой-то коллегии для чествования благодетелей; во-вторых, отметил существенный факт: тут должность синедров упоминается в догетской Ольвии единственный раз – они внесли данный декрет на рассмотрение Совета и народа: οἱ σύμβροι εἴταν «синедры предложили» (стк. 1); это указывает на экстраординарность коллегии трех – они избраны именно для улаживания вопроса о выплате долга херсонеситам и последующего их чествования. В III в. в Ольвии была еще одна экстраординарная магистратура – коллегия Семи, она тоже занималась финансами города, но по составу больше и функционировала дольше (ОХБ, 431–433). Поскольку синедры избраны именно для переговоров с заимодавцами города – сыновьями Аполлония, и поскольку дело о долге было улажено ко благу города, то логично видеть как раз их в той тройке, которая должна заниматься наряду со жрецом Аполлона угощением благодетелей в святилище божества. И уж вовсе беспомощно заявление, что «приведенные В.П. Яйленко аналогии не слишком удачны»: в декрете из Том-де (цитирую) «речь идет не о почестях, а об избрании ответственных за составление списка стражников», а в декрете Syll.³ 562 говорится об избрании теородока, (цитирую), «что имеет прямое отношение к почестям». Получается, что декрет из Том не слишком удачная аналогия потому, что там нет речи о почестях, а декрет Syll.³ 562 потому, «что имеет прямое отношение к почестям»; одно исключает другое. И уж вовсе непристойны укоры Н.И. Николаева (или Л.Г. Елисеевой) за

²⁸ Виноградов 1989, 216.

то, что в тезисах 1981 г. я назвал надпись о сыновьях Аполлония проксенией: там я произвел лишь частичное восстановление текста, потому надпись казалась мне проксенией, но после реконструкции всего текста в работах 1987, 1989, 2017 гг., разумеется, именовал ее только почетным декретом (ОХБ, 449, лит.).

35. Англоязычная статья М. Nalamus (ВДИ, 2017, 3) о варваризации боспорской верхушки в I в. до н.э. – I в. н.э., в которой автор обращается к вопросу об аспургианах, к эпитафии Матиана от Динамии, к декрету из Танаиса, упоминающему безымянного сына некоего Матиана. Прим. 61 Л.Г. Елисеевой: упомянув аспургиан, она сослалась лишь на статью С.Ю. Сапрыкина в СА, 1985, 2, а могла бы добавить: Яйленко, 1990, 159–165; ТБР, 249–254. К литературе в ее прим. 62 об эпитафии Матиана добавим новые материалы (ТБР, 669–671). К литературе об изданном А.И. Иванчиком, С.Р. Тохтасьевым декрете из Танаиса, упоминающем безымянного сына некоего Матиана, следовало бы добавить: ТБР, 602–603 – здесь дана критика их датировки декрета и пр., в частности, их идентификации Матианов обеих надписей: это возможно лишь в том случае, если танаисский сын Матиана по возрасту Мафусаил. Видимо, для Л.Г. Елисеевой это все мелочи, не заслуживающие упоминания, либо она просто не знакома с ТБР.

40. Статья О.Л. Габелко о датировке и понимании херсонесской надписи IOSPE I² 402. Похвально, что приведена богатая литература об этой надписи, но поскольку эту тему О.Л. Габелко развивает давно и в ряде работ, следовало бы упомянуть и их, например, в ВДИ 4 (2005); ДБ 10 (2006).

53. Коль по заявке А.В. Белоусова и Л.Г. Елисеевой их обзор «критический», следовало бы отметить иные варианты понимания или даже неточности интерпретации некоторых нимфейских граффити в обозреваемой статье. Так, № 1 ΔΙ на дне чл. чаши скорее сокращение теофорного имени владельца Δι, чему есть немало аналогий, нежели цифровая запись. Надпись № 2 ΔΔΔ[–] можно понять не столько как «1 драхма за 30 (и более) чаш», сколько в качестве простой денежной записи: «три драхмы» (или более). Простая черта | на донце чл. чашки может быть понята различным образом, но не «5 халков» (если Л.Г. Елисеева правильно передала текст)²⁹.

Подведем итоги. Проведенный разбор статьи А.В. Белоусова и Л.Г. Елисеевой показывает, что она могла бы быть намного глубже по пониманию эпиграфических документов и шире в комментировании суждений авторов рассматриваемых статей. Хроникерам еще не хватает нужных для этого знаний и опыта работы с памятниками лапидарной и малой эпиграфики. Тем не менее, поскольку всякая библиография полезна, таковы и их эпиграфические обзоры; можно сказать, что минимальное представление о текущей литературе и новых надписях читатель получает. Однако обзор обзору рознь, и суть дела в качестве. Как показано, в статье А.В. Белоусова, Л.Г. Елисеевой есть квалифицированно написанные обзоры, но много и недостаточно профессионального, отсюда ее в целом невысокий уровень

²⁹ Наконец, отметим, что странным образом соседствующие у Л.Г. Елисеевой примечания 45 и 51 зачем-то дублируют друг друга. И несколько замечаний к языку ее обзоров: в № 30 «картуш», но и «в картуши» вместо правильного «в картуше», так как слово мужского рода; в № 44 она странным образом употребляет грамматический термин «энклитик» (во всех учебниках «энклитика»); в № 64 «пальмета», но это франц. *palmette* и потому пишется с двумя т. Не отстает в речевых изысках и А.В. Белоусов: его «юпсилон» (№ 23), пожалуй, посильнее «энклитика» «в картуши».

(их обзор литературы за 2016 г. лучше, но лишь за счет большой подстрочной библиографии). Мы начали заметку с упоминания о разных концепциях зарубежных обзоров эпиграфической литературы – прагматичного SEG, критического Bull. ép. При нынешних профессиональных возможностях А.В. Белоусова и Л.Г. Елисеевой их обзоры должны быть в основе прагматическими. Отсюда базовые принципы, на которых должна покоиться их хроника, просты. 1. Максимум информативности: читатель должен получать как можно более полное представление о содержании обзореваемых статей и книг. 2. Минимум критического: как показано, вопреки аннотации, в которой говорится о «критическом обзоре», данные авторы еще далеки от профессионального плавания по широтам северочерноморского эпиграфического моря и погружения в его глубины. 3. Максимальная объективность; как показано, А.В. Белоусов пристрастен к тем или иным персоналиям, что усугубляет и без того невысокое качество его обзоров (в интересах Л.Г. Елисеевой воздерживаться от пристрастий соавтора). 4. Важнейшая задача обоих авторов – каждодневно нарабатывать эпиграфический опыт, именно это является неременным условием качества их будущих обзоров новой литературы по столь глубоко разработанной науке, как эпиграфика. Но к этому им еще идти и идти, да и литературы по эпиграфике понемногу прибавляется с каждым годом, так что А.В. Белоусов и Л.Г. Елисеева вдвоем уже явно не справляются с нею. Поэтому полезно привлечение других квалифицированных эпиграфистов, например, И.А. Макарова, Н.А. Павличенко, А.П. Бехтер. Пожелаем расширенному коллективу успехов на благо эпиграфики Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусов, А.В. 2016: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2015 г. *Аристей* 14, 246–273.
- Белоусов, А.В., Елисеева, Л. Г. 2018: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2017 г. *Аристей* 18, 195–245.
- Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса*. М.
- Иванчик, А.И. 2017: Новое посвящение стратегов из Ольвии. *ВДИ* 3, 636–650.
- Иванчик, А.И. 2017а: Новые декреты из Тиры. *ВДИ* 4, 967–977.
- Книпович, Т.Н. 1966: Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. *НЭ* VI. М., 3–30.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму. *ВДИ* 3, 134–162.
- Сидоренко, В.А., Зинько, В.Н. 2002: Воинский медальон с клятвой Зевсу Димеранскому, найденный на Боспоре. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья* (III Боспорские чтения). Керчь, 219–222.
- Яйленко, В.П. 1996: Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья. В кн.: В.П. Яйленко (отв. ред.), *История и культура древнего мира*. М., 175–222.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.* М.
- Яйленко, В.П. 2013: *Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э.* М.
- Яйленко, В. П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э.* СПб.

- Яйленко В. П. 2019: Эпиграфические заметки // *БИ* 39, 117–209.
- Яйленко, В. П. 2020. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани. *ДБ* 25 (в печати).
- Avi-Yonach, M. 1940: *Abbreviations in Greek Inscriptions*. London.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Fick, A. 1894. *Die griechischen Personennamen*. Göttingen.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Guarducci, M. 1967, 1970: *Epigrafia greca*. T. 1, 2. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti*. Princeton (The Athenian Agora. Vol. 21).
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Lipsiae.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.

REFERENCES

- Belousov, A.V. 2016: Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomoria. 2015 g. [Greek and Roman epigraphy of the Northern Pontic area. 2015]. *Aristeas* 14, 246–273.
- Belousov, A.V., Eliseeva, L.G. 2018: Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomoria. 2017 g. [Greek and Roman epigraphy of the Northern Pontic area. 2017]. *Aristeas* 18, 195–245.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Fick, A. 1894: *Die griechischen Personennamen*. Göttingen.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Guarducci, M. 1967, 1970: *Epigrafia greca*. Vol. 1, 2. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Ivantchik, A.I. 2017: Novoe posvyaschenie strategov iz Olvii [New dedication of strategoi from Olbia]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of ancient history]* 3, 636–650.
- Ivantchik, A.I. 2017a: Novye dekrety iz Tiry [New decrees from Tyra]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of ancient history]* 4, 967–977.
- Knipovich, T.N. 1966: Grecheskoe lapidarnoe pismo v pamyatnikakh Olvii [Greek lapidar script in the inscriptions of Olbia]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics & epigraphy]* VI. Moscow, 3–30.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti*. Princeton (The Athenian Agora. Vol. 21).
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Lipsiae.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Saprykin, S.Ju., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu [The settlement Artezian in the East Crimea]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of ancient history]* 3, 134–162.
- Sidorenko, V.A., Zinko, V.N. 2002: Voinskiy medalion s klyatvoi Zevsu Dimeranskomu, naidennyi na Bospore [The military medallion with oath to Zeus Dimeranos, found in the Bosporos]. In: *Bospor Kimmeriiskii, Pont i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekovia [The Cimmerian Bosporus, Pontus and Barbarian world in ancient and medieval time]*. Kertch, 219–222.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoria Olviiskogo polisa*. Moscow.
- Yailenko, V.P. 1996: Pseudoepigrafika antichnogo Severnogo Prichernomoria [Pseudepigraphy of Northern Pontic Area]. In: V.P. Yailenko (ed.), *Istoria i kul'tura drevnego mira [A History and culture of the ancient world]*. Moscow, 175–222.
- Yailenko, V.P. 2010: *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. - V v. n.e. [A Millenar Bosporan State. History and Epigraphy of Bosporus in the 6th Century BC – 5th Century AD]*. Moscow.

- Yailenko, V.P. 2013: *Ocherki etnicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi istorii Skifi VIII vv. do n. e.* [The Essays on ethnic, political and cultural history of Scythia of the VIII–III centuries BC]. Moscow.
- Yailenko, V.P. 2017: *Istoria i jepigrafika Olvii, Chersonesa i Bospora VII v. do n. e. – VII v. n. e.* [History and Epigraphy of Olbia, Chersoneses and Bosporus in 7th Century BC – 7th Century AD]. Sankt Petersburg.
- Yailenko V. P. 2019: Epigraphical Notes, *BI* 39, 117-209
- Yailenko, V.P. 2020: Stikhotvornye graffiti Bospora, Olvii, Berezani [The Verse graffiti of the Bosporus, Olbia, Berezan]. In: *Drevnosti Bospora [Antiquity of Bosporus]* 25. Moscow (Forthcoming).

A CRITICAL REVIEW OF THE RUSSIAN EPIGRAPHICAL CHRONICLE 2018

Valery P. Yailenko

Independent Researcher, Moscow, Russia
valeryjailenko@gmail.com

Abstract. The article considers the latest issue of the national epigraphic chronicle, which has been published annually in the journal “Aristey” since 2012. Any bibliographic chronicle is useful, it is desirable that it is also highly professional. Out of the 66 articles reviewed in the 2018 chronicle, 40 are satisfactorily informative and 26 are uninformative. A Review of the chroniclers’ informative comments shows that many articles and inscriptions could have been considered better, both in terms of textual content and commentary. The author gives a critical review of a number of lapidary inscriptions and graffiti published in 2017, suggests their optimized textual structure, Dating, and commentary – this is the main content of the article. The basic principles on which the epigraphic chronicle should be based are formulated.

Keywords: Greek epigraphy of Northern Pontic area, Russian epigraphical chronicle, criticism, optimization of textology and comments publications and inscriptions

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-225–227

Владимиров, Г. Великата България на Волга през Средните Векове. София: Просвета, 2019. – 160 с.

В 2019 г. в София в издательстве «Просвета» вышла научно-популярная монография болгарского исследователя, доктора Георги Владимирова «Великата България на Волга през средните векове». Георги Владимиров является автором более 100 исследований, в том числе 10 монографий, и признанным специалистом по истории Волжской Булгарии¹. В 2004 г. он защитил диссертацию по теме «Дунавска и Волжка България – формиране и промяна на културните модели (VII–XI в.)».

Рецензируемая работа состоит из двух частей: «Источники и историография» и «Источники и литература». Первая часть включает следующие разделы.

«Образ Волжской Булгарии в болгарской исторической науке», в котором автор анализирует и комментирует письменные источники по Волжской Булгарии, в первую очередь: персидские, арабские, русские. Он особо обращает внимание на крайне незначительный объем информации по данной проблеме, содержащийся у византийских и западноевропейских авторов. В этом разделе представлены и основные вехи историографии Волжской Булгарии, начиная с произведений XVIII в. и заканчивая современностью. Важным для российских исследователей представляется то, что основной акцент здесь направлен на анализ изучения Волжской Булгарии в болгарской исторической науке.

В разделе «Древняя Великая Болгария» рассматриваются различные аспекты истории объединения болгарских племен, которое византийские авторы называли древней Великой Болгарией². Вероятнее всего его территория должна локализоваться в причерноморских и приазовских степях. Автор исследует перипетии судьбы Великой Болгарии и ее распад, причиной которого стало хазарское нашествие. В этом разделе описываются и пути болгарских племен, возглавляемых сыновьями хана Кубрата, в попытке обретения новой родины.

Раздел «Бассейн Средней Волги до появления булгар» представляет собой физико-географическое описание региона и его природных ресурсов. Г. Владимиров кратко рассматривает историю региона и археологические культуры, бытовавшие здесь, начиная от среднего палеолита и заканчивая IX в. Таким образом он определяет контекст, в котором появляются и оседают первые булгары Поволжья.

Данные об авторе: Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.

¹ См. напр.: Владимиров 2005; 2007; 2009; 2011; 2019.

² См. напр.: Чичуров 1980, 40.

В разделе «Переселение булгар на Волгу. Первые археологические следы» анализируется процесс появления булгарских племен в Среднем Поволжье (кон. VIII – нач. IX вв.). Рассматриваются могильники, того времени: Большарханский, Кайбельский, Танкеевский и другие.

Раздел «Рождение Волжской Булгарии. Территория, этнический состав, религия» являет собой свод письменных и археологических источников, отражающих возникновение и становление Волжской Булгарии. Автор констатирует конфедеративный характер государства, которое объединяет различные племена: булгар, берсил, эсегелов, суваров и др. Особое внимание уделяется истории принятия, в качестве государственной религии, ислама Волжской Булгарией. Г. Владимиров анализирует причины случившегося, характер новой религии и последствия вхождения в систему исламского мира для консолидации новообразованного государственного организма.

В разделе «Военное искусство Волжской Булгарии. Войны и дипломатия» представлены свидетельства о военных навыках волжских булгар, их оружии, тактики и стратегии ведения войны. Особое внимание уделено изучению военных конфликтов Волжской Булгарии с Русью.

Четыре раздела посвящены анализу материальной и духовной культуры Волжской Булгарии, а также различным аспектам экономики этого государства. Это: «Города Волжской Булгарии. Монументальная и культовая архитектура»; «Сельскохозяйственная культура. Чеканка монет»; «Быт и повседневность»; «Культура Волжской Булгарии». Здесь рассматривается городская структура Волжской Булгарии: возникновение первых поселений, появление городов (в том числе анализируются имеющиеся там остатки жилищ) – Биляра, Булгара, Суvara, Джукетау, Казани и их локализация по письменным и археологическим источникам. Подробно исследуется структура сельского хозяйства, ремесел, а также торговли (внутренней и внешней), по мнению автора – основного источника существования населения Поволжья. Г. Владимиров отмечает, что появление местной монетной чеканки в Болгаре (Биляре) и Суваре было связано именно с потребностями ведения торговых операций. Положительным моментом рецензируемой работы представляется специальное исследование образа жизни и нравов населения Волжской Булгарии, их повседневной деятельности, обстановки жилища, специфики еды и одежды. особенностям праздников, статуса мужчины и женщины. В качестве элементов духовной культуры анализируются язык и письмо, литература, научные знания в области астрономии, фармакологии и медицины, образование и степень грамотности местного населения.

В разделе «Закат Волжской Булгарии» рассматривается история возникновения Монгольской империи и походы монголов на Запад, следствием чего стало завоевание ими Волжской Булгарии.

Раздел «Вместо заключения. О Золотой орде, Казанском ханстве и окончании «булгарской эпохи» на Средней Волге» характеризует золотоордынский период на территории Средней Волги, а также историю Казанского ханства. По мнению автора, правда, по нашему мнению достаточно дискуссионного, падение этого государства в 1552 г. знаменует собой конец «булгарской» культурной эпохи, корни которой восходят к моменту первого появления булгар, а ее основные черты формировались в период Волжской Булгарии, Золотой Ордой и Казанского ханства.

Во второй части монографии представлен свод письменных источников по истории и культуре волжских болгар, которые вносят дополнительный познавательный колорит в изложенное в первой части, а также и некоторые интересные исторические легенды - фрагмент богатого фольклорного наследия населения Среднего Поволжья.

Для параллельного сравнения событий на историческом пути Волжской Булгарии и общего исторического течения средневековья здесь помещена сводная хронологическая таблица дат и событий.

Издание снабжено обширным иллюстративным материалом. Монография предназначена для студентов, учителей средних школ, преподавателей ВУЗов, научных работников, а также для широкого круга читателей, желающей познакомиться с историей Волжской Булгарии, с ее культурой и духовным наследием. Несомненно, книга Г. Владимирова вызовет интерес у российских исследователей и краеведов, интересующихся различными аспектами средневековой истории болгар

ЛИТЕРАТУРА

- Владимиров, Г. 2005: *Дунавска България и Волжка България през VII – XI век*. София.
 Владимирив, Г. 2007: *Волжка България и Казанското ханство в географските карти на Средновековието и Новото време*. София.
 Владимирив, Г. 2009: *Другата България на Волга: изгубената цивилизация*. София.
 Владимирив, Г. 2011: *Волжка България и Казанското ханство: предания и легенди на народите по Средна Волга*. Пловдив.
 Владимирив, Г. 2019: *Етюди по история и култура на волжките българи*. София.
 Чичуров И.С. 1980: *Византийские исторические сочинения*. М.

REFERENCES

- Chichurov I.S. 1980: *Vizantijskie istoricheskie sochineniya* [The Historical Works of Byzantine]. Moscow.
 Vladimirov, G. 2005: *Dunavska Blgariya i Volzhka Blgariya prez VII–XI vek* [Danube Bulgaria and Volga Bulgaria in 8th – 11th centuries]. Sofia.
 Vladimirov, G. 2007: *Volzhka Blgariya i Kazanskoto hanstvo v geografските karti na Srednovekovieto i Novoto vreme* [Volga Bulgaria and Khanate of Kazan in geographic maps of the Middle Ages and Modern]. Sofia.
 Vladimirov, G. 2009: *Drugata Blgariya na Volga: izgubinata civilizaciya* [The second Bulgaria on the Volga: Lost civilization]. Sofia.
 Vladimirov, G. 2011: *Volzhka Blgariya i Kazanskoto hanstvo: predaniya i legendi na narodite po Sredna Volga* [Volga Bulgaria and Khanate of Kazan: the folk stories and legends of nations of Middle Volga region]. Plovdiv.
 Vladimirov, G. 2019: *Etyudi po istoriya i kultura na volzhkite blgari* [The Etudes on History and Culture of Volga Bulgarians]. Sofia.

Yuri M. Mogarychev
 Institute of Archaeology of the Crimea RAS,
 Crimean Republican Institute
 of Post-graduate Teaching Education,
 Simferopol, Russia
 mogara@rambler.ru

Ю.М. Могаричев
 доктор исторических наук
 Институт археологии Крыма РАН,
 Крымский республиканский институт
 постдипломного педагогического
 образования, Симферополь, Россия

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2020), 228–242
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2020), 228–242
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-228–242

МЕЖДУ РУССКИМИ И КАЗАХАМИ – ЭВОЛЮЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА НАГАЙБАКОВ (К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ИДЕНТИЧНОСТИ)

И.Р. Атнагулов

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
i.atnagulov@mail.ru

Аннотация. В этнической истории России, начиная со второй половины XVI в., наблюдается появление множества новых идентичностей. Их генезис связан с включением в состав государства ряда неславянских (тюркских, финноугорских и других) народов Поволжья, Урала и Сибири, внутренними миграциями и государственной политикой по административному, военному, социальному и экономическому обустройству присоединенных территорий. Одной из таких новых идентичностей были нагайбаки. Данная группа, возникшая как сословие казаков среди крещеных татар Уфимской провинции, за примерно 150 лет своего развития выработала самосознание этнического уровня. Этому способствовал ряд факторов, обособивших их от этнических предков – казанских татар. Главными из них являлись – религиозная и сословная принадлежности, смена этнической территории, географическая изоляция от татар и новые этнические соседи. В 1843 г. нагайбаки были переселены из Западной Башкирии в Южное Зауралье. Адаптация в засушливой степи, контакты с номадами-казахами привели к изменениям хозяйственно-культурного типа нагайбаков в сторону увеличения скотоводческого сектора. С другой стороны, контакты с русскими казаками повлияли на дальнейшее развитие земледелия. В результате всего этого они обрели новый этнокультурный имидж. Хозяйственно-куль-

Данные об авторе: Атнагулов Ирек Равильевич – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории Институт истории и археологии УрО РАН.

турный комплекс нагайбаков, возникший на стыке традиций оседлоземледельческих культур Восточной Европы и кочевническо-скотоводческих степной части Евразии, сложился в оригинальную систему, в одинаковой степени сближающей и отличающей ее от русской и казахской. Это обстоятельство, кроме прочих, позволило нагайбакам – бывшему сословию в составе крещеных татар – избежать ассимиляции и выработать собственное этническое самосознание.

Ключевые слова: этноистория, тюрки, славяне, новые идентичности, нагайбаки, русские, казахи, этноконтакты

В этнической истории России период, начавшийся со второй половины XVI в., сопровождается возникновением новых идентичностей. Особенно эти процессы активизировались в Поволжье и Приуралье. Здесь наблюдались следующие векторы этнических процессов – русская колонизация новых территорий, усложнение этнического состава населения за счет внутренней миграции тюркских и финно-угорских народов, возникновение новых этносословных, этноконфессиональных и прочих идентичностей. Появление всех этих новых социальных групп – результат государственной политики по освоению новых территорий и межэтнических контактов и взаимодействий. Последние неизбежно усиливались в процессе массовых перемещений населения. Результатом этого стало появление таких групп, как крещеные татары, крещеные татары-казаки, тептяри, мещеряки, татары-казаки мусульмане, закамские удмурты, восточные марийцы и прочие. Все они имели отличительные черты – сословные, конфессиональные и прочие наборы этнографических признаков, которые выделяли их на фоне «материнских» этносов.

Одной из таких новых идентичностей являлись нагайбаки. Их появление связано с указом Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 года о переводе части крещеных татар Уфимской провинции из ясачных в казачество. С тех пор и до начала XX века они прошли развитие от сословной группы в составе крещеных татар до отдельного народа, зафиксированного в документах переписей населения 1926, 2002 и 2010 гг. Переломным этапом в истории нагайбаков был 1843 г., когда их переселили из Белебеевского уезда Уфимской губернии в несколько уездов Оренбургской. Наиболее многочисленной из сохранившихся до нашего времени является группа, проживающая в Нагайбакском районе Челябинской области. До 1919 г. они входили в состав Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса становления нагайбакской этнической идентичности через эволюцию их хозяйственной системы. Последнюю можно считать одной из формообразующих их этничности, поскольку хозяйственно-культурный тип нагайбаков, подвергшийся сначала смене природно-климатических условий, а затем воздействию двух противоположных хозяйственных систем, сформировался в оригинальный комплекс. Географические рамки статьи – Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии и Нагайбакский район Челябинской области. Хронологические границы – с 1843 г. по начало XXI в. Источниковой базой являлись авторские полевые исследования, литературные материалы, архивные данные и музейные коллекции.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Прежде чем перейти к основной части, необходимо рассмотреть этнодемографическую картину нагайбаков и их ближайших соседей – русских и казахов. К началу русской колонизации в степном Зауралье обитали казахи Среднего жуза подразделений кипчак и керей, а также Младшего, подразделений байулы и жетыру. В 1830–1840 гг. начал осуществляться правительственный проект по заселению этих земель казачеством. Для этого была проведена новая линия укреплений от Орска до станицы Березовской (чуть восточнее Троицка), продвинувшая земли Оренбургского казачьего войска вглубь степи. Район казачьих поселений, ограниченный реками Урал, Уй и новой линией, получил название Новолинейного. Земли района охватывали значительную часть Верхнеуральского и понемногу Троицкого и Орского уездов. По этническому составу местное казачество состояло из русских, нагайбаков и калмыков. Последних было немного, и они не оказали существенного влияния на этнокультурный облик населения, а в 1924 г. добровольно переселились к соплеменникам на Нижнюю Волгу. По плану авторов проекта строительства Новой линии, казахи должны были навсегда отселиться за пределы района, в степь. Но после устранения военных конфликтов значительная часть их не только не захотели покидать эту территорию, но и основали в Новолинейном районе свои зимовья.

Наиболее крупным этническим компонентом в Новолинейном районе были русские. Среди них солдаты упраздненных линейных батальонов, казаки внутренних кантонов Мензелинского, Бузулукского, Бугульминского и Бугурусланского уездов¹ и государственные крестьяне, оказавшиеся на землях Оренбургского казачьего войска, в отдельных волостях Оренбургского, Верхнеуральского и Троицкого уездов. Их заставляли переходить в казаки и переселяться в Новолинейный район. Те, кто не хотел, отправлялись вместе с семьями в Бузулукский уезд на освободившиеся после ухода казаков на Новую линию места². В составе Оренбургского войска, среди прочих, в Новолинейный район из Белебеевского уезда переселялись казаки-нагайбаки в количестве 1250 человек мужского пола³. Ими были созданы пять моноэтнических поселков: Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия⁴. Калмыков, подселенных к нагайбакам, было незначительное число – всего 80 человек. Позже добавились поселки Астафьевский и Куропаткинский. Русские казаки селились рядом, но в отдельных поселках. Из тех, что были основаны русскими в XIX – начале XX в. и затем вошли в состав Нагайбакского района, являлись Арси, Куликовка⁵, Александро-Невский и этнически смешанный – Балканы. Из не казачьих населенных пунктов на территории будущего Нагайбакского района к началу XX века существовало несколько казахских аулов – Арасламбаевский (Каракупа), Копал, Кужебай, Арзакул, Бесенбай (Беркут), Илень и Кинжебаевский (Байчунус)⁶.

¹ Чернышев 1843, 4.

² Чернышев 1843, 5.

³ Чернышев 1843, 34.

⁴ Чернышев 1843, 34.

⁵ Чернышев 1843, 37.

⁶ Плешков 1928, 40–42.

Таким образом, с 1843 г. по первые два десятилетия XX в. на территории будущего Нагайбакского района возникли казачьи поселки и казахские аулы с постоянным населением. Все они были в основном моноэтническими. Русских в Ар-сях и Куликовке насчитывалось не менее 1972, нагайбаков в Касселе, Остроленке, Фершампенуазе, Париже, Требии и Астафьевке – не менее 6606, казахов, рядом с нагайбаками и русскими, – до 365 человек (табл. 1). Русские и нагайбаки, находясь в одном сословии, исповедуя одну религию, являясь в одинаковой степени колонизаторами края, сохраняли этническую обособленность и практически не перемешивались друг с другом⁷. Нагайбаки, в отличие от русских и казахов, находились в географической обособленности от материнского этноса – волго-уральских татар. Такая изоляция, возникшая в процессе исторического развития, обычно является причиной неизбежных изменений и появления культурных отличий изолята от остальной части этноса. Их возникновение происходит, главным образом, под влиянием следующих причин – консервации архаичных черт и обретения новых под влиянием возникших этнических контактов.

На характер взаимоотношений нагайбаков с русскими влияли разные факторы. Находясь на прежней этнической родине нагайбаки от окружающего их населения – крещеных татар – отличались только сословной принадлежностью, а от татар-мусульман – сословной и конфессиональной. Все остальные этнические признаки – языковая принадлежность, культура, хозяйство – были общими. В Верхнеуральском уезде среди русских казаков главными отличительными чертами становятся уже язык и комплексы этнографических признаков – одежда, пища, обычаи, обряды и тому подобное. Для русских они были в первую очередь – инородцы, говорящие на непонятном языке, со своим хозяйственным и бытовым укладом. С другой стороны, нагайбаки в Новолинейный район прибыли уже будучи казаками, опытными земледельцами, а укрепление в православии происходило с помощью священнослужителей из числа крещеных татар – выпускников Казанской духовной академии. Эти обстоятельства способствовали интенсификации культурных связей нагайбаков с русскими. Еще одним фактором сближения нагайбаков с русскими являлось то, что разные нагайбакские поселки подчинялись различным русским станичным юртам.

Несмотря на культурные различия, русские и нагайбаки примерно в одинаковой степени отличались от казахов. Характер взаимоотношений между нагайбаками, с одной стороны, и русскими или казахами, с другой, на рубеже XIX–XX вв. отмечался исследователями. В отношениях с казахами не было вражды, но и признаков сближения не отмечалось. К русским казакам нагайбаки относились как к равным себе, а русские «смотрели на нагайбаков свысока»⁸. С русскими их объединяли принадлежность к казачеству, православному христианству и хозяйственные традиции (пашенное земледелие). С казахами – языковое родство, но отделяли сословные и конфессиональные признаки. Языковая близость не могла не отразиться на взаимодействиях между казахами и нагайбаками. Нагайбаки, в отличие от русских, легко вступали с казахами в экономические отношения. Последние стали причиной возрождения у нагайбаков элементов кочевническо-скотоводческого хозяйства, которые к тому моменту были у них уже в состоянии глу-

⁷ Бектеева 1902, 179–180.

⁸ Бектеева 1902, 179–180.

боких пережитков (см. ниже). Учитывая то, что нагайбаки освоили русский язык раньше, чем казахи, они стали связующим звеном в процессе славяно-тюркских взаимоотношений.

В 1926 г. прошла Всесоюзная перепись населения, в документах которой нагайбаки впервые в истории были отмечены как отдельный народ, а их общая численность в стране установлена точно – 11219 человек. В 1927 г. был образован Нагайбакский район в составе Троицкого округа Уральской области. В составе района насчитывалось русских – 8031, нагайбаков – 7722 и казахов – 1554 человека (табл. 2). К этому времени на территории в границах современного Нагайбакского района подавляющее большинство населения продолжало проживать в почти исключительно моноэтнических поселках. В середине 1920-х гг. на территории будущего Нагайбакского района населенных пунктов с нагайбакским населением было семь – поселки Астафьевский, Кассельский, Остроленский, Парижский, Фершампенуазский, хутор Кугенева и кордон № 3. Всего нагайбаков в них насчитывалось 6917 человек или 90 % от общего числа в районе. Населенных пунктов с исключительно или преобладающим русским населением было 26 – поселки Александров-Невский, Арсинский, Куликовский, Ново-Красногорский, Ново-Рассыпной, колхоз Красный Меч, хутора Крупский, Куропаткинский, Михайлова, Орловский, Отважный, Первоначальный, Пряшникова, кордоны № 1, 4–10, 14, 15, 27 и Лебединый. Всего русских в этих населенных пунктах насчитывалось 6766 человек или 84 % от общего числа русского населения района. Населенными пунктами с исключительно или преимущественно казахским населением были аулы Арсламбаевский, Арзакуловский, Бесенбаевский, Кинжебаевский (Байчунус), Желкыбаевский, Копаловский, Илень и Кужебаевский. Всего казахов в них насчитывалось 1325 человек или 85 % от всего казахского населения района. Кроме этого, имелось несколько населенных пунктов со смешанным составом: поселки Балканский (русские, татары и другие), Требиатский (нагайбаки и русские), хутора Алексеевский (русские, казахи и другие), Красногумбейский (русские, украинцы и другие), Ольгинский (казахи и русские). Численность населения этих поселков составляла 2560 человек или 14% от всего населения района.

Отдельную группу населенных пунктов, в которых проживают нагайбаки и их ближайшие соседи, образуют поселки, основанные в 1920-х годах и позже. Начиная с 1925–1928 гг. в Южном Зауралье ряд населенных пунктов возникал в связи освоением целинных земель. Заселялись они крестьянами-переселенцами из европейской части или местным населением. По этническому составу все эти поселки были смешанными. Наиболее многочисленными группами в новообразованных населенных пунктах Нагайбакского района были в разных соотношениях – русские, нагайбаки и казахи, но преобладали в большинстве случаев русские. Кроме них появились украинцы, белорусы, мордва, татары, башкиры, а на рубеже XX–XXI вв. – небольшие группы армян, азербайджанцев, таджиков и узбеков. Русские переселенцы из областей европейской России основали другие поселки – Знаменский, Калининский, им. Н.К. Крупской, Переселенческий, Березовая Роща, Лесные Поляны, Набережный, Петровский, Придорожный, Подгорный, Совхозный, Чернореченский, Нагайбакский, Гумбейский, Рассвет, хутора Лебединый, Пряшникова и деревня Ягодная. В 1950–1960-х гг. в связи с разработкой

добычи кварца, слюды и медно-цинковой руды, появились этнически смешанные рабочие поселки Слюда и Южный.

В 2010 г. подавляющее большинство нагайбаков проживало в тех же населенных пунктах, в которых поселились их предки в XIX в.. На рубеже XX–XXI вв. эти нагайбакские поселки, бывшие когда-то моноэтническими, становятся по этническому составу сложными. Наиболее многочисленными соседями нагайбаков, как и прежде, продолжают быть русские и казахи. Численность русских в районе составляла 9432, нагайбаков – 6127 и казахов – 2829 человек (табл. 3). В Касселе, Остроленке, Париже, Требии и Астафьевке нагайбаки по-прежнему остаются преобладающими. В Фершампенуазе русских по сравнению с нагайбаками стало больше. Из перечисленных выше в прошлом моноэтнических казахских населенных пунктов в настоящее время существуют только поселки Арсламбаевский, Копаловский и Кужебаевский. В Арсламбаевском по переписи 2010 г. насчитывалось всего населения 296 человек, из них казахов – 270; в Копаловском – всего 82, из них казахов – 80; в Кужебаевском всего – 240, из них нагайбаков – 117, казахов – 40, русских – 34 человека (таблица 4). Из практически моноэтнического казахско-Кужебаевский превратился нагайбакско-казахско-русский населенный пункт с весьма ощутимым преобладанием нагайбаков. Остальные населенные пункты казахов, находившиеся на территории будущего Нагайбакского района и зафиксированные в материалах переписи 1926 г., ныне не существуют.

Таким образом, в начале XXI, по сравнению с началом XX в., этнический состав Нагайбакского района усложнился, но основными народами по-прежнему являются русские, нагайбаки и казахи, которые проживают совместно в большинстве населенных пунктов района, но в разных пропорциях. За всю историю взаимоотношений, с 1843 г. по второе десятилетие XXI в., эти три народа прошли путь культурной и экономической интеграции. В данном случае мы наблюдаем процессы, связанные с взаимодействием оседлоземледельческого и кочевническо-скотоводческого хозяйственно-культурных типов в условиях степного ландшафта. Результатом этого стало формирование оригинального хозяйственно-культурного типа нагайбаков.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В соответствии с общепринятой концепцией хозяйственно-культурных типов нагайбаки являются этносом, относящимся к пашенным земледельцам лесостепной и степной части Евразии. Их традиционный экономический уклад – это часть системы различных хозяйственно-культурных типов, специализирующихся на культивировании зерновых с неперменным сочетанием высокоразвитого пастбищно-стойлового скотоводства. Хозяйственная деятельность нагайбаков до 1840-х гг. развивалась среди крещеных татар Поволжья и Прикамья. Переселившись в Южное Зауралье, нагайбаки сохранили земледельческую специализацию, но уже с местной спецификой. В степной части Верхнеуральского уезда, несмотря на относительно высокую аридность и зимние морозы, земледельческий опыт нагайбаков получил дальнейшее развитие. По сравнению со Средним Поволжьем и Прикамьем здесь было много свободных удобных для земледелия участков. Степные черноземы, унавоженные кочевьями, были прекрасной основой для земле-

дельческого освоения территории. Такие природно-географические условия содействовали дальнейшей эволюции земледельческой культуры.

В середине XIX в. плотность населения Верхнеуральского и Троицкого уездов была невелика – примерно три человека на одну квадратную версту⁹. Нагайбаки, как и прочее казачье население, довольно быстро освоились в новых условиях, и во второй половине XIX в. земледельческое хозяйство на Южном Урале было уже высокопродуктивным¹⁰. При заселении зауральской степи на каждую казачью душу мужского пола полагалось до 30 десятин земли¹¹, а в 1860–1870-х гг. ее приходилось уже до 35,3 десятин¹². При этом посевные площади составляли всего от 3,5 до 9,4% от всех удобных земель. При таком ресурсе трехпольная система не позволяла допускать истощения почвы. В конце XIX – начале XX в. хозяйство нагайбаков основывалось на залежно-паровой и залежно-переложной системах¹³. Участок использовали два-три года подряд, потом оставляли на срок до четырех лет и более¹⁴. Отсутствие удобрений, искусственного орошения, ранние заморозки и насекомые-вредители были причиной частой гибели урожая¹⁵. Несмотря на многие трудности, интенсивное освоение зауральской степи привело к тому, что уже в начале XX в. Южное Зауралье становится зоной развития товарного земледелия. В 1870-х гг. наблюдатели отмечали, что нагайбаки собирают избыточный урожай, вследствие чего становятся относительно зажиточными¹⁶.

В степных условиях нагайбаки стали применять новый агротехнический прием – подъем зяби¹⁷, что способствовало сохранению зимней влаги. Основными культурами были пшеница, овес, ячмень, полба, рожь, гречиха и конопля¹⁸. Обеспечивающей, как и у русских, стала яровая пшеница, в отличие от крещеных татар Поволжья, у которых это место занимала рожь. Посевы яровой пшеницы занимали самый значительный удельный вес – до 50%¹⁹. С появлением на рубеже XIX–XX вв. у зажиточных казаков плуга посевы пшеницы расширились²⁰. Пахотными орудиями были тяжелая борона и плуг – «татарский сабан». Ручные орудия не отличались от русских – лопаты, мотыги, грабли, вилы, серпы, косы. В начале XX в. внедряется машинная уборка. У нагайбаков в середине XIX – начале XX в. преобладающей была молотьба цепом, который считается русским заимствованием²¹. Также молотили катком или камнем²². В начале XX в. среди зажиточных казаков появляются механические молотилки.

Адаптировавшись в середине XIX в. в новых природно-климатических условиях, нагайбаки в земледельческом хозяйстве выработали ряд инноваций. В

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 174.

¹⁰ Халиков 1995, 19.

¹¹ Бектеева 1902, 169.

¹² Рассчитано по: ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

¹³ Халиков 1995, 27.

¹⁴ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–23 об.

¹⁵ Бектеева 1902, 169.

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 13. Л. 67 об.–68.

¹⁷ Халиков 1981, 30.

¹⁸ ПМА 1999, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

¹⁹ Халиков 1981, 34.

²⁰ ПМА 1998, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

²¹ Воробьев 1930, 104.

²² ПМА 1998. ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

хозяйстве их, как и у других земледельческих народов региона, господствовали злаковые. В отличие от закамских крещеных татар, они больше сеяли пшеницу, а урожайность зерновых была выше, чем в Закамье, поэтому к концу XIX в. она приобрела товарное значение. Подобное производство пшеницы уже в конце XIX в. привело к необходимости внедрения машинной уборки урожая.

Под влиянием русских у нагайбаков получило дальнейшее развитие огородничество. Войсковое начальство, в целях самообеспечения казаков всем необходимым, внедряло новые культуры²³. У нагайбаков овощеводство распространилось раньше, чем у татар Оренбургской губернии. Последние обеспечивали себя овощами, купленными на рынке, в то время как нагайбаки уже в 1870-х гг. предпочитали овощную продукцию, выращенную на собственных огородах²⁴. Наиболее распространенными были морковь, свекла, капуста, редька, лук, огурцы, репа. Картофель культивировался, но заметно меньше, чем у крещеных татар камского бассейна. Бахчевые были представлены тыквой. Недостающие овощи и фрукты приобретали на рынке Верхнеуральска²⁵. Точно так же, как и другие жители края, нагайбаки не практиковали садоводства²⁶. В здешних краях оно начало распространяться не ранее 1950-х гг., после появления морозоустойчивых сортов садово-огородных культур. Заметную роль в развитии садоводства и огородничества на Южном Урале сыграли переселенцы из Украины и западнорусских областей. Земледелие нагайбаков в середине XIX – начале XXI в. прошло развитие под воздействием факторов, связанных с изменением климатических условий и появлением новых этнических контактов.

СКОТОВОДСТВО

Скотоводство нагайбаков до 1843 г. развивалось в крещено-татарской среде Восточного Закамья, а в условиях степного Зауралья в данной отрасли появились определенные особенности. Нагайбаки, являясь по хозяйственно-культурному типу преимущественно земледельческим народом, как и прочие тюрки, сохраняли глубокие пережитки кочевническо-скотоводческих традиций. Если в Поволжье и Прикамье они проявлялись относительно слабо, то в степном Зауралье произошла их частичная регенерация. Животноводство в хозяйстве нагайбаков по степени значения было на втором месте. Оно имело как мясное, так и молочное направление, занимая по удельному весу порой не меньшую долю, чем пашенное земледелие. В первые десятилетия жизни в Зауралье, несмотря на частые случаи конокрадства со стороны казахов, они старались содержать как можно больше поголовья лошадей и другого скота. Этому способствовало обилие великолепных пастбищ²⁷.

Как отмечалось, нагайбакское животноводство, также, как и у русских казаков Верхнеуральского уезда, было пастбищно-стойловым. Скот у нагайбаков весь

²³ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 8. Л. 96-97.

²⁴ Халиков 1995, 115.

²⁵ ПМА 1998-2001, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, с. Париж, с. Остроленка.

²⁶ Бектеева 1902, 169.

²⁷ Бектеева 1902, 169.

день находится на карде, а вечером пригонялся во двор²⁸. Состав стада, включавший большую долю крупного рогатого скота, соответствовал хозяйству оседлоземледельческих народов. Вместе с тем нагайбаки, как и прочие тюркские народы региона, отличались особой приверженностью к коневодству и овцеводству. На увеличение доли животноводства в хозяйстве нагайбаков влияли контакты с кочевниками-казахами и полукочевниками-башкирами. В некоторых хозяйствах нагайбаков насчитывалось до полутора тысяч овец, которых выращивали на продажу. В Оренбургской губернии конца XIX в. на 100 жителей приходилось примерно 200 голов скота, при этом до 50% удельного веса приходилось на мелкий рогатый скот²⁹.

Породы домашнего скота у нагайбаков были те же, что содержали соседние народы. Лошади – «башкирские» и «киргизские». Обязательным условием формирования боевого комплекта казака было наличие строевой лошади. Отношение к ним было особое. Их содержали лучше, редко использовали в работе, кормили отборным овсом, смешанным с ржаной мукой. Каждое лето проводились лагерные сборы, на которых устраивались скачки с джигитовкой. Казакам, вырастившим лучших скакунов, выдавали денежные премии. Крупный рогатый скот был мясной, «киргизской» породы. В Верхнеуральском уезде ее называли «линейной», поскольку владельцы этого скота – казаки – жили вдоль сторожевой линии. Киргизская порода давала больший вес (18–25 пудов), чем крестьянская корова (12–18 пудов) с лучшим качеством мяса. Овцеводство базировалось на разведении двух пород – «русской» и «башкирской». Русская имела небольшой живой вес (1–1,8 пудов) и выход шерсти (1–1,5 кг). Башкирская относилась к курдючным породам. Их отличает наличие курдюка – жирового отложения у хвоста весом до 4–10 кг³⁰. В зимнее время скот находился в хлеву, а отелившуюся корову и теленка в холодный период содержали дома. Там же совершали и доение³¹.

Мясной рацион нагайбаков состоял преимущественно из баранины, поэтому поголовье овец в их хозяйствах было заметно большим, чем у других оседлоземледельческих этносов, обитавших по соседству. Контакты с казаками также повлияли на значительное увеличение стада овец. Понемногу для получения молока, мяса и шерсти разводили коз³². Нагайбаки, если и держали свиней, то в небольшом количестве. Несмотря на христианизацию, свинина не вошла в обрядовую кухню, и традиция эта сохраняется по настоящее время. По свидетельству современников из числа старшего поколения, свиньи в хозяйствах нагайбаков в большом количестве начали появляться только в 1940–1950-е гг. Их откармливали в основном на продажу³³.

В соответствии с поволжско-татарской традицией, повсеместной отраслью хозяйства было птицеводство. Почти каждая семья держала кур, гусей, уток и индеек³⁴. Птицу выращивали для себя и на продажу. У нагайбаков существует обычай, восходящий к общетатарским, – «гусиная помощь». В ноябре несколько

²⁸ Бектеева 1902, 167.

²⁹ Халиков 1995, 115.

³⁰ Халиков 1995, 126.

³¹ ПМА 1998, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, с. Париж.

³² Черемшанский 1859, 366.

³³ ПМА 1998, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

³⁴ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 54 об.

родственных семей объединяются для массовой заготовки тушек птицы на зиму. Мужчины во дворе производят забой гусей, а женщины осуществляют их ошипывание. После окончания работы следовал коллективный ужин³⁵.

Животноводство нагайбаков на рубеже XIX–XX вв. являлось развитым пастбищно-стойловым с элементами кочевого. Свидетельством частичной регенерации кочевых традиций стало увеличение поголовья лошадей и овец, появление обычая отдавать скот на срок с весны до осени в стада казахов. Молодняк и непродуктивный скот содержались кочевниками по договору круглый год. Особое внимание к лошадям у нагайбаков отмечалось многими наблюдателями. В зажиточных хозяйствах скот был породистый и всегда ухоженный. Подобное отношение к животным, и особенно к лошадям, связано с глубокими кочевническо-скотоводческими традициями. Скотоводческое хозяйство нагайбаков имело сходства и отличия с русскими и казахами. Как и русское, оно было пастбищно-стойловым, с большим удельным весом крупного рогатого скота. Но, в отличие от русских, нагайбаки держали больше лошадей и овец, выгоняя их под присмотром казахов на их летние пастбища. И наоборот, сближаясь с казахами по составу стада и способам его выпаса, они в то же время сохраняли оседлоземледельческий образ жизни.

ТРАНСФОРМАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Становление хозяйственного комплекса нагайбаков в этот период проходило в обстановке кардинально меняющейся политической и экономической ситуации. Промышленное и сельскохозяйственное освоение Южного Зауралья привело к изменениям в хозяйственном укладе населения региона. Хозяйственная система нагайбаков, сложившая к началу XX в. как пашенное земледелие с развитым пастбищно-стойловым животноводством, продолжила свое развитие до конца XX столетия в том же русле, но с особенностями социалистической системы хозяйствования и реформ 1990-х гг. Во второй половине 1920-х гг. Нагайбакский район вошел в зону освоения целинных земель, что привело к образованию около двух десятков хозяйств преимущественно зернового направления. Начиная с 1930-х гг. в Нагайбакском районе проходит массовая коллективизация, в ходе реализации которой были образованы большие зерново-мясо-молочные хозяйства. Крупные хозяйства образовали пять нагайбакский поселений: Кассель – колхоз «Красный Октябрь», Остроленка – колхозы «12 лет Октября», «Красноармеец» и «Имени Молотова», Париж – колхозы «Имени И.Д. Кабакова», «Имени В.И. Ленина» и «Имени В.М. Молотова», Требия – колхоз «Гумбейка» и Астафьевка – колхоз «Яна Юл» (Новый Путь). Другая группа поселков, подвергшаяся коллективизации, была с преимущественно русским населением: Арси – колхоз «Прогресс», Куликовка – колхоз «1 Мая», Александр-Невский – колхоз «Большевикский сев», Куропаткинский – колхоз «Красный партизан». Третья по численности этническая группа в Нагайбакском районе, казахи, также создала собственные хозяйства на базе аулов: Арсламбаевского – колхоз «Кызыл казах» (Красный казах), Копаловского – колхоз

³⁵ ПМА 1998. ЧО, Нагайбакский р-н, с. Париж.

«Имени Т. Рыскулова» и Кужебаевского – колхоз «Яна Тормыш» (Новая жизнь). В послевоенное время все они были реорганизованы в совхозы, а с 1990-х гг. – в товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО). Русские и нагайбакские хозяйства имели зерново-мясо-молочное направления с большой долей животно-водческого сектора. Казахские колхозы и совхозы – преимущественно животно-водческие. Промышленная революция и модернизация сельского хозяйства в этих условиях существенным образом не изменили традиционного хозяйственно-культурного типа нагайбаков, базирующегося на пашенном земледелии с большим животно-водческим сектором.

В конце XX – начале XXI в. в связи с резко изменившейся экономической ситуацией в стране у нагайбаков и их соседей изменились профессиональные приоритеты. Во-первых, в хозяйствах населения изменилось соотношение земледельческого и животно-водческого секторов в пользу последнего, как более продуктивного в современных экономических условиях. Во-вторых, среди животно-водческих хозяйств решительно преобладали мелкие частные, развивающиеся на приусадебных участках. В-третьих, возросло число людей, занятых в секторе мелкого и среднего бизнеса, а также наемном труде. Заметную долю составляют работники бюджетной сферы и служащие разных категорий.

Товарное земледелие, зародившееся у нагайбаков на рубеже XIX–XX вв. в условиях капиталистического хозяйства, получило развитие в советский период в виде колхозной кооперации и совхозов. Стабильность этой отрасли обеспечивала государственная поддержка. С уходом в 1990-х гг. государства из земледельческого сектора резко снизилась его эффективность. В условиях Южного Зауралья (по климатическим условиям – зоны рискованного земледелия) без государственной поддержки более эффективным оказалось скотоводство. Тысячелетние традиции круглогодичного выпаса при низком уровне снежного покрова зимой в данном регионе оказались рентабельнее земледелия.

В конце XX – начале XXI в. земледелие, хотя и не уменьшилось по площади посевов, но значительно уступает по объемам производства показателям в животно-водческом секторе. Особенно большой удельный вес в животно-водческом хозяйстве приходится на долю частных приусадебных хозяйств. Именно пастбищно-стойловое животноводство мелких частных хозяйств в настоящий момент является наиболее прибыльным и распространенным видом хозяйственной деятельности у нагайбаков и остальных жителей района.

Нагайбаки, вместе с ближайшими соседями – русскими и казахами за весь период их совместного проживания выработали хозяйственный комплекс, максимально приспособленный к условиям степного Зауралья. Этот комплекс, характерный для оседлых пашенных земледельцев степной и лесостепной части Евразии, сформировался с довольно развитым животно-водческим сектором с большим удельным весом крупного и мелкого рогатого скота.

Освоив экологическую нишу, в которой на протяжении нескольких тысячелетий множество народов эффективно занималось экстенсивным кочевым скотоводством, единственно возможным здесь, земледельцы-нагайбаки адаптировали свой хозяйственно-культурный тип к местным условиям, увеличив скотоводческий сектор и приблизив его к традициям номадов.

Возникновение нагайбаков, как новой идентичности, связано с политикой государства в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине XVI – XVIII в. Главные этнические маркеры нагайбаков – конфессиональная и сословная принадлежности, сложившиеся к середине XVIII в., во второй половине XIX – начале XX в. усилились трансформациями в хозяйственно-культурном типе. Столь масштабные изменения за такой короткий период нередко приводят к смене этнической идентичности³⁶. Хозяйственно-культурный комплекс нагайбаков, возникший на стыке традиций оседлоземледельческих культур Восточной Европы и кочевническо-скотоводческих народов степной части Евразии, сложился в оригинальную систему, в одинаковой степени сближающей и отличающей ее от русской и казахской. Это обстоятельство, кроме прочих, позволило нагайбакам – бывшему сословию в составе крещеных татар – избежать ассимиляции и выработать собственное этническое самосознание.

Приложение

Таблица 1

Численность (человек) нагайбаков Верхнеуральского уезда и их ближайших соседей – русских и казахов во второй половине XIX в.

Русские ³⁷	Нагайбаки ³⁸	Казахи ³⁹
1972	6606	365

Таблица 2

Численность (человек) русских, нагайбаков и казахов
Нагайбакского района в 1926 г.⁴⁰

Русские	Нагайбаки	Казахи
8031	7722	1554

Таблица 3

Численность (человек) русских, нагайбаков и казахов
Нагайбакского района в 2010 г.⁴¹

Русские	Нагайбаки	Казахи
9432	6127	2839

³⁶ Naaland 1969, 71–73.

³⁷ В 1866 г. в поселках Арсинском и Куликовском.

³⁸ В 1897 г. в Верхнеуральском уезде.

³⁹ В 1897 г. в Верхнеуральском уезде.

⁴⁰ Атнагулов 2018, 318–319.

⁴¹ Атнагулов 2018, 324–325.

Таблица 4

Численность (человек) трех наиболее многочисленных народов Нагайбакского района по населенным пунктам в 2010 г.⁴²

Населенные пункты	Всего	Казахи	Нагайбаки	Русские	Другие
Александро-Невский, п.	179	33	3	119	24
Арсламбаевский, п.	296	270	–	4	22
Арсинский, п.	1068	112	7	910	39
Астафьевский п.	253	32	172	39	10
Балканы, п.	507	133	52	170	152
Березовая Роща, п.	206	30	16	134	26
Гумбейский, п.	632	51	41	476	64
Заречный, п.	145	48	х	72	23
Знаменка, п.	324	73	8	193	50
Калининский, п.	184	56	3	103	22
Кассельский, п.	998	47	746	161	44
Копаловский, п.	82	80	2	–	–
Крупское, с.	242	70	11	115	46
Кужебаевский, п.	240	40	117	34	49
Куликовский, п.	309	36	3	237	33
Курганный, п.	302	83	27	155	37
Куропаткинский, п.	362	120	34	185	23
Лебединое, с.	286	63	23	142	58
Лесные Поляны, п.	130	6	7	103	14
Набережный, п.	91	44	–	35	12
Нагайбакский, п.	818	140	45	565	68
Новочерниговский, п.	183	64	9	48	62
Остроленский, п.	2021	29	1422	461	109
Париж, с.	1712	24	1336	250	102
Переселенческий, п.	307	50	21	202	34
Петровский, п.	333	109	44	133	47
Подгорный, п.	189	105	57	16	11
Придорожный, п.	325	125	66	99	35
Рассвет, п.	159	91	7	45	16
Северный, п.	812	39	25	559	189
Совхозный, п.	194	99	7	72	16
Слюда, д.	223	85	21	87	30
Требиатский, п.	226	27	129	27	43

⁴² Атнагулов 2018, 324-325.

Фершампенуаз, с.	4368	294	1398	2141	535
Чернореченский, п.	222	71	76	65	10
Южный, пгт	1995	60	190	1273	472
Ягодная, д.	4	–	–	2	2
Всего	20927	2839	6127	9432	2529

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2018: *Этническая история нагайбаков в XVIII – XXI веках: становление и трансформация идентичностей*. Челябинск.
- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Воробьев, Н.И. 1930: *Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования)*. Казань.
- Зверинский, В. 1871: *Списки населенных мест Российской империи*. Т. XVIII. Оренбургская губерния. *Список населенных мест по сведениям 1866 года*. СПб.
- Плешков, А.М. 1928: *Список населенных пунктов Уральской области*. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск.
- Халиков, Н.А. 1981: *Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX вв.: историко-этнографическое исследование*. М.
- Халиков, Н.А. 1995: *Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.)*. Казань.
- Черемшанский, В.М. 1859: *Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях*. Уфа.
- Чернышев, А.И. 1843: *Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопашотных солдат и солдатских малолетков*. СПб.
- Haaland, G. 1969: *Economic Determinants in Ethnic Processes*. Oslo.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2018: *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – XX vekakh: stanovleniye i transformatsiya identichnostey* [Ethnic history of nagaybaks in the 18th–21st centuries: formation and transformation of identities]. Chelyabinsk.
- Bekteyeva, E.A. 1902: Nagaybaki. (Kreshchyenye tatory Orenburgskoy gubernii) [Nagaybaks. (Baptized Tatars of Orenburg province)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity] II, 165–181.
- Cheremshanskiy, V.M. 1859: *Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskoy, etnograficheskoy i promyshlennoy otnosheniyakh* [Description of the Orenburg province in economic, statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa.
- Chernyshyev, A.I. 1843: *Pravila o pereselenii na zemli Orenburgskogo kazachyego voyska kazakov uprasdnyennogo Stavropol'skogo kalmytskogo voyska, belopakhotnykh soldat i soldatskikh maloletkov* [Rules on relocation of Cossacks of the abolished Stavropol Kalmyk army, white-ploughed soldiers and young soldiers to the lands of the Orenburg Cossack army]. Saint Petersburg.
- Haaland, G. 1969: *Economic Determinants in Ethnic Processes*. Oslo.
- Khalikov, N.A. 1981: *Zemledeliye tatar Srednego Povolzhya i Priuralya XIX – nachala XX vv.: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye* [Agriculture of the Tatars of the Middle Volga region and the Urals of the 19th early 20th centuries: historical and ethnographic research]. Moscow.

- Khalikov, N.A. 1995: *Khozyaystvo tatar Povolzhya i Urala (seredina XIX – nachalo XX v.)* [*Economy of the Volga and Ural Tatars (mid-19th –early 20th century.)*]. Kazan.
- Pleshkov, A.M. 1928: *Spisok naselyennykh punktov Ural'skoy oblasti. T. XIII. Troitskiy okrug* [*List of localities in the Ural region. Vol. XIII. Troitsky district*]. Sverdlovsk.
- Vorobyev, N.I. 1930: *Material'naya kul'tura kazanskikh tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniya)* [*Material culture of the Kazan Tatars (the experience of ethnographic research)*]. Kazan.
- Zverinskiy, V. 1871: *Spiski naselyennykh mest Rossiyskoy imperii. T. XVIII. Orenburgskaya guberniya. Spisok naselyennykh mest po svedeniyam 1866 goda* [*Lists of inhabited places of the Russian Empire. Vol. XVIII. Orenburg province. List of localities in 1866*]. Saint Petersburg.

BETWEEN RUSSIAN AND KAZAKHS:
EVOLUTION OF THE ECONOMIC AND
CULTURAL TYPE OF NAGAIBAKS
(ON THE ISSUE OF THE GENESIS OF IDENTITY)

Irek R. Atnagulov

*Institute of History and Archeology of the Ural branch of the Russian Academy of
Sciences, Ekaterinburg, Russia
i.atnagulov@mail.ru*

Abstract. The ethnic history of Russia, starting from the second half of the 16th century, is accompanied by the emergence of many new identities. Their genesis is connected with the inclusion of a number of non-Slavic (Turkic, Finno-Ugric and other) peoples of the Volga region, the Urals and Siberia, internal migrations and state policy on administrative, military, social and economic development of the annexed territories. One of these new identities was the nagaibaks. This group, which emerged as a class of Cossacks among the baptized Tatars of the Ufa province, has developed an ethnic self-consciousness over about 150 years of its development. This was facilitated by a number of factors that separated them from their ethnic ancestors – the Kazan Tatars. The main ones were religious and class affiliation, change of ethnic territory, geographical isolation from the Tatars, and new ethnic neighbors. In 1843, the nagaibaks were relocated from Western Bashkiria to the Southern Trans-Urals. Adaptation in the arid steppe, contacts with nomads-Kazakhs led to changes in the economic and cultural type of nagaibaks in the direction of increasing the livestock sector. On the other hand, contacts with Russian Cossacks influenced the further development of agriculture. As a result of all this, they have gained a new ethno-cultural image. The nagaibaks economic and cultural complex, which arose at the junction of the traditions of the settled agricultural cultures of Eastern Europe and the nomadic and pastoral steppe of Eurasia, has developed into an original system, which is equally similar and distinguishes it from the Russian and Kazakh. This circumstance, among other things, allowed the nagaibaks, a former class of baptized Tatars, to avoid assimilation and develop their own ethnic identity.

Keywords: ethnic history, the Turks, the Slavs, a new identity, Nagaibaks, Russians, Kazakhs, ethnic contacts, economy

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века. Екатеринбург
БИ – Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
БФ – Боспорский феномен В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), «Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Санкт-Петербург». Ч. 2. Санкт-Петербург, 2018
Гуннский форум – С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Е. Любчанский (ред.), Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации евразийских гуннов. Челябинск, 2013
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ГАОО – Государственный архив Оренбургской губернии
ДБ – Древности Боспора. Москва
ИАК – История и археология Крыма. Симферополь
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИАК – Материалы по археологии и истории Кубани. Краснодар
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск–Москва–Новосибирск
РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РА – Российская археология. Москва
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд Сарматские культуры Евразии Б.А. Раев (ред.), Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
САИ – Свод археологических исследований. Москва
СА – Советская археология. Москва
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ХСб – ХСб
Archäologie zwischen Römern und Barbaren – H.-U. Voß/N. Müller-Schneefel (Hrsg.), Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 2016
BAR – British Archaeological Reports
BJb – Bonner Jahrbücher
CIG – Corpus inscriptionum graecarum. 4 vols. Berlin, 1828–1877
CIRB – Corpus inscriptionum regni Bosporani. Moscow
DFG – Deutsche Forschungsgemeinschaft
Das germanische Königsgrab aus Mušov – J. Peska, J. Tejral (Hrsg.) Das germanische Königsgrab aus Mušov in Mähren (RGZM Monographien 55). Mainz, 2002
EM 1 – Πιζακης Θ., Τουρατσόγλου Γ. Επиграφες από Μακεδονίας. Τόμος Α. Αθήνα, 1985
I.Olbia – Inscriptiones Olbiae = Книпович Т.Н., Леви Е.И. Надписи Ольвии (1917–1965) [Knipovich, T. N., Levi E.I. Inscriptiones Olbiae (1917–1965)]. Ленинград (Leningrad (Saint Petersburg)), 1968
ID – Inscriptions de Délos. 7 vols. Paris 1926–1972
IGBulg – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. G. Mihailov (ed). 5 vols. Sofia 1958–1970, 1997
IG – Inscriptiones Graecae. Berlin.

-
- IKibyra-Olbasa— An epigraphic survey in the Kibyra-Olbasa region. N.P. Milner (ed.), *Regional epigraphic catalog of Asia Minor III*. BIAAM. Hertford, 1998
- IOSPE I2 — *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. In 3 vols. St. Petersburg, 1885–1901; Vol. 1, 2nd edn., *Inscriptiones Tyriae, Olbiae, Chersonesi Tauricae*. Saint Petersburg 1916
- JbRGZM — *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*
- Roman imports— Raev, B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR IS 278). Oxford, 1986
 Imports B.A. Raev, *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 1986
- JHS — *The Journal of Hellenic Studies*
- JGS — *Journal of Glass Studies*
- MAMA 5 — *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Vol. 5 / Ch. W. M. Cox, A. Cameron (eds.), *Monuments from Dorylaeum et Nacolea*. Manchester, 1937
- SEG — *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden – Amsterdam
- SNG ANS — *Sylloge Nummorum Graecorum*. The Collection of the American Numismatic 5. New York, 1988
- SNG Cop. — *Sylloge Nummorum Graecorum*. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum 42. Copenhagen, 1969

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии.....	5
<i>Завойкина Н.В.</i> (Москва) – Из эпиграфики Фанагории.....	61
<i>Преснова Н.Н.</i> (Москва) – К вопросу о развитии Танаиса в постполемоновское время.....	71
<i>Берлизов А.Н.</i> (Москва) – Инновационные методы в изучении погребальных памятников Азиатского Боспора.....	83
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Земледельческая символика в пантикапейской чеканке.....	97
<i>Шабанов С.Б.</i> (Симферополь) – Стекланные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.).....	110
<i>Кареев Д.В.</i> (Иваново) – Римско-персидские войны в интерпретации «малых» римских историков IV века	135
<i>Король Г.Г.</i> (Москва) – Новые находки блях в виде всадников «тюркской» традиции (раннесредневековая металлическая пластика Центральной Азии)	151
<i>Требелева Г.В.</i> (Москва), <i>Хондзия З.Г.</i> (Сухум) – Воинские захоронения Цебельдинского периода в селе Куланырхуа	168
<i>Смирнова Л.О.</i> (Санкт-Петербург) – Датировка Чор-Минор в Бухаре, Узбекистан.....	176

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Черненко В.Г., Ильяшенко С.М.</i> (Москва) – Золотой перстень с изображением Афины из Танаиса	190
<i>Кулаков В.И.</i> (Москва) – Находка складного серпа салтовского типа на Самбии	197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) – Критический обзор отечественной эпиграфической хроники 2018 г. (30 декабря 2019).....	207
<i>Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь) – Великата България на Волга през Средните Векове. София: Просвета, 2019. – 160 с.	225

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

<i>Атнагулов И.Р.</i> (Екатеринбург) – Между русскими и казахами – эволюция хозяйственно-культурного типа нагайбаков (к вопросу о генезисе идентичности).....	228

CONTENTS

<i>M. Yu. Treister</i> (Berlin) – Roman Bronze Casseroles from the Burials of Nomads of Asian Sarmatia.....	5
<i>N. V. Zavoykina</i> (Moscow) – From the Epigraphy of Fanagoria	61
<i>N. N. Presnova</i> (Moscow) – To the Question of the Development of Tanais in Post-Polemo Period	71
<i>A. N. Berlizov</i> (Moscow) – Innovative Methods in Studying of the Burial Monuments of Asian Bosphorus	83
<i>A. E. Tereshchenko</i> (Saint-Petersburg) – Agrarian Symbols in the Coinage of Panticapaeum	97
<i>S. B. Shabanov</i> (Simferopol) – Glass Vessels from the Roman Period in Opushki Necropolis, the Crimea (Excavations in 2003–2019)	110
<i>D. V. Kareev</i> (Ivanovo) – Roman-Persian Wars in the Interpretation of “Small” Roman Historians of the 4 th Century AD	135
<i>G. G. Korol</i> (Moscow) – New Finds of Plaques Shaped as Riders of the “Turkic” Tradition (Early Medieval Metalworking Art of Central	151
<i>G. V. Trebeleva</i> (Moscow), <i>Z. G. Khondzia</i> (Sukhum) – The Tsebelda Period Warriors’ Graves in the Village of Kulanyrkhua, Abkhazia.....	168
<i>L. O. Smirnova</i> (Saint-Petersburg) – Dating of Chor Minor in Bukhara, Uzbekistan.....	176

PUBLICATION

<i>V. G. Chernenko, S. M. Ilyashenko</i> (Moscow) – Cold Ring With the Image of Athena from Tanais	190
<i>V. I. Kulakov</i> (Moscow) – Find of Folding Sickles Saltov Type in Smbia.....	197

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V. P. Yailenko</i> (Moscow) – A Critical Review of the Russian Epigraphical Chronicle 2018..	207
<i>Yu. M. Mogarychev</i> (Simpheropol) – Review on: Georgy Vladimirov. Great Bulgaria on the Volga River in the Middle Ages. Sofia: Prosveta, 2019. – 160 p.	225

Round Table “Current Research in Ethnoarchaeology and Historical Ethnology”

<i>I. R. Atmagulov</i> (Yekaterinburg) – Between Russian and Kazakhs: Evolution of the Economic and Cultural Type of Nagaibaks (on the Issue of the Genesis of Identity)	228

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в **References** указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2020

Сдано в набор 27.05.2020. Подписано в печать 23.06.2020.

Дата выхода 23.06.2020.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.